

СОКРОВИЩА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

КНИГА
ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ
НОЧИ

6

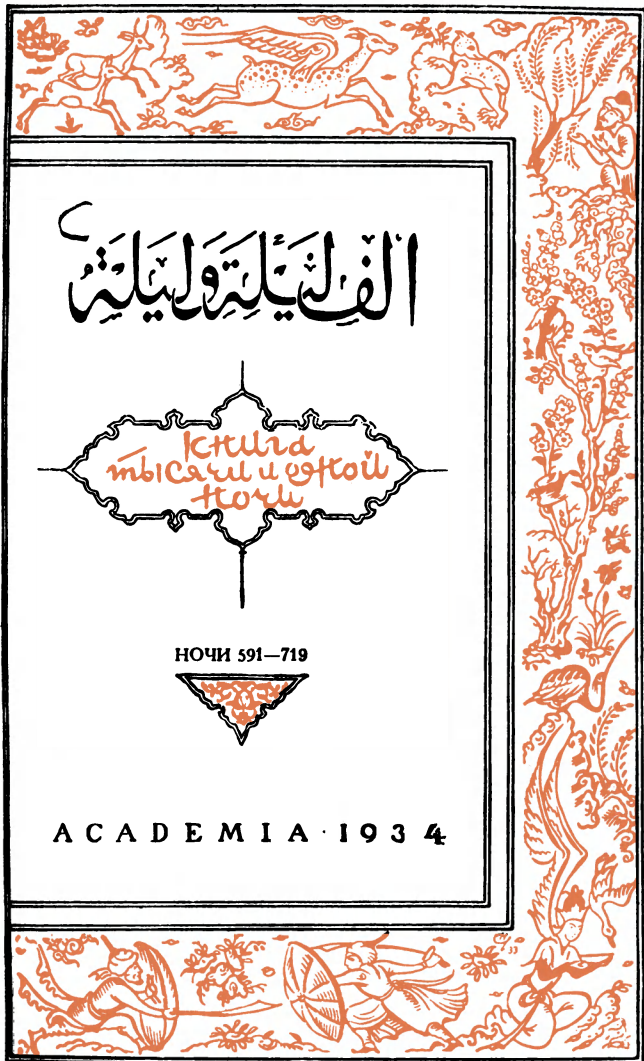
А С А Д Е М И А · 1934

الفَلَيْلَةُ وَلَيْلَتُهُ

Книга
мисарул и оғрой
торли

НОЧИ 591—719

ACADEMIA · 1934

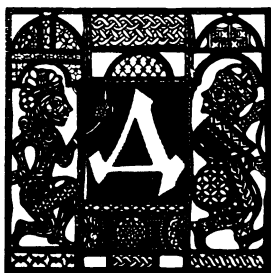
**ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ
М. А. САЛЬЕ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАД. И. Ю. КРАЧКОВСКОГО**

**ИЛЛЮСТРАЦИИ, РИСУНКИ
СУПЕРОБЛОЖКИ И ПЕРЕ-
ПЛЕТА РАБОТЫ ХУДОЖ-
НИКА П. А. УШИНА**

КНИГА
ТЫСЯЧИ
И ОДНОЙ
НОЧИ

ОШЛО до меня, о счастливый царь, что был один купец очень ревнивый, и была у него жена — красивая и прелестная. И от великого страха за нее и ревности он не жил с нею в городах, а построил ей за городом дворец, стоявший вдали от строений, и

возвысил его постройки и укрепил его колонны и сделал неприступными его ворота, снабдив их крепкими замками; и когда он хотел уйти, он запирали ворота и брал ключи и вешал их на шею.

И в какой-то день он был в городе, и сын царя этого города вышел прогуляться и пройтись и увидел это пустынное место. И он долго всматривался, и перед его глазами блеснул этот дворец, и царевич увидел в нем роскошно одетую женщину, которая выглянула из какого-то окна.

И когда юноша увидел ее, он смутился из-за ее красоты и прелести и пожелал к ней проникнуть, но это было ему невозможно. И он призвал слугу из своих слуг, и тот принес ему чернильницу и бумагу, и царевич исписал ее, говоря о своем состоянии и любви, и, прикрепив бумагу к зубцам стрелы, метнул стрелу во дворец. И стрела упала перед женщиной, когда та ходила по саду, и она сказала одной из своих невольниц: — беги скорей за этой бумажкой и подай ее мне! — А она умела читать по писаному и, прочитав бумажку, поняла, что говорил ей царевич о поразившей его любви, тоске и страсти, и написала ответ на его записку, говоря, что к ней в сердце запала еще большая любовь, чем любовь юноши. А затем она высунулась из окна дворца и увидела царевича и бросила ему ответ, и ее тоска по нему усилилась, и царевич, увидав ее, подошел под окна дворца и сказал: — брось мне нитку, я привяжу к ней этот ключ, а ты возьмишь его к себе. — И женщина бросила царевичу нитку, и он привязал к ней ключ, а потом ушел к своим везирям и пожаловался им, что любит эту женщину и не имеет силы терпеть без нее. — А какой же план ты прикажешь мне выполнить? — спросил один из везирей, и царевич сказал ему: — я хочу, чтобы ты положил меня в сундук и поставил его во дворе того купца. Сделай вид, что этот сундук — твой, и я достигну того, что хочу от этой женщины, и пробуду у нее несколько дней, а затем ты потребуешь сундук обратно. — И везирь отвечал: — с любовью и удовольствием! — а царевич пошел в свое жилище и лег в сундук, который был у

него, и везирь запер сундук и принес его во дворец купца. А купец, представ перед везирем, поцеловал ему руки и сказал: — может быть, у нашего владыки везиря есть служба или пужда, которую мы будем счастливы исполнить? — Я хочу от тебя, — сказал везирь, — чтобы ты поставил этот сундук в самое дорогое для тебя место. — И купец сказал носильщикам: — несите его! — и сундук понесли, а купец внес его во дворец и поставил в одну из своих кладовых. А затем, после этого, он вышел по какому-то делу, и та женщина подошла к сундуку и открыла его бывшим у нее ключом, и из сундука вышел юноша, подобный месяцу, и увидав его, женщина надела свои лучшие одежды и повела его в комнату для гостей, и они просидели за едой и питьем семь дней, и всякий раз, как являлся ее муж, она клала царевича в сундук и запирала его. Но когда наступил какой-то день, царь спросил про своего сына, и везирь поспешно пошел в дом купца и потребовал у него сундук... и Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ПЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ВТОРАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что, когда везирь явился в жилище купца потребовать сундук, купец поспешно вернулся против обыкновения к себе во дворец и постучал в дверь, и женщина услышала его и, взяв царевича, положила его в сундук, но, растерявшись, забыла его запереть. И когда купец пришел к себе домой вместе с носильщиками, те подняли сундук за крышку, и он раскрылся, и в

него заглянули, и вдруг увидели, что там лежит сын царя. И когда купец увидел и узнал его, он вышел к везирю и сказал: — выходи и возьми царевича, никто из нас не может его схватить. — И везирь вошел и взял его, и потом все ушли, и когда они ушли, купец развелся с той женщиной и дал себе клятву, что никогда не женится.

ОШЛО до меня также, о счастливый царь, что один человек из людей образованных пришел на рынок и увидел слугу, которого выкликали для продажи. Он купил его и привел в свое жилище и сказал своей жене: — заботься о нем, — и слуга провел у него некоторое время. И в какой-то день этот человек сказал своей жене: — выйди завтра в сад пройтись, прогуляться и развлечься, — и женщина ответила: — с любовью и удовольствием! — и когда слуга услышал это, он взял кушаний и приготовил их в течение этой ночи, а также приготовил напитки, закуски и плоды, а затем он вышел в сад и положил кушанья под одно дерево и напитки под другое дерево, и плоды и закуски он тоже положил под дерево, на пути жены его господина. А когда наступило утро, тот приказал слуге отправиться со своей госпожей в сад

и приказал им взять с собой то, что им было нужно из еды, питья и плодов, и женщина вышла и села на коня, и слуга ехал с нею, пока они не достигли того сада. И когда они вошли туда, закаркал ворон, и слуга воскликнул: — ты сказал правду! — и его госпожа спросила: — разве ты понял, что сказал ворон? — Да, о госпожа, — ответил он, и его госпожа спросила: — что же он говорит? — О госпожа, — отвечал слуга, — он говорит: — под этим деревом стоит кушанье, приходите его поесть! — Я вижу, ты знаешь язык птиц, — сказала его госпожа, и слуга ответил: — да. — А его госпожа подошла к тому дереву и увидела приготовленное кушанье, и когда они его поели, она до крайности изумилась и подумала, что слуга знает птичий язык. И поев этого кушанья, они стали гулять по саду, и закаркал ворон, и слуга сказал ему: — ты сказал правду! — Что он говорит? — спросила госпожа слугу, и тот ответил: — о госпожа, он говорит: под таким-то деревом кувшин с водой, надушенной мускусом, и старое вино. — И женщина пошла с ним и нашла все это, и удивление ее увеличилось, и слуга сделался великим в ее глазах. И они сидели со слугою и пили, а когда напились, стали ходить по саду, и закаркал ворон, и слуга молвил: — ты сказал правду! — Что говорит этот ворон? — спросила госпожа слугу, и тот ответил: — он говорит: — под таким-то деревом плоды и закуски. И они пошли к дереву и нашли все это и поели плодов и закусок, а затем они стали ходить по саду, и ворон закаркал, и слуга взял камень и бросил им в ворона. — Почему ты его бьешь,

и что он сказал? — спросила госпожа, и слуга ответил: — о госпожа, он говорит слова, которых я не могу тебе сказать. — Говори и не стыдись меня: между мною и тобою не стоит ничего, — ответила ему госпожа, и слуга стал говорить: — нет! — а она говорила: — скажи! — и заклинала его, и наконец он сказал: — ворон говорит мне: сделай с твоей госпожей то, что с нею делает ее муж. — И услышав эти слова, госпожа его засмеялась так, что упала навзничь, и затем она воскликнула: — дело нетрудное, и я не могу прекословить тебе в этом! — И она подошла к дереву и разостлала под ним ковер и позвала слугу, чтобы он удовлетворил с нею нужду, и вдруг оказался сзади него его господин, который смотрел на него, и он позвал его и сказал: — эй, мальчик, что это с твоей госпожей, что она тут лежит и плачет? — О господин, — отвечал слуга, — она упала с дерева и умерла и не вернул ее тебе никто, кроме Аллаха (слава ему и величие!). И она прилегла здесь на минуту, чтобы отдохнуть. — И когда женщина увидела рядом с собой своего мужа, она поднялась, притворяясь больной и жалуясь на боль и восклицая: — ах, спина! Ах, бок! Пойдите сюда, о любимые, мне больше не жить! — и ее муж растерялся и позвал слугу и сказал ему: — дай твоей госпоже коня и подсади ее! — И когда она села, ее муж взялся за одно стремя, а слуга за другое стремя, и муж говорил ей: — Аллах да вылечит тебя и да исцелит!

Вот, о царь, одна из хитростей мужчин и их козней; пусть же не отвратят тебя твои везири от того, чтобы меня поддержать и взять

за меня должное! — И невольница заплакала, и когда царь увидел, что она плачет (а она была ему дороже всех невольниц), он велел убить своего сына, и вошел к нему шестой везирь и поцеловал землю меж его руками и сказал: — да возвеличит царя Аллах великий! Я тебе предан и советую тебе, чтобы ты повременил в деле твоего сына... и Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ПЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЯ ПОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что шестой везирь сказал царю: — о царь, повремени в деле твоего сына — поистине ложь подобна дыму, а истина стоит на крепких столбах. Свет истины прогоняет мрак лжи, и знай, что козни женщин велики. Ведь сказал великий Аллах в своей славной книге: — поистине, козни ваши велики! — Дошел до меня рассказ о женщине, сделавшей с вельможами царства хитрость, подобной которой раньше ее не делал совсем никто. — А как это было? — спросил царь, и везирь сказал:

ОШЛО до меня, о царь, что у одной женщины из дочерей купцов был муж, который часто путешествовал, и однажды ее муж уехал в далекую страну, и продлилось его путешествие; и стало это женщине невмоготу, и она полюбила прекрасного юношу из детей купцов, и женщина любила его, и он любил ее великою любовью. И в какой-то день этот юноша поспорил с одним человеком, и тот пожаловался на него вали этого города, и вали посадил юношу в тюрьму, и дошло известие об этом до жены купца, его возлюбленной, и разум ее из-за него улетел, и она поднялась и надела свои роскошнейшие одежды и пошла к жилищу вали и приветствовала его и подала ему бумажку, в которой писала: — тот, кого ты посадил в тюрьму и заточил — мой брат, такой-то, поспоривший с тем-то, и люди, которые свидетельствовали против него, свиде-

тельствовали ложно. Он посажен в твою тюрьму несправедливо, и у меня нет никого, кто бы ко мне приходил и заботился о моем положении, кроме него, и я прошу от милости нашего владыки, чтобы он выпустил его из тюрьмы. — И когда вали прочитал эту бумажку, он посмотрел на женщину и полюбил ее и сказал: — войди в дом, и я велю привести его к себе, а затем пошлю его к тебе, и ты возьмешь его. — О владыка, — отвечала женщина, — у меня нет никого, кроме Аллаха великого, и я — чужеземка и не могу входить ни в чей дом. — Я не отпущу его, пока ты не войдешь в дом и я не удовлетворю с тобой нужду, — сказал вали, и женщина ответила: — если ты этого хочешь, то ты непременно должен прийти ко мне в мое жилище и посидеть и поспать и отдохнуть целый день. — А где твой дом? — спросил ее вали, и она ответила: — в таком-то месте. — И затем она вышла от него (а сердце вали стало занято ею) и, выйдя, вошла к кади города и сказала ему: — о господин наш кади! — Да, — сказал кади, и женщина молвила: — рассмотри мое дело, и награда тебе будет у Аллаха великого! — Кто тебя обидел? — спросил кади, и женщина ответила: — о господин, у меня есть брат, кроме которого у меня нет никого, и это заставило меня к тебе войти, так как вали посадил его в тюрьму и против него ложно засвидетельствовали, что он — обидчик. Я прошу тебя, чтобы ты походатайствовал за него у вали. — И кади взглянул на женщину и полюбил ее и сказал: — войди в дом, к невольникам, и отдохни у нас немного, а мы пошлем к вали, чтобы он выпустил твоего брата, и если бы мы

знали, сколько на нем лежит денег, мы бы дали их тебе от себя, чтобы удовлетворить нашу нужду, так как ты нам понравилась своими хорошими речами. — Если так делаешь ты, о наш владыка, то мы не будем порицать других, — молвила женщина, и кади воскликнул: — если ты не войдешь к нам в дом, уходи своей дорогой! — Если ты хочешь этого, о владыка наш, то у меня в моем доме это будет более скрыто и лучше, чем у тебя в доме, так как там есть невольницы и слуги и приходящие и уходящие; я — женщина, и ничего не знаю об этих делах, но необходимость заставляет. — А где твое жилище? — спросил кади, и женщина сказала: — в таком-то месте, — и условилась с ним на тот же день, на который она условилась с вали. И затем она пошла от кади в дом везиря и подала ему просьбу и пожаловалась на беду своего брата, которого заточил вали, и везирь стал ее соблазнять и сказал: — мы удовлетворим с тобою нужду и выпустим тебе твоего брата. — Если ты этого хочешь, то это будет у меня в моем жилище, — ответила женщина. — Оно лучше покроет меня и тебя, и мой дом недалеко, а ты знаешь, какая нам нужна чистота и убранство. — А где твое жилище? — спросил везирь, и женщина ответила: — в таком-то месте, — и условилась с ним на тот же самый день. а потом она пошла к царю того города и подала ему свою жалобу и попросила, чтобы выпустили ее брата. — А кто его заточил? — спросил царь, и женщина ответила: — его заточил вали, — и когда царь услышал ее слова, она поразила его стрелой любви в сердце, и он велел ей войти с ним во дворец

пока он пошлет к вали и освободит ее брата. — О царь, — сказала ему женщина, — это дело, будет для тебя не трудно, либо по моей воле, либо насильно, и если царь захотел от меня, этого, такова уже моя счастливая доля. Но если он придет в мое жилище, то почтит меня, перенеся туда свои благородные шаги, как сказал поэт:

Друзья мои, видели ли вы или слышали,
Чтоб тот посетил меня, чьи славны достоинства?

— Мы не будем перечить твоему приказу, — сказал царь, и женщина условилась с ним на тот же день, который назначила другим, и сказала ему, где ее жилище... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ПЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что женщина, согласившись на предложение царя, сказала ему, где ее жилище, и условилась с ним на тот же самый день, который назначила вали, кади и везирию, а затем она вышла от царя и пришла к одному столяру и сказала: — я хочу, чтобы ты сделал мне шкаф с четырьмя отделениями, одно над другим, и чтобы у каждого отделения была дверь, которая запирается. Скажи мне, какая за это плата, и я дам ее тебе. — Четыре динара, — отвечал столяр, — а если ты, о почтенная госпожа, пожелаешь мне сближение, то этого я и хочу от тебя и не возьму ничего. — Если уж это неизбежно, — сказала женщина, — то сделай мне пять отделе-

ний с замками. — С любовью и удовольствием, — ответил столяр, и женщина сговорилась с ним, что он принесет ей шкаф в тот самый день. — О госпожа, — сказал столяр, — посиди, и возьми свою вещь сейчас же, а я после этого приду, не торопясь. — И женщина просидела у столяра, пока тот сделал ей шкаф с пятью отделениями, и ушла в свое жилище и поставила шкаф в то место, где сидят гости, а затем она взяла четыре одежды и снесла их к красильщику, и тот выкрасил каждую одежду в особый цвет, отличающийся от цвета других одежд. А женщина принялась готовить еду и питье и цветы, плоды и благовония, и когда пришел день свидания, она надела самые лучшие свои одежды и нарядилась и надушилась, а затем она устлала комнату разными роскошными коврами и села поджидать, кто придет. И вдруг вошел к ней кади, прежде других, и, увидав его, женщина поднялась на ноги и поцеловала перед ним землю и взяла его и посадила на постель и легла с ним и стала с ним играть, и кади пожелал удовлетворить с ней нужду, и она сказала ему: — о господин, сними с себя одежду и тюрбан и надень эту желтую рубашку и покрой голову этим покрывалом, а мы принесем еду и питье, и потом ты исполнишь твою нужду. — И она взяла у кади одежду и тюрбан, и он надел рубашку и покрывало, и вдруг кто-то постучал в дверь. — Кто это стучит в дверь? — спросил кади, и женщина сказала: — это мой муж! — Что же делать, и куда я пойду? — воскликнул кади, и женщина молвила: — не бойся, я введу тебя в этот шкаф. — Делай, что тебе вздумалось, — сказал кади,

и женщина взяла его за руку и ввела его в нижнее отделение и заперла; а потом она вышла к воротам и открыла их, и оказалось, что это — вали. И увидав его, женщина поцеловала перед ним землю и взяла его за руку и посадила на ту же постель и сказала: — о господни, это место — твое место, и этот дом — твой дом, а я — твоя невольница и одна из твоих служанок. Остайся у меня на весь день, скинь то, что на тебе надето, и надень эту красную одежду: это — одежда сна. — И она повязала вали голову обрывком тряпки, бывшим у нее, и, взяв у него одежду, пришла к нему на постель и начала с ним играть, и он тоже стал играть с нею, а когда он протянул к женщине руку, она сказала: — о владыка наш, этот день — твой день, и никто его с тобой не разделит, но будь милостив и благодетелен и напиши мне бумажку, чтобы моего брата выпустили из тюрьмы, и тогда мое сердце успокоится. — Слушаю и повинуюсь, на голове и на глазах! — ответил вали и написал письмо своему казначею, в котором говорил: — в час прибытия этого письма к тебе ты выпустишь такого-то безотлагательно; не допускай небрежности и не возражай посетелю его ни одним словом. — И он запечатал письмо, и женщина взяла его и стала играть с вали на постели, и вдруг кто-то постучал в дверь. — Кто это? — спросил вали, и женщина ответила: — мой муж, — и вали воскликнул: — что мне делать? — Войди в этот шкаф, а я отправлю мужа и вернусь к тебе, — ответила женщина. И она взяла вали и ввела его во второе отделение и заперла его там, а кади, при всем этом, слышал их разговор. А потом жен-

щина вышла к воротам и открыла их, и оказалось, что это — везирь. И увидав его, женщина поцеловала землю между его руками и встретила его и поклонилась ему и сказала: — о господин мой, ты почтил нас, придя в наше жилище! Да не лишит нас Аллах твоего появления! — И она посадила его на постель и сказала: — сними с себя одежду и тюрбан и надень эту легкую рубашку, — и везирь снял с себя то, что на нем было, и женщина одела его в голубую рубашку и красный колпак и сказала: — о владыка, вот это — везирская одежда, оставь же ее, пока ей не придет время, а сейчас побудь в этой одежде для беседы, веселья и сна. — И когда везирь надел ее, женщина стала с ним играть на постели, и он тоже играл с нею и хотел исполнить нужду, но она не позволяла ему и говорила: — о господин, это от нас не уйдет! — И когда они разговаривали, вдруг кто-то постучал в дверь, и везирь спросил женщину: — кто это? — и она отвечала: — мой муж. — Что же придумать? — спросил везирь, — и женщина сказала: — вставай, войди в этот шкаф, а я отправлю моего мужа и вернусь к тебе. Не бойся! — И она ввела его в третье отделение шкафа и заперла там и, выйдя, открыла дверь, и оказалось, что это пришел царь. И увидав его, женщина поцеловала перед ним землю и, взяв его за руку, привела его на середину комнаты и посадила на постель и сказала: — ты почтил нас, о царь, и если бы мы предложили тебе весь мир и то, что в нем есть, это не стоило бы одного шага из твоих шагов к нам... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ПЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ПЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь вошел в дом женщины, она сказала ему: — если бы мы подарили тебе весь мир и то, что в нем есть, это бы не стоило одного шага из твоих шагов к нам. — И царь сел на постель, и женщина молвила: — дай мне позволение сказать тебе одно слово. — Говори, что желаешь, — ответил царь, и она сказала: — отдохни, о господин, и сними с себя одежду и тюрбан — (а одежда царя, бывшая на нем в этот час, стоила тысячу динаров), и когда царь снял с себя одежду, женщина одела его в рваную рубаху, ценой в десять дирхемов, не больше, и стала его развлекать и играть с ним, и при всем этом люди, которые были в шкафу, слышали, что происходит, но никто из них не мог заговорить. И когда царь протянул руку к шее женщины и хотел удовлетворить с нею нужду, она сказала ему: — это дело от нас не уйдет, и я еще раньше обещала услужить тебе в этом покое, и тебе будет от меня то, что тебя обрадует. — И когда они разговаривали, вдруг кто-то постучал в дверь, и царь воскликнул: — удали его от нас с его согласия, или я выйду к нему и удалю его насильно. — Этого не будет, о владыка, лучше потерпи, пока я удалю его своим хорошим умением, — сказала женщина, и царь молвил: — а мне что же делать? — И женщина взяла его за руку и ввела в четвертое отделение и заперла там, а затем она вышла к дверям и открыла их, и оказалось, что это — столяр. И

он вошел и приветствовал женщину, и та сказала ему: — что это за шкаф ты нам сделал? — А что с ним, о госпожа? — спросил он, и женщина сказала: — вот это отделение — узкое. — О госпожа, оно широкое, — ответил столяр, и женщина сказала: — войди и посмотри, ты в нем не поместишься. — В нем поместятся четверо, — сказал столяр, и затем он вошел в шкаф, и когда он вошел туда, женщина заперла его в пятом отделении и поднялась и, взяв бумажку вали, пошла с ней к казначею, и казначей взял бумажку и прочитал ее и поцеловал и выпустил из тюрьмы того человека, возлюбленного женщины. И она рассказала ему, что она сделала, и юноша спросил: — а что же нам делать? — Мы уйдем из этого города в другой город, — сказала женщина, — нам нельзя после такого дела здесь оставаться. — И они собрали то, что у них было, и погрузили на верблюдов и тотчас же уехали в другой город.

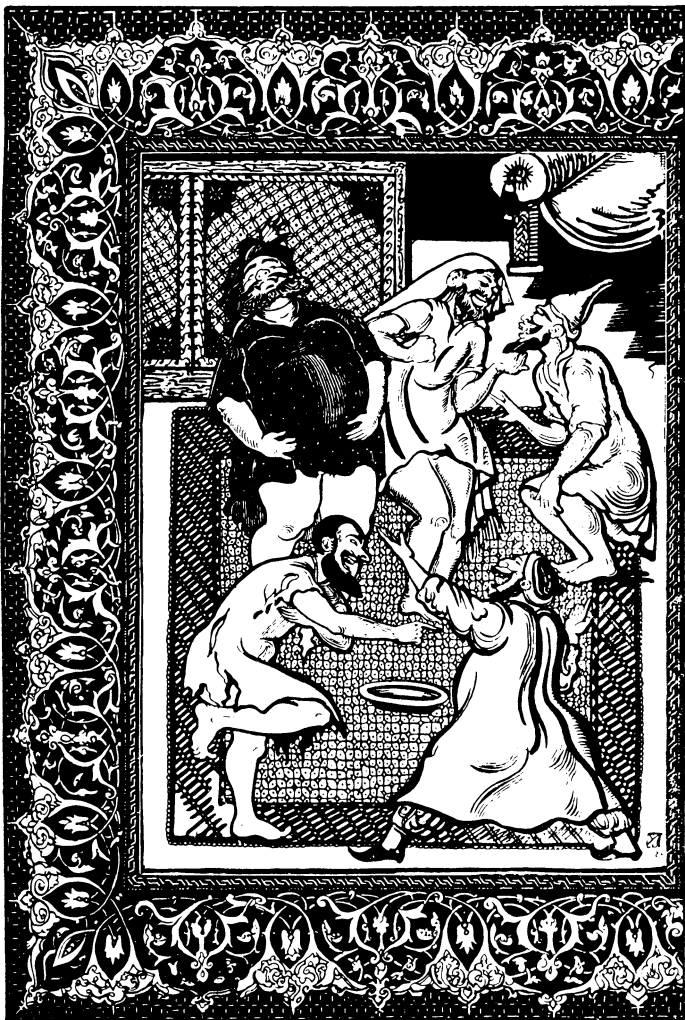
А что касается тех людей, то они просидели в отделениях шкафа три дня без еды, и им захотелось помочиться, так как они три дня не мочились, и столяр налил на голову султана, а султан налил на голову везира, а везир налил на голову вали, а тот налил на голову кади. И кади закричал и воскликнул: — что это за грязь! Разве мало нам того, что с нами было, чтобы на нас еще мочились! — и вали возвысил голос и сказал: — да увеличит Аллах твою награду, о кади! — и услышав его голос, кади узнал, что это — вали. А потом вали опять возвысил голос и сказал: — Что это за грязь! — и везир возвысил голос и сказал: — да увеличит Аллах твою награду, о вали; — и услышав его голос, вали

узнал, что это — везирь. А затем везирь возвысил голос и сказал: — что это за грязь! — и когда царь услышал слова везиря, он узнал его, но смолчал и скрыл свое дело, а везирь воскликнул: — прокляни Аллах эту женщину за то, что она с нами сделала! Она созвала к себе всех вельмож царства, кроме царя! — И услышав это, царь крикнул ему: — молчите! Я первый попал в сети этой распутницы и развратницы! — и столяр, услышав их слова, сказал: — а я? В чем мой-то грех? Я сделал ей шкаф за четыре динара золотом и пришел потребовать платы, и она схитрила со мною и ввела меня в это отделение и заперла там. — И они стали разговаривать друг с другом и развлекать царя беседой и рассеяли его грусть; и пришли соседи этого дома и увидели, что он пустой, и сказали друг другу: — вчера наша соседка, жена такого-то, была здесь, а теперь мы не слышим в этом месте ничего голоса и не видим в нем человека. Сломайте ворота и посмотрите, в чем дело, чтобы не услышал вас или царь и не посадил нас в тюрьму.

Мы будем раскаиваться из-за того, чего не совершили.

— И затем соседи сломали ворота и вошли и увидели деревянный шкаф, а в нем нашли людей, которые стонали от голода и жажды. И пришедшие стали говорить друг другу: — неужели в этом шкафу джиш?

И один из них воскликнул: — наберем дров и сожжем его огнем. — Не делайте! — закричал на них кади... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ПЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ШЕСТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что, когда соседи хотели принести дров и сжечь шкаф, кади закричал на них: — не делайте! — и соседи сказали друг другу: — джинны иногда меняют образ и говорят словами людей. — И услышав их, кади прочитал кое-что из великого Корана и затем сказал пришедшим: — подойдите к шкафу, в котором мы сидим! — и когда они подошли, он сказал им: — я — такой-то, а вы — такой-то и такой-то, и нас в шкафу целая толпа. — И соседи спросили кади: — а кто привел тебя сюда? Расскажи нам, в чем дело, — и кади осведомил их, в чем дело, от начала до конца, и тогда они привели столяра, и он открыл отделение кади и вали, и везиря, и царя, и столяра, и все они были в той одежде, которая была на них надета. И они вышли из шкафа и посмотрели друг на друга, и каждый стал смеяться над другими, и потом они пошли искать женщину, но не нашли ее, и она взяла все то, что было на них надето, и каждый из них послал к своим за одеждой, и им принесли платье, и они вышли, закрывшись им, к людям. Посмотри же, о владыка наш царь, какую хитрость сделала эта женщина с теми людьми.

ОШЛО до меня также, что был один человек, который хотел увидеть в своей жизни Ночь Могущества. И он посмотрел однажды ночью на небо и увидел ангелов, когда открылись врата небесные, и увидел, как всякая вещь пала ниц на своем месте. И увидев это, он сказал своей жене: — о такая-то, Аллах показал мне Ночь Могущества, а мне было ниспослано, что если я увижу ее и сотворю три молитвы, они будут исполнены. Я спрашиваю у тебя совета: что мне сказать? — Скажи: — о боже, увеличь мне член! — сказала ему жена, и человек сказал это, и его член сделался точно тыквенная бутылка, так что этот человек не мог стоять, а его жена, когда он хотел ее познать, бегала от него с места на место. И муж сказал ей: — что же делать? Ты пожелаала этого ради твоей страсти. — Я не хочу, чтобы он оставался таким длинным, — сказала

жена, и ее муж поднял голову к небу и молвил: — о боже, спаси меня от этого дела и освободи меня! — и сделался гладким, без члена. И увидев это, жена сказала ему: — нет мне до тебя нужды, раз ты стал без члена! — и ее муж воскликнул: — все это от твоего злосчастливого совета и дурного замысла! Было для меня у Аллаха три молитвы, которыми я достиг бы блага и в этой жизни и в будущей, и две молитвы пропали, осталась одна. — Помолись Аллаху великому, чтобы он снова сделал тебя таким, каким ты был раньше! — сказала ему жена. И человек помолился своему господину и стал опять таким, как был.

И все это, о царь, произошло по причине дурного замысла женщины, и я рассказал тебе об этом, чтобы ты убедился, что женщины глупы и слабы умом и замышляют дурное. Не слушай же их слов и не убивай своего сына, кровь твоего сердца. Ты сотрешь воспоминание о себе после себя. — И царь воздержался от убийства своего сына; а на седьмой день пришла та невольница и явилась к царю, крича. И она разожгла большой огонь, и ее привели к царю, держа ее за концы платья. И царь спросил ее: — почему ты это сделала? — и она отвечала: — если ты не расудишь меня с твоим сыном, я брошусь в этот огонь. Жизнь мне стала противна, и, прежде чем прийти к тебе, я написала завещание, раздала свои деньги и решила умереть, а ты будешь каяться всяческим раскаянием, как каялся царь, который пытал сторожиху бани. — А как это было? — спросил царь, и невольница сказала:

ОШЛО до меня, о царь, что была одна женщина, богомольная, воздержанная и благочестивая, и она заходила во дворец одного из царей, и ее приход считали благословенным, и было ей у приближенных царя великое счастье.

И однажды она вошла во дворец, согласно обычаю, и села рядом с женой царя, и та подала ей ожерелье ценой в тысячу динаров и сказала: — о девушка, возьми к себе это ожерелье и храни его, пока я не выйду из бани и не возьму его у тебя — (а баня была во дворце). И женщина взяла ожерелье и села в одно место в покоях царицы, ожидая, пока та сходит в баню, находившуюся в ее жилище, и выйдет, а потом она положила ожерелье под молитвенный коврик и начала молиться. И прилетела птица и взяла ожерелье и положила его в щель в углу дворца, а сторожившая вышла за нуждой, чтобы исполнить ее и вернуться,

и не знала этого. И когда жена царя вышла из бани, она потребовала ожерелье у сторожихи, но та не нашла его и стала его искать, но не обнаружила о нем вестей и не нашла на его след, и сторожившая говорила: — клянусь Аллахом, о дочка, ко мне никто не приходил, и когда я взяла ожерелье, я положила его под молитвенный коврик и не знаю, может быть, один из слуг увидел его и, воспользовавшись моей рассеянностью, когда я молилась, взял его, а знание об этом у Аллаха великого. — И когда услышал об этом царь, он приказал своей жене пытать сторожившую огнем и сильно побить ее... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ПЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО СЕДЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что царь приказал своей жене пытать сторожившую женщину огнем и сильно побить ее, и царица стала ее пытать всякими пытками, но женщина ни в чем не признавалась и никого не обвиняла. И после этого царь приказал посадить ее в тюрьму и заковать в цепи, и ее заточили, а потом, в один из дней, царь сидел у себя во дворце, среди водоемов, и его жена сидела с ним рядом, и вдруг взор царя упал на птицу, которая вытаскивала то самое ожерелье из щели в углу дворца. И царь кликнул одну невольницу, и она настигла птицу и отняла у нее ожерелье, и тогда царь понял, что сторожившая женщина обижена, и раскаялся в том, что он с ней сделал. И он велел привести ее, и когда она яви-

лась, принялся целовать ее в голову, а затем стал плакать и просить прощения и горевать из-за того, что он с нею сделал. И он велел ей дать больше денег, но женщина отказалась их взять, а затем она простила его и ушла и дала себе клятву, что не войдет ни в чей дом. И она странствовала по горам и долинам и поклонялась Аллаху великому, пока не умерла.

ОШЛО до меня также, о царь, в числе рассказов о кознях мужчин, что два голубя, самец и самка, собрали зимой к себе в гнездо пшеницу и ячмень, а когда наступило время лета, зерно высохло и уменьшилось. И самец сказал самке: — это ты съела зерно! — а она стала говорить: — нет, клянусь Аллахом, я ничего не съела! — но он не поверил ей и стал ее бить крыльями и клевать клювом, пока не убил. А когда наступило холодное время, зерна снова стали такими, как были, и самец понял, что он убил свою жену несправедливо и по вражде, и стал раскаиваться, когда раскаяние было ему бесполезно. И он лег рядом с женой, рыдая по ней и плача и горюя, и отказался от еды и питья и заболел, и болел, пока не умер.

ОШЕЛ до меня также, в числе рассказов о кознях мужчин против женщин, рассказ более удивительный, чем эти все. — Подавай то, что у тебя есть, — воскликнул царь, и невольница сказала: — о царь, была одна девушка из невольниц царя, которой не было в ее время равных по красоте, прелести, стройности, соразмерности, блеску и жеманству, и никто так не отнимал разум у мужчин, как она, и она говорила: — нет мне равных в мое время! — И все сыновья царей сватались к ней, но она не соглашалась взять из них никого, и было ей имя ад-Датма.

И говаривала она: — на мне женится только тот, кто меня покорит в пылу битвы, боя и сражения, и если кто-нибудь меня одолеет, я выйду за него замуж с радостным сердцем, а если я его одолею, то возьму его коня и оружие

и одежду и напишу у него на лбу: — этот отпущен такою-то. — И царские сыновья приходили к ней со всех мест, далеких и близких, но она одолевала их и позорила и отнимала у них оружие и клеймила их огнем. И прослышал о ней сын одного из царей персов, по имени Бахрам, и направился к ней, покрыв далекое расстояние, и взял с собой деньги, коней и людей и сокровища из царских сокровищ, и ехал, пока не прибыл к ней, а прибыв, он послал ее отцу роскошный подарок, и царь проявил к нему приветливость и оказал ему величайший почет. И затем царевич послал своих везирей сообщить ему, что он хочет посвататься к его дочери, и отец ее прислал к нему гонца и сказал: — о дитя мое, что до моей дочери ад-Датма, то у меня нет над ней власти, так как она дала себе клятву, что выйдет замуж только за того, кто покорит ее на поле битвы. — Я приехал из моего города, зная это условие, — ответил ему царевич, и царь сказал: — завтра ты с ней встретишься. — А когда пришел завтрашний день, отец девушки послал к ней и попросил у нее разрешения войти, и услышав обо всем, она приготовилась к бою и надела боевые доспехи и вышла в поле, и царевич вышел к ней навстречу и решил с ней сразиться. И люди прослышали об этом и пришли со всех мест и явились в этот самый день, и ад-Датма вышла одетая, подпоясанная и закрытая покрывалом, и царевич выступил к ней, будучи в наилучшем состоянии одетый в крепчайшие военные доспехи и совершеннейшее снаряжение. И каждый из них понесся на другого, и они долго гарцовали и бились продолжитель-

ное время, и царевна нашла в царевиче храбрость и доблесть, которых не видала у других. И она испугалась, что царевич пристыдит ее перед присутствующими, и поняла, что он несомненно ее одолеет, и захотела устроить козни и сделать с ним хитрость. И она открыла лицо, и вдруг оказалось, что оно светит ярче месяца, и когда царевич взглянул на нее, он оторопел, и его сила ослабла, и исчезла его решимость, а царевна, увидав это, понеслась на него и сорвала его с седла, и царевич, у нее в руках, стал подобен воробью в когтях орла, и ее облик ошеломила его, и он не понимал, что с ним делается. И девушка взяла его коня и оружие и одежду и заклемила его огнем и отпустила, и когда царевич очнулся от обморока, он провел несколько дней, не прикасаясь ни к пище, ни к нитью, и не спал от огорчения, и любовь к девушке овладела его сердцем. И он отправил своих рабов к отцу и написал ему в письме, что не может вернуться в свою страну, пока не добьется того, что ему нужно, или он умрет без этого, и когда письмо прибыло к его отцу, тот опечалился и хотел послать к царевичу воинов и солдат, но везири удержали его от этого и уговорили быть терпеливым. А царевич, чтобы достичь своей цели, употребил хитрость. Он притворился дряхлым стариком и направился в сад царевны, куда она чаще всего заходила, и встретился с садовником и сказал ему: — я чужеземец из далеких стран, и с юности и еще до сей поры я хорошо умею обрабатывать землю и беречь растения и цветы, и никто, кроме меня, этого не умеет, — и услышав его слова, садов-

ник обрадовался до крайней степени и привел его в сад и приказал своим людям заботиться о нем; и царевич стал работать и выращивать деревья и заботиться о пользе плодов. И в один из дней, когда это было так, вдруг вошли в сад рабы, с которыми были мулы, нагруженные коврами и посудой, и когда царевич спросил о причине этого, ему сказали: — царская дочь желает погулять в этом саду. — И царевич пошел и взял украшения и одежды из своей страны, которые были у него, и принес их в сад, сел там и положил кое-что из этих сокровищ перед собой, а сам стал трястись, делая вид, что это от дряхлости... и Шахраду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ПЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ВОСЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что персидский царевич притворился старым стариком и, сев в саду, положил перед собой украшения и одежды и сделал вид, что трясется от старости, дряхлости и слабости. А когда прошел час, пришли невольницы и евнухи, и посреди них шла царевна, подобная месяцу среди звезд, и они подошли и стали ходить по саду и рвать плоды, гуляя, и увидели человека, который сидел под деревом. И они подошли к нему (а это был царевич) и посмотрели на него, и вдруг видят, что это — старый старик, у которого трясутся руки и ноги, а перед ним лежат украшения и сокровища из царских сокровищ. И увидав его, девушки удивились ему и стали спрашивать его, что он делает с этими

украшениями, и он сказал: — я хочу жениться за эти украшения на которой-нибудь из вас. — И девушки стали над ним смеяться и сказали: — когда ты женишься, что ты станешь делать? — и царевич ответил: — я поцелую мою жену один раз и разведусь с нею. — Я выдала за тебя замуж вот эту девушку, — сказала царица, и царевич поднялся, опираясь на палку, трясясь и спотыкаясь, и, поцеловав девушку, отдал ей украшения и одежды. И девушка обрадовалась, и все стали смеяться над царевичем, и потом ушли в свое жилище, а когда наступил следующий день, девушки вошли в сад и пришли к царевичу и увидели, что он сидит на том же месте и перед ним лежит еще больше украшений и одежд, чем в первый раз. И они присели подле него и спросили: — о старец, что ты делаешь с этими украшениями? — и царевич ответил: — я женюсь за них на одной из вас, как вчера. — Я женила тебя на этой девушке, — сказала царица, и царевич поднялся и поцеловал девушку и отдал ей украшения и одежды, и все ушли в свои жилища. И когда дочь царя увидела украшения и одежды, которые царевич дал девушкам, она сказала про себя: — я имею больше всех прав на это, и со мной не будет от этого никакого вреда, — и когда настало утро, она вышла из своего жилища одна, приняв облик невольницы из невольниц, и, скрываясь, пришла к старцу и, придя к нему, сказала: — о старец, я — дочь царя, хочешь на мне жениться? — С любовью и удовольствием! — отвечал царевич. И он вынул украшения и одежды более высокого качества и дороже ценой и отдал их царице

и поднялся, чтобы ее поцеловать (а она чувствовала себя безопасно и спокойно); и подойдя к ней, с силой схватил ее и ударил об землю и уничтожил ее девственность и спросил: — разве ты не узнаешь меня? — Кто ты? — спросила царица, и царевич ответил: — я Бахрам, сын царя персов. Я изменил свой облик и удалился от родных и царства ради тебя. — И девушка встала из-под него молча, не давая ответа и не обращаясь к нему с речью, после того, что ее поразило, и она говорила про себя: — если я его убью, его убийство не принесет пользы, — а затем она подумала и сказала про себя: — мне возможно теперь только убежать с ним в его страну. — И она собрала деньги и сокровища и послала к царевичу, уведомляя его об этом, чтобы он тоже снаряжился и собрал свои деньги, и они сговорились, что такой-то ночью отправятся, и сели на лучших коней и поехали под покровом ночи, и не наступило еще утро, как они уже пересекли далекие страны. И они ехали до тех пор, пока не прибыли в страну персов и не оказались близ города отца юноши, и когда отец его услышал об этом, он встретил его с солдатами и воинами и обрадовался до крайней степени. А затем, через немного дней, он послал к отцу ад-Дагма роскошные подарки и написал ему письмо, в котором уведомлял его, что его дочь находится у него, и требовал ее приданое, и когда подарки прибыли к отцу девушки, он принял их и оказал привезшим их крайний почет и сильно обрадовался, а затем он устроил пиршество и, призвав судью и свидетелей, написал брачный договор своей дочери с царевичем. Он награждал послов, которые

принесли письмо от царя персов, и послал своей дочери ее приданое, и персидский царевич остался с ней, пока не разлучила их смерть.

Смотри же, о царь, каковы козни мужчин против женщин! Я не откажусь от своего права, пока не умру!

И царь приказал убить своего сына, но тут вошел к нему седьмой везирь и, представ перед ним, поцеловал землю и сказал: — о царь, повремени, пока я не выскажу тебе мой совет. Тот, кто выжидает и медлит, достигает осуществления надежды и получает то, чего желает, а тому, кто торопится, достается раскаяние. Я видел, как наблудила эта женщина, побуждая царя ввергнуть себя в ужасы; а невольник, осыпанный твоей милостью и благами, тебе предан. Я знаю, о царь, о кознях женщин то, чего не знает никто, кроме меня, и до меня дошел из этого рассказ о старухе и сыне купца. — А как это было? — спросил царь, и везирь сказал:

ОШЛО до меня, о дарь, что у одного купца было много денег, и был у него сын, дорогой для него, и в один из дней сын сказал своему отцу: — о батюшка, я пожелаю от тебя одно желанье, которым ты меня обрадуешь. —

А что это, о дитя мое? Я дам это тебе, хотя бы был это свет моего глаза, чтобы привести тебя этим к тому, чего ты хочешь, — ответил ему отец, и сын сказал: — я хочу, чтобы ты дал мне сколько-нибудь денег, и я поеду с купцами в страны Багдада, чтобы поглядеть на них и посмотреть на дворцы халифов. Дети купцов мне их описывали, и мне захотелось посмотреть на них. — О сынок, кто будет стоек, если ты отлучишься? — воскликнул отец юноши, но тот молвил: — я сказал тебе эти слова, и неизбежно мне туда отправиться, с согласия или без согласия. В мою душу запала тоска, которая пройдет

только по прибытии в Багдад... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ПЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что сын царя сказал своему отцу: — неизбежно уехать и прибыть в Багдад! — и когда отец его убедился в этом, он собрал ему товаров на тридцать тысяч динаров и отправил его путешествовать с купцами, которым он доверял, и поручил купцам о нем заботиться. А потом отец юноши простился с ним и вернулся в свое жилище, а юноша ехал со своими товарищами купцами, пока они не прибыли в Багдад, Обитель Мира. А когда они достигли Багдада, юноша пошел на рынок и нанял себе хороший, красивый дом, который смутил его разум и ошеломил его взор — там были щебечущие птицы, и покои стояли один напротив другого, и пол был выложен разноцветным мрамором, а потолки украшены мадинской лазурью. Он спросил привратника о размере платы за дом — сколько в месяц — и привратник отвечал: — десять динаров, — и юноша спросил: — говоришь ли ты правду или насмехаешься надо мной? — Клянусь Аллахом, — ответил привратник, — я говорю только правду. Всякий, кто поселится в этом доме, живет там не больше недели или двух. — А какая тому причина? — спросил юноша и привратник молвил: — о дитя мое, всякий, кто поселится в этом доме, выходит из него только больной или мертвый; этот дом прославился такими вещами среди всех людей, и никто не осмеливается в нем посе-

литься, и плата за него уменьшилась до такого размера. — Услышав это, юноша до крайности удивился и воскликнул: — в этом доме обязательно должно быть какое-нибудь обстоятельство, из-за которого там случается подобная болезнь или смерть! — Но потом он подумал про себя и, прибегнув к Аллаху от сатаны, битого камнями, прогнал из ума такое предположение и поселился в этом доме. И стал он продавать и покупать, и прошло над ним несколько дней, а он все жил в доме, и ничего не случилось с ним из того, что говорил привратник. И когда он сидел в один из дней у ворот дома, прошла мимо него поседевшая старуха, подобная пятнистой змее, и она часто славословила и святила имя Аллаха, удаляя с дороги камни и другие препятствия. И старуха увидела юношу, сидевшего у ворот, и стала смотреть на него, дивясь его делу, и юноша сказал ей: — о женщина, разве ты меня знаешь, или сомневаешься обо мне? — И услышав слова юноши, старуха торопливо подошла к нему и приветствовала его и спросила: — сколько времени ты живешь в этом доме? — О матушка, два месяца, — отвечал юноша, и старуха молвила: — этому я удивилась. Я не знаю тебя, о дитя мое, и ты меня не знаешь, и я не усомнилась о тебе, а удивилась я потому, что все, кто жил в этом доме, кроме тебя, выходили оттуда мертвыми или больными. Я не сомневаюсь, о дитя мое, что ты подвергаешь опасности свою молодость. Разве ты не поднимался во дворец наверх и не смотрел с балкона, который там есть? — И затем старуха ушла своей дорогой, а юноша, когда старуха покинула его, стал размыш-

лять о ее словах и сказал про себя: — я не поднимался во дворце наверх и не знал, что там есть балкон. — И затем, в тот же час и минуту, он вошел во дворец и стал ходить по углам комнат и наконец увидел в одном углу маленькую дверь, в засовах которой свил гнездо паук. И увидав дверь, юноша сказал про себя: — может быть, паук свил на этой двери гнездо лишь потому, что за нею гибель! — И он положился на слова Аллаха великого: — скажи: не поразит нас ничто, кроме того, что начертал нам Аллах, — и, открыв дверь, стал подниматься по маленькой лестнице, а дойдя до верху, увидел балкон. И он сел отдохнуть и осмотрелся и увидел изящное и нарядное помещение, в возвышенной части которого был высокий балкон, возвышавшийся над всем Багдадом, и на этом балконе находилась девушка, подобная гурии. И она овладела всем сердцем юноши и унесла его разум и сердце, оставив после себя страдания Айюба и печаль Якуба, и когда юноша увидал ее и хорошенько в нее всмотрелся, он подумал: — может быть, люди говорят, что никто не жил в этом доме без того, чтобы умереть или заболеть, именно из-за этой женщины. О если бы я знал, в чем для меня избавление, — мой разум пропал! — И он спустился сверху, раздумывая, что ему делать, и сидел в доме, но ему не было покоя. И он вышел и сел у ворот, не зная, как ему поступить, и вдруг видит — идет та старуха, поминая и прославляя по дороге Аллаха. И увидав ее, юноша поднялся на ноги и первый пожелал старухе мира и приветствовал ее и сказал: — о матушка, я был здоров и благополучен, пока ты не посоветовала

мне отпереть ту дверь, и я увидел балкон и отпер его и посмотрел сверху и увидел нечто, меня ошеломившее. И теперь я думаю, что погибну, и знаю, что нет для меня врача, кроме тебя. — И услышав слова юноши, старуха засмеялась и молвила: — с тобою не будет беды, если захочет Аллах великий! — и когда она сказала ему эти слова, юноша вошел в дом и вышел, неся в руке сто динаров, и сказал: — возьми их, о матушка, и поступай со мной, как поступают господа с рабами. Скорее поспевай мне на помощь, — когда я умру, с тебя будет спрошено за мою кровь в день воскресения. — С любовью и удовольствием! — ответила старуха. — Я только хочу, о дитя мое, чтобы ты поддержал меня маленькой помощью — этим ты достигнешь желаемого. — А чего ты хочешь, о матушка? — спросил юноша, и старуха ответила: — я хочу, чтобы ты помог мне и пошел на шелковый рынок и спросил лавку Абу-ль-Фатха-ибн-Кайдама, и когда тебе его укажут, сядь у его лавки, поздоровайся с ним и скажи: — дай мне покрывало, которое у тебя есть, разрисованное золотом. (А у него в лавке нет покрывала лучше этого). Купи у него это покрывало, о дитя мое, за самую дорогую цену и положи его у себя, а я приду к тебе завтра, если захочет Аллах великий. — И затем старуха ушла, а юноша провел ночь, ворочаясь на углях гада; когда же настало утро, он положил за пазуху тысячу динаров и пошел на шелковый рынок и спросил, где лавка Абу-ль-Фатха, и один из купцов рассказал ему, и придя к Абу-ль-Фатху, юноша увидел перед ним слуг, прислужников и челядь, и был он на вид чело-

век достойный, с обильными богатствами, и в довершение его счастья была у него та женщина, а ей нет подобных у царских сыновей. И увидав Абу-ль-Фатха, юноша приветствовал его, и купец ответил на его приветствие и приказал ему сесть, и юноша сел подле него и сказал: — о купец, я хочу от тебя такое-то покрывало, чтобы взглянуть на него. — И купец велел рабу принести из глубины лавки тюк с шелком, и когда раб принес тюк, Абу-ль-Фатх развязал его и вынул несколько покрывал, и юноша был поражен их красотой. И он увидел то самое покрывало и купил его у купца за пятьдесят динаров и, радостный, пошел с ним домой... и Шахраду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ШЕСТИСОТ.

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что, купив у купца покрывало, юноша взял его и пошел с ним домой. И вдруг подошла та старуха, и увидав ее, юноша встал перед нею на ноги и дал ей покрывало, и старуха сказала ему: — принеси мне уголек из огня. — И юноша принес ей огня, и старуха поднесла кончик покрывала к угольку и прожгла его с краю, а потом она свернула покрывало так же, как прежде, и, взяв его с собой, пошла к дому Абу-ль-Фатха и, подойдя, она постучала в ворота, и когда та женщина услышала ее голос, она поднялась и отперла ей ворота. А старуха водила дружбу с матерью этой женщины, и та знала ее, потому что она была подруга ее матери. — Что тебе

нужно, о матушка, — спросила женщина. — Мать ушла от меня домой. — О дочка, — отвечала старуха, — я знаю, что твоя мать не у тебя, и я была у нее в доме, и пришла к тебе, только боясь, что пройдет время молитвы. Я хочу здесь у тебя омыться, так как знаю, что ты чистоюплотная и в доме у тебя чисто. — И женщина позволила ей войти к себе, и старуха, войдя, приветствовала ее и призвала на нее благословенне, а потом она взяла кувшин и вошла в дом уединения и омылась и совершила в каком-то помещении молитву, а после этого прошла к той женщине и сказала ей: — о дочка, я думаю, что в том месте, где я молилась, ходили слуги, и оно нечисто. Присмотри другое место, где бы мне помолиться. Я уничтожила ту молитву, которую сотворила раньше. — И женщина взяла ее за руку и сказала ей: — о матушка, пойди помолись на моей постели, где сидит мой муж, — и когда она привела ее к постели, старуха начала молиться и взывать к Аллаху и кланяться, а потом она воспользовалась невниманием женщины и положила покрывало под подушку, так что та этого не видела. А кончив молиться, старуха призвала на женщину благословение и поднялась и вышла от нее. Когда же наступил конец дня, пришел купец, муж этой женщины, и сел на постель, и женщина принесла ему кушанье, и купец поел его вдоволь и вымыл руки, а затем он облокотился на подушку и вдруг увидел, что из-под нее торчит кончик покрывала. И купец вынул покрывало из-под подушки и, посмотрев на него, узнал его. И он заподозрил женщину в бесстыдном и кликнул ее и спросил: —

откуда у тебя это покрывало? — и его жена поклялась ему многими клятвами и сказала: — ко мне никто не приходил, кроме тебя. — И купец смолчал, опасаясь позора, и подумал: — если я открою эту дверь, то опозорюсь в Багдаде (а этот купец бывал собеседником халифа, и ему оставалось только молчать, и он не сказал своей жене ни одного слова). А имя этой женщины было Махзия, и купец кликнул ее и сказал: — до меня дошло, что твоя мать лежит больная, из-за боли в сердце, и все женщины у нее и плачут о ней. Она приказала, чтобы ты к ней пришла. — И женщина пошла к своей матери и, войдя в дом, нашла свою мать здоровой. И она посидела немного, и вдруг пришли носильщики, которые переносили ее пожитки из дома купца, и они перенесли все вещи, бывшие у него в доме. И когда мать увидела это, она спросила: — о дочка, что с тобой случилось? — но женщина скрыла от нее, и ее мать заплакала и опечалилась из-за разлуки ее дочери с тем человеком. А через несколько дней старуха пришла к той женщине, когда она была в доме, и с жалостью приветствовала ее и спросила: — что с тобой, о дочка, о моя любимая? Ты смутила мои мысли. — И она вошла к матери женщины и спросила ее: — о сестрица, что случилось и что за история у девушки с ее мужем? До меня дошло, что он с нею развелся; какой за ней грех, требующий всего этого? — Может быть, ее муж вернется к ней по твоему благословию, — сказала мать женщины. — Помолись же за нее, сестрица: ты постница и простаиваешь всю ночь. — А потом девушка, ее мать и старуха сошлись в доме

и стали разговаривать, и старуха сказала: — о дочка, не носи заботы, если захочет Аллах великий, я сведу тебя с твоим мужем на этих днях. — И потом она отправилась к тому юноше и сказала ему: — приготовь нам красивое помещение, я приведу к тебе ту женщину сегодня вечером. — И юноша поднялся и принес все, что им было нужно из еды и питья, и сел их дожидаться, а старуха пришла к матери женщины и сказала ей: — о сестрица, у нас свадьба, пошли девушку со мной, пусть она развлечется и пройдут ее огорчение и забота, а потом я верну ее тебе такой же, какую взяла. И мать женщины поднялась и одела ее в самое роскошное из ее платьев, украсив ее наилучшими украшениями и одеждами, и она вышла со старухой, а мать ее шла с ними до ворот и наставляла старуху и говорила ей: — берегись, чтобы ее не увидел кто-нибудь из созданий Аллаха великого — ты ведь знаешь, каково место ее мужа у халифа. Не задерживайся же и возвращайся в самом скором времени. — И старуха взяла женщину и пришла с нею к дому юноши, а женщина думала, что это тот дом, где свадьба. И когда она вошла в дом и пришла в комнату гостей... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ПЕРВАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый дарь, что когда женщина вошла в дом и пришла в комнату гостей, юноша вскочил ей навстречу и обнял ее и стал целовать ей руки и ноги, и девушка была ошеломлена красотой юноши, и ей

представилось, что это помещение и все, что в нем есть из цветов, съестного и напитков — сон. И старуха, увидя ее растерянность, сказала: — имя Аллаха над тобою, о дочка! Не бойся, я сижу и не покину тебя ни на одну минуту. Ты подходишь для него, и он подходит для тебя. — И женщина села в сильном смущении, а юноша до тех пор играл с нею и смешил ее и развлекал стихами и рассказами, пока ее грудь не расправилась и она не развеселилась. И она стала есть и пить, и когда вино показалось ей приятным, она взяла лютню и запела и склонилась и устремилась к красоте юноши. И увидав это, юноша охмел без вина, и его душа показалась для него ничтожной, и старуха вышла от них. А на заре она пришла к ним и пожелала им доброго утра и спросила женщину: — какова была твоя ночь, о госпожа? — Было хорошо из-за твоих длинных рук и умения сводничать, — ответила женщина, а старуха сказала ей: — вставай, пойдем к твоей матери. — И когда юноша услышал слова старухи, он выложил ей сто динаров и сказал: — оставь ее у меня на сегодняшнюю ночь, — и старуха вышла от них и пошла к матери женщины и сказала ей: — твоя дочь желает тебе мира. Мать невесты взяла с нее клятву, что она проведет у нее сегодняшнюю ночь. — О сестрица, — сказала мать женщины, — пожелай мира им обоим. Если девушка довольна, то не беда, что она там переночует — пусть повеселится и придет, не торопясь, и я боюсь для нее только огорчения со стороны ее мужа. — И старуха устраивала с матерью женщины хитрость за хитростью, пока не провела так семь дней, и

каждый день она брала от юноши сто динаров. А когда эти дни прошли, мать женщины сказала старухе: — подай мне мою дочь спю же минуту, мое сердце занято ею! Время ее отсутствия затянулось, и это мне подозрительно. — И старуха вышла от нее, разгневанная ее словами, и, придя к женщине, положила ее руку в свою, и они вышли от юноши, когда тот спал на постели, охмелев от вина. И они пришли к матери женщины, и та встретила ее весело и приветливо, обрадованная до крайности, и сказала: — о дочка, мое сердце занято тобою, и я напала на мою сестру со словами, которые ее огорчили. — Поднимайся и делуй ей руки и ноги — она была мне точно служанка и исполняла мои нужды, — сказала женщина, — а если ты не сделаешь того, что я приказала, я тебе не дочь, а ты мне не мать. — И мать девушки тотчас же поднялась и помирилась со старухой, а юноша, очнувшись от опьянения, не нашел женщины, но он был рад и тому, что получил, когда достиг своей цели. И потом старуха пошла к юноше и приветствовала его и спросила: — что ты видел из моих поступков? — Прекрасно ты поступила и замыслила и придумала! — воскликнул юноша, а старуха сказала: — пойдём, исправим то, что мы испортили, и воротим эту женщину к ее мужу — мы ведь были причиною их разлуки. — А как мне поступить? — спросил юноша. — Ты пойдешь в лавку того купца, — отвечала старуха, — и сядешь возле него и поздороваешься с ним, а я пройду мимо лавки, и когда ты меня увидишь, выйди поскорее из лавки, схвати меня и тяни за платье, и брани, и пугай, и требуй с меня покрывало,

и говори купцу: — о владыка, не помнишь ты того покрывала, которое я у тебя купил за пятьдесят динаров? Случилось, о господин, что моя невольница его надела и прожгла в одном месте с краю, и тогда она дала это покрывало этой старухе, чтобы та отдала его кому-нибудь заштопать, и старуха взяла его и ушла, и я ее с того дня не видел. — С любовью и удовольствием! — ответил юноша, а затем, в тот же час и минутой, он пошел в лавку купца и посидел у него немного, и вдруг увидел, что старуха проходит мимо лавки, и в руках у нее четки, которые она пересчитывает. И увидав ее, юноша поднялся на ноги и, выйдя из лавки, потянул старуху за платье и стал ее ругать и бранить, а она отвечала ему мягко и говорила: — о дитя мое, тебе простиительно! — И люди на рынке собрались вокруг них и стали спрашивать: — в чем дело? — и юноша ствечал: — о люди, я купил у этого купца покрывало за пятьдесят динаров, и невольница носила его один час, а потом она села, чтобы его окурить, и вылетела искра и прожгла покрывало с краю. И мы дали его этой старухе с тем, чтобы она отдала его кому-нибудь заштопать и возвратила нам, и с того времени мы никогда ее не видали. — И старуха воскликнула: — этот юноша сказал правду! Да, я взяла у него покрывало и зашла с ним в один из домов, куда я обыкновенно захожу, и забыла его где-то в тех местах, и не знаю, где оно, а я женщина бедная, и я испугалась владельца этого покрывала и не встречалась с ним. — И при всем этом купец, муж той женщины, слушал их разговор... И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала
ШЕСТЬСОТ ВТОРАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда юноша схватил старуху и стал говорить ей про покрывало, как она его научила, купец, муж той женщины, слышал их разговор с начала до конца. И когда купец узнал историю, которую придумали эта хитрая старуха с юношей, он поднялся на ноги и воскликнул: — Аллах велик! Прошу прощения у великого Аллаха за мои грехи и за то, что заподозрел мой ум! — И он прославил Аллаха, который открыл ему истину, а затем он подошел к старухе и спросил ее: — ты заходишь к нам? — О дитя мое, — отвечала старуха, — я захожу и к тебе и к другим за милостыней, и с того дня никто не дал мне вестей об этом покрывале. — А ты спрашивала о нем кого-нибудь у нас в доме? — продолжал купец, и старуха молвила: — о господин, я ходила в дом и спрашивала, и мне сказали: — купец развелся с хозяйкой дома, — и я вернулась и после уже никого не спрашивала до сегодняшнего дня. — И купец обратился к юноше и сказал ему: — освободи дорогу этой старухе — покрывало у меня. — И он вынес покрывало из лавки и отдал его заштопать перед теми, кто присутствовал, а затем он пошел к своей жене и дал ей немного денег и снова взял ее к себе, после того как усиленно перед нею извинялся и просил прощения у Аллаха, и не знал он о том, что сделала старуха. Вот одна из многих козней женщин, о царь. — И затем везирь сказал:

ОШЛО до меня также, о царь, что кто-то из царских детей вышел наедине с собою, чтобы прогуляться, и проходил мимо зеленого сада, где были деревья, плоды и птицы, и каналы бежали по этому саду. И юноше понравилось это место, и он сел там и, вынув сушеные плоды, бывшие у него, стал их есть, и когда он сидел так, он вдруг увидал большой дым, поднимавшийся к небу в этом месте. И царевич испугался и встал и, взобравшись на одно из деревьев, спрятался там; и когда царевич залез на дерево, он увидел, что из середины реки вышел ифрит, на голове которого был мраморный сундук, а на сундуке — замок. И ифрит поставил сундук в саду и открыл его, и из сундука вышла девушка, подобная незакрытому солнцу на чистом небе, и была она из людей. И ифрит посадил девушку перед собой и стал на нее смотреть,

а потом он положил голову ей на колени и заснул, и девушка взяла голову ифрита и положила ее на сундук, а потом она встала и начала ходить, и взор ее упал на то дерево. И она увидела царевича и сделала ему знак спуститься, но царевич отказался спуститься, и девушка стала его заклинать и сказала: — если ты не спустишься и не сделаешь со мной того, что я тебе скажу, я разбуду ифрита от сна и осведомлю его о тебе, и он погубит тебя в ту же минуту. — И юноша испугался девушки и спустился вниз, и когда он спустился, девушка стала целовать ему руки и ноги и соблазнять его, чтобы он исполнил ее нужду. И юноша согласился на ее просьбу, и когда он покончил с удовлетворением ее нужды, девушка сказала ему: — дай мне перстень, который у тебя на руке. — И юноша отдал ей перстень, и она завернула его в шелковый платок, который был у нее, а в платке было множество перстней — больше восьмидесяти, — и перстень царевича девушка положила среди них. — Что ты делаешь с этими перстнями, которые у тебя? — спросил царевич, и девушка ответила: — этот ифрит похитил меня из дворца моего отца и положил меня в этот сундук и запер на замок, и он ставит сундук со мною себе на голову, отправляясь куда бы то ни было, и едва может вытерпеть без меня одну минуту из-за сильной ревности, и не позволяет мне того, что я хочу. И когда я увидела это, я дала клятву, что никому не откажу в сблизении, и этих перстней, которые со мною, столько же, сколько познало меня мужчин, так как у каждого, кто меня познал, я беру перстень и кладу его в этот платок.

Отправляйся своей дорогой, — сказала она потом, — а я подожду кого-нибудь другого — ифрит еще сейчас не встанет. — И юноша-царевич едва поверил этому, и он шел своей дорогой, пока не пришел к жилищу своего отца, а царь не знал о кознях девушки против его сына, и она не опасалась этого и не считалась с царем. И когда царь услышал, что перстень его сына пропал, он велел убить юношу, а потом он поднялся со своего места и пошел к себе во дворец, и тут везири отклонили его от убийства его сына. И когда наступила некая ночь, царь послал за везириями, призывая их, и они все пришли, и царь поднялся им навстречу и поблагодарил их за то, что они раньше отклонили его от убийства сына, и юноша тоже поблагодарил их и сказал: — прекрасно то, что вы придумали, чтобы мой отец пощадил мою душу, и я воздам вам благом, если захочет Аллах великий. — И потом юноша рассказал везириям о причине пропажи перстня, и везири пожелали ему долгой жизни и высокого возвышения и удалились из приемной залы. Посмотри же, о царь, каковы козни женщин и что они делают с мужчинами.

И царь отказался от убийства своего сына, а когда наступило утро, отец царевича сел на престол в восьмой день, и вошел к нему его сын, вложив руку в руку своего наставника ас-Синдибада, и поцеловал землю меж рук царя, а затем он заговорил красноречивейшим языком и восхвалял своего отца и его везирей и вельмож его правления и поблагодарил их и прославил. А в зале присутствовали ученые, эмиры, военные и знатные люди, и все присутствовавшие

изумились ясности языка царевича, его красноречию и превосходному уменью говорить. И когда отец царевича услышал это, он обрадовался сильной и великой радостью, а затем он позвал царевича и поцеловал его между глаз, и позвал наставника его ас-Синдибада и спросил его, почему его сын молчал в течение этих семи дней. — О владыка, — отвечал наставник, — благо было в том, что он не говорил. Я боялся, что он будет убит в это время, и я узнал об этом деле, о господин, в день рождения царевича — когда я увидел его гороскоп, он указал мне на все это. А теперь зло отошло от него, по счастью царя. — И царь обрадовался этому и спросил своих везирей: — если бы я убил моего сына, грех был бы на мне, на невольнице или на наставнике ас-Синдибаде? — и присутствующие промолчали и не дали ответа, и наставник юноши, ас-Синдибад, сказал царевичу: — дай ответ, о дитя мое... и Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

Когда же настала

ШЕСТЬСОТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ,

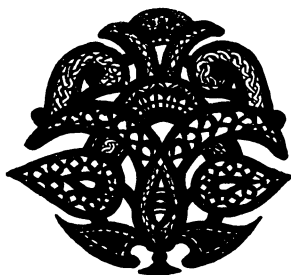
она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда ас-Синдибад сказал царевичу: — дай ответ, о дитя мое, — и царевич сказал:

СЛЫШАЛ, что у одного купца остановился в доме гость и хозяин послал невольницу купить ему на рынке молока в кувшине, и невольница взяла молока в кувшине и направилась обратно, к дому своего господина. И когда она шла по дороге, пролетел над ней ястреб, несший в когтях змею, которую он сдавал ими, и со змею упала в кувшин капля, а невольница не знала этого. И когда она пришла в дом, ее господин взял у нее молоко и стал его пить, вместе со своими гостями, и не успело молоко утвердиться у них в желудках, как они все умерли. Посмотри же, о царь, на ком был грех в этом случае? — И один из присутствовавших сказал: — грех на людях, которые пили, — а другой сказал: — грех на невольнице, которая оставила кувшин открытым, без покрывала, — и ас-Синдибад, наставник мальчика, молвил: — а ты что скажешь об этом,

о днтя мое? — Я скажу, — ответил царевич, — что эти люди ошибаются: нет греха ни на невольнице, ни на собравшихся гостях, но только срок этих людей окончился вместе с их паделом, и была определена им смерть по причине этого происшествия. — И когда присутствовавшие услышали это, они до крайности удивились и возвысили голоса, желая царевичу блага, и сказали ему: — о владыка, ты дал ответ, которому нет подобных, и ты — ученый среди людей теперешнего времени. — И услышав их, царевич молвил: — я не ученый, и поистине слепой старец и трехлетний ребенок и пятилетний ребенок умнее меня. — Расскажи нам историю этих троих, которые умнее тебя, о юноша, — сказали присутствовавшие люди, и царевич молвил:

ОШЛО до меня, что был один купец, с большими деньгами, который много путешествовал по всем странам. И захотелось ему поехать в какую-то страну, и он спросил людей, прибывших оттуда: — на каком товаре там можно много нажить? — На сандаловом дереве — оно там дорого продается, — ответили ему, и купец купил на все свои деньги сандалового дерева и отправился в тот город. И когда он туда прибыл (а время его прибытия было в конце дня), он вдруг увидел старуху, которая гнала баранов, и увидав кунца, она спросила его: — кто ты, о человек? — и купец ответил: — я купец, чужеземец. — Берегись жителей этого города, — сказала старуха, — это хитрецы и воры, и они обманывают чужеземца, чтобы одолеть его, и продают то, что у него есть. И вот я дала тебе совет. — И старуха покинула его, а когда насту-

пило утро, купца встретил один человек из жителей города и приветствовал его и спросил: — о господин, откуда ты прибыл? — Я прибыл из такого-то города, — отвечал купец, и горожанин спросил его: — а какой ты привез с собою товар? — Сандаловое дерево, — отвечал купец. — Я слышал, что оно имеет у вас цену. — Ошибся тот, кто тебе это посоветовал, — молвил горожанин. — Мы жжем под котелками только это сандаловое дерево, и у нас ему одна цена с дровами. — И когда купец услышал слова этого человека, он опечалился и раскаялся, и вместе верил и не верил. И этот купец остановился в одном из городских ханов и стал разжигать свой сандал под котелком, и тот горожанин увидел его и спросил: — не продашь ли ты этот сандал, по сколько захочет твоя душа за меру. — Я продам его тебе, — отвечал купец, и человек перенес весь его сандал к себе домой, а продавец намеревался взять столько золота, сколько покупатель возьмет сандала. А когда наступило утро, купец пошел ходить по городу, и ему встретился человек, голубоглазый и кривой, один из городских жителей, и удивился за него и сказал: — это ты погубил мой глаз, и я ни за что тебя не отпущу! — И купец начал отрицать и воскликнул: — это дело не удастся! — и вокруг них собрались люди и стали просить у кривого отсрочки до завтра, а тогда купец отдаст ему цену его глаза. И купец выставил за себя поручителя, и его отпустили, и он ушел. А у него разорвалась сандалия, когда кривой тащил его, и он остановился у лавки башмачника и отдал ему сандалию и сказал: — почини ее, и тебе доста-

нется от меня то, на что ты будешь согласен. — И он ушел и вдруг увидел людей, которые сидели и играли, и сел с ними рядом, от горя и заботы, и они попросили его поиграть, и он стал играть с ними. И они обратили победу против него, и обыграли его, и предложили ему на выбор: или выпить море, или выложить все свои деньги, и купец поднялся и сказал: — отсрочьте мне до завтра, — и ушел от них, озабоченный тем, что он сделал, и не зная, каково будет его положение. И он сел в одном месте, раздумывая, озабоченный и огорченный, и вдруг прошла мимо него та старуха. И она посмотрела на купца и сказала ему: — может быть, жители города тебя одолели? Я вижу, ты озабочен тем, что поразило тебя, — и купец рассказал ей обо всем, что с ним случилось, с начала до конца. И старуха спросила его: — кто же тебя провел с этим сандалом? Сандал у нас ценится по десять динаров за ритль. Но я придумаю для тебя способ, в котором, я надеюсь, будет спасение твоей душе. Иди к таким-то воротам; в том месте есть один слепой шейх-сидень, умный, сведущий, старый, опытный. Все к нему приходят и спрашивают его о том, что собираются сделать, и он советует им то, в чем для них польза, так как он сведущ в кознях, колдовстве и плутовстве. Он ловкач, и ловкачи собираются у него ночью. Пойди же к нему и спрячься от твоих противников, чтобы ты слышал их разговор, а они тебя не видели. Он будет им рассказывать о побеждающей и побежденной, и может быть, ты услышишь от них какой-нибудь довод, который освободит тебя от твоих противников...

и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый дарь, что старуха сказала купцу: — пойдн вечером к ученому, у которого собираются городские жители, и спрячься—может быть, ты услышишь какой-нибудь довод, который освободит тебя от твоих противников. — И купец пошел от нее в то место, о котором она ему рассказала, и спрятался там, и увидел того шейха и сел близко от него. И когда прошло не больше часу, явились к шейху люди, которые хотели у него судиться, и, представ перед ним, приветствовали его и поздоровались друг с другом и сели вокруг него, и купец, увидав их, нашел среди пришедших четырех своих противников. И шейх предложил им кое-какой еды, и они поели, а затем каждый из них стал рассказывать шейху, что произошло с ним в этот день, и человек с сандалом выступил вперед и рассказал шейху о том, что с ним в этот день случилось: как он купил у одного человека за бесценок сандал, и продажа состоялась с тем, чтобы наполнить меру чем продавец захочет. — Твой противник одолел тебя, — сказал шейх. — А как он меня одолеет? — спросил ловкач, и шейх ответил: — если он тебе скажет: я возьму полную меру золота или серебра, ты ему дашь? — Да, и я буду с прибылью, — ответил ловкач. — Ну, а если он тебе скажет: — я возьму полную меру блох, половину самцов, половину самок,

что ты будешь делать? — спросил шейх, и ловкач понял, что он побежден. А затем выступил вперед кривой и сказал: — о шейх, я увидел сегодня одного человека с голубыми глазами, из чужой страны, и затеял с ним ссору и уцепился за него и сказал ему: — это ты погубил мой глаз! — и я не оставил его до тех пор, пока целая толпа народа мне не поручилась, что он ко мне вернется и удовлетворит меня за мой глаз. — Если он захочет одолеть тебя, то наверное одолеет, — сказал шейх. — Как же он меня одолеет? — спросил кривой, и шейх ответил: — он скажет тебе: вырви себе глаз, и я вырву себе глаз, а потом мы взвесим оба глаза, и если мой глаз будет равен твоему глазу, то ты прав в том, что утверждаешь. И ты будешь ему должен плату за его глаз и окажешься слепым, а он будет зрячим на другой глаз. — И кривой понял, что купец победит его таким доводом. А затем выступил вперед башмачник и сказал: — о шейх, я видел сегодня человека, который дал мне сандалию и сказал: — почини мне ее. — И я спросил его: — а разве ты не дашь мне плату? — и человек сказал: — почини сандалию, и тебе достанется от меня то, на что ты будешь согласен. А я не буду согласен ни на что, кроме всех его денег. — Если он захочет взять свою сандалию и ничего тебе не дать, он возьмет ее, — сказал шейх. — А как так? — спросил башмачник, и шейх ответил: — он скажет тебе: враги султана разбиты, противники его бессильны, и дети его и помощники многочисленны — ты согласен или нет? — и если ты скажешь: согласен, он возьмет свою сандалию

и уйдет, а если ты скажешь: нет, он возьмет сандалию и побьет тебя ею по лицу и по затылку. — И понял башмачник, что он будет побежден. И затем выступил человек, который играл с купцом на усмотрение выигравшего, и сказал: — о шейх, я встретил одного человека и сыграл с ним и обыграл его, и сказал ему: если ты выпьешь это море, я выложу тебе все мои деньги, а если не выпьешь — выкладывай твои деньги мне. — Если он захочет тебя победить, то наверное победит, — сказал шейх. — А как это? — спросил игрок, и шейх ответил: — он скажет тебе: возьми горлышко моря в руку и подай его мне, а я его выпью; и ты не сможешь, и он победит тебя таким доводом. — И купец, услышав это, узнал, какими доводами ему защищаться от своих противников. И потом все ушли от шейха, и купец направился в свое жилище, а когда настало утро, пришел к нему человек, который играл с ним на то, что он выпьет море, и купец сказал ему: — подай мне горлышко моря, и я его выпью, — и он не смог, и купец одолел его, и споривший выкупил себя сотнею динаров и ушел. А потом пришел башмачник и потребовал того, на что он будет согласен, и купец сказал ему: — султан победил своих врагов и погубил своих противников, и дети его многочисленны, — ты согласен или нет? — Да, согласен, — отвечал башмачник, и купец взял свою обувь без платы и ушел. А затем к нему пришел кривой и потребовал возмещения за свой глаз, и купец сказал ему: — вырви себе глаз, и я вырву себе глаз, и мы их взвесим, и если они будут одинаковы, значит, ты прав и бери плату за свой глаз. — Дай мне

отсрочку, — сказал кривой, и он помирился с купцом на сотне динаров и ушел. А затем пришел к купцу тот, кто купил у него сандал, и сказал ему: — возьми цену твоего сандала. — Что ты мне дашь? — спросил купец. — Мы сговорились, что мера сандала пойдет за меру чего-нибудь другого, — отвечал человек. — Если желаешь, возьми ее полной золота или серебра. — Я возьму только полную меру блох: половину самцов, половину самок, — сказал купец, и покупатель ответил: — я не могу сделать ничего такого! — И купец одолел его, и покупатель выкупил себя сотнею динаров, вернув сначала сандал купцу, и тот продал сандал, как хотел, и получил за него деньги и уехал из этого города в свою страну... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала
ШЕСТЬСОТ ПЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что купец продал свой сандал и получил за него деньги и уехал из этого города в свой город.

ЧТО касается трехлетнего ребенка,—сказал дрович,—то был один человек, развратный и любивший женщин, который услышал об одной красивой и прекрасной женщине, обитавшей в другом городе, и отправился в тот город, где жила женщина, и взял с собой подарок и написал женщине записку, в которой описывал, какую сильную он испытывает тоску и страсть, и говорил, что любовь побудила его к ней переселиться и прибыть к ней. И женщина позволила ему к ней прийти, и когда этот человек пришел к ее жилищу и вошел к ней, женщина поднялась на ноги и встретила его с почетом и уважением, и поцеловала ему руки, и угостила его таким угощением из съестного и наштков, больше которого не бывает. А у этой женщины был маленький ребенок трех лет жизни, и она оставила его и занялась варкой

кушаний. И мужчина сказал ей: — пойдем, ляжем! — и она ответила: — мой ребенок сидит и смотрит на нас. — Это маленький ребенок, он ничего не понимает и не умеет говорить, — сказал мужчина, и женщина молвила: — если бы ты знал, как он понятлив, ты бы так не говорил. — И когда мальчик увидел, что рис поспел, он заплакал сильным плачем, и мать спросила его: — о чем ты плачешь, о дитя мое? — Наложил мне рису и полей его маслом, — сказал мальчик, и его мать положила ему рису и полила его маслом, и мальчик поел и еще раз заплакал. — О чем ты плачешь, о дитя мое? — спросила его мать, и ребенок сказал: — о матушка, положи мне в него сахару! — И мужчина, рассердившись, воскликнул: — поистине, ты злосчастный ребенок! — а мальчик отвечал: — никто не злосчастный, кроме тебя, раз ты утомлялся и выехал из одного города в другой, стремясь к блюду. А что до меня, то я плакал потому, что у меня что-то было в глазу, и я вывел это слезами, и потом поел рису с маслом и сахаром и насытился. Кто же из нас злосчастный? — И услышав это, мужчина устыдился слов маленького ребенка, а потом пришло к нему увещание свыше, и он, в тот же час и минуту, стал пристойным и, никак не пссягнув на женщину, удалился в свой город и раскаявался, пока не умер.

ЗАТЕМ даревич сказал: — что же касается пятилетнего ребенка, то дошло до меня, о царь, что четыре купца соединились, имея тысячу динаров, и, смешав все деньги, положили их в один кошель и пошли покупать товар.

И они увидели по дороге прекрасный сад и вошли туда, а кошель оставили у сторожихи сада, и, войдя, погуляли там и стали есть, пить и веселиться. И один из них сказал: — у меня есть благовония; пойдем, вымоем голову в этой текущей воде и надушимся! — Нам понадобится гребень, — сказал другой, и кто-то еще молвил: — спроси сторожиху, может быть, у нее будет гребень. — И один из купцов пошел к сторожихе и сказал ей: — дай мне кошель! — и сторожиха ответила: — когда вы придете все или твои товарищи прикажут мне его тебе отдать (а товарищи купца сидели в таком месте, что сторо-

жиха их видела и слышала их разговор). — Она не соглашается ничего мне дать, — сказал купец своим товарищам, и те крикнули: — дай ему! — и когда сторожиха услышала их слова, она отдала купцу кошель, и этот человек взял его и вышел, убегая. И когда он заставил их ждать, купцы пошли к сторожихе и спросили: — почему ты не даешь ему гребня? — и сторожиха ответила: — он спрашивал только кошель, и я отдала его не раньше, чем вы позволили, и ваш товарищ вышел отсюда и ушел своей дорогой. — И услышав слова сторожихи, купцы стали бить себя по лицу и схватили сторожиху и сказали: — мы позволили тебе дать ему только гребень! — Он не говорил мне про гребень, — ответила сторожиха, и купцы схватили ее и донесли на нее кади и, придя к нему, рассказали всю историю, и кади обязал сторожиху вернуть кошель и объявил ее обязанной всем ее противникам... и Шах-разаду застыгло утро, и она прекратила дозволенные речи,

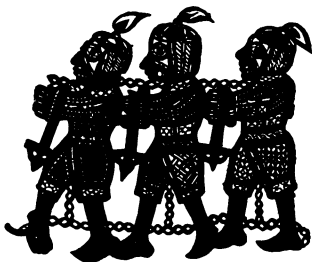
когда же настала

ШЕСТЬСОТ ШЕСТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда кади обязал сторожиху вернуть кошель и объявил ее обязанной всем ее противникам, она вышла смущенная, не видя себе дороги. И ее встретил мальчик пяти лет жизни, и когда этот мальчик увидел, как она смущена, он спросил ее: — что с тобой, о матушка? — но она не дала ему ответа и пренебрегла им из-за его малых лет. И мальчик повторил свои слова один и другой, и третий раз, и женщина сказала: —

несколько человек пришли ко мне в сад и положили возле меня кошель с тысячей динаров и поставили мне условие, что я никому не отдам этот кошель иначе, как в присутствии их всех. А потом они пошли в сад походить и прогуляться, и один из них вышел и сказал мне: — дай кошель! — и я сказала ему: — когда придут твои товарищи. — Я взял от них позволение, — сказал он, но я не согласилась отдать ему кошель, и тогда он крикнул своим товарищам: — она не соглашается ничего мне дать. — И они сказали мне: — дай ему! — (а они были поблизости от меня), и я отдала этому человеку кошель, и он взял его и ушел своей дорогой. И его товарищи заждались его и вышли ко мне и спросили: — почему ты не даешь ему гребень? — и я ответила: — он не говорил про гребень, он говорил только про кошель. — И они схватили меня и отвели к кади, и кади обязал меня вернуть кошель. — Дай мне дирхем, чтобы купить сладкого, и я скажу тебе что-то, в чем будет освобождение, — сказал мальчик, и женщина дала ему дирхем и спросила: — какие есть у тебя слова? — Возвращайся к кади, — ответил мальчик, — и скажи ему: — у меня с ними было условлено, что я отдам им кошель только в присутствии всех четверых. — И женщина воротилась к кади, — говорил рассказчик, — и сказала ему то, что ей говорил мальчик, и кади спросил: — было у вас с нею так условлено? — Да, — отвечали купцы, и кади сказал: — приведите ко мне вашего товарища и берите кошель. — И сторожиха благополучно вышла, и не случилось с ней беды, и она ушла своей дорогой.

И когда услышали слова юноши царь и везири и те, кто присутствовал в этом собрании, они сказали царю: — о владыка наш царь, твой сын превосходит людей своего времени! — И они пожелали юноше и царю блага, и царь прижал своего сына к груди и поцеловал его между глаз и спросил его, что у него было с невольницей, и царевич поклялся великим Аллахом и его благородным пророком, что это она соблазняла его, и царь поверил его словам и сказал: — я отдаю ее тебе на суд: если хочешь, убей ее, или сделай с ней, что хочешь. — Я изгоню ее из города, — сказал юноша своему отцу. И царевич со своим родителем жили самой радостной и приятной жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, и вот конец того, что дошло до нас из истории о царе, его сыне и невольнице и семи везириях.

ОШЛО до меня также, что один купец, по имени Омар, оставил потомства три сына, одного из которых звали Салим, младшего — Джудар, а среднего — Селим, и воспитывал их, пока они не сделались мужчинами, но он любил Джудара больше, чем его братьев, и когда тем сделалось ясно, что он любит Джудара, их взяла ревность, и они возненавидели Джудара. И их отцу стало ясно, что они ненавидят своего брата, а отец их был стар годами, и испугался он, что, когда он умрет, Джудару достанутся тяготы из-за его братьев. И он призвал нескольких родственников и позвал делильщиков от кади и нескольких, людей науки и сказал: — подайте мне мои деньги и материи! — и когда ему подали все его деньги и материи, он сказал: — о люди, разделите эти деньги и материи на четыре части, согласно постановлениям закона, — и имущество разделили,

и отец дал каждому сыну долю и долю взял себе и сказал: — вот мое имущество, я разделил его между ними, и для них не осталось ничего ни у меня, ни друг у друга, и когда я умру, между ними не возникнет разногласие, так как я разделил наследство при жизни. А то, что я взял себе, будет для моей жены, матери этих детей, и она станет помогать себе этим, чтобы прожить... и Шахразад устало застывало утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СЕДЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый дарь, что купец разделил свои деньги и матери на четыре доли и дал каждому из своих трех сыновей долю, а четвертую долю взял себе и сказал: — эта доля будет для моей жены, матери этих детей, и она станет помогать себе ею, чтобы прожить. — А потом, через малое время, отец братьев умер, и ни один из них не был доволен тем, что сделал их отец Омар, но все требовали прибавки от Джудара, говоря ему: — деньги нашего отца у тебя! — И Джудар с братьями принес жалобу судьям, и пришли мусульмане, которые присутствовали во время дележа, и засвидетельствовали то, что знали, и судья не позволил братьям притеснять один другого. И Джудар потерял часть денег, и его братья тоже потеряли из-за тяжбы, и они оставили его на время, а потом еще раз стали строить ему козни, и Джудар принес на них жалобу судьям, и они опять потеряли много из-за судей, и братья до тех пор искали ему вреда у одного притеснителя за другим и теряли

батывал десять, другой — двадцать, а третий — тридцать и тратил деньги на свою мать, и хорошо ел, и хорошо пил, а у его братьев не было ни ремесла, ни купли, ни продажи, и вошло к ним поражающее и уничтожающее и бедствие постигающее. А они уже сгубили то, что отняли у матери, и оказались в числе несчастных нищих и голышей. И иногда они приходили к матери и очень унижались перед ней и жаловались на голод, а сердце матери жалостливо, и она кормила их черствым хлебом, и если у нее было вчерашнее варево, она говорила: — ешьте скорей и уходите раньше, чем придет ваш брат; это будет для него не легко и ожесточит против меня его сердце, и вы опозорите меня перед ним. — И братья торопливо ели и уходили. И вот, однажды они пришли к матери, и та поставила перед ними варево и хлеб, и они стали есть, и вдруг вошел их брат Джудар. И его мать смутилась, и ей сделалось его стыдно, и она испугалась, что он на нее рассердится, и склонила голову к земле со стыда перед своим сыном, но Джудар улыбнулся братьям в лицо и сказал: — простор вам, о братья! Благословенный день! Как случилось, что вы меня посетили в этот благословенный день? — И он обнял их и выказал к ним любовь и сказал: — я не думал, что вы заставите меня тосковать, не придете ко мне и не взглянете на меня и на вашу мать. — И братья ответили: — клянемся Аллахом, о брат наш, мы стосковались по тебе, и нас прежде удерживал лишь стыд из-за того, что у нас с тобой случилось, но мы очень раскаивались. Это дело шайтана, прокляни его Аллах великий, и нет нам

благословения ни в ком, кроме тебя и нашей матери... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ВОСЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый дарь, что когда Джудар пришел домой и увидел своих братьев, он сказал им: — добро пожаловать! — и воскликнул: — нет мне благословения ни в ком, кроме вас. — А его мать сказала: — о дитя мое, да обелит Аллах твое лицо, и да умножит Аллах твое благосостояние! Ты самый великодушный, о дитя мое! — Добро вам пожаловать! — сказал Джудар. — Оставайся у меня — Аллах великодушен, и добра у меня много. — И он помирился с братьями, и те провели у него ночь и поужинали с ним, а на следующий день они позавтракали, и Джудар взял сеть и вышел через ворота дающего победу. А его братья ушли и пропадали до полудня, и пришли, и мать подала им обед, а вечером пришел их брат и принес мясо и зелень. И они провели таким образом месяц, и Джудар ловил рыбу и продавал ее и тратил деньги на мать и братьев, а те ели и забавлялись. И случилось в какой-то день, что Джудар понес сеть к реке и кинул ее и потянул, и сеть поднялась пустая, и тогда он забросил ее во второй раз, и она поднялась пустая. И Джудар сказал про себя: — в этом месте нет рыбы! — и перешел в другое место, и закинул там сеть, и она поднялась пустая, и тогда он перешел в другое место, и переходил с утра до вечера, но не поймал даже маленькой рыбешки. — Чудеса! — воскликнул он. —

Рыба, что ли, в реке вышла, или что этому за причина? — И он взвалил сеть на спину и пошел назад, огорченный и озабоченный, неся заботу о братьях и о матери и не зная, чем накормить их на ужин. И он проходил мимо пекарни и увидел, что люди толпятся за хлебом, и в руках у них деньги, но хлебопек не обращает на них внимания, и остановился и вздохнул, и хлебопек сказал ему: — простор тебе, Джудар! Тебе надо хлеба? — И Джудар промолчал, а хлебопек молвил: — если с собой нет денег, бери хлеба вдоволь, тебе будет отсрочка. — Дай мне на десять полушек хлеба, — сказал Джудар. — Возьми еще и эти десять полушек, — молвил хлебопек, — а завтра принеси мне на двадцать рыбы. — На голове и на глазах! — ответил Джудар и, взяв хлеб и десять полушек, купил на них кусок мяса и зелени. — Завтра владыка облегчит эту беду, — подумал он и пошел в свое жилище, и его мать сварила кушанье, и Джудар поужинал и лег спать. А на другой день он взял сеть, и мать сказала ему: — садись, позавтракай, — и он ответил: — завтракай ты с братьями, — и ушел к реке. И он закинул сеть в первый раз, и во второй, и в третий, и переходил с места на место, и делал это до послеполуденного времени, но ему ничего не попало, и тогда он поднял сеть и пошел, огорченный. А у него не было другой дороги, как мимо хлебопека, и когда Джудар подошел, хлебопек увидел его и отсчитал ему хлеб и серебро и сказал: — подойди, бери и ступай; если не было сегодня, будет завтра. — И Джудар хотел извиниться перед ним, но хлебопек сказал: — иди, извинений не нужно — если бы ты что-нибудь

поймал, это было бы с тобой. Когда я увидел тебя ни с чем, я понял, что тебе ничего не досталось, а если тебе и завтра ничего не достанется, приходи, бери хлеба, и не стыдись, тебе будет отсрочка.

И в третий день Джудар ходил по прудам до послеполуденного времени, но не увидел в них ничего, и тогда он пошел к хлебопеку и взял у него хлеб и серебро. И он делал так в течение семи дней, а потом расстроился и сказал себе: — пойди сегодня к пруду Каруна. — И он хотел закинуть сеть, и не успел опомниться, как приблизился к нему магрибинец, ехавший на муле, и был он одет в великолепную одежду, а на спине мула лежал вышитый мешок, и все на муле было вышито. И магрибинец сошел со спины мула и сказал: — мир тебе, о Джудар, сын Омара, — и Джудар ответил: — и тебе мир, о господин мой хаджи. — О Джудар, — сказал магрибинец, — у меня есть до тебя нужда, и если ты меня послушаешься, то получишь большие блага и станешь по этой причине моим другом и исполнителем моих нужд. — О господин мой хаджи, — ответил Джудар, — скажи мне, что у тебя на уме, я тебя послушаюсь и не стану тебе прекословить. — Прочитай фатиху! — сказал магрибинец, и Джудар прочитал с ним фатиху, а потом магрибинец вынул шелковый шнурок и сказал Джудару: — скрути мне руки и затяни шнурок покрепче, и брось меня в пруд, и подожди пемного, и если увидишь, что я высуну из воды поднятую руку, прежде чем покажусь весь, накинь на меня сеть и вытащи меня поскорее; если же ты увидишь, что я высунул ногу, знай, что я

мертв и оставь меня. Возьми тогда мула и мешок и пойдй на рынок купцов; ты найдешь там еврея по имени Шамиа, которому отдашь мула, а он даст тебе сто динаров. Возьми их, скрывай тайну и уходи своей дорогой. — И Джудар крепко скрутил магрибинца, а тот говорил ему: — стягивай крепче, — и потом он сказал: — толкай меня, пока не сбросишь в пруд, — и Джудар толкнул его и сбросил. И магрибинец погрузился, а Джудар постоял, ожидая его, некоторое время, и вдруг высунулись ноги магрибинца. И Джудар понял, что он умер, и взял мула и, оставив магрибинца, отправился на рынок купцов. Он увидел, что тот еврей сидит на скамеечке у входа в кладовую, и когда еврей увидел мула, он воскликнул: — погиб человек! Его погубила одна лишь жадность, — сказал он потом и, взяв у Джудара мула, дал ему сто динаров и наказал ему хранить тайну, и Джудар взял динары и пошел. Он забрал у хлебопека сколько ему было нужно хлеба и сказал ему: — возьми этот динар, — и пекарь взял динар и сосчитал, сколько ему приходится, и сказал: — у меня остается для тебя хлеба еще на два дня... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда хлебопек подсчитал с Джударом плату за хлеб, он сказал ему: — у меня для тебя осталось с динара еще на два дня хлеба. — И Джудар пошел от него к мяснику и дал ему другой динар и, взяв у него кусок мяса, сказал: — оставь

остаток с динара у себя на счету, — и взял зелени и ушел. И он увидел, что его братья требуют у матери чего-нибудь поесть, а та говорит: потерпите, пока придет ваш брат, у меня ничего нет, — и вошел и сказал: — берите, ешьте! — И братья набросились на хлеб, точно гули, а Джудар отдал матери оставшееся золото и сказал: — возьми, матушка, а когда придут мои братья, дай им денег, чтобы они купили себе поесть в мое отсутствие. — И он проспал ночь, а на утро взял сеть и пошел к пруду Каруна, и остановился, и хотел закинуть сеть, и вдруг приблизился другой магрибинец, верхом на муле, еще более нарядный, чем тот, что умер, и с ним был седельный мешок, а в мешке две шкатулки, в каждом кармане по шкатулке. — Мир тебе, о Джудар, — сказал магрибинец, и Джудар ответил: — и тебе мир, о господин мой хаджи! — и магрибинец спросил: — приезжал ли к тебе вчера магрибинец верхом на таком же муле, как этот? — И Джудар испугался и стал отрицать и сказал: — я никого не видел (он боялся, что магрибинец спросит: куда он поехал? — и если Джудар ответит: он утонул в пруде, — магрибинец, может быть, скажет: это ты его утопил! — и ему осталось только отрицать). — О бедняга, — сказал магрибинец, — это мой брат, и он опередил меня. — Я ничего не знаю, — сказал Джудар, и магрибинец спросил его: — разве ты не связал его и не бросил в пруд, и он не говорил тебе: — если высунутся мои руки, набрось на меня сеть и вытащи меня поскорее, а если высунутся мои ноги, я буду мертв, а ты возьми мула и отведи его к еврею Шамне, и он даст тебе сто динаров? — И высунулись его ноги,

и ты взял мула и отвел его к еврею, и тот дал тебе сто динаров? — Если ты это знаешь, зачем же ты меня спрашиваешь? — сказал Джудар, и магрибинец ответил: — я хочу, чтобы ты сделал со мною то же, что сделал с моим братом. — И он вынул шелковый шнурок и сказал Джудару: — свяжи меня и брось в пруд, и если со мной случится то же, что с моим братом, возьми мула, отведи его к еврею и возьми у него сто динаров. — Подходи, — сказал ему Джудар, и он подошел, и Джудар связал его и толкнул, и магрибинец упал в пруд и погрузился. И Джудар подождал немного, и показались ноги, и тогда Джудар воскликнул: — он умер в несчастии! Если захочет Аллах, ко мне будут каждый день приезжать магрибинцы, и я стану их связывать, и они поумирают, а мне хватит с каждого мертвого по сто динаров. — И он взял мула и пошел, и когда еврей увидел его, он сказал: — и этот тоже умер! — и Джудар отвечал: — пусть живет твоя голова! — Вот воздаяние жадным, — сказал еврей и, взяв у Джудара мула, дал ему сто динаров, и Джудар взял их и отправился к матери и отдал ей деньги. И мать спросила его: — о дитя мое, откуда у тебя это? — и Джудар рассказал ей, и она молвила: — ты больше не пойдемь к пруду Каруна: я боюсь за тебя из-за магрибинцев. — О матушка, — сказал Джудар, — я бросаю их только с их согласия, и что же мне делать! Вот ремесло, которое приносит нам каждый день сто динаров, и я быстро возвращаюсь. Клянусь Аллахом, я не брошу ходить к пруду Каруна, пока не исчезнет след магрибинцев и не останется из них никого. — И на

третий день он пошел и остановился, и вдруг подъехал магрибинец верхом на муле и с мешком, и он был одет еще наряднее, чем два первые. — Мир тебе, о Джудар, о сын Омара, — сказал он, — и Джудар подумал: — откуда они все меня знают? — а потом он ответил на приветствие, и всадник спросил: — проезжали в этом месте магрибинцы? — Двое, — ответил Джудар. — Куда они направились? — спросил всадник, и Джудар ответил: — я их связал и сбросил в этот пруд, и они утонули, и для тебя исход будет такой же. — И магрибинец засмеялся и сказал: — о бедняга, у всякого живущего своя судьба! — И он сошел с мула и сказал: — о Джудар, сделай со мной то же, что ты сделал с ними, — и вынул шелковый шнурок, а Джудар сказал: — выверни руки, чтобы я тебя связал: я спешу и мое время ушло. — И магрибинец вывернул руки, и Джудар связал его и толкнул, и он упал в пруд, а Джудар остался стоять, ожидая. И вдруг магрибинец высунул руки и сказал Джудару: — кидай сеть, о бедняга! — и Джудар накинул на него сеть и вытащил его, и вдруг оказалось, что магрибинец держит в руках двух рыб, цвета красного, как коралл, в каждой руке по рыбе. — Открой шкатулки, — сказал он Джудару, и Джудар открыл шкатулки, и магрибинец положил в каждую шкатулку по рыбе и закрыл отверстие шкатулок, а потом он обнял Джудара и поцеловал его в щеки, справа и слева, и воскликнул: — да избавит тебя Аллах от всякой беды! Клянусь Аллахом, если бы ты не накинул на меня сеть и не вытащил бы меня, я не перестал бы держать этих рыб и погружался бы в воду, пока

не умер бы, и я не мог бы выйти из воды. — О господин мой хаджи, — сказал Джудар, — заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, каково дело тех, что утонули раньше, и что такое, поистине, эти рыбы, и в чем дело с евреем... и Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДЕСЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Джудар спросил магрибинца и сказал ему: — расскажи мне про тех, что утонули раньше, — магрибинец ответил: — о Джудар, знай, что те, кто утонул раньше, мои братья, и одного из них звали Абд-ас-Селлям, а второго — Абд-аль-Ахад. Меня же зовут Абд-ас-Самад, а тот еврей — наш брат, и его зовут Абд-ар-Рахим, но только он не еврей, а мусульманин, маликит по исповеданию. Наш отец научил нас разрешать загадки, открывать клады и колдовать, и мы упражнялись в этом до тех пор, пока не стали нам служить мариды из джиннов и ифритов. Нас четверо братьев, и имя нашего отца — Абд-аль-Вадуд, и отец наш умер и оставил нам много денег. И стали мы делить сокровища, деньги и талисманы и дошли до книг и разделили их, и возникло между нами разногласие из-за книги, называемой Сказания Древних, которой нет подобия, и нельзя определить ей цены или уравновесить ее драгоценными камнями, так как в ней упомянуты все клады и разрешены загадки. Наш отец поступал согласно этой книге, а мы запомнили из нее немного, и у каждого из нас было желание ею завладеть, чтобы узнать то, что в ней находится. И когда

возникло между нами разногласие, явился в наше собрание шейх нашего отца, который его воспитал и обучил колдовству и волхвованию, а звали его Волхв Пресокровенный, и сказал нам: — подайте книгу! — И мы подали ему книгу, и он молвил: — вы дети моего сына, и невозможно, чтобы я кого-нибудь из вас обидел. Пусть тот, кто хочет взять эту книгу, пойдет разыскивать клад аш-Шамардаля и принесет мне круг небосвода, коробочку для сурьмы, перстень и меч. У перстня есть марид, который ему служит, по имени Грохочущий Гром, и над тем, кто владеет этим перстнем, не имеет власти ни царь, ни султан, и если он захочет овладеть всей землей и в длину и в ширину, он будет на это властен. А что до меча, то если он будет обнажен против войска и несущий его им взмахнет, он обратит войско вспять, и если он скажет мечу, когда будет им взмахивать: — перебей это войско! — из меча выйдет огневая молния и убьет все войско. Что же касается круга небосвода, то если тот, кто им овладеет, захочет увидеть все страны от востока до запада, он увидит их и сможет на них посмотреть, сидя на месте, и какую сторону он захочет увидеть, к той пусть направит он круг и посмотрит в него — он увидит ту страну и ее обитателей, как будто все это меж его руками. А если он разгневадается на какой-нибудь город и направит круг на диск солнца и захочет сжечь этот город, он сгорит. Что же до коробочки для сурьмы, то всякий, кто насурьмит из нее глаза, увидит все клады. Но у меня есть для вас одно условие: всякий, кто окажется не в силах открыть этот клад, не будет иметь права на эту книгу,

а тот, кто откроет клад и принесет мне эти четыре сокровища, имеет право взять книгу. — И мы согласились на это условие, и волхв сказал нам: — о дети мои, знайте, что клад аш-Шамардаля находится под властью детей Красного царя, и ваш отец мне рассказывал, что он старался открыть этот клад, но не мог, и дети Красного царя убеждали от него в один пруд в земле египетской, называемый прудом Каруна, и погрузились в пруд. И ваш отец настиг их в Египте, но не мог их схватить, потому что они ускользнули в этот пруд, а пруд заколдован... и Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ОДИННАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Волхв Пресокровенный рассказывал юношам эту историю и говорил: — и потом он вернулся побежденный и не мог открыть клад аш-Шамардаля, подвластный детям Красного царя, и когда ваш отец оказался перед ними бессилен, он пришел ко мне и мне пожаловался, и я начертил для него гадательную таблицу и увидел, что этот клад будет открыт только при помощи юноши из сынов Египта по имени Джудар, сын Омара — он будет причиной поимки детей Красного царя, и будет этот юноша рыбаком, и встреча с ним произойдет у пруда Каруна. И колдовство разрешится, только если Джудар свяжет обладателя счастья и кинет его в пруд, и он будет сражаться с детьми Красного царя, и всякий, кому предназначено счастье, схватит детей Красного царя, а тот, кому счастья нет, погибнет, и его ноги

покажутся из воды. У того же, кто останется цел, покажутся из воды руки, и будет нужно, чтобы Джудар накинул на него сеть и вытащил его из пруда. И мои братья сказали: — мы пойдем, даже если погибнем! — и я сказал: — я тоже пойду, — а что касается до нашего брата, который в обличьи еврея, то он сказал: — нет у меня к этому желания. — И мы сговорились с ним, что он отправится в Египет в обличьи еврея-купца, чтобы, когда кто-нибудь из нас умрет в пруде, взять у Джудара мула и мешок и дать ему сто динаров. И когда пришел к тебе первый из нас, его убили дети Красного царя, и они убили второго моего брата, но со мной они не справились, и я схватил их. — Где те, которых ты схватил? — спросил Джудар, и магрибинец сказал: — разве ты их не видел? Я их запер в шкатулки. — Это рыбы, — сказал Джудар, а магрибинец молвил: — это не рыбы, а ифриты в виде рыб. Но только знай, о Джудар, что открытие клада произойдет лишь с твоей помощью: послушаешься ли ты меня и пойдешь ли со мной в город Фас и Микнас? Мы откроем клад, и я дам тебе то, что ты потребуешь — ты ведь стал моим братом, по обету Алла-ху, — и ты вернешься к твоей семье с веселым сердцем. — О господин мой хаджи, — молвил Джудар, — у меня на шее мать и два брата... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

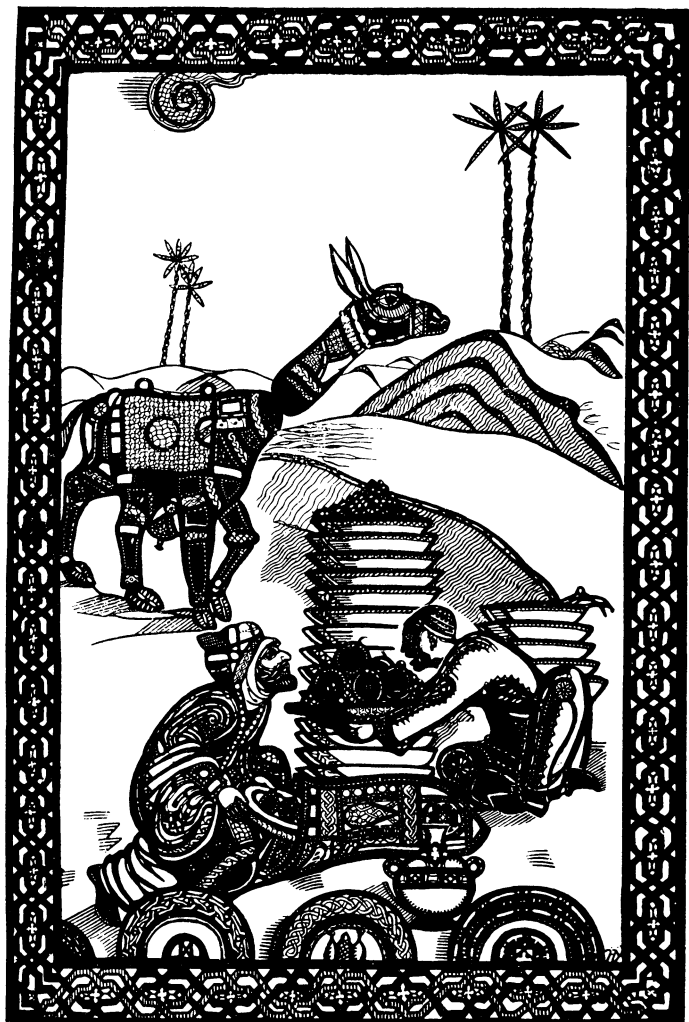
ШЕСТЬСОТ ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Джудар сказал магрибинцу: — у меня на шее мать и два брата, и я их содержу, и если я пойду

с тобой, кто станет кормить их хлебом? — Это пустой довод, — отвечал магрибинец. — Если дело в расходах, то мы тебе дадим тысячу динаров, и ты отдашь их твоей матери, чтобы она их тратила, пока ты не вернешься в свою страну, — ведь если ты отлучишься, то вернешься раньше, чем через четыре месяца. — И когда Джудар услышал о тысяче динаров, он сказал: — давай, о хаджи, тысячу динаров, я оставлю их у матери и пойду с тобой. — И паломник выложил ему тысячу динаров, и Джудар взял их и пошел к своей матери и рассказал ей, что у него произошло с магрибинцем, и сказал: — возьми эту тысячу динаров и трать их на себя и на моих братьев; я уезжаю с магрибинцем на запад и буду в отлучке четыре месяца, и мне достанется много добра. Помолись же за меня, матушка. — О дитя мое, — сказала ему мать, — ты заставляешь меня тосковать, и я боюсь за тебя. — О матушка, — ответил Джудар, — не будет с тем, кого хранит Аллах, беды, а магрибинец — человек хороший. — И он стал восхвалять ей его положение, и мать его сказала: — да смягчит Аллах к тебе его сердце! Поезжай с ним, о дитя мое, может быть, он тебе что-нибудь даст. — И Джудар простился с матерью и ушел, а когда он прибыл к магрибинуцу Абд-ас-Самаду, тот спросил его: — ты советовался с матерью? — и Джудар отвечал: — да, и она меня благословила. — Садись сзади меня, — сказал магрибинец, и Джудар сел на спину мула. И магрибинец ехал от полудня до предзакатного времени, и Джудар проголодался, но не видел у магрибинца ничего съестного. — О господин мой хаджи, — сказал он ему, — ты, может быть, забыл

захватить нам чего-нибудь поесть в дороге. — Ты голоден? — спросил магрибинец, и Джудар ответил: — да, — и тогда магрибинец с Джударом сошли с мула, и магрибинец сказал ему: — сними мешок! — И Джудар снял мешок, а магрибинец спросил: — чего тебе хочется, о брат мой? — А что есть? — спросил Джудар, и магрибинец молвил: — заклинаю тебя Аллахом, скажи мне, чего ты желаешь. — Хлеба с сыром, — сказал Джудар. — О бедняга, — воскликнул магрибинец, — хлеб с сыром тебя не достойны. Попроси чего-нибудь хорошего! — По мне все сейчас хорошо, — сказал Джудар, и магрибинец спросил: — ты любишь подрумяненных цыплят? — Да, — ответил Джудар. — А любишь рис с медом? — спросил магрибинец, и Джудар ответил: — да, — и магрибинец говорил: — а любишь такое-то блюдо и такое-то блюдо, и такое-то блюдо? — пока не назвал ему двадцать четыре блюда кушаний, и Джудар сказал про себя: — он одержимый. Откуда он принесет мне кушанья, которые назвал, когда у него нет ни кухни, ни повара. Скажи ему лучше: — хватит! — И он сказал ему: — хватит! Ты предлагаешь мне блюда, а я ни одного из них не вижу. — Простор тебе, Джудар, — сказал магрибинец и, сунув руку в мешок, вынул золотое блюдо с двумя горячими подрумяненными цыплятами, а потом он сунул руку во второй раз и вынул золотое блюдо с кебабом, и он до тех пор вынимал из мешка, пока не вынул те двадцать четыре кушанья, которые упомянул, полностью и до конца, и Джудар оторопел, а магрибинец сказал: — ешь, бедняга! — И Джудар воскликнул: — о господин, ты положил в этот мешок

кухню и людей, которые варят. — И магрибинец засмеялся и сказал: — к этому мешку приворожен слуга, и если бы ты требовал каждый час тысячу блюд, слуга приносил бы их и тотчас же подавал бы. — Вот прекрасный мешок! — воскликнул Джудар, и затем они поели вдоволь, а то, что осталось, магрибинец вынул и положил пустые блюда обратно в мешок. И он сунул туда руку и вынул кувшин, и они с Джударом напились и омылись и совершили предзакатную молитву, а потом магрибинец положил кувшин обратно в мешок и положил туда шкатулки и, взвалив мешок на мула, сел и сказал Джудару: — садись, поедем! О Джудар, — спросил он потом, — знаешь ли ты, сколько мы проехали от Мисра досюда? — Клянусь Аллахом, не знаю! — ответил Джудар, и магрибинец молвил: — мы проехали расстояние в целый месяц пути. — Как так? — спросил Джудар. — О Джудар, — сказал магрибинец, — знай, что мул, который под нами — марпд из маридов джиннов, и он проходит в день расстояние в год, но ради тебя он шел не торопясь. — И потом они сели и ехали до заката, а когда наступил вечер, магрибинец вынул из мешка ужин, а утром он вынул завтрак, и они ехали таким образом в течение четырех дней, и двигались до полуночи, и потом делали привал и спали, а утром пускались в путь, и всего, чего Джудар ни хотел, он просил у магрибинца, и тот вынимал это из мешка. А на пятый день они достигли Фаса и Микнаса и вступили в город, и когда они вошли, всякий, кто встречал магрибинца, здоровался с ним и целовал ему руку. И так продолжалось до тех пор, пока магрибинец

не дошел до одних ворот, и он постучался, и ворота вдруг открылись, и за ними показалась девушка, подобная луне. — О Рахма, о дочь моя, отопрь нам дворец, — сказал магрибинец, и девушка ответила: — на голове и на глазах, о батюшка! — и вошла, трясая боками, и ум у Джудара улетел, и он воскликнул: — это не иначе, как дочь царя! — И девушка отперла дворец, и магрибинец снял мешок с мула и сказал ему: — уходи, да благословит тебя Аллах! — и вдруг земля расступилась, и мул опустился вниз, и земля снова стала такой, как была. — О покровитель! — воскликнул Джудар. — Слава Аллаху, который нас спас, когда мы были на спине этого мула! — И магрибинец сказал ему: — не дивись, Джудар, я тебе говорил, что мул — ифрит. Но пойдем во дворец. — И они вошли в этот дворец, и Джудар был ошеломлен обилием роскошных ковров и тем, что увидел там из редкостей и украшений из драгоценных камней и металлов. И когда они сели, магрибинец отдал девушке приказание и сказал ей: — о Рахма, подай такой-то узел! — и девушка поднялась и принесла узел и положила его перед своим отцом, а тот развязал узел и вынул из него одежду, стоявшую тысячу динаров, и сказал Джудару: — надевай, о Джудар, да будет тебе простор! — и Джудар надел эту одежду и стал подобен царю из царей запада. А магрибинец положил перед собой мешок и, сунув в него руку, вынимал из него блюда с разными кушаньями, пока не получилось скатерти с сорока блюдами, и сказал: — о господин, подойди, поешь и не взыщи с нас... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ТРИНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда магрибинец ввел Джудара во дворец, он расстелил для него скатерть с сорока блюдами и сказал ему: — подойди, поешь и не взыщи с нас: мы не знаем, чего ты желаешь из кушаний. Скажи нам, чего тебе хочется, и мы тебе это подадим, не откладывая. — Клянусь Аллахом, о господин мой хаджи, я люблю всякие кушанья, и ничего мне не противно, — ответил Джудар. — Не спрашивай же меня ни о чем и подавай все, что придет тебе на ум, а мне следует только есть. — И Джудар провел у магрибинца двадцать дней, и тот каждый день одевал его в новую одежду, а еда появлялась из мешка, и магрибинец не покушал ни мяса, ни хлеба и не варил, а вынимал все, что нужно, из мешка, даже разные плоды. А на двадцать первый день магрибинец сказал: — о Джудар, пойдем — сегодня день, назначенный для открытия клада аш-Шамардаля. — И Джудар вышел с ним, и они прошли до конца города, а затем вышли из него, и Джудар сел на мула, и магрибинец тоже сел на мула, и они ехали до времени полудня, и подъехали к каналу с текучей водой. И тогда Абд-ас-Самад спешился и сказал: — сходи, о Джудар! — и Джудар тоже спешился, и Абд-ас-Самад крикнул: — живо! — и сделал рукой знак двум рабам, и те взяли мулов, и каждый из рабов ушел по дороге. И они ненадолго скрылись, а потом один из них пришел с шатром и поставил его, а другой принес ковры и постлал их в шатре, а вдоль стен

шатра он положил подушки и подлокотники, И потом один из рабов ушел и принес две шкатулки, в которых находились рыбы, а второй принес мешок, и магрибинец встал и сказал: — пойди сюда, о Джудар. — И Джудар подошел и сел подле него, и магрибинец вынул из мешка блюда с кушаньями, и они пообедали, а после этого магрибинец взял шкатулки и начал над ними колдовать, и рыбы в шкатулках заговорили и сказали: — мы здесь, о волхв этого мира, помилуй нас! — и стали звать на помощь, а магрибинец все колдовал, пока шкатулки не разорвались на куски и куски их не разлетелись, и тогда из шкатулок показались двое связанных, которые кричали: — пощады, о волхв этого мира! Что ты хочешь с нами сделать? — И магрибинец ответил: — я хочу вас сжечь, или вы мне обещаете открыть клад аш-Шамардаля, — и связанные сказали: — мы тебе обещаем и откроем клад, но с условием, что ты приведешь рыбака Джудара. Клада не открыть иначе, как с его помощью, и никто не может войти туда, кроме Джудара, сына Омара. — Того, о ком вы говорите, я привел, и он здесь вас слышит и видит, — сказал магрибинец, и те двое обещали ему, что откроют клад, и он отпустил их. И затем он вынул тростинку и несколько дощечек из красного сердоллика, которые он положил рядом с тростинкой, а после этого он взял жаровню и положил туда углей и подул на них один раз и зажег в них огонь и, принеся куренья, сказал: — о Джудар, я буду читать заклинания и брошу на огонь куренья, и когда я начну заклинания, я не смогу говорить: иначе заклинание будет недействительно. Я хочу научить тебя, что

тебе делать, чтобы достигнуть желаемого. — Научи меня, — сказал Джудар, и магрибинец молвил: — знай, что когда я начну колдовать и брошу куренья, вода в потоке высохнет, и ты увидишь золотые ворота, величиной с ворота города, с двумя кольцами из металла. Спустись к воротам и постучись легким стуком, и подожди немного, и постучись в другой раз, стуком более тяжким, чем первый, а потом подожди немного и постучись тремя ударами, следующими один за другим, и ты услышишь, как кто-то говорит: — кто стучится в ворота клада, а сам не умеет разрешать загадки? — Тогда скажи: — я, рыбак Джудар, сын Омара, — и ворота распахнутся, и выйдет из них человек с мечом в руке и скажет тебе: — если ты этот человек, протяни шею, чтобы я скинул тебе голову. — Протяни ему шею и не бойся: когда он поднимет руку с мечом и ударит тебя, он упадет перед тобой, и через некоторое время ты увидишь, что это — человек без духа. Тебе не будет больно от удара, и с тобой ничего не случится, но если ты ослушаешься этого человека, он убьет тебя. А когда ты уничтожишь его чары повинованием, входи и увидишь еще ворота. Постучись в них, и к тебе выедет всадник верхом на коне, и на плече у него будет копье. И всадник спросит тебя: — что тебя привело в это место, куда не входит никто из людей и джиннов? — и взмахнет над тобою копьем, а ты открой ему свою грудь, и он ударит тебя и сейчас же упадет, и ты увидишь, что он — тело без духа. А если ты ослушаешься, он убьет тебя. Затем войди в третьи ворота, и выйдет к тебе потомок Адама с луком и стрелами в руках, и он метнет в тебя из лука,

а ты открой ему свою грудь, и он поразит тебя и упадет перед тобою бездыханным телом. А если ослушаешься, он убьет тебя. Затем войди в четвертые ворота... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что магрибинец говорил Джудару: — войди в четвертые ворота и постучись — они распахнутся, и к тебе выйдет лев, огромный телом, и бросится на тебя, и разинет пасть, показывая, что хочет тебя съесть, но ты не бойся и не беги, а когда лев дойдет до тебя, дай ему руку — он сейчас же упадет, и с тобой ничего не случится. А потом войди в пятые ворота, и к тебе выйдет черный раб и спросит тебя: — кто ты? — а ты скажи ему: — я Джудар, — и раб скажет тебе: — если ты этот человек, отпери шестые ворота. — А ты подойди к воротам и скажи: — о Иса, скажи Мусе, чтобы он отпер ворота! — и ворота откроются, и тогда входи и увидишь двух драконов, одного справа, другого слева, и каждый из них разинет пасть и бросится на тебя. Протяни им руки, и каждый из драконов укусит тебя за руку, а если ты ослушаешься, они убьют тебя. А потом подойди к седьмым воротам и постучись, к тебе выйдет твоя мать и скажет тебе: — добро пожаловать, о сын мой! Подойди, я с тобой поздороваюсь! — а ты скажи ей: — держись от меня вдали и сними с себя одежду! — И она скажет тебе: — о сын мой, я твоя мать, и у меня над тобой право кормле-

пия и воспитания — как же ты меня обнажаешь? — а ты скажи: — если ты не снимешь с себя одежду, я убью тебя. — И посмотри направо — увидишь меч, повешенный на стене; возьми его и обнажи над нею, и говори ей: — снимай! — и она будет тебя обманывать и унижаться перед тобой, но не жалея ее и, всякий раз как она что-нибудь снимет, говори ей: — снимай остальное! — и не переставай угрожать ей убийством, пока она не снимет всего, что на ней есть, и не упадет. Тогда ты разрешил загадки и уничтожил чары и будешь в безопасности. Входи и увидишь золото кучами внутри клада, но не заботься ни о чем из этого, а посредине клада ты увидишь комнату, перед которой повешена занавеска, приподними ее и увидишь волхва аш-Шамардаля лежащим на золотом ложе, и в головах у него будет что-то круглое, сверкающее, как луна. Это круг небосвода, а опоясан аш-Шамардаль мечом, и на пальце у него перстень, а на шее цепочка, на которой висит коробочка для сурьмы. Возьми эти четыре сокровища и берегись что-нибудь забыть из того, что я тебе рассказал, и не ослушайся — будешь раскаиваться, и за тебя придется тогда опасаться. — И магрибинец повторил ему свое наставление во второй, в третий и в четвертый раз, и наконец Джудар сказал: — я запомнил, но кто может устоять против чар, о которых ты упомянул, и вытерпеть такие великие ужасы? — О Джудар, не бойся, это все тела без духа, — сказал магрибинец и стал его успокаивать, и Джудар воскликнул: — полагаюсь на Аллаха!

И затем магрибинец Абд-ас-Самад бросил на огонь порошки и некоторое время колдовал, и

вдруг вода ушла, и показалось дно потока, и стали видны ворота клада. И Джудар спустился к воротам и постучал в них и услышал, как кто-то говорит: — кто это стучит в ворота клада и не умеет разрешать загадки? — И Джудар сказал: — я, Джудар, сын Омара, — и ворота распахнулись, и к нему вышел тот человек и обнажил меч и сказал: — протяни шею, — и Джудар протянул шею, и человек ударил его и упал. И то же было у вторых ворот и дальше, пока Джудар не уничтожил чар семи ворот, и тогда вышла его мать и сказала: — будь здоров, о дитя мое! — И Джудар спросил: — что ты такое? — и женщина сказала: — я твоя мать, и у меня над тобой право кормления и воспитания, и я носила тебя девять месяцев, о дитя мое. — Снимай одежду, — сказал Джудар, и женщина молвила: — ты мой сын, как же ты меня обнажаешь! — но Джудар воскликнул: — снимай, или я сниму тебе голову вот этим мечом. — И он протянул руку и, взяв меч, обнажил его над женщиной и сказал ей: — если ты не скинешь одежды, я убью тебя. — И спор между ними затянулся, и наконец, когда Джудар умножил угрозы, женщина скинула кое-что, и Джудар воскликнул: — скидывай остальное! — и долго с ней спорил, пока она не скинула еще кое-что, и дело продолжалось таким образом, и женщина говорила: — о дитя мое, обмануло в тебе воспитание! — пока на ней не осталось ничего, кроме рубахи. И тогда она сказала: — о дитя мое, разве сердце у тебя каменное, и ты опозоришь меня, обнажив мою срамоту? О дитя мое, разве это не запрещено? — И Джудар сказал: — твоя правда, не скидывай рубахи! — и едва произнес он эти

слова, как женщина закричала: — он ошибся! Бейте его! — и на него посыпались удары, точно капли дождя, и слуги клада собрались вокруг него и задали ему порку, которой он не забывал всю жизнь, а потом его вытолкали и выбросили за ворота клада, и ворота замкнулись, как прежде. И когда Джудара выбросили за ворота, магрибинец тотчас же подхватил его, и воды потекли попрежнему... и Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ПЯТНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда слуги клада побили Джудара и выбросили его за ворота и ворота замкнулись и поток побежал попрежнему, Абд-ас-Самад, магрибинец, поднялся и читал над Джударом, пока тот не пришел в себя и не очнулся после забытья, и тогда магрибинец спросил его: — что ты сделал, несчастный? — и Джудар отвечал: — я уничтожил все препятствия и дошел до моей матери, и у меня с нею возник долгий спор, и она стала, о брат мой, скидывать одежду, и на ней не осталось ничего, кроме рубахи, и тогда она сказала мне: — не позорь меня, ведь обнажать срамоту запрещено. — И я оставил на ней рубаху из жалости к ней, и вдруг она закричала: — он ошибся! Бейте его! — и вышли люди (я не знаю, где они были) и задали мне такую порку, что я был близок к смерти, и вытолкали меня, и я не знаю, что было со мной после этого. — Не говорил ли я тебе: не будь непослушен? — сказал магрибинец. — Ты причинил зло мне и себе самому, и если бы она

сняла рубаху, мы бы достигли желаемого. А теперь ты пробудешь у меня до этого же дня в будущем году. — И он тотчас же кликнул рабов, и те отвязали палатку и унесли ее и, скрывшись ненадолго, вернулись с мулами, и Джудар с магрибинцем сели каждый на мула и вернулись в город Фас. И Джудар стал жить у магрибинца за хорошей едой и хорошим питьем, и каждый день магрибинец одевал его в роскошную одежду, пока год не кончился и не пришел тот же день. — Вот назначенный день, — сказал тогда магрибинец, — пойдем! — и Джудар отвечал: — хорошо! — и магрибинец вывел его за город, и они увидели тех двух рабов с мулами и сели и приехали к потоку. И рабы поставили палатку и устлали ее коврами, и магрибинец вынул скатерть, и они пообедали, а потом он вынул тростинку и дощечки, как в первый раз, и зажег огонь и принес куренья и сказал: — о Джудар, я хочу дать тебе наставление. — О господин мой хаджи, — ответил Джудар, — если я забыл порку, то забыл и наставление. — Помнишь ли ты наставление? — спросил магрибинец, — и Джудар отвечал: — да! — и магрибинец молвил: — береги свою душу и не думай, что та женщина — твоя мать. Это — сторож клада в образе твоей матери, и он хочет заставить тебя ошибиться. Если в первый раз ты вышел живым, то в этот раз, если ты ошибешься, тебя выкинут убитым. — Если я ошибусь, то достоин того, чтобы меня сожгли, — сказал Джудар, и тогда магрибинец насыпал порошок и стал колдовать. И поток высох, и Джудар подошел к воротам и постучался, и ворота распахнулись, и он уничтожил семь охран и дошел до своей

матери, и та сказала ему: — добро пожаловать, о сын мой! — а Джудар воскликнул: — откуда я тебе сын, о проклятая? Скидывай одежду! — И женщина стала его обманывать и скидывала одну вещь за другой, пока на ней не осталось ничего, кроме рубахи, и Джудар воскликнул: — скидывай, проклятая! — и она скинула рубаху и стала телом без духа. И Джудар вошел и увидел золото кучами, но не обратил ни на что внимания, и затем он вошел в комнатку и увидел волхва аш-Шамардаля, который лежал опоясанный мечом, с перстнем на пальце и коробочкой для сурьмы на груди, а в головах у него Джудар увидел круг небосвода. И он подошел и отвязал меч и взял перстень, круг небосвода и коробочку и вышел, и вдруг заиграли для него музыку, и слуги клада закричали: — на здоровье тебе то, что тебе даровано, о Джудар! — И музыка играла, пока Джудар не вышел из клада, а когда он пришел к магрибинцу, тот перестал заклинать и окуривать и поднялся и обнял Джудара и приветствовал его. И Джудар отдал ему четыре сокровища, и магрибинец взял их и кликнул рабов, и рабы взяли палатку и унесли ее и вернулись с мулами, и Джудар с магрибинцем сели и въехали в город Фас. И магрибинец принес мешок и стал вынимать из него блюда и кушанья, и перед ним оказалась полная скатерть, и тогда он сказал: — о брат мой! о Джудар, ешь! — И Джудар ел, пока не насытился, и магрибинец вылил остаток кушаний в другие блюда, и пустые положил обратно в мешок, а потом магрибинец Абд-ас-Самад сказал: — о Джудар, ты покинул твою землю и страну из-за нас и исполнил наше дело, и за

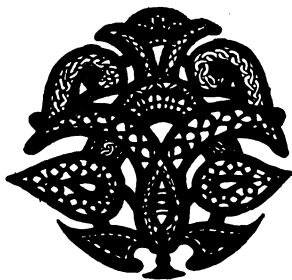

нами осталось для тебя одно желание. Пожелай же того, что попросишь, Аллах великий даровал это тебе при нашем посредстве. Проси же, чего желаешь, и не стыдись, ты заслужил. — О господин мой, — сказал Джудар, — я желаю от Аллаха великого, а затем от тебя, чтобы ты дал мне этот мешок. — Подай мешок, — сказал магрибинец, и Джудар подал мешок, и магрибинец сказал: — возьми его, он твой по праву, и если бы ты пожелал другого, мы бы тебе дали. Но ведь из него, о бедняга, ты будешь пользоваться только пищей, а ты терпел с нами тяготы, и мы тебе обещали, что вернем тебя в твою страну с радостным сердцем. Из этого мешка ты будешь есть, и мы дадим тебе другой мешок, полный золота и драгоценных камней, и доставим тебя в твою страну, и ты сделаешься купцом. Одень себя и свою семью, и тебе не нужно будет денег, и есть ты с семьей станешь из этого мешка. А поступать с ним нужно вот как: ты опустишь в него руку и скажешь: — заклинаю тебя теми великими именами, которые над тобою, о слуга этого мешка, принеси мне такое-то блюдо! — и он принесет тебе то, что ты потребуешь, хотя бы ты требовал каждый день тысячу блюд.

И потом магрибинец призвал раба с мулом и наполнил Джудару мешок — один карман золотом, другой драгоценными камнями и дорогими металлами, и сказал: — садись на этого мула, а раб пойдет впереди тебя, — он будет показывать тебе дорогу, пока не приведет тебя к воротам твоего дома, — а когда приедешь, возьми мешки и отдай рабу мула, он приведет его сюда. Не

открывай же никому своей тайны. Поручаем тебя Аллаху! — Да умножит Аллах тебе благо! — сказал Джудар и, положив мешки на спину мула, сел и поехал, а раб пошел впереди, и мул следовал за рабом весь день и всю ночь. А на другой день утром Джудар въехал в Ворота Победы и увидел свою мать, которая сидела и говорила: — чего-нибудь ради Аллаха! — И его разум улетел, и он сошел со спины мула и бросился к своей матери, а та, увидев его, заплакала, и Джудар посадил ее на спину мула, а сам шел у стремени, пока не пришел к дому. И тогда он снял свою мать на землю и взял мешки и оставил мула рабу, а тот ушел к своему господину, так как этот раб был шайтан, и мул — тоже шайтан.

то же касается Джудара, то ему было тяжело, что его мать просит, и, войдя в дом, он спросил: — о матушка, мои братья здоровы? — Здоровы, — ответила ему мать, и Джудар спросил: — почему же ты просишь на дороге? — О сын мой, с голоду, — сказала ему мать, и Джудар молвил: — я дал тебе, прежде чем уехать, сто динаров в первый день, и сто динаров на другой день, и дал тебе тысячу динаров в день отъезда. — О дитя мое, — ответила ему мать, — твои братья схитрили со мной и взяли их у меня и сказали: — мы хотим купить на них припасов, — и отобрали у меня деньги и выгнали меня, и я стала просить на дороге из-за сильного голода. — О матушка, — сказал Джудар, — с тобой не будет беды, раз я пришел, не обременяй же себя никакой заботой. Вот мешок, полный золота и драгоценностей, и добра у меня много. — И мать его сказала: —

о дитя мое, ты счастливый, да будет доволен тобою Аллах и да увеличит он свои милости к тебе! Встань, о сын мой, принеси нам хлеба — я со вчерашнего дня очень голодна и без ужина. — И Джудар засмеялся и воскликнул: — да будет тебе просторно, о матушка, требуй, что ты будешь есть, и я сейчас же тебе подам! Мне не надо покупать на рынке и не нужно никого, чтобы варить. — О дитя мое, я ничего у тебя не вижу, — сказала ему мать, и Джудар молвил: — у меня в мешке всякие блюда. — О дитя мое, все, что найдется, задержит дух в теле, — сказала Джудару мать, и он молвил: — твоя правда. Когда нет достатка, человек довольствуется самым малым, но когда достаток имеется, человеку хочется поесть чего-нибудь хорошего. А у меня есть все, что можно найти. Требуй же, чего хочешь! — О дитя мое, горячего хлеба и кусок сыру, — сказала его мать, и Джудар молвил: — о матушка, это не по твоему сану. — Ты знаешь мой сан, накорми же меня тем, что к моему сану подходит, — сказала ему мать, и Джудар молвил: — о матушка, по твоему сану — подрумяненное мясо и подрумяненные цыплята, и рисовый пилав с перцем, и еще кишки с начинкой, и тыква с начинкой, и барашек с начинкой, и ребрышки с начинкой, и лапша с миндалем и пчелиным медом и сахаром, и пирожки с патокой, и баклава. — И его мать подумала, что он над ней смеется и потешается, и сказала: — ай-ай, что это с тобой случилось! Ты видишь сон или помешался? — Почему ты подумала, что я помешался? — спросил Джудар, и его мать сказала: — потому что ты называешь мне всякие роскошные блюда, а кто

же может за них заплатить и кто умеет их стряпать? — Клянусь жизнью, я обязательно должен накормить тебя всем, что я сейчас назвал! — воскликнул Джудар, и его мать сказала: — я не вижу здесь ничего! — Поддай мешок! — сказал Джудар, и мать принесла ему мешок и пощупала его, и увидела, что он пустой. И она подала мешок Джудару, и тот стал опускать в него руку и вынимал оттуда полные блюда, пока не вынул все, что он назвал, и тогда его мать сказала: — о дитя мое, этот мешок маленький, и он был пустой и в нем ничего не было, а ты вынул из него все это. Где же были эти блюда? — О матушка, — отвечал Джудар, — знай, что этот мешок дал мне магрибинец. Он зачарован, и у него есть слуга, и когда кто-нибудь чего-нибудь захочет и произнесет над мешком имена и скажет: — о слуга этого мешка, поддай мне такое-то блюдо! — он его принесет. — Не протянуть ли мне руку и не попросить ли у него? — сказала Джудару мать, и он сказал: — протяни руку! — и его мать протянула руку и сказала: — заклинаю тебя теми именами, которые над тобою, о слуга мешка, принеси мне ребрышко с начинкой! — И она увидела, что в мешке появилось блюдо, и, опустив в мешок руку, взяла его, и оказалось, что на блюде отличное ребрышко с начинкой. А потом Джудар потребовал хлеба и всего, чего пожелала его мать из разных кушаний, и сказал ей: — о матушка, когда кончишь есть, переложи остаток кушаний в другие блюда, а пустые блюда положи обратно в мешок: колдовство действует таким образом. А мешок береги. — И мать его унесла мешок и спрятала его, и Джудар сказал ей:

о матушка, скрывай тайну. Я оставлю мешок у тебя, и всякий раз, как тебе что-нибудь понадобится, вынимай это из мешка. Раздавай милостыню и корми моих братьев — все равно, в моем присутствии или в моем отсутствии. — И Джудар со своей матерью начал есть, и вдруг вошли к нему его братья. А до них дошел слух обо всем от одного из жителей той же улицы, и он сказал им: — ваш брат приехал верхом на муле, и впереди его шел раб, и на Джударе была одежда, которой нет равной, — и тогда братья сказали друг другу: — о, если бы мы не огорчили нашу мать! Она обязательно ему расскажет о том, что мы с ней сделали. О, позор нам перед ним! — И один из братьев сказал: — наша мать жалостливая, и если она ему рассказала, то наш брат еще больше нас жалеет, и когда мы перед ним извинимся, он примет наши извинения. — И братья вошли к Джудару и тот поднялся на ноги и приветствовал их наилучшим образом и сказал: — садитесь, ешьте! — и братья сели и начали есть, а они были слабые от голода. И они ели, пока не насытились, и потом Джудар сказал им: — о братья, возьмите остатки кушаний и разделите их между бедняками и нищими. — О брат наш, — сказали братья, — оставь это нам на ужин. — В пору ужина вам будет еще больше, — молвил Джудар, и тогда братья вынесли остатки кушаний и говорили всякому бедняку, который проходил мимо них: — бери, ешь! — пока ничего не осталось. И они принесли блюда назад, и Джудар сказал матери: — положи их в мешок... и Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ШЕСТНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда его братья покончили с обедом, Джудар сказал своей матери: — положи блюда в мешок, — а под вечер он пошел в большую комнату и вынул из мешка трапезу в сорок блюд и вышел и, сев между братьями, сказал матери: — подавай ужин. — И его мать вошла в ту комнату и увидела, что блюда полны, и тогда она постлала скатерть и стала носить блюда, одно за другим, пока не принесла все сорок блюд полностью. И они поужинали, и после ужина Джудар сказал: — возьмите, накормите нищих и бедняков, — и братья взяли остатки кушаний и роздали их. А после ужина Джудар вынул сладости, и все поели, а тем, что после них осталось, Джудар велел накормить соседей, и на другой день то же было с завтраком. И так продолжалось десять дней, а затем Салим сказал Селиму: — что за причина этому делу? Наш брат выставляет нам угощение утром, угощение в полдень и угощение на закате солнца, и к концу вечера — сладости, и все, что остается, он делит между бедняками. Это — поступки султанов, и откуда пришло к нему такое счастье? Разве ты не спрашиваешь себя об этих разнообразных кушаньях и сладостях? Все, что остается, он делит между нищими и бедняками, и мы никогда не видели, чтобы он что-нибудь покупал или зажигал огонь, и у него нет ни кухни, ни повара. — Клянусь Аллахом, я не знаю, — ответил его брат, — но знаешь ли ты кого-нибудь, кто бы рассказал нам об

истине в этом деле? — Нам не расскажет никто, кроме нашей матери, — сказал Салим. И они придумали хитрость и пришли в отсутствие брата к матери и сказали: о матушка, мы голодны. — Радуйтесь! — сказала их мать и, выйдя в большую комнату, попросила слугу мешка и вынула братьям горячих кушаний. — О матушка, — сказали братья, — эти кушанья горячие, а ты не стряпаешь и не вздуваешь огня. — Они из мешка, — сказала мать, и братья спросили: — а что это за мешок? — и мать их молвила: — этот мешок заколдован, и просить надо у его сторожа. — И она рассказала им, в чем дело, и сказала: — скрывайте тайну! — и братья молвили: — тайна скрыта, о матушка, но научи нас, как это делается. — И мать научила их, и братья стали опускать руки в мешок и вынимать то, что они просили, а брату их это было неизвестно, и когда они поняли, какой это мешок, Салим сказал Селиму: — о брат мой, до каких пор мы будем жить у Джудара в виде слуг и питаться его милостыней? Не сделать ли нам с ним хитрость? Возьмем этот мешок и овладеем им. — А какова будет хитрость? — спросил Селим, и Салим сказал: — мы продадим брата начальнику Суэцкого моря. — А как нам сделать, чтобы продать его? — спросил Селим, и Салим сказал: — я пойду с тобой к этому начальнику, и мы пригласим его с парочку его людей, а ты подтверждай то, что я буду говорить Джудару, и к концу вечера я покажу тебе, что я сделаю. — И они стоворились продать брата и пошли в дом начальника Суэцкого моря, и когда Салим и Селим вошли к начальнику, они сказали ему: — о начальник, мы

пришли к тебе с делом, которое тебя порадует. — Хорошо, — сказал начальник, и братья продолжали: — мы братья, и у нас есть третий брат — шалопай, в котором нет добра. Наш отец умер и оставил нам изрядную долю денег, и когда мы разделили деньги, наш брат взял то, что ему досталось из наследства, и растратил на разврат и распутство, а обеднев, он стал на нас жаловаться властям и говорил нам: — вы взяли мои деньги и деньги моего отца. — И мы стали судиться у судей и потеряли деньги, и он подождал немного и пожаловался на нас второй раз, и мы обеднели, но он не отстал от нас, и мы из-за него в тревоге. Мы хотим, чтобы ты его у нас купил. — Вы можете ухитриться и привести его сюда, чтобы я скорей послал его в море? — спросил начальник, и братья сказали: — мы не можем его привести, но ты будешь у нас гостем и приведешь с собой двоих, не больше, и когда наш брат заснет, мы все пятеро нападем на него и схватим его и сунем ему в рот затычку, и ты его возьмешь ночью и выйдешь с ним из дома, а потом делай с ним, что хочешь. — Слушаю и повинуюсь! — сказал начальник. — Продадите вы его за сорок динаров? — Да, — отвечали братья. — После вечерней молитвы приходи в такую-то улицу и найдешь одного из нас ожидающим. — И начальник сказал: — ступайте! — и они отправились к Джудару и подождали немного, и потом Салим подошел к Джудару и поцеловал ему руку. — Что с тобой, брат? — спросил Джудар, и Салим сказал: — знай, что у меня есть приятель, и он много раз приглашал меня к себе домой, когда

тебя не было, и сделал мне тысячу благодеяний. Он постоянно оказывал мне почет, и мой брат это знает, и сегодня я поздоровался с ним, и он пригласил меня, и я сказал: — я не могу оставить брата. — И тогда он сказал: — приведи его с собой, — а я ответил: — он на это не согласится, но если бы ты был у нас гостем вместе с твоими братьями... — А его братья сидели подле него, и я пригласил их и думал, что я их приглашу, а они откажутся, но когда я пригласил его с братьями, он согласился и сказал мне: — дождись меня у входа в молельню, я приду с братьями. — И я боюсь, что он придет, и мне тебя стыдно. Не залечишь ли ты мне сердце и не угостишь ли их сегодня вечером? У тебя добра много, о брат мой, но если ты не согласен, позволь мне привести их в дом соседей. — А зачем тебе приводить их в дом соседей? — спросил Джудар. — Разве наш дом тесен, или нам нечего подать им на ужин? Стыдно тебе со мной советовать, тебе нужно только попросить хороших кушаний и сладостей, и от них еще останется. А если ты приведешь людей и я буду в отлучке, то попроси у твоей матери, она выставит тебе кушаний с излишком. Ступай приведи их, опустились на нас благословения! — И Салим поцеловал у Джудара руку и ушел, и сидел у дверей в молельню, пока не прошло время вечерней молитвы, и тогда эти люди подошли к нему, и он взял их и вошел в дом. И увидав их, Джудар сказал: — добро вам пожаловать! — и посадил их, и подружился с ними, и не знал он, что ждет его из-за них в неведомом. И он потребовал от своей матери ужин, и она стала вынимать из

мешка блюда, и Джудар говорил: — подай такое-то блюдо! — пока не оказалось перед ним сорок блюд. И они поели вдоволь и скатерть убрали, и моряки думали, что все это угощение — от Салима, а когда прошла треть ночи, Джудар вынул для них сладости, и Салим им прислуживал, а Джудар и Селим сидели, пока им не захотелось спать. И Джудар поднялся и лег спать, и другие тоже легли, и когда Джудар забылся, они встали и напали на него, и Джудар очнулся уже с затычкой во рту. И ему скрутили руки и понесли его и вынесли его из дома под покровом ночи... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СЕМНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Джудара взяли и понесли и вынесли из дома под покровом ночи и послали его в Суэц и наложили ему на ноги цепи. И стал он прислуживать, и все молчал и служил, как служат пленники или рабы, в течение целого года, и вот что было с Джударом.

Что же касается его братьев, то, проснувшись утром, они вошли к своей матери и сказали ей: — о матушка, наш брат Джудар еще не просыпался. — Разбудите его, — сказала мать, и братья его спросили: — где он спит? — С гостями, — отвечала мать, и братья сказали: — может быть, он ушел с гостями, когда мы спали, о матушка? Похоже, что наш брат нашел вкус в пребывании на чужбине и захотел войти в клады. Мы слышали, как он разговаривал с магрибинцами, и те ему гово-

рили: — мы возьмем тебя с собой и откроем тебе клад. — А он виделся с магрибинцами? — спросила их мать, и они сказали: — а разве они не были у нас в гостях? — Может быть, он и отправился с ними, — сказала их мать, — но Аллах выведет его на прямой путь. Он ведь счастливый и обязательно принесет множество добра. — И она заплакала, и ей показалось тяжело расстаться с Джударом, и братья сказали ей: — о проклятая, неужели ты любишь Джудара такой любовью! А когда мы уходим или приходим, ты не радуешься и не печалишься. Разве мы не твои дети, как и Джудар твой сын? — Вы мои дети, — отвечала им мать, — но вы несчастные, и вы не сделали мне милости. С того дня, как умер ваш отец, я не видела от вас блага, а что до Джудара, то я видела от него великое благо, и он залечил мое сердце и оказал мне уважение, и мне следует о нем плакать, так как его милость лежит на мне и на вас. — И когда братья услышали эти слова, они стали ругать свою мать и бить ее и, войдя в дом, искали мешок, пока не наткнулись на него, и они взяли из одного кармана драгоценные камни, а из другого — золото и заколдованный мешок и сказали матери: — это имущество нашего отца! — Нет, клянусь Аллахом, — отвечала им мать, — это имущество вашего брата Джудара, которое он принес из страны магрибинцев. — Ты лжешь, — сказали братья, — это имущество нашего отца, и мы будем им распоряжаться! — И они разделили найденное между собой, и у них возникло несогласие насчет заколдованного мешка, и Салим сказал: — я возьму его! — и Селим тоже сказал: — я возьму его! — и началось

между ними препирательство. И тогда мать сказала: — о дети мои, золото и драгоценности, которые были в мешке, вы разделили, а этого мешка не разделить и не уравновесить деньгами, а если разорвать его на два куска, его чары исчезнут. Оставьте же его у меня, и я буду выставлять вам поесть во всякое время, а сама, между вами, удовольствуюсь кусочком и тем, что вы оденете меня во что-нибудь, по вашей милости. Каждый из вас начнет торговое дело с людьми, и вы — мои дети, а я — ваша мать. Останемся же в прежнем положении, боясь позора: ведь, может быть, брат ваш придет. — Но братья не послушались ее слов и провели эту ночь в спорах, и их услышал один лучник из приближенных царя, — а он был приглашен в дом, возле дома Джудара, где было открыто окно. И лучник выглянул из окна и услышал весь спор и те слова, которые говорили братья о дележе, и когда наступило утро, этот лучник пошел к царю, — а звали царя Шамс-ад-Даула, и он был в то время царем Египта. И когда лучник вошел к нему, он рассказал о том, что услышал, и царь послал за братьями Джудара и велел привести их и кинуть под пытку, и они сознались, и царь отнял у них мешок и посадил их в тюрьму. А затем он назначил матери Джудара на каждый день столько благ, чтобы ей хватило, и вот то, что было с ними.

Что же касается Джудара, то он провел целый год, прислуживая в Суэде, а через год они ехали на корабле, и напал на них ветер, который кинул их корабль к одной горе, и корабль разбился, и все, что было на нем, потонуло, и никто не

достиг суши, кроме Джудара, а остальные путники умерли. И когда Джудар достиг суши, он шел до тех пор, пока не дошел до кочевья арабов, и те спросили его, что с ним, и он рассказал им, что был моряком на корабле, и поведал им свою историю. А в кочевье был один купец из жителей Джидды, и он сжалился над Джударом и сказал ему: — не послужишь ли ты у нас, о египтянин, и я буду тебя одевать и возьму тебя с собою в Джидду? — И Джудар служил ему и ехал с ним, пока они не достигли Джидды, и купец оказал ему великий почет, а потом купец, господин Джудара, захотел совершить паломничество и взял Джудара в Мекку. И когда они вступили туда, Джудар пошел совершить круговой обход в заповедном пространстве, и когда он совершал обход, он вдруг увидел своего приятеля магрибинца Абд-ас-Самада, который тоже совершал обход. . . и Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ВОСЕМНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Джудар шел, совершая круговой обход, он вдруг увидел своего приятеля магрибинца Абд-ас-Самада, который тоже совершал обход. И увидав Джудара, магрибинец приветствовал его и спросил, как он поживает, и Джудар заплакал и рассказал ему о том, что с ним случилось, и тогда магрибинец взял его с собой и ввел его в свой дом и оказал ему уважение и надел на него одежду, которой нет равной, и сказал: — оставило тебя дурное, о Джудар. — Он погадал

на песке, и стало ему видно то, что случилось с братьями Джудара, и он сказал:— знай, о Джудар, что с твоими братьями случилось то-то и то-то, и они заточены в тюрьме царя Египта, но да будет тебе у меня просторно, пока ты не совершишь благочестивые обряды, и достанется тебе одно лишь добро.— О господин мой,— отвечал ему Джудар,— я пойду и попрощаюсь с купцом, у которого живу, и приду к тебе.— Должен ли ты деньги?— спросил магрибинед, и Джудар ответил:— нет,— и тогда Абд-ас-Самад молвил:— ступай, простишься с купцом и приходи тотчас же, хлеб налагает обязательства на сынов дозволенного.— И Джудар пошел и простился с купцом и сказал ему:— я встретился с моим братом.— Ступай, приведи его, мы сделаем ему угощение,— сказал купец, и Джудар молвил:— он не нуждается: он из людей благоденствия, и у него много слуг.— И купец дал Джудару двадцать динаров и сказал ему:— очисти меня от ответственности,— и Джудар простился с купцом и вышел, и он увидал одного бедного человека и отдал ему эти двадцать динаров. И он отправился к Абд-ас-Самаду, магрибинцу, и пробыл у него, пока они не исполнили обрядов паломничества, и магрибинед дал ему кольцо, которое Джудар взял из клада аш-Шамардаля, и сказал ему:— возьми это кольцо, оно приведет тебя к тому, что ты хочешь, ибо у него есть слуга по имени Грохочущий Гром, и если тебе что-нибудь понадобится из мирских благ, потри кольцо, и перед тобою явится этот слуга, и все, что ты ему прикажешь, он тебе сделает.— И он потер перед Джударом кольцо, и к нему явился слуга и крик-

нул:— я здесь, о господин, что ты потребуешь, то получишь! Постройшь ли ты разрушенный город или разрушишь построенный город, или убьешь царя или разобьешь войско?— О Гром,— сказал ему магрибинец,— этот человек стал твоим господином, заботься же о нем.— И затем он отпустил марида и сказал Джудару:— потри кольцо, и перед тобой появится его слуга; приказывай ему все, что хочешь, и он не будет тебе прекословить. Отправляйся в твою страну и храни кольцо — ты перехитришь им твоих врагов; не пренебрегай же ценностью этого кольца.— О господин,— отвечал Джудар,— с твоего позволения, я поеду в мою страну.— Потри кольцо,— молвил магрибинец,— слуга появится перед тобой, и ты сядешь ему на спину, и если ты скажешь ему:— доставь меня сегодня же в мою страну,— он не ослушается твоего приказания.— И затем Джудар попрощался с Абд-ас-Самадом и потерял кольцо, и к нему явился Грохочущий Гром и сказал ему:— я здесь, требуй и получишь!— Доставь меня в Египет в сегодняшней же день,— сказал Джудар, и слуга молвил:— будь по твоему,— и поднял его и летел с ним от времени полудня до полуночи, а затем он опустился с ним в пределах дома его матери и ушел. И Джудар вошел к своей матери, и увидав его, она поднялась и заплакала, и приветствовала его, и рассказала ему о том, что постигло его братьев от царя и как он их побил и отнял у них заколдованный мешок и мешок с золотом и драгоценностями, и когда Джудар услышал это, ему стало не легко, что его братья страдают. И он сказал своей матери:— не печалься о том, что миновало; я сейчас покажу тебе, что

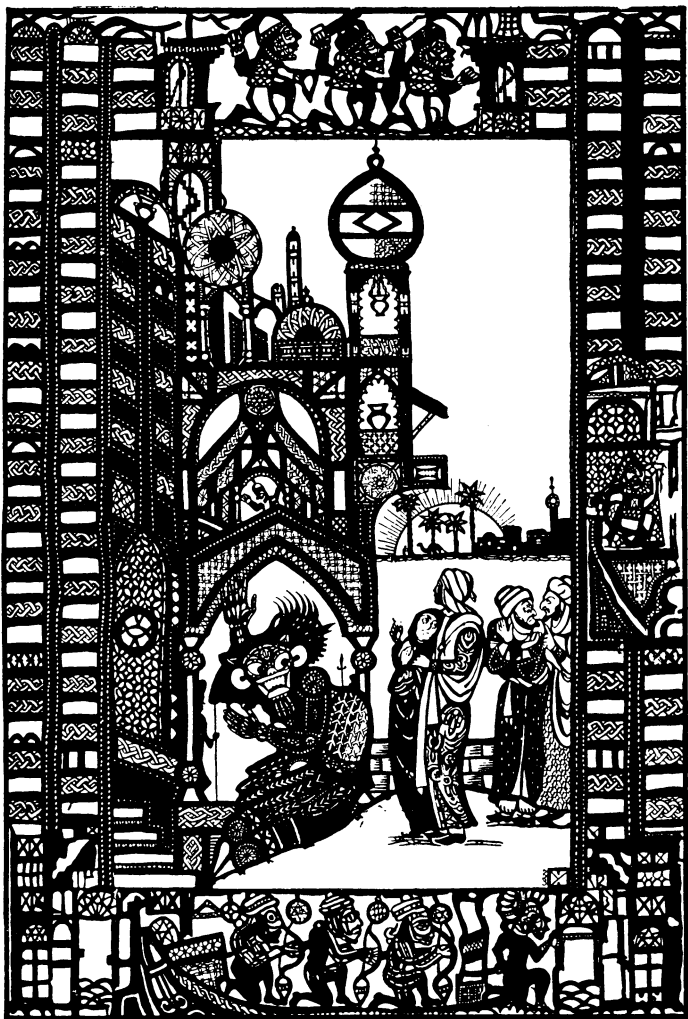
я сделаю, и приведу моих братьев.— И затем он потерял кольцо, и явился к нему слуга и сказал:— я здесь, требуй, получишь! — и Джудар сказал ему:— я приказываю тебе привести ко мне моих братьев из тюрьмы даря.— И слуга опустился под землю и вышел из-под нее лишь посреди тюрьмы, а Салим и Селим были в сильнейшем стеснении и великом горе из-за мук заточения, и они стали желать смерти, и один говорил другому:— клянусь Аллахом, о брат мой, продлилась над нами беда! До каких пор будем мы в этой тюрьме? Умереть в ней — для нас избавление. — И когда это было так, земля вдруг расступилась, и вышел к ним Грохочущий Гром, и он поднял обоих братьев и спустился с ними под землю, и братья обмерли от сильного страха, а очнувшись, они увидели себя в своем доме и увидели, что их брат Джудар сидит там, и мать его — с ним рядом. — Добро пожаловать, братья! — сказал Джудар, — вы меня обрадовали.— И братья склонили лица к земле и стали плакать, и Джудар сказал им:— не плачьте, шайтан и жадность привели вас к этому. И как вы могли меня продать? Но я утешаюсь, вспоминая о Юсуфе; то, что сделали с ним братья, еще сильнее, чем ваш поступок со мной: они ведь бросили его в колодезь... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала:— дошло до меня, о счастливый царь, что Джудар сказал своим братьям:— как это вы сделали со мной такое дело? Но расскажите

перед Алахом и попросите у него прощения,— он простит вас, ибо он — прощающий, милостивый. А я вас извинил, и да будет вам просторно. С вами не случится беды.— И он стал их уговаривать и успокоил их сердца, и потом он принялся им рассказывать обо всем, что он вынес в Суэде, пока не встретился с шейхом Абд-ас-Самадом, и рассказал им о кольце, и братья сказали:— о брат наш, не взыщи с нас на этот раз, а если мы вернемся к тому, что делали, поступай с нами, как желаешь.— Не беда!— сказал Джудар,— но расскажите мне, что сделал с вами царь.— Он нас побил и угрожал нам,— сказали братья,— и взял от нас мешки.— И он не остерегся?— воскликнул Джудар. И он потерял кольцо, и слуга явился к нему, и когда братья увидели его, они испугались и подумали, что Джудар велит слуге их убить, и пошли к своей матери и стали говорить:— о матушка, мы под твоей защитой, о матушка, заступись за нас!— О дети мои, не бойтесь!— ответила им мать, а Джудар сказал слуге:— я приказываю тебе принести мне все, что находится в казне царя из драгоценных камней и прочего. Не оставляй там ничего и принеси заколдованный мешок и мешок с драгоценностями, который царь отнял у моих братьев.— Слушаю и повинуюсь,— ответил слуга и тотчас же исчез и забрал все, что было в казне, и принес мешки с тем, что в них заключалось. И он положил все, что было в казне, перед Джударом и сказал ему:— о господин, я не оставил в казне ничего.— И Джудар приказал своей матери беречь мешок с драгоценностями и положил заколдованный мешок перед собой и сказал слуге:—

я приказываю тебе построить в сегодняшнюю ночь высокий дворец и покрыть его жидким золотом и устлать роскошными коврами, и пусть не взойдет день, раньше чем ты все это кончишь. — Будь по твоему, — сказал слуга и спустился под землю, а после этого Джудар вынул кушанья, и все поели и повеселились, и легли спать.

Что же касается слуги, то он собрал своих помощников и велел им построить дворец, и одни стали ломать камни, другие строить, третьи белить, четвертые рисовать, а пятый стлал ковры, и не вошел еще день, как дворец был уже в полном порядке. И тогда слуга поднялся к Джудару и сказал: о господин, дворец совершенно готов и в полном порядке, и если ты выйдешь посмотреть на него, то выходи. — И Джудар вышел со своей матерью и братьями, и они увидели этот дворец, которому не было равных, и красота его устройства ошеломляла ум, и Джудар обрадовался этому дворцу, который стоял на перекрестке дороги, и он ничего на него не потратил. — Будешь ли ты жить в этом дворце? — спросил он мать, и та сказала: — о дитя мое, буду! — и призвала на него благословения. И Джудар потерял кольцо и вдруг услышал, как слуга говорит: — я здесь! — Я приказываю тебе, — сказал Джудар, — привести мне сорок невольниц, белых и прекрасных, и сорок черных невольниц, и сорок белых невольников и сорок рабов. — Будь по твоему! — отвечал слуга и ушел с четырнадцатью своими помощниками в страны Хинд, Синд и Персию, и всякий раз, как они видели красивую девушку, они похищали ее, и юношей тоже похищали. И слуга послал еще сорок, и они при-

вели прекрасных черных невольниц, а другие сорок привели негров, и все пришли в дом Джудара и наполнили его. А затем слуга показал невольников Джудару, и они ему понравились, и он сказал: — принеси для каждого человека платье из роскошнейших одежд. — Готово! — сказал слуга, и Джудар молвил: — принеси одежду, чтобы надеть моей матери, и одежду, чтобы надеть мне, — и слуга принес все это, и тогда Джудар одел невольниц и сказал им: — вот ваша госпожа, целуйте у нее руку и не прекословьте ей. Служите ей, и белые, и черные. — И он одел белых невольников, и те поцеловали у Джудара руку, и одел своих братьев, и Джудар стал подобием царя, а братья его были точно везири. А его дом был просторен, и он поселил Салима и его невольниц в одной стороне и Салима с невольницами в другой стороне, а сам зажил с матерью в новом дворце, и каждый был в своем жилище точно султан.

ОТ что было с ними. Что же касается казначея царя, то он захотел взять из казны какие-то вещи, и вошел и не увидел там ничего, напротив, он нашел ее подобной тому, что сказал некто:

Вот ульи пчелиные, что были населены,
Но, пчелы когда ушли, они опустели.

И казначей издал великий вопль и упал без чувств, а очнувшись, он вышел из казны и оставил двери в нее открытыми и вошел к царю Шамс-ад-Дауле и сказал: — о повелитель правоверных, вот о чем мы осведомяем тебя: казна опустела сегодня ночью. — Что ты сделал с моими деньгами, которые были в моей казне? — спросил царь, и везирь сказал: — клянусь Аллахом, я ничего с ними не сделал и не знаю, по какой причине она опустела. Вчера я входил туда и видел, что ка-

зна полна, а сегодня я увидел, что она пуста, и в ней ничего нет, и двери заперты, и их не просверлили, и засов не сломан, и туда не входил вор. — А пропали мешки? — спросил царь, и везирь сказал: — да, — и тогда ум улетел у царя из головы... и Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

*НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ШЕСТИСОТ
ДВАДЦАТИ,*

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда казначей царя вошел к нему и осведомил его о том, что все из казны пропало, и мешки тоже, ум улетел у царя из головы, и он поднялся на ноги и сказал казначею: — иди впереди меня. — И казначей пошел, а царь последовал за ним, и они вошли в казну, и царь не нашел там ничего и огорчился и воскликнул: — кто напал на мою казну и не побоялся моего нападения? — И он разгневался сильным гневом и вышел и собрал диван, и пришли старшины войска, и всякий из них думал, что царь гневается на него. И царь сказал: — о воины, знайте, что моя казна ограблена сегодня ночью, и я не знаю, кто совершил такие поступки и напал на меня, не бойсь меня. — А как так? — спросили воины, и царь сказал: — спросите казначея. — И казначея спросили, и он сказал: — вчера она была полна, а сегодня я вошел в нее и увидел, что она пуста, но дверь в нее не просверлили и не взломали ее. — И воины удивились таким словам, но не успели они еще дать ответ, как лучник, который раньше донес на Салима и Селима,

вошел к царю и сказал: — о царь времени, я всю ночь смотрел на каких-то строителей, которые строили, а когда взошел день, я увидел выстроенный дворец, которому нет равных. И я спросил, и мне сказали, что Джудар прибыл и построил этот дворец, и у него есть невольники и рабы, и он принес много денег и освободил своих братьев из тюрьмы, и теперь он у себя дома, точно султан. — Посмотрите в тюрьме, — сказал царь, и люди посмотрели и не увидели Салима и Селима и вернулись и осведомили царя о том, что случилось, и царь сказал: — ясно, кто мой обидчик! Кто освободил Салима и Селима из тюрьмы, тот взял и мои деньги. — О господин, а кто это? — спросил везирь, и царь сказал: — это их брат Джудар, и он взял мешки. Но пошли, о везирь, к нему эмира с пятьюдесятью человеками, пусть они его схватят, вместе с его братьями, и наложат печати на все его имущество и приведут их ко мне, а я их повешу. — И царь разгневался сильным гневом и воскликнул: — живо! Поскорей пошли к нему эмира, пусть он приведет их ко мне, чтобы я их убил. — Будь терпелив, — сказал везирь, — Аллах терпелив и не торопится наказать своего раба, когда тот его ослушается. С тем, кто, как говорят, построил дворец в одну ночь, не справится никто в мире. Я боюсь за эмира, что с ним случится из-за Джудара беда. Потерпи, пока я придумаю тебе план, и мы увидим истину в этом деле. А того, чего ты желаешь, ты достигнешь, о царь времени. — Придумай мне план, о везирь, — сказал царь, и везирь молвил: — пошли к нему эмира и пригласи его, а я буду к нему внимателен и проявлю

к нему любовь и стану его спрашивать, как он поживает, а после этого мы посмотрим: если его решимость сильна, мы устроим с ним хитрость, а если его решимость слаба, схватим его, и сделай с ним, что хочешь. — Пошли, пригласи его, — сказал царь, и везирь приказал эмиру, но имени эмир Осман, отправиться к Джудару и пригласить его и сказать ему: — царь зовет тебя на угощение. — И не приходи иначе, как с ним, — сказал ему царь. А этот эмир был дурак и превозносился в душе. И выйдя, он увидел перед воротами дворца евнуха, который сидел у ворот дворца на скамеечке, и когда эмир Осман подошел ко дворцу, евнух не встал перед ним, как будто бы к нему никто не приближался, а с эмиром Османом было пятьдесят человек. И эмир Осман подошел и сказал: — о раб, где твой господин? — и тот ответил: — во дворце, — и когда эмир Осман говорил с ним, евнух сидел облокотившись. И эмир Осман рассердился и сказал: — о скверный раб, разве тебе меня не стыдно? И с тобой разговариваю, а ты лежишь, как негодяй! — Иди и не будь многоречив, — сказал евнух, и когда эмир услышал от него эти слова, он пропитался гневом и, подняв свою дубинку, хотел ударить евнуха, а он не знал, что это шайтан. И увидав, что эмир вынул дубинку, евнух поднялся и бросился на него и отнял у него дубинку и ударил его четыре раза, и когда его пятьдесят человек увидели это, им стало тяжело, что их господина бьют, и они вытащили мечи и хотели убить раба. И тот воскликнул: — вы вынимаете мечи, о сабаки! — и бросился на них, и всякого, кого он ударял дубинкой, он разбивал и топил в кровь.

И люди побежали перед рабом и бежали, а раб все бил их, пока они не удалились от ворот дворца, и тогда раб вернулся и сел на свою скамеечку, не обращая ни на кого внимания... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда евнух прогнал эмира Османа, приближенного царя, и его людей и удалил их от ворот дома Джудара, он вернулся и сел на скамеечку у дворцовых ворот, не обращая ни на кого внимания. Что же касается эмира Османа и его людей, то они вернулись, бегущие и побитые, и остановились перед царем Шамс-ад-Даулой и рассказали ему, что с ними случилось. И эмир Осман сказал царю: — о царь времени, когда я подошел к воротам дворца, я увидел евнуха, который сидел в воротах на золотой скамеечке, гордясь, и увидев, что я подхожу к нему, он полужел после того, как сидел прямо, и пренебрег мною и не встал передо мной. И я стал с ним разговаривать, а он отвечал мне полулежа, и тогда меня взяла ярость, и я вытащил дубинку и хотел ударить его, но он отнял у меня дубинку и побил меня и побил моих людей и повалил их, и мы убежали от него и не могли с ним справиться. — И царя охватил гнев, и он воскликнул: — пусть пойдет к нему сто человек! — и эти сто человек отправились к рабу и пришли к нему, и раб встал на них с дубинкой и избивал их до тех пор, пока они не побежали перед

ним, и тогда он вернулся и сел на свою скамеечку. И эти сто человек вернулись к царю и, придя к нему, рассказали ему обо всем и сказали: — о царь времени, мы побежали перед ним, боясь его. — Пусть пойдут к нему двести! — сказал царь, и они пошли, и раб разбил их, и когда они вернулись, царь сказал везирию: — я обязываю тебя, о везирь, выйти с пятьюстами людей и поскорей привести ко мне этого евнуха, а также привести его господина Джудара и его братьев. — О царь времени, — сказал везирь, — мне не нужно солдат, напротив, я пойду один без оружия. — Ступай и делай, что сочтешь подходящим, — сказал царь, и везирь скинул оружие и надел белую одежду и, взяв в руки четки, пошел один, без второго. И он дошел до дворца Джудара и увидел, что тот раб сидит, и, увидав его, подошел к нему без оружия и вежливо сел с ним рядом и сказал: — мир с вами! — И раб ответил: — и с тобой мир, о человек! Чего ты хочешь? — и когда везирь услышал, что раб говорит: — о человек, — он понял, что он из джиннов, и задрожал от страха и сказал ему: — о господин, твой господин Джудар здесь? — Да, во дворце, — ответил раб, и везирь сказал: — о господин, пойди к нему и скажи: — царь Шамс-ад-Даула зовет тебя. Он устраивает для тебя угощение и передает тебе привет и говорит тебе, чтобы ты почтил его жилище и съел его угощение. — Постой здесь, а я с ним поговорю, — сказал раб, и везирь остался стоять, соблюдая пристойность, а марид вошел во дворец и сказал Джудару: — Знай, о господин, что царь прислал к тебе эмира, и я побил его, и с ним было

пятьдесят человек, и я обратил их в бегство. А затем он послал сто человек, и я побил их, а потом он послал двести человек, и я обратил их в бегство, и теперь он послал к тебе везиря, безоружного, и зовет тебя к себе, чтобы ты съел его угощение. Что ты скажешь? — Ступай, приведи везиря сюда, — сказал Джудар, и раб вышел из дворца и сказал везирю: — о везирь, поговори с моим господином. — На голове! — сказал везирь, а затем он пошел и вошел к Джудару и увидел, что тот величественнее царя и сидит на таких коврах, каких царь не может постлать, и мысли везиря смутились из-за красоты дворца и рисунков в нем и ковров, и везирь казался в сравнении с Джударом бедняком. И он поцеловал перед ним землю и пожелал ему блага, и Джудар спросил: — какое у тебя дело, о везирь? — и везирь сказал: — о господин, царь Шамс-ад-Даула тебя любит и шлет тебе привет и стремится взглянуть на твое лицо. Он сделал тебе угощение — залечишь ли ты его сердце? — Если он меня любит, — сказал Джудар, — передай ему привет и скажи ему, чтобы он пришел ко мне. — На голове! — отвечал везирь, и Джудар вынул кольцо и потерял его, и слуга кольца явился к нему, и Джудар сказал: — подай мне одежду из наилучших платьев! — и слуга принес ему одежду, и Джудар сказал: — надень ее, о везирь! — и везирь надел ее, и Джудар молвил: — ступай, осведоми царя о том, что я сказал. — И везирь вышел, одетый в эту одежду, равной которой он не надевал, и пошел к царю и рассказал ему о положении Джудара и расхвалил дворец и все, что там было, и сказал: — Джудар пригласил тебя. —

Поднимайтесь, о воины, — сказал царь, и все они поднялись, и тогда царь молвил: — садитесь на лошадей и подайте мне моего коня, и мы отправимся к Джудару. — И царь сел на коня, и взял с собой воинов, и они отправились в дом Джудара.

Что же касается Джудара, то он сказал мариду: — я хочу, чтобы ты привел к нам ифритов, из твоих помощников, в облике людей, и они были бы у нас свитой и стояли бы во дворе дома, чтобы царь увидел их и испугался, и утрашился, и сердце его задрожало бы, и он понял, что моя сила больше его силы. — И слуга привел двести ифритов в виде солдат, опоясанных роскошным оружием, и это были создания сильные и толстые, и когда царь прибыл, он увидел этих сильных и толстых людей, и его сердце утрашилось их. И затем он поднялся во дворец и вошел к Джудару и увидел, что тот сидит так, как не сидит ни один царь или султан, и он приветствовал его и приложил руки к голове, а Джудар не встал и не оказал ему уважения и не сказал ему: — садись! — но оставил его стоять... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь вошел к Джудару, тот не поднялся к нему и не оказал ему уважения и не сказал ему: — садись! — но оставил его стоять, и царя охватил страх, и он не мог ни сесть, ни выйти, и думал: — если бы он меня боялся, он не выкинул бы меня из головы и, может быть,

он мне повредит из-за того, что я сделал с его братьями. — А потом Джудар сказал ему: — о царь времени, не дело таким, как ты, обижать людей и отбирать у них деньги, — и царь воскликнул: — о господи, не взыщи с меня: жадность заставила меня это сделать, и исполнился приговор судьбы. Если бы не было греха, не было бы и прощения. — И он стал оправдываться перед Джударом за то, что раньше сделал, и просить у него прощения и извинения, и среди своих оправданий он произнес такие стихи:

О достойных сын дедов, кроткий по праву,
Не кори нас за то, что мы совершили.

Если ты нас обидел, мы извиняем,
Если мы обижали, ты извини нас...

и он унижался перед ним до тех пор, пока Джудар не сказал ему: — да простит тебя Аллах! — и не велел ему сесть. И царь сел, и Джудар падел на него одежду пощады и приказал своим братьям расставить столы, а после того, как поели, он одел людей царя и оказал ему уважение, и затем царь приказал уходить и вышел из дома Джудара. И каждый день он приходил к Джудару и собирал диван только в доме Джудара, и увеличивалась между ними дружба и любовь. И они провели таким образом несколько времени, а потом царь остался наедине с везирем и сказал ему: — о везирь, я боюсь, что Джудар убьет меня и отнимет у меня царство, — и везирь сказал ему: — о царь времени, что касается отпятия царства, то не бойся: положение Джудара выше положения царя и овладение царством унижит его достоинство. А если ты боишься,

что он тебя убьет, то у тебя ведь есть дочь, выдай ее за него, и вы с ним будете в одинаковом положении. — О везирь, ты будешь посредником между ним и мною, — сказал царь, и везирь молвил: — пригласи его к себе, и мы будем проводить вечер в какой-нибудь комнате, а ты вели своей дочери нарядиться в самый роскошный наряд и пройти мимо дверей комнаты; увидав ее, он ее полюбит, и когда мы пойдем, что это случилось, я обращусь к нему и скажу ему, что это — твоя дочь, и заведу об этом с ним разговор, как будто ты ничего об этом не знаешь, и он посватает ее у тебя. А когда ты женишь его на своей дочери, вы с ним будете как один, и ты окажешься от него в безопасности, а если он умрет, ты наследуешь от него многое. — Ты прав, о везирь, — сказал царь. И он сделал угощение и пригласил Джудара, и тот пришел в султанский дворец, и они просидели в той комнате в великом весельи до конца дня. А царь послал к своей жене и велел ей нарядить дочку в самый роскошный наряд и пройти с нею мимо дверей комнаты, и жена его сделала так, как он сказал, и прошла со своей дочерью, и Джудар увидал ее. А она обладала красотой и прелестью, и ей не было равных, и когда Джудар как следует в нее всмотрелся, он сказал: — ах! — и его члены расслабли, и охватила его сильная любовь и страсть, и овладела им тоска и волнение, и цвет его лица пожелтел. — Да не будет с тобой беды, о господин! — сказал тогда везирь. — Что это, я вижу, ты расстроился и охаешь. — О везирь, чья это дочка, она похитила меня и отняла у меня разум? —

спросил Джудар, и везирь ответил: — это дочь твоего друга — царя. Если она тебе нравится, я поговорю с ним, и он выдаст ее за тебя замуж. — О везирь, — сказал Джудар, — поговори с ним! Клянусь жизнью, я дам тебе все, чего ты попросишь, и дам царю все, чего он попросит, как выкуп за его дочь, и мы станем любящими родственниками. — Ты непременно достигнешь своей цели, — сказал везирь, а затем везирь потихоньку поговорил с царем и сказал ему: — о царь времени, твой любимец Джудар хочет к тебе приблизиться, и он ищет через меня к тебе доступа, чтобы ты выдал за него свою дочь, Ситт Асию. Не обмани же моих ожиданий и прими мое посредничество — все, чего ты попросишь как выкуп за нее, он тебе даст. — Выкуп уже прибыл ко мне, — сказал царь, — а моя дочь — служанка для услуг ему, и я выдам ее за него замуж, и милость при согласии будет от него... и Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что везирь сказал царю Шамс-ад-Дауле: — Джудар хочет к тебе приблизиться, женившись на твоей дочери, — и царь сказал ему: — выкуп уже прибыл ко мне, — моя дочь — служанка для услуг ему, и милость при согласии будет от него. — И они проспали эту ночь, а на утро царь собрал диван и призвал туда и избранных, и простых, и явился шейх-аль-ислам, и Джудар посватался к царской дочери. И царь сказал: —

выкуп уже прибыл, — и написал брачный договор, и Джудар послал за мешком, в котором были драгоценности, и дал его царю как выкуп за его дочь, и забили барабаны, и заиграли флейты, и стали нанизывать ожерелья торжества. И Джудар вошел к девушке, и стали они с царем как один, и провели вместе несколько дней, а потом царь умер, и воины начали просить Джудара, чтобы он стал султаном, и все время соблазняли его, а он отказывался, но потом согласился, и его сделали султаном, и он велел построить мечеть на могиле царя Шамс-ад-Даулы и назначил деньги на ее содержание. И мечеть эта находится в квартале лучников, а дом Джудара был в квартале иеменитов, и когда он стал султаном, он построил здание и мечеть, и квартал назвали его именем, и стал он называться квартал Джудара. И он пробыл царем некоторое время и сделал своих братьев везирами: Салима — везирем правой стороны и Селима — везирем левой стороны, и те провели так год, не больше, а потом Салим сказал Селиму: — о брат мой, до каких пор продлится это положение? Неужели мы проведем всю жизнь слугами Джудара и не порадуемся власти и счастьем, пока Джудар будет жив? — А как нам сделать, чтобы убить его и взять от него перстень и мешок? — спросил Селим. — И потом Селим сказал Салиму: — ты умней меня, придумай же хитрость; может быть, мы убьем его. — Если я придумаю хитрость, чтобы его убить, — сказал Салим, — согласишься ли ты, чтобы я был султаном, а ты везирем правой стороны, и чтобы перстень был мне, а мешок тебе? — и Селим ответил: — согласен! — и они

сговорились убить Джудара из любви к благам мира и власти. А потом Селим и Салим придумали против Джудара хитрость и сказали ему: — о брат наш, мы хотим похвалиться тобою. Войди же к нам в дом и поешь нашего угощения, и залечи нам сердца. — И они обманывали его и говорили ему: — залечи нам сердца и поешь нашего угощения, — пока Джудар не сказал: — это не плохо! В чьем же доме будет угощение? — и Салим ответил: — в моем доме, а когда ты съешь мое угощение, ты поешь угощения моего брата. — Это будет не плохо! — сказал Джудар и пошел с Салимом к нему в дом, и Салим поставил ему угощение и положил в него яду, и когда Джудар поел, мясо у него размякло. И Салим поднялся, чтобы снять у него с пальца перстень, но перстень не поддавался, и Салим отрезал палец ножом, а потом он потерял перстень, и марида явился к нему и сказал: — я здесь, требуй, чего хочешь! — Возьми моего брата и убей его, и унеси обоих, отравленного и убитого, и брось их перед воинами, — сказал Салим, и марида взял Селима и убил его и поднял обоих убитых и вынес их и бросил перед начальниками войска. А они сидели за трапезой на балконе дома и ели, и когда они увидели, что Джудар и Селим убиты, они отняли руки от кушаний, и их взволновал страх, и они спросили марида: — кто совершил с царем и везирем такой поступок? — Ваш брат Салим, — ответил марида, и вдруг Салим вошел и сказал: — о воины, ешьте и веселитесь! я овладел кольцом моего брата Джудара, а вот марида — слуга кольца, стоит перед вами. Я велел ему убить моего брата Селима, чтобы

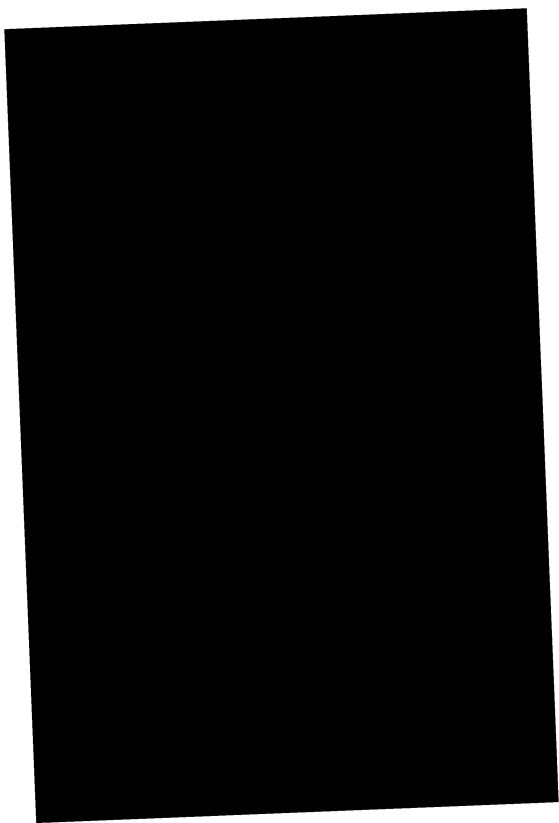
он не оспаривал у меня власти, так как он обманщик, и я боюсь, что он меня обманет. А вот Джудар — он теперь убит, и я стал над вами султаном. Согласны ли вы? Если нет, я потру кольцо, и слуга его перебьет вас, и больших и малых... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ.

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Салим спросил воинов: — согласны ли вы, чтобы я стал султаном? Если нет, я потру кольцо, и слуга его перебьет вас, и больших и малых, — воины сказали ему: — мы согласны, чтобы ты был царем и султаном. — И Салим велел похоронить своих братьев и собрал диван, и некоторые люди шли вслед за похоронами, а другие шли перед Салимом в шествии. А когда пришли в диван, Салим сел на престол, и ему присягнули на царство, и после этого он сказал: — я хочу написать мой брачный договор с женой моего брата. — Когда пройдет время очищения, — сказали ему, и он воскликнул: — я не знаю ни очищения, ни чего-нибудь другого! Клянусь жизнью моей головы, я непременно войду к ней сегодня ночью! — И ему написали договор и послали уведомить жену Джудара, дочь царя Шамс-ад-Даулы, и та сказала: — оставьте его, пусть входит. — А когда Салим вошел к ей, она показала ему радость и приняла его с пожеланиями простора и положила ему в воду яд, и погубила его, а потом она взяла кольцо и сломала его, чтобы не владел им никто,

и проткнула мешок. А затем она послала рассказать об этом шейх-аль-исламу и послала сказать эмирам: — выберите себе дая, чтобы он был над вами султаном. — И вот то, что дошло до нас из рассказа о Джударе, до конца и полностью.

ОШЛО до меня также, что был в древние времена царь из великих царей, по имени царь Кондемир, и был это царь доблестный и вождь неодолимый, но только был он дряхлым, престарелым старцем. И наделил его Аллах великий, уже одряхлевшего, ребенком мужеского пола, и назвал его царь Аджибом из-за его красоты и прелести, и отдал его повитухам, кормилицам, рабыням и паложницам, и ребенок рос и становился больше, и достиг он в жизни семи полных лет и годов. И тогда отец назначил ему волхва из людей его веры и религии, и тот обучал мальчика их закону и нечестию и тому, что нужно было ему знать, в течение трех полных лет, пока он не сделался сведущим и не окрепла его решимость и не стали здоровыми его мысли, и вышел он знающим, красноречивым, восхваляемым фило-

софом, и вступал в прения с учеными и сиживал с мудрецами. И когда его отец увидел это, он был доволен, а потом он научил Аджиба ездить на конях, разить копьем и бить мечом, и стал Аджиб доблестным наездником, и не исполнилось еще его жизни десять лет, как он превзошел людей своего времени во всех вещах и узнал способы боя и сделался упорным притеснителем и непокорным шайтаном. И отправляясь на охоту и ловлю, он выезжал во главе тысячи всадников и совершал нападения на витязей и перескакал дороги и забирал в плен дочерей царей и начальников, и умножились жалобы на него его отцу. И царь кликнул пятерых рабов, и когда они явились, сказал им: — схватите этого пса! — и слуги бросились на Аджиба и скрутили его, и царь велел его побить, и его били, пока мир не исчез для него, и тогда царь заточил его в компате, где нельзя было отличить неба от земли и длины от ширины. И Аджиб провел два дня и ночь в заточении, и тогда эмиры подошли к царю и, поцеловав перед ним землю, стали ходатайствовать за Аджиба, и царь выпустил его. И Аджиб выждал с отцом десять дней и вошел к нему ночью, когда он спал, и ударил его и скинул ему голову, а когда взошел день, Аджиб сел на престол царства своего отца и приказал людям встать перед ним и облачиться в сталь и обнажить мечи, и поставил их справа и слева. И когда вошли эмиры и предводители, они увидели, что их царь убит, а его сын сидит на престоле царства, и смутились их умы, и Аджиб сказал им: — о люди, вы видели, что случилось с вашим царем. Кто будет мне повиноваться,

тому я окажу уважение, а кто меня ослушается, с тем я сделаю то же, что с отцом. — И услышав его слова, эмиры испугались, что он их схватит, и сказали: — ты наш царь и сын нашего царя, — и поцеловали землю меж руками Аджиба, и Аджиб поблагодарил их и обрадовался и велел выносить деньги и материи, и затем он награждал эмиров великолепными одеждами и осыпал их деньгами, и все они полюбили его и выразили ему покорность. И Аджиб награждал наместников и шейхов кочевых арабов, и непослушных ему, и послушных, и подчинились ему страны, и покорились ему рабы, и он управлял и приказывал и запрещал в течение пяти месяцев. И он увидел во сне видение и проснулся, испуганный и устрешенный, и сон не брал его, пока не наступило утро, и тогда Аджиб сел на престол, и войска встали перед ним справа и слева, и Аджиб призвал изъяснителей и звездочетов и сказал им: — растолкуйте мне этот сон! — А что за сон ты видел, о царь? — спросили его, и он сказал: — я видел, будто мой отец передо мной, и его уд обнажился, и вышло из него что-то величиной с пчелу и стало увеличиваться, пока не сделалось подобно большому льву с когтями, точно кинжалы. И я испугался этого существа, и когда я дивился на него, оно вдруг бросилось на меня и ударило меня когтями и прорвало мне брюхо, и я проснулся, испуганный и устрешенный. — И изъяснители посмотрели друг на друга и подумали, какой дать ответ, а потом они сказали: — о великий царь, этот сон указывает, что от твоего отца родился младенец, и возникнет между вами вражда, и он тебя одолеет.

Прими же от него предосторожности по причине этого сна. — И когда Аджиб услышал слова изъяснителей, он сказал: — у меня нет брата, которого я боялся бы, и ваши слова — ложь. — Мы рассказали лишь о том, что знали, — ответили изъяснители, и Аджиб разгневался на них и побил их. И он поднялся и вошел во дворец своего отца, и осмотрел его палатки, и нашел среди них одну рабыню, беременную уже семь месяцев, и тогда он приказал двум рабам из своих рабов: — возьмите эту невольницу, пойдите с ней к морю и утопите ее. — И рабы взяли невольницу за руку и пошли с ней к морю и хотели ее утопить, но, посмотрев на нее, они увидели, что она на редкость красива и прелестна, и сказали: — зачем нам топить эту невольницу — мы отведем ее в рощу и будем там жить в удивительном сводничестве! — И они взяли невольницу и шли с ней дни и ночи, так что отделились от населенных мест, и отвели ее в рощу, где было много деревьев и плодов и каналов, и их решение сошлось на том, чтобы удовлетворить с рабыней желание, и каждый из них говорил: — я сделаю раньше! — И они стали спорить, и вдруг вышли к ним люди из чернокожих, и они обнажили мечи и бросились на рабов, и началось между ними сильное сражение и бой мечами и копьями. И они до тех пор сражались с рабами пока не убили их, быстрее, чем в мгновение ока, и невольница стала бродить по роще одна, питаясь плодами, а пила она из рек, и она пребывала в таком положении, пока не родила мальчика, смуглого, изящного и прекрасного, которого назвала Гарибом, так как он был на чужбине

И она оборвала младенцу пуповину и завернула его в часть своей одежды, и стала его кормить, грустя сердцем и душою о своем прежнем величии и изнеженности... и Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что невольница осталась в роде, грустя сердцем и душой, и принялась кормить своего сына, несмотря на охватившую ее крайнюю печаль и страх из-за ее одиночества. И когда она была в некий день в таком состоянии, она вдруг увидела всадников и пеших людей с соколами и охотничьими собаками, а кони их были нагружены журавлями, цаплями, иракскими гусями, нырками, водяными птицами, зверями, зайцами, газелями, дикими коровами, птенцами страуса, рысями, волками и львами. И эти арабы вошли в роду и увидели ту невольницу и у нее на коленях ее сына, которого она кормила, и приблизились к ней и спросили: — ты из людей или из джиннов? — Из людей, о начальники арабов, — ответила невольница, и охотники осведомили об этом своего предводителя. А его звали Мирдас, начальник племени Кахтан, и он выехал на охоту с пятью сотнями эмиров из своих соплеменников и родичей, и они охотились до тех пор, пока не подъехали к этой невольнице. И когда они увидели ее, невольница рассказала им о том, что с ней случилось, с начала до конца, и царь удивился ее делу и кликнул своих соплеменников и родичей, и они охотились до тех пор, пока не

достигли становища племени Кахтан. И Мирдас взял невольницу и отвел ей отдельное поместье и приставил к ней пять рабынь, чтобы служить ей, — а он полюбил ее сильной любовью. И он вошел к ней и познал ее, и она понесла с первой крови, и когда кончились ее месяцы, она родила мальчика и назвала его Сахим-аль-Лайль, и он воспитывался среди повитух, вместе со своим братом, пока не вырос и не стал разумен, опекаемый эмиром Мирдасом. И эмир отдал обоих мальчиков факиху, и тот обучил их делам веры, а после этого эмир отдал их витязям арабов и научил их разить копьем и рубить мечом и метать стрелы. И не исполнилось еще мальчикам пятнадцати лет, как они научились тому, что было им нужно, и превзошли всех храбрецов в стране, и Гариб напал на тысячу витязей, и его брат Сахим-аль-Лайль тоже. А у Мирдаса было много врагов, и его арабы были храбрее всех арабов, и все они были герои и витязи, и нельзя было греться у их огня. А в соседстве с ним был эмир из эмиров арабов, по имени Хассан-ибн-Сабит, который был ему другом, и он посватался к одной из знатных женщин своего племени и пригласил всех своих товарищей, и в числе их Мирдаса, начальника племени Кахтан. И Мирдас согласился и взял с собой триста всадников из своего племени, и оставил четыреста всадников охранять харим, и поехал, и прибыл к Хассану, и тот встретил его и посадил в самом лучшем месте. И все витязи приехали ради свадьбы, и Хассан устроил пир и веселился на своей свадьбе, а потом арабы уехали к своим жилищам. И когда Мирдас подъехал

к своему стану, он увидел двух валявшихся убитых, и птицы парили над ними справа и слева. И сердце Мирдаса встревожилось, и он вошел в стан, и встретил его Гариб, одетый в кольчугу, и поздравил его с благополучием. — Что значат эти обстоятельства, о Гариб? — спросил его Мирдас, и Гариб ответил: — нанал на нас аль-Хамаль-ибн-Маджид со своими людьми, во главе пятисот всадников. — А причиной этой стычки было вот что: у эмира Мирдаса была дочь, по имени Махдия, лучше которой не видел видящий, и услышал о ней аль-Хамаль, начальник племени Бену-Набхан, и сел на коня во главе пятисот всадников и отправился к Мирдасу и посватался к Махдии, но Мирдас не принял его сватовства и воротил аль-Хамалья обманувшимся. И аль-Хамаль выслеживал Мирдаса, пока тот не отлучился, приглашенный Хассаном, и тогда аль-Хамаль сел на коня во главе своих храбрецов, напал на племя Кахтан и убил множество витязей, а остальные храбрецы убежали в горы. А Гариб и брат его выехали с сотней конных на охоту и ловлю, и вернулись не прежде, чем наступил полдень, и они увидели, что аль-Хамаль и его люди овладели станом и тем, что в нем было, и захватили женщин в стане и аль-Хамаль захватил Махдию, дочь Мирдаса, и угнал ее среди пленных. И когда Гариб увидел это, его рассудок исчез, и он крикнул своему брату Сахим-аль-Лайлю: — о сын проклятой, разграбили наш стан и захватили наш харим! На врагов! Освободи пленных и женщин! — И Сахим с Гарибом понеслись на врагов, во главе сотни всадников, и гнев Гариба все возрастал, и он косил

головы и заставлял храбрецов пить гибель ча- шамп. И он достиг аль-Хамая и увидел Махдию, плененную, и тогда он понесся на аль-Хамая и ударил его копьем и свалил с копы, и не наступило еще предзакатное время, как он перебил большинство врагов, а остальные убежали. И Гариб освободил пленных и возвратился к палаткам, неся голову аль-Хамая на копье, и он говорил такие стихи:

Я тот, кто всем известен в день сраженья,
И джинн земной боится моей теши.

Когда мечом взмахну в руке я правой,
То смерть из левой быстро поражает.

Мое копьё — копь на него посмотрят,
Увидят там зубцы, как полумесяц.

Зовусь Гарибом я, храбрец в кочевье,
И не боюсь, когда людей немного.

И не окончил еще Гариб своих стихов, как прибыл Мирдас и увидел валяющихся убитых, над которыми парили птицы, справа и слева, и улетел тогда его разум и задрожало у него сердце. Но Гариб утешил его и поздравил с благополучием, и рассказал ему обо всем, что постигло стан после его отъезда, и Мирдас поблагодарил его за то, что он сделал, и воскликнул: — не обмануло в тебе воспитание, о Гариб! — И Мирдас расположился у себя в шатре, и его люди встали вокруг него, и начали жители стана восхвалять Гариба, говоря: — о эмир наш, если бы не Гариб, никто не спасся бы в стане. — И Мирдас поблагодарил его за то, что он сделал... и Шахраду застигло утро, и она прекратила дозволённые речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Мирдас вернулся в стан, его люди пришли к нему и стали восхвалять Гариба, и Мирдас поблагодарил его за то, что он сделал. А когда Гариб увидел, что аль-Хамаль забрал Махдию в плен, он освободил ее и убил аль-Хамалья, и девушка метнула в Гариба стрелами взоров, и он попался в сети любви к ней, и сердце его ее не забывало. И он утонул в любви и страсти, и покинула его сладость сна, и не наслаждался он ни питьем, ни едою, и он пускал своего коня вскачь и взбирался на горы и говорил стихи и возвращался к концу дня, и стали видны на нем следы любви и безумной страсти. И он открыл свою тайну одному из товарищей, и она распространилась по всему стану и дошла до Мирдаса, и тот стал метать молнии и громы, и вставать, и садиться, и храпеть, и хрипеть, и бранить солнце и луну и воскликнул: — вот возмездие тому, кто воспитывает детей разврата! Но если я не убью Гариба, покроет меня позор! — И затем он посоветовался с одним из разумных мужей своего племени об убиении Гариба и открыл ему свою тайну, и тот сказал: — о эмир, он вчера освободил твою дочь из плена, и если его убиение неизбежно, исполни его рукою другого, чтобы не усомнился в тебе никто. — Придумай мне хитрость, чтобы убить его — я узнаю, как его убить, только от тебя, — сказал Мирдас, и его советник молвил: — о эмир, выследи, когда он выедет на охоту и ловлю, возьми с собою сотню конных

и устрой на него засаду в пещере. Не давай Гарибу этого заметить, пока он не подъедет, а тогда нападите на него и изрубите его, и ты снимешь с себя позор. — Вот правильное мнение! — воскликнул Мирдас. И он выбрал из своих людей сто пятьдесят всадников, могучих амалекитян, и стал их наставлять и подстрекать к убийству Гариба, и он не переставая выслеживал юношу, пока тот не выехал поохотиться и не удалился в долины и горы. И Мирдас поехал со своими грозными всадниками и устроил засаду на пути Гариба, чтобы, когда тот будет возвращаться с охоты, напасть на него и убить его. И когда Мирдас со своими людьми притаился между деревьями, вдруг напали на них пятьсот амалекитян и убили из них шестьдесят человек, а девяносто взяли в плен, а Мирдаса скрутили. А причиною этого было вот что: когда был убит аль-Хамаль и его люди, те, кто уцелел, обратились в бегство и бежали до тех пор, пока не пришли к его брату, и тогда они осведомили его о том, что случилось. И поднялся в нем гнев, и он собрал амалекитян и выбрал из них пятьсот человек, вышиною каждый в пятьдесят локтей, и отправился искать мести за своего брата, и он наткнулся на Мирдаса и его храбрецов, и случилось между ними то, что случилось. И когда Мирдаса и его людей забрали в плен, брат аль-Хамала со своими людьми спешил и приказал им отдыхать и сказал: — о люди, идолы облегчили нам отмщенье; сторожите же Мирдаса и его людей, пока я не уведу их и не убью самым ужасным убийством. — И Мирдас увидел себя связанным и стал рассказывать в том, что сделал, и сказал: — вот воз-

даяние за вероломство! — И люди заснули, радуясь победе, а Мирдас и его товарищи были связаны, они потеряли надежду на жизнь и убедились в своей смерти.

Вот что было с Мирдасом. Что же касается Сахим-аль-Лайля, то он вошел к своей сестре Махдии, раненый, и она поднялась, встречая его, и поцеловала ему руки и сказала: — да не отсохнут твои руки и да не порадуются твои враги! Если бы не ты с Гарибом, мы не освободились бы из вражеского плена. Знай, о брат мой, что твой отец выехал со ста пятьюдесятью всадниками, и он хочет убить Гариба. А ты знаешь, что Гариб будет убит напрасно, так как он сохранил вашу честь и освободил ваше имущество. — И когда услышал Сахим эти слова, свет стал мраком перед его лицом, и он надел доспехи войны и, сев на коня, направился к тому месту, где охотился его брат. И он увидел, что Гариб поймал много дичи, и подошел к нему и поздоровался и сказал: — о брат мой, неужели ты выезжаешь, не уведомив меня? — Клянусь Аллахом, — ответил Гариб, — меня удержало от этого лишь то, что я увидел тебя раненым и хотел, чтобы ты отдохнул. — О брат мой, остерегайся моего отца, — молвил Сахим, и потом он рассказал Гарибу обо всем, что случилось, и о том, что его отец выехал со ста пятьюдесятью всадниками, которые хотят его убить. — Да обратит Аллах его козни против его горла! — воскликнул Гариб, и потом Гариб с Сахимом поехали обратно, направляясь к своему стану. И над ними наступил вечер, и они ехали на спинах коней, пока не подъехали к долине, где были

те люди, и тогда они услышали ржанье коней во мраке ночи, и Сахим сказал: — о брат мой, это мой отец и его люди притаились в этой долине. Отъедем же от долины в сторону. — И Гариб сошел с коня и, бросив поводья своему брату, сказал ему: — стой на месте, пока я не вернусь к тебе, — и пошел и увидел тех людей, и оказалось, что они не из его стана. И Гариб услышал, что они упоминают о Мирдасе и говорят: — мы убьем его только в нашей земле, — и понял, что Мирдас, его дядя, лежит у них связанный, и воскликнул: — клянусь жизнью Махди, я не уйду, пока не освобожу ее отца, и не буду ее огорчать! — И он до тех пор искал Мирдаса, пока не нашел его, — а он лежал связанный веревками, — и тогда Гариб сел подле него и сказал: — да спасешься ты, о дядюшка, от этого позора и уз! — И когда Мирдас увидел Гариба, разум вышел из него, и он воскликнул: — о дитя мое, я под твоей защитой! Освободи меня по долгу воспитания. — Когда я тебя освобожу, ты отдашь мне Махдию? — спросил Гариб, и Мирдас сказал: — о дитя мое, клянусь тем, во что я верю, она будет твоя, пока длится время! — И тогда Гариб развязал его и сказал: — иди к коням, твой сын Сахим там, — и Мирдас ускользнул и пришел к своему сыну Сахиму, и тот обрадовался ему и поздравил его со спасением. А Гариб развязывал одного человека за другим, пока не развязал девяносто всадников, и все они оказались далеко от врагов. И Гариб прислал им доспехи и коней и сказал: — садитесь на коней и рассыпьтесь, окружая врагов, и кричите, и пусть ваш крик будет: — о семья Кахтана! —

а когда враги очнутся, отдайтесь от них и рассыпьтесь вокруг них. И Гариб выждал до последней трети ночи и закричал: — о семья Кахтана! — и его люди тоже закричали единым криком: — о семья Кахтана! — и горы ответили им, и врагам показалось, что эти люди на них набросились. И все они схватили оружие и накинулись друг на друга... и Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда люди аль-Хамая пробудились от сна и слышали, как Гариб и его люди кричат: — о семья Кахтана! — им показалось, что племя Кахтана напало на них, и они подняли оружие и винулись убивать друг друга. И Гариб со своими людьми отошел назад, а враги его не переставали избивать друг друга, пока не взошел день. И тогда Гариб, Мирдас и его девяносто храбрецов понеслись на уцелевших врагов и перебили из них множество, а остальные обратились в бегство. И сыны Кахтана захватили разбежавшихся коней и приготовленные доспехи и отправились к себе в стан, и не верилось Мирдасу, что он освободился от врагов. И они ехали до тех пор, пока не прибыли в стан, и оставшиеся в стане встретили их и обрадовались их спасению. И прибывшие расположились в шатрах, и Гариб расположился у себя в палатке, и юноши из стана собрались подле него, и приветствовали его и большие, и малые. И когда Мирдас увидел Гариба, окруженного юношами,

он возненавидел его еще больше, чем прежде, и, обратившись к своим приспешникам, сказал им: — увеличилась в моем сердце ненависть к Гарпбу, и огорчает меня, что эти люди собрались вокруг него. А завтра он потребует у меня Махдию. — И сказал тогда Мирдасу его советник: — о эмир, потребуй от него того, чего он не может сделать, — и Мирдас обрадовался. И он проспал ночь до утра, а утром он сел на свое место, и арабы окружили его, и пришел Гариб со своими людьми, окруженный юношами, и, подойдя к Мирдасу, поцеловал землю между его руками, и Мирдас обрадовался и встал перед ним и посадил его рядом с собою. — О дядюшка, — сказал Гариб, — ты дал мне обещание, исполни же его. — О дитя мое, — отвечал Мирдас, — она будет твоя, пока длится время, но только у тебя мало денег. — О дядюшка, — сказал Гариб, — требуй чего хочешь. Я буду делать набеги на эмиров арабов в их землях и становищах и на царей в их городах и принесу тебе деньги, которые заполнят землю от края и до края. — О дитя мое, — сказал Мирдас, — я поклялся всеми идолами, что отдам Махдию только тому, кто за меня отомстит и снимет с меня позор! — и Гариб спросил его: — скажи мне, о дядюшка, кому из царей ты должен отомстить, и я отправлюсь к нему и сломаю его престол об его голову. — О дитя мое, — ответил Мирдас, — у меня был сын, храбрец из храбрецов, и он выехал с сотнею храбрецов, желая половить и поохотиться, и переезжал из долины в долину, и удалился в горы. И он достиг Долины Цветов и Дворца Хама, сына Шиса, сына Шеддада, сына Халида, а в этом месте,

о дитя мое, живет один человек, черный, длинный, длиною в семь локтей, и он дерется деревьями — вырывает дерево из земли и дерется им. И когда мой сын достиг этой долины, к нему вышел этот великан и погубил его и сотню его всадников, и спаслись из них лишь трое храбрецов; которые пришли и рассказали нам о том, что случилось. И я собрал храбрецов и отправился сразиться с великаном, но мы не могли одолеть его, и я удручен и хочу отомстить за моего сына, и я поклялся, что отдам дочь в жены только тому, кто отомстит за моего сына.

И услышав слова Мирдаса, Гариб сказал: — о дядюшка, я отправлюсь к этому амалекитянину и отомщу за твоего сына с помощью Аллаха великого! — и Мирдас молвил: — о Гариб, если ты его одолеешь, ты захватишь у него сокровища и деньги, которых не пожрут огни. — Засвидетельствуй, что женишь меня, чтобы мое сердце стало сильным, и я пойду искать своего надела, — сказал Гариб, и Мирдас признал это и взял в свидетели старейшин стана. И Гариб ушел, радуясь осуществлению надежд, и вошел к своей матери и рассказал, чего ему удалось достигнуть, и его мать молвила: — о дитя мое, знай, что Мирдас тебя ненавидит, и он посылает тебя к этой горе только для того, чтобы лишить меня звуков твоего голоса. Возьми меня с собой и уезжай из земли этого обидчика. — О матушка, — сказал Гариб, — я не уеду, пока не достигну желаемого и не покорю своего врага. — И Гариб проспал ночь, а когда наступило утро и засияло светом и заблестало, он едва успел сесть на коня, как пришли его друзья-юноши, — а их

было двести могучих витязей, и они утопали в военных доспехах, — и закричали Гарибу: — поезжай с нами, мы тебе поможем и будем тебя развлекать в дороге. — И Гариб обрадовался им и сказал: — да воздаст вам Аллах за нас благом! — и молвил: — поезжайте, о друзья мои! — И Гариб со своими товарищами ехал первый день и второй день, а затем, к вечеру, они спешили под высокой горой и задали коням корму. И Гариб скрылся от других и пошел по горе и шел до тех пор, пока не пришел к пещере, из которой был виден свет. И он вошел в середину пещеры и увидел там старика, которому было триста сорок лет жизни, и брови закрывали ему глаза, а усы закрывали ему рот. И когда Гариб посмотрел на этого старца, он почувствовал к нему уважение и удивился огромности его тела, а старец сказал ему: — о дитя мое, ты как будто из нечестивых, которые поклоняются камням вместо всевластного владыки, творца ночи и дня и вращающегося небосвода, — и когда услышал Гариб слова старца, у него задрожали поджилки, и он спросил: — о старец, где находится этот владыка, чтобы я мог ему поклониться и насладиться лицезрением его? — О дитя мое, — отвечал старец, — этого великого владыку не видит никто в мире, и он видит, но невидим, и пребывает он в вышнем обиталище. Он присутствует во всяком месте, во следах содеянного им, он — создатель созданий, промыслитель времен, и сотворил он людей и джиннов и послал пророков, чтобы вывести людей на правильный путь. Тех, кто ему покорен, вводит он в рай, а тех, кто ему не повинуется, вводит он в огонь. —

О дядюшка, — сказал Гариб, — а что говорят те, кто поклоняется этому великому господу, который властен во всякой вещи? — О сынок, — ответил ему старец, — я из племени Адитов, которые были преступны в землях, и стали они печестивы, и послал к ним Аллах пророка, по имени Худ, но они объявили его лжецом, и погубил их Аллах бесплодным ветром. А я уверовал, вместе с толпой людей из моего народа, и мы спаслись от наказания. И жил я при самудянах, и при том, что случилось у них с их пророком Салихом, и послал Аллах великий после Салиха пророка, по имени Ибрахим, друг Аллаха, к Нимруду, сыну Канана, и случилось у него с ним то, что случилось. И умерли мои родичи, которые уверовали, и стал я поклоняться Аллаху в этой пещере, и Аллах — велик он! — наделяет меня тем, на что я не рассчитываю. — О дядюшка, — сказал Гариб, — что мне сказать, чтобы стать одним из приверженцев этого великого господина? — Скажи: нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим — друг Аллаха! — молвил старец, и Гариб предался Аллаху сердцем и умом. — Утвердилась в сердце твоём сладость ислама и веры, — сказал тогда старец. И он научил Гариба некоторым предписаниям и кое-чему из содержания свитков и спросил его: — как твое имя? — Мое имя — Гариб, — отвечал юноша, и старец молвил: — а куда ты направляешься, о Гариб? — и Гариб рассказал ему о том, что с ним случилось, от начала до конца, и дошел до истории гуля с гор, ища которого, он пришел... и Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ НОЧЬ,

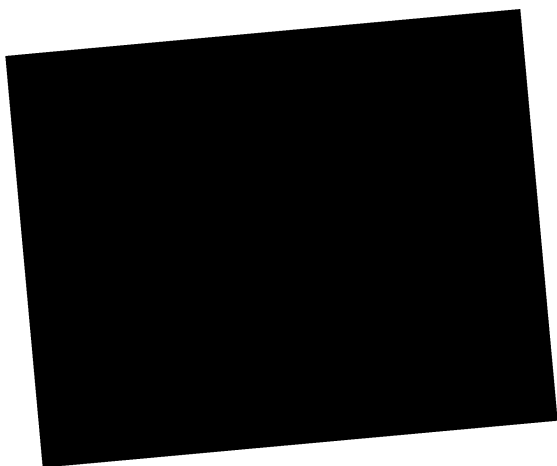
она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Гариб, приняв ислам, рассказал старцу обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и дошел до истории гуля с гор, ища которого, он пришел. И тогда старик сказал ему: — о Гариб, разве ты одержимый, что идешь к гулю с гор один? — О владыка, со мною двести всадников, — сказал Гариб, и старик воскликнул: — о Гариб, будь с тобою и десять тысяч всадников, ты бы с ним не справился! — Его имя — Гуль-что-ест-людей (просим у Аллаха спасения!), и он из потомства Хама. Его отец — Хинди, который населил Индию, и по нему эта земля названа. Он оставил Гуля после себя и назвал его Садан-аль-Гуль, и стал он, о дитя мое, упорным притеснителем и непокорным шайтаном, для которого нет снеди, кроме сынов Адама. И отец, перед смертью, запрещал ему это, но он не внял запрещению и стал еще более преступен, и после этого его отец выгнал его и изгнал из земель Индии после войн и великих тягот. И он пришел в здешнюю землю и укрепился в ней и стал в ней жить, и пересекает дороги и проходящему и уходящему, а потом возвращается в свое жилище в этой долине. И досталось ему пятеро сыновей, толстых и могучих, — каждый из них нападает один на тысячу богатырей, — и собрал он деньги и добычу, и коней, и верблюдов, и коров, которые заполнили долину. И я боюсь за тебя из-за этого гуля и прошу Аллаха великого поддержать тебя про-

тив него словами единобожия. Когда ты понесешься на печестивых, говори: — Аллах велик! — эти слова лишают неверных защиты.

Потом старец дал Гарибу стальную дубину весом в сто ритлей и с десятью кольцами, — когда несущий дубину взмахивал ею, эти кольца гремели, точно гром, — и дал ему меч, выкованный из молнии, длиною в три локтя, а шириною в три пяди, — если ударить им скалу, ее рассечешь пополам, — а также дал ему кольчугу, щит и свиток и сказал: — иди к твоим людям и предложи им ислам — И Гариб вышел, радуясь исламу, и шел до тех пор, пока не достиг своих, и те встретили его приветом и спросили: — что задержало тебя вдали от нас? — И Гариб рассказал им обо всем, что с ним случилось, сначала до конца, и предложил им ислам, и все они предались Аллаху и проспали ночь до утра. И тогда Гариб сел на коня и поехал к старцу проститься, а простившись, он уехал, и ехал до тех пор, пока не достиг своих. И вдруг появился всадник, залитый железом, так что видны были лишь уголки его глаз, и понесся на Гариба и сказал ему: — скидывай то, что есть на тебе, о обломок арабов, а иначе я ввергну тебя в погибель! — и Гариб понесся на него, и произошел между ними бой, который делает седым младенца и плавит своим ужасом каменную скалу, и бедуни приподнял покрывало, и вдруг оказалось, что это — Сахим-аль-Лайль, брат Гариба по матери, сын Мирдаса!

ПРИЧИНОЙ его выезда и прибытия в это место было вот что. Когда Гариб отправился к горному гулю, Сахим был в отсутствии, и, вернувшись, он не увидел Гариба. Он вошел к своей матери и увидал, что она плачет, и спросил ее, в чем причина ее плача, и она рассказала ему о том, что случилось, и об отъезде его брата, и Сахим не дал себе времени отдохнуть и, надев боевые доспехи, сел на коня и ехал, пока не приехал к своему брату. И случилось между ними то, что случилось, и когда Сахим открыл лицо, Гариб узнал его и пожелал ему мира и спросил: — что побудило тебя на это? — и Сахим ответил: — желание, чтобы ты узнал мой разряд в сравнении с тобой на боевом поле и мою силу в бою мечом и копьем. — И они поехали, и Гариб предложил Сахиму ислам, и Сахим предал себя Аллаху, и они ехали до тех пор, пока не приблизились

к долине. И когда горный гуль увидел пыль от этих людей, он сказал: — о дети, садитесь на коней и приведите мне эту добычу, — и все пятеро сели на коней и поехали к людям Гариба. И когда Гариб увидал, что эти пять амалекитян бросились на него, он ударил пяткой своего коня и крикнул: — кто вы, какой вы породы и чего вы хотите? — и выстунил вперед Фальхун, сын Садана, гуля с гор, а это был старший из его сыновей, и сказал: — сходите с коней и скрутите друг другу руки, а мы погоним вас к нашему отцу, чтобы он одних из вас изжарил, а других сварил. Он уже долгое время не ел сына Адама. — И Гариб, услышав эти слова, понесся на Фальхуна и взмахнул своей дубиной, так что кольца на ней загремели, точно грохочущий гром, и Фальхун оторопел, и Гариб ударил его дубиной. А этот удар был легкий и попал ему между лопаток, и Фальхун упал, словно высокая пальма. И Сахим с несколькими людьми бросились на Фальхуна и связали его, а потом они повязали ему вокруг шеи веревку и потащили его, словно корову. И когда братья Фальхуна увидели, что их брат — пленник, они бросились на Гариба, и тот взял в плен четверых, а пятый умчался и бежал до тех пор, пока не вошел к своему отцу. — Что позади тебя и где твои братья? — спросил Садан, и его сын ответил: — их взял в плен мальчик с еще неначерченным пушком, но он вышиной в сорок локтей. — И услышав слова своего сына, Садан, горный гуль, сказал: — да не бросит солнце на вас благословения! — а затем он вышел из крепости, вырвал большое дерево и пошел искать Гариба и его людей, идя пешком, на ногах, так

как кони не несли его из-за огромности его тела. И его сын последовал за ним, и они шли, пока не приблизились к Гарибу, и Садан бросился, без слова, на его людей и, ударив их деревом, размогил пять человек. И он бросился на Сахима и ударил его деревом, но Сахим уклонился, и удар пропал попусту, и тогда Садан рассердился, бросил дерево из рук и, ринувшись на Сахима, схватил его, как ястреб хватает воробья. И когда Гариб увидел, что его брат в руках Садана, он закричал: — Аллах велик! О сан Ибрахима, друга Аллаха, и Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует! — ... и Шах-разаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Гариб увидал своего брата пленником в руках Садана, он закричал: — Аллах велик! О сан Ибрахима, друга Аллаха, и Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует! — и повернув своего коня в сторону гуля с гор, взмахнул дубиной, так что кольца на ней зазвенели. И Гариб воскликнул: — Аллах велик! — и ударил Садана дубиной по ряду его ребер, и тот упал на землю, покрытый беспмятством, и Сахим выскользнул из его рук. И Садан очнулся не раньше, чем его скрутили и заковали, и когда его сын увидел его в плену, он повернулся, убегая, но Гариб погнался ему вслед своего коня и ударил его дубиной между лопаток, и сын гуля упал со своего коня, и Гариб скрутил его

и положил рядом с братьями и отцом, и их крепко связали веревками и поволокли, точно верблюдов. И войны ехали, пока не достигли крепости, и они нашли ее наполненной всяким добром, имуществом и редкостями, и нашли там тысячу двести персов, связанных и закованных. И Гариб сел на престол гуля с горы — а он принадлежал раньше Сасу, сыну Шиса, сына Шеддада, сына Ада — и поставил своего брата Сахима от себя справа, и его приближенные стали справа и слева. А после этого он велел привести Садана, гуля с горы, и спросил его: — каким ты себя видишь, о проклятый? — и Садан отвечал: — о господин, я в сквернейшем положении, в унижении и в умопомрачении. Я и мои дети связаны веревками, точно верблюды. — Я хочу, — сказал Гариб, чтобы вы приняли мою веру, то есть веру ислама, и объявили единым владыку всеведущего, создателя света и мрака и создателя всякой вещи (нет бога, кроме него, владыки судящего!), и признали бы пророческий сан Друга Аллаха Ибрахима — мир с ним! — И приняли ислам Садан, гуль с горы, и его дети, и был ислам их прекрасным, и Гариб велел их развязать, и их освободили от уз, и тогда Садан-гуль заплакал и припал к ногам Гариба, целуя их, и его дети также, но Гариб удержал их от этого, и они встали вместе со стоящими. И Гариб сказал: — о Садан! — и Садан отвечал: — к твоим услугам, о владыка! — и Гариб спросил: — каково дело этих чужеземцев? — О владыка, — отвечал Садан, — это моя дичь из стран персов, и они не одни. — А кто же с ними? — спросил Гариб. — О господин, — молвил Садан, — с ними дочь царя

Сабура, даря персов, по имени Фахр-Тадж, и с нею сто невольниц, подобных лунам. — И Гариб, услышав слова Садана, изумился и спросил: — как ты до них добрался? — и Садан отвечал: — о эмир, я выехал на охоту с моими сыновьями и пятью рабами из моих рабов, но мы не нашли по дороге дичи. И мы разъехались по степям и пустыням и не увидели себя нигде, кроме земель персов, и мы кружили, ища добычи, чтобы ее захватить и не вернуться обманувшимися. И показалась перед нами пыль, и мы послали раба из наших рабов, чтобы он узнал истину, и раб скрылся на некоторое время, а затем вернулся и сказал: — о владыка, это царевна Фахр-Тадж, дочь даря Сабура, даря персов, турок и дейлемитов, а с нею две тысячи всадников, и они едут. — И я сказал рабу: — ты возвестил о благе — нет добычи, больше такой добычи! — и потом я с моими сыновьями понесся на персов, и мы убили из них триста всадников и взяли в плен тысячу двести и захватили дочь Сабура и то, что было с нею из редкостей и богатств, и привезли их в эту крепость.

И Гариб, услышав слова Садана, спросил его: — совершил ли ты с царицей Фахр-Тадж грех? — и Садан отвечал: — нет, клянусь жизнью твоей головы, клянусь той верой, которую я принял! — Ты поступил хорошо, о Садан, — сказал Гариб, — так как ее отец — царь земли, и он обязательно соберет и пошлет за ней войска и разрушит страну тех, кто ее захватил. А кто не сбдумывает последствий, тому судьба не друг. Где же эта девушка, о Садан? — Я отвел ей и ее невольницам отдельный дворец, — ответил Садан. —

Покажи мне ее место, — сказал Гариб, и Садан ответил: — слушаю и повинуюсь! — и Гариб и Садан-гуль встали и шли, пока не пришли ко дворцу царевны Фахр-Тадж, и они нашли ее печальной, униженной и плачущей после величия и изнеженности. И когда взглянул на нее Гариб, он подумал, что месяц от него близко, и возвеличил Аллаха, всеслышащего, премудрого, а Фахр-Тадж, взглянув на Гариба, увидела, что это могучий витязь, и доблесть блистала меж его глаз, свидетельствуя за него, а не против него. И царевна поднялась перед ним и поцеловала ему руки, а после рук припала к его ногам и сказала: — о богатырь нашего времени, я под твоей защитой! Защити же меня от этого гуля. Я боюсь, что он уничтожит мою девственность и после этого съест меня. Возьми же меня служить твоим рабыням. — Ты в безопасности, пока не достигнешь твоего отца и места твоего величия, — сказал Гариб, и царевна пожелала ему долгой жизни и славного возвышения. И Гариб велел развязать персов, и их развязали, а потом он обратился к Фахр-Тадж и спросил ее: — что вывело тебя из твоего дворца в эти пустыни и степи, так что тебя взяли разбойники? — О владыка, — ответила царевна, — мой отец и жители его царства и стран турок, дейлемитов и магов поклоняются огню, вместо всевластного владыки, и у нас, в нашем царстве, есть монастырь, называемый Монастырем Огня, и в каждый праздник там собираются дочери магов и огнепоклонников и остаются там месяц, в течение их праздника, а потом возвращаются в свои земли. И я выехала по обычаю с моими невольницами, и отец

послал со мною две тысячи всадников, чтобы меня охранять, и на нас напал этот гуль и убил из нас некоторых, а остальных взял в плен, и заточил нас в этой крепости. Вот что случилось, о доблестный храбрец, да избавит тебя Аллах от превратностей времени. — Не бойся, я доставлю тебя к тебе во дворец, к месту твоего величия, — сказал Гариб, и девушка благословила его и поцеловала ему руки и ноги. А потом Гариб вышел от нее и велел оказывать ей уважение, и он проспал эту ночь, а когда настало утро, он поднялся и совершил омовение и молитву в два раката, согласно вере отца нашего, друга Аллаха, Ибрахима — мир с ним! — и тоже сделали гуль и его сыновья, и все люди Гариба помолились за ним. А потом Гариб обратился к Садану и сказал ему: — о Садан, не покажешь ли ты мне Долину Цветов? — Хорошо, о владыка, — отвечал Садан, и потом Садан с сыновьями, и Гариб со своими людьми, и царевна Фахр-Тадж со своими невольницами поднялись и все вышли, и Садан приказал своим рабам и рабыням резать животных и стряпать обед и подать его среди деревьев. (А у него было сто пятьдесят невольниц и тысяча рабов, которые пасли верблюдов, коров и баранов). И Гариб и его люди поехали с Саданом в Долину Цветов, и увидав ее, Гариб нашел в ней редкостные растения, росшие купами и отдельно, и птиц на ветвях, распевавших разные напевы, и соловей повторял звуки напевов, и горлинка, создание всемиростивого, наполняла своим голосом местность. . . и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала
**НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ШЕСТИСОТ
 ТРИДЦАТИ,**

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Гариб со своими людьми и гуль со своими людьми отправились в Долину Цветов, Гариб увидел там птиц и в числе их — горлинку, создание всемилостивого, которая наполняла своим голосом местность, и соловья, щебетавшего прекрасным своим голосом, как человек, и дрозда, описывать которого устанет язык, и вяхиря, что волнует своим голосом человека, и голубя, которому отвечает ясным голосом попугай, и плодородные деревья, имевшие каждого плода по паре, и гранаты на ветвях — кислые и сладкие, и абрикосы — миндальные и камфарные, и хорасанский миндаль, и сливы, ветви которых переплетались с ветками ивы, и апельсины, подобные огненным факелам, и толстокожие лимоны, сгибающие ветки, и лимоны сладкие — лекарство для всякого, кто не ест, и кислые, что излечивают от болезни желтухи, и фирики на дерсве — красные и желтые — создание Аллаха, великого сапом. И о подобном этому говорит стихотворец, безумно влюбленный.

Когда птица там заливается своей песенкой,
 Влечет туда влюбленного с зарею.

Ведь подобен он саду райскому, благовонному —
 Там тень, плоды и струи вод текучих.

И Гарибу понравилась эта долина, и он приказал поставить там шатер Фахр-Тадж, дочери Хосроев, и его поставили среди деревьев и

устлали роскошными коврами. И Гариб сел, и им принесли кушанье, и они ели, пока не насытились, а потом Гариб сказал: — О Садан! — и когда тот ответил: — я здесь, о владыка! — он спросил: — есть у тебя какое-нибудь вино? — Да, у меня полный водоем старого, — ответил Садан. — Принеси нам сколько-нибудь, — сказал Гариб, и Садан послал десять рабов, и они принесли много вина, и все стали есть и наслаждаться и веселиться. И Гариб пришел в восторг и вспомнил Махдию и произнес такие стихи:

Я вспомнил день близости, когда возле вас я был,
И сердце взволновано огнем увлечения.

Аллахом клянусь, что вас покинул не волей я.—
Превратности времени, поистине, дивны.

Привет от меня и мир, и тысячу раз привет!
Поистине, изнурен я ныне и скорбен.

И они ели, и пили, и развлекались три дня, а потом вернулись в крепость, и Гариб позвал Сахима, своего брата, и когда тот явился, сказал ему: — возьми с собою сотню всадников и отправляйся к твоему отцу, матери и родичам — сынам Кахтана, и приведи их сюда, чтобы они здесь жили всю остальную жизнь, а я поеду в земли персов с царевной Фахр-Тадж к ее отцу. А ты, о Садан, оставайся с твоими сыновьями в этой крепости, пока мы к тебе не вернемся. — А почему ты не берешь меня с собою в земли персов? — спросил Садан, и Гариб сказал: — потому что ты взял в плен дочь Сабура, царя персов, и когда упадет на тебя его глаз, он поест твоего мяса и попьет твоей крови. — И услышав это, Садан, гуль с горы, засмеялся громким сме-

хом, подобным грохочущему грому, и воскликнул: — о владыка, клянусь жизнью твоей головы, если б собрались против меня персы и дейлемиты, я бы, право, напоил их напитком гибели!

— Это так, как ты говоришь, но сиди в своей крепости, пока я к тебе не вернусь, — сказал Гариб, и Садан ответил: — слушаю и повинуюсь!

И Сахим уехал, а Гариб отправился в страны персов, и с ним были его люди из сынов Кахтана. И он поехал с царевной Фахр-Тадж и ее людьми, и они двинулись, направляясь в города Сабура, царя персов, и вот что было с этими.

То же касается царя Сабуря, то он ожидал приезда своей дочери из Монастыря Огня, но она не вернулась, и обычный срок прошел, и запылал в его сердце огонь. А у него было сорок везирей, и самым старым, знающим и сведущим из них был везирь по имени Дидан, и царь сказал ему: — о везирь, моя дочь задержалась, и не дошло до нас о ней сведения, а срок прибытия миновал. Пошли же гонда в Монастырь Огня, чтобы он узнал верные сведения. — И везирь отвечал: — слушаю и повинуюсь! — а потом он вышел и, позвав начальника гонцов, сказал ему: — отправляйся сейчас же в Монастырь Огня. — И гонец выехал, и ехал, пока не достиг Монастыря Огня, и он спросил монахов о царской дочери, и те сказали: — мы не видели ее в этом году. — И тогда гонец вернулся по своим следам и, достиг-

нув города Исбанира, вошел к везиру и осведомил его о том, что было. И везирь вошел к царю Сабур и осведомил его, и перед царем поднялось воскресение, и он бросил свой венед на землю, выщипал себе бороду и упал на землю без чувств. И на него побрызгали водой, и он очнулся с плачущими глазами и опечаленным сердцем и произнес такие стихи:

Когда я призвал терпенье после тебя и плач,
Охотно ответ дал плач, терпенье же не дало.

И если заставила судьба разлучиться нас,
Обычай судьбы таков, измена — черта ее.

А затем царь призвал десять воевод и велел им сесть на коней с десятью тысячами всадников, и чтобы каждый воевода отправился в один из климатов искать царевну Фахр-Тадж, и они сели на коней, и каждый воевода отправился со своими людьми в один из климатов. Что же касается матери Фахр-Тадж, то она и ее невольницы облачились в черное, рассыпали пепел и сидели плача и причитая.

Вот что было с этими. . . и Шахраду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что царь Сабур послал своих воинов искать свою дочь, а ее мать со своими невольницами облачилась в черное. Что же касается до Гариба и до того, что случилось с ним в дороге удивительного, то он ехал десять дней, а на одиннадцатый день перед ним появилась пыль и под-

нялась до облаков небесных. И Гариб позвал эмира, который властвовал над персами, и когда тот явился, сказал ему: — узнай для нас верные сведения об этой пыли, что появилась. — И эмир сказал: — слушаю и повинуюсь! — и гнал своего коня, пока не въехал в пыль, и он увидал людей и спросил их, и один из них сказал: — мы из племени Бену Хиталь, и эмир наш — ас-Самсам-ибн-аль-Джаррах. Мы идем, чего бы пограбить, и нас пять тысяч всадников. — И персиянин вернулся, торопя своего коня, и, прибыв к Гарибу, рассказал ему, в чем дело, и Гариб закричал сынам Кахтана и персам: — берите оружие! — и они взяли оружие и двинулись. И кочевники встретили их, крича: — добыча, добыча! — а Гариб закричал: — да опозорит вас Аллах, о арабские собаки! — И затем он понесся и сшибся с ними, как сшибается могучий храбрец, крича: — Аллах велик! Эй, за веру Ибрахима, друга Аллаха, мир с ним! — и возникло между ними сражение, и велик стал рукопашный бой, и заходил кругом меч, и умножились толки и разговоры, и сражение продолжалось, пока день не повернул на закат. И наступил мрак, и бойцы отделились друг от друга, и Гариб проверил своих людей и увидел, что убито из сынов Кахтана пять человек, и из персов — семьдесят три, а из людей ас-Самсама — больше пятисот всадников.

И ас-Самсам спешился, не желая ни кушанья, ни сна, и сказал своим людям: — в жизни я не видел такого боя, как бой этого юноши — он бьется то мечом, то дубиной, — но я выйду к нему завтра на поле битвы и призову его на место боя и сражения и перережу этих арабов.

Что же касается Гариба, то когда он вернулся к своим людям, его встретила царевна Фахр-Тадж, плачущая и испуганная ужасом того, что произошло, и поцеловала его ногу в стремени и сказала: — да не отсохнут твои руки и да не порадуются твои враги, о витязь нашего времени! Слава Аллаху, который сохранил тебя в сегодняшний день. Знай, что я боюсь за тебя из-за этих кочевников. — И Гариб, услышав ее слова, засмеялся ей в лицо, успокоил ее сердце и ободрил ее, и сказал: — не бойся, царевна! Если бы враги наполнили эту пустыню, я бы уничтожил их силой высокого, высшего! — И царевна поблагодарила его и пожелала ему победы над врагами, и ушла к своим невольницам, а Гариб спешился и смыл с рук и с одежды кровь нечестивых, и бойцы проспали ночь до утра, сторожа друг друга.

А затем оба войска сели на коней и направились на поле битвы, к месту боя и сражения, и впереди всех был на копе Гариб. И он погнался коня и, приблизившись к неверным, крикнул: — выйдет ли ко мне противник, не ленивый, не слабый? — и вышел к нему амалекитянин из могучих амалекитян, потомок племени адитов, и понесся на Гариба и воскликнул: — эй, обломок арабов, возьми то, что пришло к тебе, и радуйся гибели!

А у него была железная палица весом в двадцать ритлей, и он поднял руку и ударил Гариба, но тот уклонился, и палица ушла под землю на локоть, а амалекитянин наклонился ударяя, и Гариб ударил его железной дубиной и рассек ему лоб, и противник его упал, повержен-

ный и Аллах поспешил отправить его душу в огонь. И потом Гариб стал бросаться и гарцовать и искал поединка, и выехал к нему второй боец, и он убил его, и выехал третий, и десятый, и всякого, кто выезжал к нему, Гариб убивал.

И когда неверные увидели, как сражается Гариб и каковы его удары, они стали уклоняться и отступать от него, и их эмир посмотрел на них и воскликнул: — да не благословит вас Аллах! Я выйду к нему! — И он надел боевые доспехи и гнал своего коня, пока не поровнялся с Гарибом на босвом поле, и тогда он сказал ему: — горе тебе, арабская собака, разве твой сан дошел до того, что ты выступаешь против меня на поле и убиваешь моих людей? — И Гариб в ответ ему молвил: — перед тобою — сражение! Отомсти же за убитых витязей! — и ас-Самсам понесся на Гариба, и тот встретил его с широкой грудью и довольным сердцем, и они так бились дубинами, что ошеломили оба войска, и все глаза бросали на них взоры. И они объехали вокруг поля и ударили друг друга двумя ударами, и что до Гариба, то он обманул удар ас-Самсама в бою и стычке, а что касается ас-Самсама, то удар Гариба упал на него и вдавил ему грудь и повалил его на землю убитым. И его люди напали на Гариба единым нападением, и Гариб понесся на них и закричал: — Аллах велик! Он дает победу и поддержку и лишает защиты тех, кто отвергает веру Ибрахима, друга Аллаха — мир с ним! — ... и Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Гариб, когда люди ас-Самсама напали на него единым нападением, понесся на них и закричал: — Аллах велик! Он дает победу и поддержку и лишает защиты тех, кто не верует! — И когда первые услышали упоминание о владыке всевластном, едином, покоряющем, которого не постигают взоры, а он постигает взоры, они посмотрели друг на друга и сказали: — что это за слова, от которых у нас задрожали поджилки и ослабла решимость и сократилась жизнь? Мы в жизни не слышали слов, приятнее этих! — и потом они сказали друг другу: — отступите от боя и спросим об этих словах. — И они отступились от боя и сошли с коней, и старейшины их собрались и посоветовались и захотели отправиться к Гарибу. И они сказали: — пусть пойдет к нему из нас десять человек! — и выбрали десять лучших из них, и те пошли к палаткам Гариба.

Что же касается Гариба и его людей, то они расположились в палатках, дивясь, что враги отказались от боя, и когда это было так, вдруг подошли те десять человек и попросили позволения предстать меж руками Гариба. И они поцеловали ему руки и пожелали ему величия и долгой жизни, и Гариб спросил их: — что это вы отступились от боя? — и они ответили: — о владыка, ты устранил нас своими словами, которые кричал нам. — Какому бедствию вы поклоняетесь? — спросил Гариб, и пришедшие ответили: — мы поклоняемся

Вадду, Сува и Ягусу, владыкам племени Нуха. — А мы, — сказал Гариб, — поклоняемся только великому Аллаху, творцу всякой вещи и наделяющему все живое, который создал небеса и землю, утвердил горы, вывел воду из камней, взрастил деревья и наделил зверей в пустынях. Он — Аллах, единый, покоряющий. — И когда пришедшие услышали слова Гариба, их грудь расправилась из-за слов единобожия, и они сказали: — истинно, этот бог — великий владыка, милостивый, милосердый! — а потом они спросили: — что нам сказать, чтобы стать мусульманами? — И Гариб молвил: — скажите: — нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим — друг Аллаха, — и эти десять человек предали себя Аллаху истинным преданием, а потом Гариб сказал: — если сладость ислама действительно у вас в сердцах, то идите к вашим людям и предложите им ислам. Если они примут ислам, то спасутся, а если откажутся, мы сожжем их огнем! — И десять посланцев отправились и, придя к своим людям, предложили им ислам и объяснили, каков путь истины и правой веры, и те приняли ислам сердцем и языком и побежали на ногах к шатрам Гариба и поцеловали землю между его руками и пожелали ему величия и высоких степеней. И они сказали ему: — о наш владыка, мы стали твоими рабами. Приказывай же нам, что хочешь: мы тебе послушны и покорны и больше с тобой не расстанемся, так как Аллах вывел нас на правый путь твоими руками! — И Гариб пожелал им благого возмещения и сказал: — отправляйтесь к своим жилищам и трогайтесь с вашим имуществом и детьми. Поезжайте раньше нас в Долину Цветов и в кре-

пость Саса, сына Шиса, а я провожу Фахр-Тадж, дочь царя Сабура, царя персов, и вернусь к вам! — И они ответили: — слушаем и повинемся! — и тотчас же уехали и направились к своему стану, радуясь, что приняли ислам. И они предложили ислам своим женам и детям, и те стали мусульманами, а потом они сняли палатки, забрали свое имущество и скот и отправились в Долину Цветов, и Садан, гуль с горы, и его сыновья вышли и встретили прибывших. А Гариб дал им наставление и сказал: — когда к вам выйдет гуль с горы и захочет вас схватить, помяните Аллаха, творца всякой вещи; когда Садан услышит поминание Аллаха великого, он отступит от боя и встретит вас приветом. — И когда Садан, гуль с горы, и его дети вышли навстречу прибывшим и хотели их схватить, они стали громко поминать Аллаха великого, и Садан встретил их наилучшей встречей. И он спросил их, как они поживают, и они рассказали о том, что произошло у них с Гарибом, и Садан обрадовался им и дал им кров и засыпал их милостями, и вот что было с ними. Что же касается Гариба, то он двинулся в путь с царевной Фахр-Тадж и отправился в город Исбанир. И он ехал пять дней, а на шестой день перед ним появилась пыль, и он послал человека из персов узнать верные новости, и тот поехал к пыли, а потом вернулся скорее птицы, когда она взлетает, и сказал: — о владыка, это пыль от тысячи всадников, наших товарищей, которых царь послал разыскивать царевну Фахр-Тадж. — И Гариб, узнав об этом, приказал своим людям спешиться и разбить шатры, и они спешились и разбили

свои шатры, а когда прибывшие подъехали к ним, люди царевны Фахр-Тадж встретили их и рассказали Туману, их начальнику, обо всем, осведомив его о царевне Фахр-Тадж. И когда Туман услышал о царевиче Гарибе, он вошел к нему и поцеловал землю между его руками и спросил, как поживает царевна, и Гариб послал его к ней в шатер, и Туман вошел к Фахр-Тадж, поцеловал ей руки и ноги и рассказал ей, что случилось с ее отцом и матерью. И царевна рассказала ему обо всем, что с ней случилось, и о том, как Гариб освободил ее от гуля с горы... и Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что царевна Фахр-Тадж рассказала Туману обо всем, что выпало ей на долю из-за гуля с горы и пленения, и как Гариб освободил ее, а иначе Садан бы ее съел. — И моему отцу следует, — сказала она, — отдать Гарибу половину своего царства. — А потом Туман поднялся и поцеловал Гарибу руки и ноги и поблагодарил его за его милость и спросил: — с твоего позволения, о владыка, не вернуться ли мне в город Исбанир, чтобы обрадовать царя доброй вестью? — Отправляйся и возьми с него подарок за добрую весть, — сказал Гариб, и Туман поехал, а Гариб тронулся после него. И что касается Тумана, то он ускорял ход, пока не приблизился к Исбанир-аль-Мадаину, и он поднялся во дворец и поцеловал землю перед царем Сабуром, и царь спросил: — в чем дело,

о вестник о благе? — Я не скажу тебе, пока ты мне не дашь подарка, — сказал Туман, и царь воскликнул: — обрадуй меня, и я тебя удовлетворю! — О царь времени, порадуйся царице Фахр-Тадж, — сказал тогда Туман, и когда Сабур услышал упоминание о своей дочери, он упал, покрытый беспомощностью. И на него побрызгали розовой водой, и он очнулся и закричал Туману: — приблизься ко мне и обрадуй меня! — и Туман выступил вперед и изложил ему то, что произошло с царевной Фахр-Тадж. И когда царь услышал от него такие слова, он ударил одной рукой об другую и воскликнул: — о бедняжка Фахр-Тадж! — а потом он приказал дать Туману десять тысяч динаров и пожаловал ему город Испахан с его округами.

А затем он кликнул своих эмиров и сказал им: — садитесь все на коней, и мы встретим царевну Фахр-Тадж! — а главный евнух осведомил ее мать и всех женщин, и они обрадовались, и мать Фахр-Тадж наградила евнуха одеждой и дала ему тысячу динаров, и жители города услышали эту новость и украсили рынки и дома. И царь с Туманом сели на коней и ехали, пока не увидели Гариба, и царь Сабур спешился и прошел несколько шагов навстречу Гарибу. И Гариб тоже спешился и пошел к царю, и они обнялись и пожелали друг другу мира, и Сабур припал к рукам Гариба и стал их целовать, благодаря Гариба за его благодеяния. И шатры поставили напротив шатров, и Сабур вошел к своей дочери, и та поднялась и обняла его и стала ему рассказывать о том, что с ней случилось и как Гариб освободил ее от схватившего ее горного гуля. — Клянусь твоей жизнью, о владычица кра-

савид, я одарю его и засыплю дарами, — воскликнул ее отец, и царица сказала: — сделай его своим зятем, о батюшка, чтобы он был тебе помощником против врагов: он ведь храбрец. (А она сказала эти слова лишь потому, что ее сердце привязалось к Гарибу). — О дочь моя, — сказал царь, — разве ты не знаешь, что царь Хирад-шах кинул парчу и подарил сто тысяч динаров, а он — царь Ширази и его округов и обладатель войск и солдат? — И когда царица Фахр-Тадж услышала слова своего отца, она воскликнула: — о батюшка, я не хочу того, о чем ты упомянул, а если ты принудишь меня к тому, чего я не хочу, я убью себя! — И царь вышел и отправился к Гарибу, и тот поднялся перед ним, а Сабур сел и не мог насытить своего взора Гарибом, и он говорил в душе: — клянусь Аллахом, моей дочери простительно, что она полюбила этого бедуина!

А потом появилось кушанье, и все поели и проспали ночь, а на утро поехали и ехали до тех пор, пока не прибыли в город. И царь въехал с Гарибом, стременем к стремени, и был из-за их прибытия великий день, а Фахр-Тадж вошла в свой дворец и место своего величия, и ее мать встретила ее, вместе с невольницами, и те подняли радостные клики. И царь Сабур сел на престол своего царства и посадил Гариба от себя справа, и вельможи, царедворцы, эмиры, наместники и везири стали справа и слева. И они поздравили царя с благополучием его дочери, и царь сказал вельможам своего царства: — кто любит меня, пусть одарит Гариба одеждой, — и одежды посыпались на него, как дождь. И Гариб провел

в гостях десять дней, а потом он захотел уехать, и царь наградил его одеждой и поклялся своей верой, что Гариб уедет только через месяц. — О царь, — сказал Гариб, — я посватался к одной девушке из арабских девушек и хочу войти к ней. — Кто из них лучше: твоя нареченная или Фахр-Тадж? — спросил царь. — О царь времени, — отвечал Гариб, — где рабу до господина! — и царь сказал: — Фахр-Тадж стала твоей служанкой, так как ты освободил ее из когтей гуля, и нет ей мужа, кроме тебя! — И Гариб поднялся и поцеловал землю и сказал: — о царь времени, ты — царь, а я — бедный человек, и, может быть, ты потребуешь тяжкого приданого? — О дитя мое, — сказал царь Сабур, — знай, что царь Хирад-Шах, владыка Ширази и его округов, сватался к Фахр-Тадж и давал ей сто тысяч динаров, но я избрал тебя среди всех людей и сделал тебя мечом моего царства и щитом моей мести. — И потом царь обратился к вельможам своего племени и сказал: — засвидетельствуйте, о люди моего царства, что я выдал мою дочь Фахр-Тадж за моего сына Гариба... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что царь Сабур, царь персов, сказал вельможам своего царства: — засвидетельствуйте, что я выдал мою дочь Фахр-Тадж за моего сына Гариба! — и потом царь подал Гарибу руку, и царевна стала его женой. И Гариб сказал царю: — назначь приданое, чтобы я его тебе доставил; у меня в

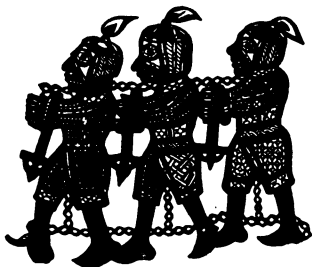
крепости Саса богатства и сокровища, которых не счесть. — О дитя мое, — сказал Сабур, — я не хочу от тебя ни богатств, ни сокровищ; я возьму за нее в приданое только голову аль-Джамракана, царя Дешта и города аль-Ахваза. — О царь времени, — сказал Гариб, — я поеду и приведу моих людей и отправлюсь к моему врагу и разрушу его страны! — и царь пожелал ему благого возмещения, и разошлись люди и вельможи. А царь думал, что если Гариб отправится к аль-Джамракану, царю Дешта, он никогда не вернется. И когда настало утро, царь сел на коня, и Гариб сел на кося, и Сабур приказал воинам садиться, и они сели и спустились на поле, и царь сказал им: — поиграйте копьями и повеселите мое сердце! — И богатыри персов стали играть друг с другом, а потом Гариб сказал: — о царь времени, я хочу поиграть с витязями персов с одним условием. — А какое у тебя условие? — спросил царь. — Я надену на тело тонкую одежду и возьму копьё без зубцов, и нацеплю на него тряпку, обмокнутую в шафран, и пусть ко мне выезжают все храбрецы и богатыри, имея копьё с зубцами, и если кто-нибудь из них меня одолеет, я подарю ему мой дух, а если я его одолею, я сделаю метку у него на груди, и он выедет с поля. — И царь крикнул начальнику войска, чтобы он вывел вперед персидских богатырей, и начальник отобрал тысячу двести персидских вельмож, выбрав их среди доблестных и храбрых, и царь сказал им на языке персиян: — всякий, кто убьет этого бедуина, пусть просит у меня, и я его удовлетворю! — И они вперегонку устремились к Гарибу и понеслись на него, и возможно стало

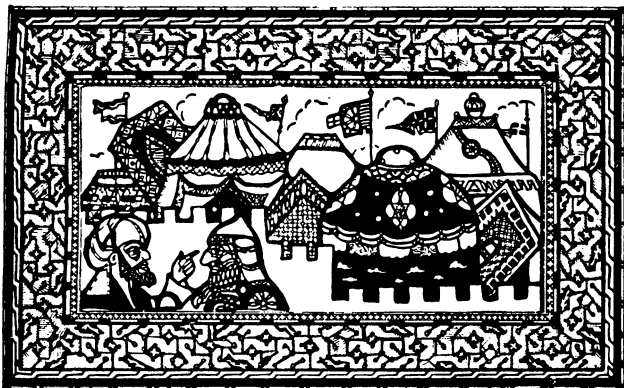
отличить правду от лжи и серьезное от шутки. И Гариб воскликнул: — полагаюсь на Аллаха, бога Ибрахима, друга Аллаха, бога всякой вещи, от которого ничто не скрыто, он — единый и покоряющий, непостижимый для взоров! — и выступил к нему амалекитянин из богатырей персов, и Гариб не дал ему времени твердо встать перед ним, и отметил его, наполнив ему грудь шафраном. А когда он повернулся, Гариб ударил его копьём по шее, и он упал, и его слуги унесли его с поля. И выступил к Гарибу второй, и он отметил его, и третий, и четвертый, и пятый, и к нему выходил богатырь за богатырем, пока Гариб не отметил их всех, и поддержал его против них Аллах великий, и они ушли с поля. И подали еду, и все поели, и принесли вино, и выпили, и Гариб выпил, и ум его помутился. И он поднялся, чтобы удовлетворить нужду, и хотел вернуться, но заблудился и вошел во дворец Фахр-Тадж, и когда она его увидела, ум ее вышел, и она крикнула невольницам: — уходите в ваши комнаты! — и невольницы разошлись и отправились в свои комнаты, а Фахр-Тадж встала и поцеловала Гарибу руку и сказала: — простор моему господину, который освободил меня от гуля! Я — твоя невольница навсегда! — И она потянула его к постели и обняла его, и страсть Гариба усилилась, и он взял невинность Фахр-Тадж и проспал у нее до утра.

Вот что происходило, а царь думал, что Гариб ушел. Когда же настало утро, Гариб вошел к царю, и тот поднялся для него и посадил его с собой рядом, а потом вошли вельможи и поцеловали землю и встали справа и слева. И они стали разговаривать о доблести Гариба и говорили: — слава

тому, кто даровал ему доблесть при его малых годах! — и когда они беседовали, они вдруг увидели в окно дворца пыль от приближающихся коней. И царь закричал скороходам: — горе вам, принесите мне сведения об этой пыли! — и один всадник из них ехал, пока не рассеялась пыль, и тогда он вернулся и сказал: — о царь, мы увидели под этой пылью сто всадников-витязей, и их эмира зовут Сахим-аль-Лайль. — И услышав эти слова, Гариб сказал: — о владыка, это мой брат, которого я посылаю с одним делом. Я выезжаю ему навстречу. — И Гариб сел на коня с сотней всадников из его родичей, сынов Кахтана, и с ним выехала тысяча персов, и поехал он в великом шествии — нет величия, кроме как у Аллаха! — И Гариб ехал до тех пор, пока не подъехал к Сахиму, и оба спешились и обнялись, а потом сели на коней, и Гариб спросил: — о брат мой, привел ли ты своих людей в крепость Саса и Долину Цветов? — О брат мой, — отвечал Сахим, — когда этот вероломный пес услышал, что ты овладел крепостью горного гуля, его досада усилилась, и он сказал: — если я не уеду из этих земель, придет Гариб и возьмет мою дочь Махдию без выкупа! — И затем он взял свою дочь и забрал своих родичей и жен и богатства и направился в землю иракскую. Он вступил в Куфу и встал под защиту царя Аджиба, и он желает отдать ему свою дочь Махдию. — И когда Гариб услышал слова своего брата Сахим-аль-Лайля, его дух едва не вышел от огорчения, и он воскликнул: — клянусь верой ислама, верой Ибрахима, друга Аллаха, клянусь великим господом, я поеду в землю иракскую и поставлю там войну на

ноги! — И они вступили в город, и Гариб со своим братом Сахимом поднялись в царский дворец и поцеловали землю, и царь привстал для Гариба и пожелал мира Сахиму, а потом Гариб рассказал царю, что случилось, и царь приказал отправить с Гарибом десять воевод, с каждым из которых было десять тысяч всадников из доблестных арабов и персов. И они собрались в три дня, а потом Гариб выехал и ехал, пока не достиг крепости Саса, и Садан, гуль с горы, вышел со своими сыновьями Гарибу навстречу. А потом Садан и его сыновья спешили и поцеловали Гарибу ноги в стремях, и Гариб рассказал гулю с горы, что случилось, и Садан сказал: — о владыка, живи в твоей крепости, а я пойду с сыновьями и войсками в Ирак и разрушу город ар-Рустак и приведу к тебе все его войско связанным крепчайшими узами. — И Гариб поблагодарил его и сказал: — о Садан, мы пойдем все! — и Садан обрадовался и сделал так, как велел Гариб, и они все поехали и оставили в крепости тысячу витязей, чтобы ее охранять. И они двинулись, направляясь в Ирак, и вот то, что было с Гарибом.

ТО же касается Мирдаса, то он шел со своими людьми, пока не достиг земли иракской. И он взял с собой хороший подарок и пошел с ним в Куфу и принес его перед лицо Аджиба, а потом он поцеловал землю и пожелал ему того, чего желают царям, и сказал: — о господин, я пришел искать у тебя защиты... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Мирдас, появившись между руками Аджиба, сказал ему: — я пришел искать у тебя защиты. — Кто тебя обидел? Я защищу тебя от него, хотя бы это был Сабур, царь персов, турок и дейлемитов, — спросил Аджиб, и Мирдас

сказал: — о царь времени, меня обидел не кто иной, как мальчик, которого я воспитал у себя на коленях. Я нашел его у груди его матери, в одной долине, и женился на его матери, и она принесла от меня ребенка. Я назвал его Сахималь-Лайль, а имя ее сына — Гариб, и он воспитывался у меня на коленях и вырос сжигающей молнией и великой бедой, и он убил Хассана, начальника Бену-Набхан, уничтожил мужей и покорил витязей. А у меня есть дочь, подходящая только для тебя, и он потребовал ее у меня, а я потребовал у него голову Садана, горного гуля, и он пошел к нему и сразился с ним и взял его в плен, и Садан стал одним из его людей. И я слышал, что он принял ислам и призывает людей к своей вере, и он освободил дочь Сабура из плена гуля и овладел крепостью Саса, сына Шиса, сына Шеддада, сына Ада, а там сокровища первых и последних и клады людей, бывших прежде. И он поехал сопровождать дочь Сабура и вернется только с богатствами персов.

И когда Аджиб услышал слова Мирдаса, его лицо пожелтело и состояние его изменилось, и он убедился в гибели своей души. — О Мирдас, — спросил он, — а мать этого мальчика с тобой или с ним? — Со мной, в моих шатрах, — отвечал Мирдас. — А как ее имя? — спросил Аджиб, и Мирдас ответил: — ее имя Нусра, — и тогда Аджиб воскликнул: — это она! — И Мирдас послал людей, чтобы привести ее, и Аджиб посмотрел на нее и узнал ее и воскликнул: — о проклятая, где рабы, которых я послал с тобою? — Они убили один другого из-за меня, — сказала Нусра, и Аджиб вытащил меч и, ударив ее, рассек ее

на две половины. И женщину выволокли и выбросили, а в сердце Аджиба вошло беспокойство. — О Мирдас, — сказал он, — жени меня на твоей дочери. — Она — одна из твоих служанок, — сказал Мирдас, — и я выдал ее за тебя, а я — твой раб. — Я хочу увидеть сына этой непотребной, Гариба, чтобы погубить его и дать ему вкусить всякие пытки, — сказал Аджиб. И он велел дать Мирдасу тридцать тысяч динаров в приданое его дочери, сто вышитых кусков шелка, затканых золотым шитьем, и сто отрезков с каймой, и платки, и золотые ожерелья, и Мирдас вышел с этим великолепным приданым и усердно принялся снаряжать Махдию.

Вот что было с этими. Что же касается Гариба, то он ехал, пока не прибыл в аль-Джезиру (а это — первый город в Ираке, город укрепленный, неприступный) и приказал располагаться возле этого города, и когда жители города увидели, что воины разбили возле них лагерь, они заперли ворота и стали укреплять стены и, поднявшись к царю, уведомили его. И царь посмотрел сквозь бойницы дворца и увидал влачащееся войско, и все воины были персы. — О люди, чего хотят эти персы? — спросил царь, и его люди сказали: — не знаем. — А этого царя звали ад-Дамиг, так как он поражал богатырей в стычках на поле битвы. И был среди его помощников один ловкий человек, подобный огненной головне, которого звали Лев Степей, и царь позвал его и сказал: — пойди к этим воинам и посмотри, в чем с ними дело и чего они от нас хотят, и возвращайся поскорее. — И Лев Степей вышел, точно ветер, когда он поднимается, и достиг

шатров Гариба, и встали несколько арабов и спросили его: — кто ты и чего ты желаешь? — и он сказал: — я — посол и гонец от владыки города к вашему господину. — И его взяли и шли с ним мимо палаток, шатров и знамен, пока не дошли до шатра Гариба, и тогда к Гарибу вошли и уведомили его, и он сказал: — приведите его ко мне! — И гонца привели, и войдя, он поцеловал землю и пожелал Гарибу вечной славы и жизни, и Гариб спросил его: — какая у тебя нужда? — Я — посланец владыки города аль-Джезиры, ад-Дамига, брата царя Кондемира, владыки города Куфы и земли иракской, — ответил Лев Степей, и когда Гариб услышал слова гонца, слезы потекли у него потоком, и он посмотрел на гонца и спросил его: — как твое имя? — И гонец ответил: — мое имя — Лев Степей, — и Гариб сказал ему: — иди к твоему владыке и скажи ему: — имя хозяина этих шатров — Гариб, сын Кондемира, властителя Куфы, которого убил его сын, и он пришел, чтобы отомстить Аджибу, вероломному псу. — И гонец вышел и прибыл к царю ад-Дамигу, радостный, и поцеловал землю, и царь спросил его: — что позади тебя, о Лев Степей? — О владыка, — отвечал гонец, — обладатель этого войска — сын твоего брата. — И он пересказал царю весь разговор, и царь подумал, что он во сне. — Эй, Лев Степей! — сказал он, и Лев Степей отвечал: — да, о царь, — и царь спросил его: — то, что ты сказал — правда? — Клянусь жизнью твоей головы, это — правда, — ответил Лев Степей, и тогда царь приказал вельможам своего народа садиться на коней, и они сели, и царь тоже сел и поехал, и они подъехали к шатрам. И когда

Гариб узнал о прибытии царя ад-Дамига, он вышел к нему навстречу, и они обнялись и приветствовали друг друга, а потом Гариб вернулся с царем к палаткам, и они сели на места величия, и ад-Дамиг обрадовался Гарибу, сыну своего брата. И царь ад-Дамиг обратился к Гарибу и сказал ему: — в моем сердце печаль о мести за твоего отца, но нет у меня силы против пса — твоего брата — так как его войска много, а моего войска мало. — О дядюшка, — сказал Гариб, — вот я пришел, чтобы отомстить и уничтожить позор и освободить от него земли. — О сын моего брата, — сказал ад-Дамиг, — у тебя две мести: месть за твоего отца и месть за твою мать. — Что с моей матерью? — спросил Гариб, и ад-Дамиг ответил: — ее убил Аджиб, твой брат... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Гариб, услышав слова своего дяди ад-Дамига: — твою мать убил Аджиб, твой брат, — спросил его: — о дядюшка, а какова причина ее убийства? — и ад-Дамиг рассказал ему о том, что случилось с его матерью, и о том, как Мирдас выдал свою дочь за Аджиба, и тот хочет войти к ней. И когда Гариб услышал слова своего дяди, ум вылетел у него из головы и его покрыло беспамятство, так что он едва не погиб, а очнувшись от обморока, он кликнул клич в своем войске и сказал: — садитесь на коней! — О сын моего брата, — сказал ему ад-Дамиг, — подожди, пока я соберусь и сяду с моими людьми

на коней и поеду с тобою у твоего стремени. — О дядюшка, не осталось у меня терпения, — сказал Гариб. — Собирайся же и соединишь со мной в Куфе.

И потом Гариб поехал и достиг города Бабиля, и жители его испугались. А в этом городе был царь по имени Джамак, и было под его властью двадцать тысяч всадников, и собрались к нему из селений пятьдесят тысяч всадников. И воины Гариба разбили палатки напротив Бабиля, и Гариб написал письмо и послал его властителю Бабиля, и гонец подъехал и, прибыв к городу, закричал: — я гонец! — И привратник ворот пошел, направляясь к царю Джамаку, и рассказал ему о гонце, и царь воскликнул: — приведи его ко мне! — и привратник вышел и привел гонца к царю, и гонец поцеловал землю и отдал Джамаку письмо. И Джамак распечатал его и прочитал и увидел в нем: — слава Аллаху, господу миров, господу всякой вещи, наделителю всего живого, который властен во всякой вещи! От Гариба, сына царя Кондемира, властителя Ирака и земли Куфы — к Джамаку. В минуту прибытия к тебе этого письма пусть не будет твоим ответом ничто, кроме разбития идолов и признания единственности царя всеведущего, творца света и мрака, творца всякой вещи, который во всякой вещи властен. А если ты не исполнишь того, что я тебе приказал, я сделаю сегодняшний день для тебя самым злосчастливым из дней. Мир с теми, кто следует по правому пути и опасается последствий дурных дел, и повинуется владыке всевышнему, господу последней и первой жизни, который говорит вещи: — будь! — и она возникает.

И когда Джамак прочитал это письмо, его глаза посинели, а лицо пожелтело, и он закричал на гонца и сказал ему: — иди к твоему господину и скажи ему: — завтра, под утро, будет бой и сеча, и стапет видно, кто доблестный витязь! — И гонец пошел и осведомил Гариба о том, что было, и Гариб приказал своим людям делать приготовления к бою, а Джамак велел поставить палатки против палаток Гариба. И воины выступили, подобно переполненному морю, и провели ночь с намерением сражаться, а когда наступило утро, оба войска сели на коней и выстроились рядами и стали бить в литавры и погнали горячих коней и наполнили земли и пустыни.

И выступили вперед богатыри, и первым, кто вышел на поле боя и стычки, был Садап, горный гуль, и он держал на плече ужасающее дерево и кричал, стоя между войсками: — я Садан-гуль! — И он крикнул: — есть ли противник? Есть ли соперник? Пусть не приходит ко мне ленивый и бессильный! — и закричал своим сыновьям: — горе вам, припесите мне дров и огня, потому что я голоден! — И они крикнули своим рабам, и те набрали дров и зажгли огонь посреди поля. И вышел к Садану человек из нечестивых, амалекитянин из преступных амалекитян, держа на плече дубину, подобную корабельной мачте, и понесся на Садана, крича: — горе тебе, о Садап! — и когда тот услышал слова амалекитянина, его качества испортились, и он взмахнул деревом, так что оно загудело в воздухе, и ударил им амалекитянина. И тот встретил удар дубиной, и дерево всей тяжестью опу-

стилось, вместе с дубиной амалекитянина, на его череп и разбило его, и амалекитянин упал, точно высокая пальма. И Садан закричал своим рабам: — тащите этого жирного теленка и жарьте его скорее! — и рабы поспешно содрали с амалекитянина кожу и зажарили его и подали Садану-гулю, и тот съел его и обглодал его кости. И когда увидели нечестивые, что Садан сделал с их товарищем, волосы поднялись на коже их тела, и состояние их изменилось, и цвет их сделался другим, и они стали говорить друг другу: — всякого, кто выйдет к этому гулю, он съест и обглодает его кости и лишит его дыхания земной жизни. — И они воздержались от боя, испугавшись гуля и его сыновей, и повернулись, убегая и направляясь к своему городу. И тогда Гариб крикнул своим людям: — на беглецов! — и персы и арабы понеслись на царя Бабиля и его людей и обрушили на них удары меча. и перебили из них двадцать тысяч или больше. И беглецы столпились в воротах, и из них перебили множество народу, и они не могли запереть ворот, и арабы и персы бросились на них. И Садан взял дубину кого-то из убитых и взмахнул ею перед людьми и выехал с нею на поле, а потом он бросился ко дворцу царя Джамака и, встав с царем лицом к лицу, ударил его дубиной, и царь упал на землю без чувств.

И Садан понесся на тех, кто был во дворе, и превратил их в крошево, и тогда жители дворца закричали: — пощады, пощады!.. и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

Когда же настала

ШЕСТЬСОТ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Садан-гуль, ворвавшись во дворец царя Джамака; стал крошить тех, кто там был, и жители дворца закричали: — пощады, пощады! — Скрутите вашего царя! — сказал им Садан, и они его скрутили и понесли, и Садан погнал их перед собой, точно баранов, после того как большинство жителей города погибло от меча воинов Гариба, и поставил их перед Гарибом. И когда Джамак, царь Бабиля, очнулся от обморока, он увидел, что он связан, а гуль говорит: — вечером я поужинаю этим царем Джамаком! — Услышав это, Джамак обратился к Гарибу и сказал ему: — я под твоей защитой! — Прими ислам — спасешься от гуля и от пытки живого, который не кончается, — сказал Гариб, и Джамак принял ислам сердцем и языком. И Гариб велел развязать его узы, а потом Джамак предложил ислам своим людям, и все они сделались мусульманами и встали, прислуживая Гарибу, И Джамак вошел в свой город и выставил кушанья и напитки, и все провели ночь подле Бабиля, а когда наступило утро, Гариб приказал трогаться, и воины ехали, пока не достигли Мейяфарикина, и они увидели, что город свободен от жителей. А обитатели города услышали о том, что случилось с Бабилем, и очистили свои земли и шли, пока не дошли до города Куфы. И они рассказали Аджибу, что случилось, и перед ним поднялось воскресение, и он собрал своих богатырей и рассказал им о прибытии Гариба и велел делать

приготовления к бою с его братом. А он сосчитал своих людей, и их оказалось тридцать тысяч всадников и десять тысяч пеших, и затем он потребовал, чтобы явились другие, и явились к нему пятьдесят тысяч человек, конных и пеших. И Аджиб сел на коня во главе влачащегося войска, и ехал пять дней, и он увидал, что войско его брата стоит в Мосуле, и поставил свои шатры перед его шатрами. А потом Гариб написал письмо и, обратившись к своим людям, спросил: — кто из вас доставит это письмо Аджибу? — и Сахим вскочил на ноги и сказал: — о царь времени, я пойду с твоим письмом и принесу тебе ответ! — И Гариб дал ему письмо, и Сахим шел, пока не дошел до шатра Аджиба, и Аджибу сказали о нем, и он воскликнул: — приведите его ко мне! — И когда Сахима привели к Аджибу, тот спросил: — откуда ты пришел? — и Сахим ответил: — я пришел к тебе от царя персов и арабов, зятя Кисры, царя земли, и он прислал тебе письмо. Дай же на него ответ. — Подай письмо! — сказал Аджиб, и Сахим дал ему письмо, и Аджиб распечатал его и прочитал, и нашел в нем: — во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Мир другу Аллаха Ибрахиму! А после того: в минуту прибытия к тебе этого письма провозгласи единственным царя-дарителя, первопричину причин, движущего облака, и оставь поклонение идолам. Если ты примешь ислам, то будешь мне братом и повелителем над нами, и я отпущу тебе грех с моим отцом и моей матерью и не взыщу с тебя за то, что ты совершил, а если ты не сделаешь так, как я тебе приказал, я перережу тебе шею, разрушу твою

страну и ускорю твою смерть. Я дал тебе совет, и да будет мир с тем, кто следует по правому пути и повинуется царю всевышнему.

И когда Аджиб прочитал слова Гариба и понял, какие в них угрозы, его глаза закатились под темя, и он заскрежетал зубами, и гнев его усилился. И он разорвал письмо и бросил его, и Сахиму стало тяжело, и он крикнул Аджибу: — да высушит Аллах твою руку за то, что ты сделал! — И Аджиб закричал своим людям: — схватите этого пса и зарубите его мечами! — и его люди ринулись на Сахима, и Сахим вытащил меч и бросился на них и убил больше пятидесяти богатырей. И Сахим шел, пока не дошел до своего брата (а он словно нырнул в кровь), и Гариб спросил его: — что это за состояние, о Сахим? — И Сахим рассказал ему, что случилось, и Гариб воскликнул: — Аллах велик! — и исполнился гнева и забил в барабан войны. И сели на коней богатыри, и выстроились мужи, и собрались храбрецы и пустили коней плясать на поле, и мужи облачились в железо и нанпзанные кольчуги и опоясались мечами и подвязали длинные копыя, и Аджиб сел со своими людьми на коня, и народы понеслись на народы... и Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ НОЧЬ,

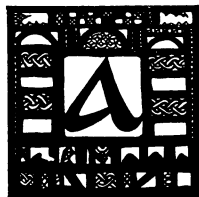
она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Гариб сел на коня со своими людьми, Аджиб тоже сел на коня со своими людьми, и народы понеслись на народы. И творил суд судья войны, и не был обидчиком в суде своем, и нало-

жил он на уста свою печать, и не заговорил, и потекла кровь и полилась потоком, выводя на земле искусные узоры, и седыми стали народы, и усилился и закипел бой. И скользили ноги, и тверд был храбрец, бросаясь в бой, и поворачивался трус, бросаясь в бегство, и бойцы продолжали бой и сражение, пока не повернул день на закат и не пришла ночь с ее мраком, и забили тогда в литавры конца боя, и воины оставили друг друга, и оба войска вернулись в палатки и провели там ночь. А когда наступило утро, ударили в литавры боя и сечи, и надели воины боевые доспехи и опоясались прекрасными мечами, и подвязали коричневые копыя, и наложили гладкие, беспёрые стрелы, крича: — сегодня не будет отступления!

И построились воины, подобные полному морю, и первым, кто открыл ворота боя, был Сахим. Он погнал своего коня меж рядами и стал играть копыями и мечами и переворачивал все способы боя, так что смутил обладателей разума. И он закричал:—есть ли противник? есть ли соперник? Пусть не приходит ко мне ленивый и слабый! — и выехал к нему всадник из нечестивых, подобный огненной головне, и Сахим не дал ему перед собою утвердиться, и ударил его копьём и сбросил, и выехал к нему второй, и он убил его, и третий, и он его растерзал, и четвертый, и он его погубил. И он не переставал убивать всех, кто выезжал к нему, до полудня, и перебил двести богатырей, и тогда Аджиб крикнул своим людям и велел им нападать, и богатыри понеслись на богатырей, и великою стала стычка, и умножились толки и пересуды. И звенели начищенные

мечи, и нападали люди на людей, и оказались они в наихудшем положении, и полилась кровь, и стали черепа для коней подковами. И войны бились жестоким боем, пока день не повернул на закат и не пришла ночь с ее мраком, и тогда они разошлись и отправились в свои палатки, и проспали до утра. А затем оба войска сели на коней и хотели биться и сражаться, и мусульмане ожидали, что Гариб выедет, как всегда, под знаменами, но он не выехал. И раб Сахима пошел к шатру его брата и не нашел его, и он спросил постельничих, и те сказали: — мы ничего о нем не знаем. — И Сахим огорчился великим огорчением и выехал и осведомил воинов, и те отказались воевать и сказали: — если Гариб исчез, его враг нас погубит!

ПРИЧИНОЙ исчезновения Гариба было дивное дело, о котором мы расскажем по порядку. Вот оно. Когда Аджиб вернулся после сражения со своим братом Гарибом, он позвал одного из своих помощников, которого звали Сайяр, и сказал ему: — о Сайяр, я берег тебя лишь для подобного дня. Я приказываю тебе войти в лагерь Гариба, пробраться к шатру царя и привести Гариба, показав мне этим свою ловкость. — Слушаю и повинуюсь! — ответил Сайяр, и потом он отправился, и шел до тех пор, пока не проник в шатер Гариба, и ночь потемпела, и все люди ушли к своему ложу, а Сайяр при всем этом стоял, прислуживая. И Гарибу захотелось пить; и он потребовал у Сайяра воды, и тот подал ему кувшин с водою, смешав воду с банджем, и не кончил еще Гариб пить, как его голова опередила ноги, и Сайяр завернул его в свой плащ и

понес его, и шел, пока не вошел в шатер Аджиба. И Сайяр остановился меж руками Аджиба и бросил Гариба пред ним, и Аджиб спросил: — что это, о Сайяр? — и Сайяр ответил: — это твой брат Гариб. — И Аджиб обрадовался и воскликнул: — Да благословят тебя идолы! Развяжи его и приведи его в чувство! — и Сайяр дал Гарибу понюхать уксусу, и тот очнулся и, открыв глаза, увидел, что он связан и находится не в своей палатке. И он воскликнул: — нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! — и его брат закричал на него и сказал: — ты обнажаешь на меня меч, о пес, и хочешь моего убения, и ищешь мести за твоего отца и мать! Я сегодня соединю тебя с ними и избавлю от тебя мир! — О собака из нечестивых, — воскликнул Гариб, — ты увидишь, против кого повернутся превратности и кого покорит покоряющий владыка, который знает о том, что в тайне сердец, и оставит тебя в геенне пытаемым и смущенным. Пожалей же свою душу и скажи со мною: — нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим — друг Аллаха! — И когда Аджиб услышал слова Гариба, он стал храпеть и хрипеть и ругать своего каменного бога и велел привести палача с ковриком крови. И поднялся его везирь и подделовал землю (а он был мусульманином втайне и нечестивым явно) и сказал: — о царь, повремени! Не спеши, пока мы не узнаем, кто победитель, а кто побежденный. Если мы выйдем победителями, то будем властны его убить, а если мы окажемся побеждены, то сохранение ему жизни будет силой у нас в руках. — Прав везирь, — сказали эмиры... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

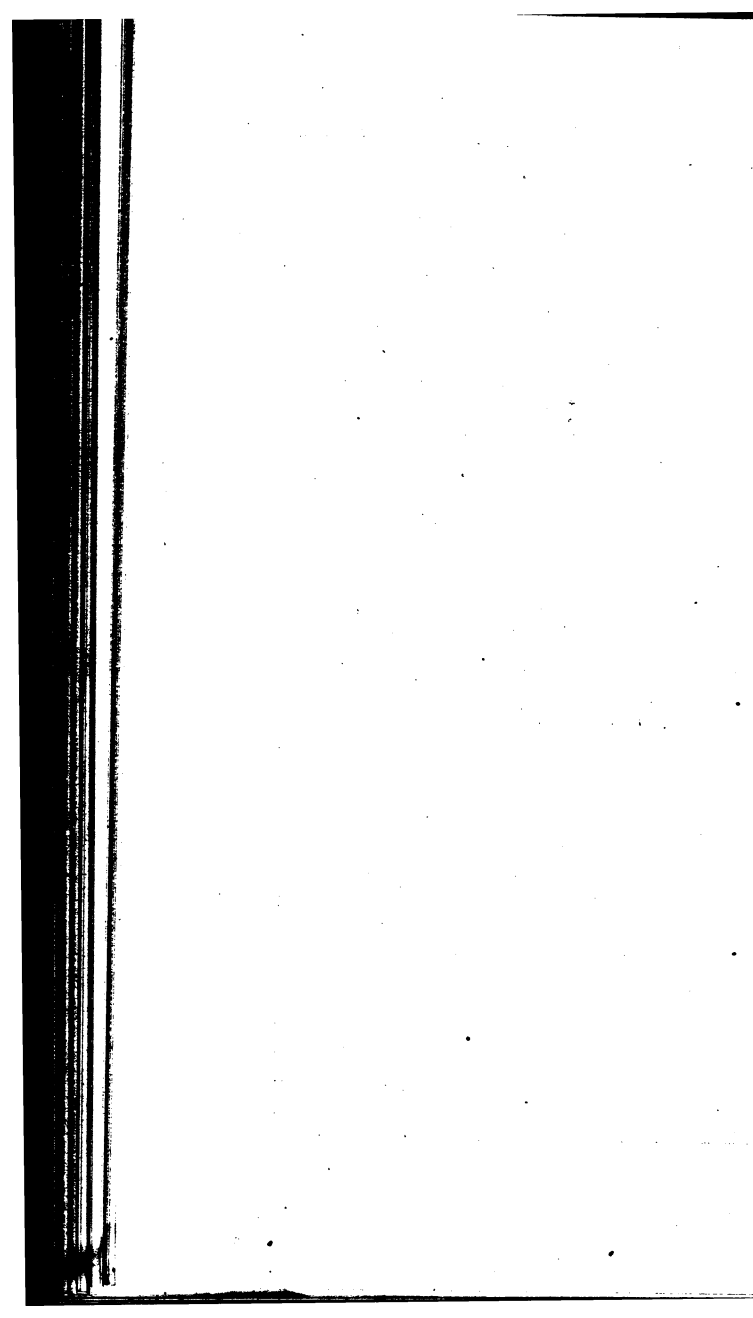
когда же настала

ШЕСТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Аджиб захотел убить Гариба, поднялся везирь и сказал: — не спеши! Мы всегда властны его убить! — и Аджиб велел заковать своего брата в оковы и путы и поместил его в своей палатке, и поставил сторожить его тысячу могучих богатырей.

А люди Гариба начали искать своего царя, но не нашли его, и когда наступило утро, они стали баранами без пастуха. И Садан-гуль закричал: — о люди, надевайте доспехи войны и положитесь на нашего владыку, который отразит от вас врагов! — и арабы и персы сели на коней, облачившись в железо и надев нанизанные кольчуги, и выступили начальники племен, и выехали вперед обладатели знамен. И тут выехал Садан, гуль с горы, имея на плече дубину весом в двести ритлей, и стал гардовать и бросаться, восклицая: — о рабы идолов, выезжайте вперед в сей день, ибо это день стычки. Кто знает меня, с того достаточно моего зла, а тому, кто меня не знает, я дам узнать себя. Я — Садан, слуга царя Гариба. Есть ли противник? Есть ли соперник? Пусть не приходит ко мне трус или слабый! — И выступил богатырь из нечестивых, подобный огненной головне, и понесся на Садана, и Садан встретил его и ударил дубиной и переломал ему ребра, и нечестивый упал на землю бездыханный. И Садан закричал своим сыновьям и невольникам: — разводите огонь, и всякого, кто падет из нечестивых, изжарьте. Приготовьте

его и дайте ему доспеть на огне, а потом подайте его мне, и я им пообедаю! — И рабы сделали так, как он велел, и, разжегши огонь посреди боевого поля, бросили туда убитого, и когда он поспел, подали его Садану, который разорвал зубами его мясо и обглодал его кости. И когда печестивые увидали, что сделал Садан, горный гуль, они испугались великим испугом, и Аджиб закричал на своих людей и воскликнул: — горе вам! Неситесь на этого гуля, бейте его мечами и рубите его! — И на Садана понеслись двадцать тысяч, и люди окружили его и стали метать в него дротики и стрелы, и на нем оказалось двадцать четыре раны, и кровь его потекла на землю, и остался он один. И понеслись тогда богатыри мусульмане на нечестивых, призывая на помощь господа миров, и продолжали биться и сражаться, пока не окончился день, и тогда бойцы разошлись.

А Садан попал в плен, и был он точно пьяный от кровотечения, и его крепко связали и присоединили к Гарибу. И когда Гариб увидел Садана пленником, он воскликнул: — нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! — и спросил: — О Садан, что значит это положение? — и Садан отвечал: — о владыка, Аллах — слава ему и величие! — судил затруднение и облегчение, и неизбежно то и другое! — И Гариб молвил: — ты прав, о Садан.

А Аджиб проводил ночь радостный и говорил своим людям: — садитесь завтра на коней и бросьтесь на войско мусульман, чтобы не осталось от них остатка, — и его люди отвечали: — слушаем и повинемся!

Что же касается мусульман, то они провели ночь разбитые, плача о своем царе и Садане, и Сахим сказал им: — о люди, не огорчайтесь, помощь Аллаха великого близка! — И Сахим выждал до полуночи, а потом он направился к лагерю Аджиба, и до тех пор проходил мимо шатров и палаток, пока не увидел Аджиба, который сидел на ложе своего величия, окруженный вельможами. А Сахим при всем этом был в обличи постельничего. И он подошел к зажженным свечам и, сняв нагар со светилен, насыпал на них летучего банджа, а потом он вышел из-за банджа из шатра и подождал немного, пока дым от банджа не полетел на Аджиба и его вельмож, и они не упали на землю, точно мертвые. И Сахим оставил их и, подойдя к палатке-тюрьме, увидел в ней Гариба и Садана, а подле нее он нашел тысячу богатырей, которых одолела дремота. И Сахим закричал на них: — горе вам, не спите! Сторожите вашего обидчика и зажигайте факелы! — И Сахим взял факел, разжег его куском дерева и наполнил банджем и, подняв его, обошел вокруг палатки, и от банджа полетел дым и вошел людям в ноздри, и они все заснули, и все войско было одурманено дымом банджа и заснуло. А у Сахим-аль-Лайля был укус на губке, и он давал его нюхать пленникам, пока они не очнулись, и тогда он освободил их от цепей и пут, и они увидели его и благословили, радуясь ему. А затем они вышли, унеся от сторожей все оружие, и Сахим сказал им: — идите в свой лагерь! — и они пошли, а Сахим вошел в шатер Аджиба, завернул его в свой плащ и понес, идя по направлению к шатрам мусульман. И мило-

сивый господь покрывал его, пока он не достиг шатра Гариба, и, придя, Сахим развернул плащ, и Гариб посмотрел, что в плаще, и увидел своего брата Аджиба, который был связан. И Гариб закричал: — Аллах велик, он дает победу и поддержку! — а потом он пожелал Сахиму блага и сказал: — о Сахим, приведи его в чувство! — И Сахим подошел и дал Аджибу уксус с ладаном, и Аджиб очнулся от дурмана банджа и открыл глаза и увидел себя связанным и закованным. И он опустил голову к земле... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ШЕСТИСОТ СОРОКА,

она сказала: дошло до меня, о счастливый царь, что когда Сахим схватил Аджиба и одурманил его банджем, он принес его к брату его Гарибу и разбудил его, и Аджиб открыл глаза и увидел себя связанным и закованным, и опустил голову к земле. И Гариб сказал ему: — о проклятый, подними голову! — и Аджиб поднял голову и увидел себя между персами и арабами, и его брат сидел на престоле власти, в месте своего величия. И Аджиб молчал, ничего не говоря, и тогда Гариб закричал: — оголите этого пса! — и его оголили и опускали на него бичи, пока не ослабили его тела и не потушили его звука, и Гариб поставил сотню всадников сторожить его.

И когда Гариб кончил пытать своего брата, послышались в лагере нечестивых возгласы: — нет бога, кроме Аллаха! — и — Аллах велик! — а причиною этого было вот что. Царь ад-Дамиг, дядя Гариба, когда Гариб уехал от него из аль-

Джезиры, оставался там после его отъезда десять дней, а потом он выехал с двадцатью тысячами всадников и ехал, пока не оказался близко от места стычки. И он послал своего скорохода-стремянного разузнать новости, и тот отсутствовал один день, а потом он вернулся и рассказал царю ад-Дамигу о том, что случилось у Гариба с его братом. И ад-Дамиг выждал, пока не наступила ночь, а потом он крикнул на войско неверных: — Аллах велик! — и наложил на них меч острорежущий. И Гариб со своими людьми услышал славословие и крикнул своему брату Сахим-аль-Лайлю: — выясни, в чем дело с этим войском и какова причина криков: — Аллах велик! — и Сахим шел, пока не приблизился к месту стычки, и спросил слуг, и те сказали ему, что царь ад-Дамиг, дядя Гариба, прибыл с двадцатью тысячами всадников и сказал: — клянусь другом Аллаха Ибрахимом, я не оставлю сына моего брата, но поступлю, как поступают доблестные. Я прогоню этот нечестивый народ и сделаю угодное всевластному владыке. — И он набросился со своими людьми, во мраке ночи, на нечестивых врагов. — И Сахим вернулся к своему брату Гарибу и рассказал ему, что сделал его дядя, и Гариб закричал своим людям: — берите оружие, садитесь на коней и помогайте моему дяде! — И воины сели на коней и ринулись на нечестивых и паложили на них меч острорежущий, и не наступило еще утро, как они перебили из нечестивых около пятидесяти тысяч и взяли в плен около тридцати тысяч, а остальные побежали по земле вдоль и вширь. И мусульмане вернулись, поддержанные Аллахом,

победоносные, и Гариб сел на коня и встретил своего дядю ад-Дамига и пожелал ему мира и поблагодарил его за то, что он сделал. — Посмотреть бы, — сказал ему ад-Дамиг, — пал ли этот пес в стычке? — и Гариб ответил: — о дядюшка, успокой душу и прохлади глаза! Знай, что он у меня, и связан. — И ад-Дамиг обрадовался сильной радостью, и они въехали в лагерь, и оба даря спешили и вошли в шатер и не нашли Аджоба. И Гариб закричал и воскликнул: — о сан Ибрахима, друга Аллаха — мир с ним! — и вскричал: — вот великий день! Сколь он ужасен! — а потом он крикнул постельничим: — горе вам, где мой обидчик? — И они отвечали: — когда ты уехал и мы поехали вокруг тебя, ты не приказывал нам заточить его. — Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! — воскликнул Гариб, а его дядя сказал ему: — не спеши и не носи заботы! Куда он уйдет, когда мы его преследуем?

ВИНОВНИКОМ бегства Аджиба был его слуга Сайяр, который скрывался в лагере. Ему не верилось, что Гариб выехал и не оставил в палатке никого, чтобы сторожить своего обидчика, и, выждав немного, он взял Аджиба, понес его на спине и вышел в поле, а Аджиб был ошеломлен болью пытки. И Сайяр пошел, ускоряя ход, и, пройдя от пачала ночи до следующего дня, дошел до ручья, возле яблони. И он спустил Аджиба со своей спины и вымыл ему лицо, и Аджиб открыл глаза и, увидав Сайяра, сказал ему: — о Сайяр, отнеси меня в Куфу. Я очнусь и соберу витязей, солдат и воинов и покорю ими своего врага. И знай, о Сайяр, что я голоден. — И Сайяр пошел в чащу и поймал птенца страуса и принес его своему господину. Он зарезал птицу и разрубил ее и, набрав хворосту, ударил по кремню, разжег огонь и изжарил птицу.

Он накормил ею Аджиба и напоил его из ручья, и душа вернулась к нему, и тогда Сайяр пошел к стану каких-то кочевников, украл у них коня и, приведя его к Аджибу, посадил его на коня и отправился с ним в Куфу. И они ехали несколько дней и подъехали близко к городу, и наместник вышел навстречу царю Аджибу и пожелал ему мира и увидел, что он слаб после пыток, которыми его пытал его брат. И царь вошел в город и позвал врачей и, когда они явились, сказал им: — вылечите меня меньше чем в десять дней! — и они ответили: — слушаем и повинемся! — И врачи стали ухаживать за Аджибом, и он выздоровел и оправился после болезни, которой хворал, и пыток, а потом он велел своему везиру написать письма всем наместникам, и везир написал двадцать одно письмо и послал их наместникам, и те снарядили войска и направились в Куфу, ускоряя ход... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СОРОК ПЕРВАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Аджиб послал письма, призывая войска, и они направились в Куфу и явились. Что же касается Гариба, то он опечалился о бегстве Аджиба и послал за ним тысячу богатырей, которых рассыпал по всем дорогам. И они ехали день и ночь и не нашли об Аджибе сведений, а потом они вернулись и рассказали об этом Гарибу. И тот стал искать своего брата Сахима, но не нашел его, и побоялся он для него превратностей времени и огорчился великим огорчением. И пока

это было так, вдруг вошел к нему Сахим и поцеловал пред ним землю, и Гариб, увидав его, поднялся и воскликнул: — где ты был, о Сахим? — О царь, — отвечал Сахим, — я достиг Куфы и увидал, что пес Аджиб прибыл к месту своего величия и приказал врачам лечить себя от болезни, и его стали лечить, и он поправился и написал письма и послал их своим заместникам, и те привели к нему войска. — И Гариб велел своим воинам выступать, и они сложили палатки и направились в Куфу, и, подойдя к ней, они увидели вокруг города войска, подобные переполненному морю, в которых не отличить было начала от конца. И Гариб со своими войсками расположился против войск неверных, и они разбили палатки и поставили знамена, и охватил оба войска мрак. И зажгли огни, и войска сторожили друг друга, пока не взошел день, и тогда царь Гариб поднялся и совершил омовение и молитву и два раката, согласно вере отца нашего Ибрахима, друга Аллаха — мир с ним! — и велел бить в барабаны войны, и они застучали, и знамена затрепетали, и воины кольчуги надели и на коней своих сели, о себе объявляя и на поле битвы вызывая. И первым, кто открыл ворота боя, был царь ад-Дамиг, дядя царя Гариба, и он погнал своего коня меж рядами и стал видим между войсками, и играл копьями и мечами, пока не смутил витязей и не изумил воинов. И он закричал: — есть ли противник? Пусть не приходит ко мне ленивый и слабый! Я — царь ад-Дамиг, брат царя Кондемира, — и выехал к нему богатырь из витязей нечестивых, подобный горящей головне, и понесся на ад-Дамига, ничего не

говоря, и ад-Дамиг встретил его ударом копья в грудь, и зубцы вышли у него из плеча, и поспешил Аллах отправить его душу в огонь — а дурное это обиталище! — И выехал к ад-Дамигу второй, и он убил и его, и третий, и он убил его, и он поступал так, пока не перебил из них семьдесят шесть мужей-богатырей. И тогда воздержались мужи и богатыри от поединка, и закричал нечестивый Аджиб на своих людей и воскликнул: — горе вам, о люди! Если вы выедете к нему все один за одним, он не оставит из вас ни одного ни стоящим, ни сидящим. Нападите на него единым нападением, чтобы сделать землю от врагов свободной и сбросить их головы под копыта коней! — И тогда они взмахнули ошеломляющим знаменем, и народы покрыли народы, и полилась кровь на землю и заструилась, и творил суд судья войны и не был в суде своем обидчиком. И тверд был доблестный на месте боя, крепко утвердившись на ногах, и повернул и побежал нечестивый, и не верил он, что кончится день и придет ночь с мрачной тьмою. И не прекращался бой и сражение и удары железом копий, пока не повернул день и не потемнела ночь с ее мраком, и тогда неверные забили в барабан окончания, но Гариб не согласился, а напротив, ринулся на многобожников, и последовали за ним правоверные, единобожники, и сколько порубили они голов и шей, сколько растерзали рук и ребер, сколько раздробили колен и жил и сколько погубили мужей и юношей! И не наступило еще утро, как неверные вознамерились бежать и уходить, и они обратились в бегство, когда раскололась блестящая заря, и мусуль-

мане преследовали их до времени полудня, и взяли они в плен из них больше двадцати тысяч и привели их связанными. И Гариб расположился у ворот Куфы и велел глашатаю кричать в упомянутом городе о пощаде и безопасности для тех, кто оставит поклонение идолам и признает единым всеведущего владыку, творца людей и света и мрака, и тогда закричали на площадях города, как говорил Гариб, о пощаде, и приняли ислам все, кто там был, и большие, и малые. И все они вышли и вновь предались Аллаху перед царем Гарибом, и тот обрадовался до крайней степени, и его грудь расширилась и расправилась. И он спросил про Мирдаса и его дочь Махдию, и ему сказали, что он стоял лагерем за Красной Горой, и Гариб послал за своим братом Сахимом, и когда тот явился, сказал ему: — выясни, что с твоим отцом. — И Сахим сел на коня, не откладывая, и подвязал серое копьё, ничего не упуская, и поехал к Красной Горе. И стал он искать и не нашел ни вести о Мирдасе, ни следа его людей, и увидел, вместо них, шейха из кочевых арабов, старого годами и сломленного обилием лет. И Сахим спросил его, что с теми людьми и куда они ушли, и шейх ответил: — о дитя мое, когда Мирдас услышал, что Гариб стал лагерем под Куфой, он испугался великим страхом и взял свою дочь и людей и всех своих невольниц и рабов и ушел в эти степи и пустыни, куда он направился. — И услышав слова шейха, Сахим вернулся к своему брату и осведомил его об этом, и Гариб огорчился великим огорчением. И он сел на престол царства своего отца и открыл его кладовые и роздал деньги

всем храбрецам, и остался в Куфе, и разослал лазутчиков, чтобы выяснить, каковы дела Аджиба. И он велел призвать вельмож царства, и те пришли к нему, покорные, и жители города тоже, и он наградил вельмож роскошными одеждами и велел им заботиться о подданных... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СОРОК ВТОРАЯ НОЧЬ.

она сказала: — дошло до меня, о счастливый дарь, что Гариб наградил вельмож Куфы и велел им заботиться о подданных. И он поехал в какой-то день на охоту и ловлю и выехал с сотнею всадников, и ехал, пока не приехал в долину с деревьями и плодами и где было много рек и птиц, и резвились в этой долине газели и лани, и стремилась туда душа, и благоуханья ее оживляли расслабленных от превратностей. И охотники провели в этой долине день, и был это день цветущий, и переночевали там до утра, а после омовения Гариб совершил молитву в два раката и восславил великого Аллаха и поблагодарил его. И вдруг послышались крики и шум, раскатившийся по дугу, и Гариб сказал Сахиму: — разведай, в чем дело! — и Сахим сейчас же пошел, и шел, пока не увидел ограбленные богатства, уводимых коней и взятых в плен женщин и детей и не услышал криков. И он спросил кого-то из пастухов: — в чем дело? — и они сказали: — это харим Мирдаса, начальника сынов Кахтана, и его богатства и богатства племени, которые у него. Аль-Джамракан вчера убил Мирдаса и ограбил его богатства и взял в плен его женщин

и захватил имущество всего стана. У аль-Джамракана в обычае делать набеги и пресекать дороги, — это непокорный притеснитель, с которым не справляются ни кочевники, ни цари, так как он — зло этого места. — И когда Сахим услышал, что его отец убит и женщины взяты в плен, а имущество ограблено, он вернулся к своему брату Гарибу и осведомил его об этом. И в Гарибе прибавилось огня к огню, и взволновались в нем ярость и желанье снять позор и отомстить, и он выехал, со своими людьми, ища удобного случая, и ехал, пока не доехал до врагов. И тогда он закричал на них: — Аллах велик над теми, кто преступен, вероломен и нечестив! — и убил из них при первом налете двадцать одного богатыря, и затем он остановился в самом горячем месте поля, с сердцем не трусливым, и крикнул: — где аль-Джамракан? Пусть он выйдет ко мне, чтобы я дал ему узнать вкус чаши гибели и освободил бы от него родные места! — И не кончил еще Гариб говорить, как аль-Джамракан выехал вперед, подобный бедствию из бедствий или куску горы, одетому в сталь. А был это амалекитянин, очень высокий, и он налетел на Гариба, как налетает непокорный притеснитель, не произнеся ни слова, ни привета, а Гариб понесся на него и встретил его, как кровожадный лев. А у аль-Джамракана была тяжелая, увесистая дубина, из китайского железа, — если бы он ударил ею гору, то разрушил бы ее, — и он поднял ее в руке и ударил ею Гариба по голове, но Гариб уклонился от удара, и дубина опустилась на землю и ушла в нее на поллоктя. А потом Гариб взял свою дубину и ударил ею аль-Джамракана по кисти

его руки, так что разможил ему пальцы, и дубина выпала из его руки, и Гариб наклонился на седле и схватил ее скорее хватающей молнии и ударил ею аль-Джамракана по ряду его ребер, и аль-Джамракан упал на землю, точно высокая пальма. И Сахим взял его, закрутил ему руки и потащил его на веревке, и витязи Гариба устремились на витязей аль-Джамракана и убили пятьдесят человек, а остальные повернулись, убегая. И бегство их продолжалось до тех пор, пока они не достигли своего стана, и тогда они громко закричали, и все, кто был в крепости, сели на коней и выехали их встречать. Они спросили беглецов, в чем дело, и те осведомили их о том, что случилось, и когда люди аль-Джамракана услышали, что их господин взят в плен, они вперегонку поспешили ему на выручку и выехали, направляясь в долину. А царь Гариб, когда аль-Джамракан был взят в плен и его храбрецы побежали, сошел с коня и велел привести аль-Джамракана, и когда аль-Джамракан явился, он унился перед Гарибом и воскликнул: — я под твоей защитой, о витязь времени! — О пес арабов! — воскликнул Гариб, — разве ты пресекаешь дорогу рабам Аллаха великого и не боишься господа миров? — О господин, а что такое господь миров? — спросил аль-Джамракан, и Гариб воскликнул: — о пес, а какому из бедствий ты поклоняешься? — О господин, — отвечал аль-Джамракан, — я поклоняюсь богу из фиников с топленным маслом и медом, а по временам я его съедаю и делаю другого. — И Гариб так засмеялся, что упал навзничь, а потом он воскликнул: — о несчастный, поклоняются только Аллаху великому,

который создал тебя и создал все вещи и наделил все живое. Не скроется от него ничто, и он властен во всякой вещи. — А где этот великий бог, чтобы я мог ему поклониться? — спросил аль-Джамракан, и Гариб сказал: — эй ты, знай, что этого бога зовут Аллах, и он — тот, кто сотворил небеса и землю, взрастил деревья и заставил течь реки. Он сотворил зверей и птиц, и рай и адский огонь и скрылся от взоров, и он видит, но невидим. Он пребывает в вышнем обиталище, и он — тот, кто нас создал и наделил нас, слава ему, нет бога, кроме него! — И когда аль-Джамракан услышал слова Гариба, раскрылись уши его сердца и поднялись волосы на его коже, и он воскликнул: — о господин, а что мне сказать, чтобы стать одним из вас и быть угодным этому великому господину? — Скажи: — нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим, друг его, — посол Аллаха, — сказал Гариб, и аль-Джамракан произнес исповедание и был записан в число людей счастья. — Вкусил ли ты сладость ислама? — спросил Гариб, и аль-Джамракан ответил: — да! — и тогда Гариб сказал: — развяжите его узы, — и их развязали, и аль-Джамракан поцеловал перед Гарибом землю и поцеловал Гарибу погу. И пока это было так, вдруг поднялась пыль, которая застлала края неба... и Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СОРОК ТРЕТЬЯ НОЧЬ,

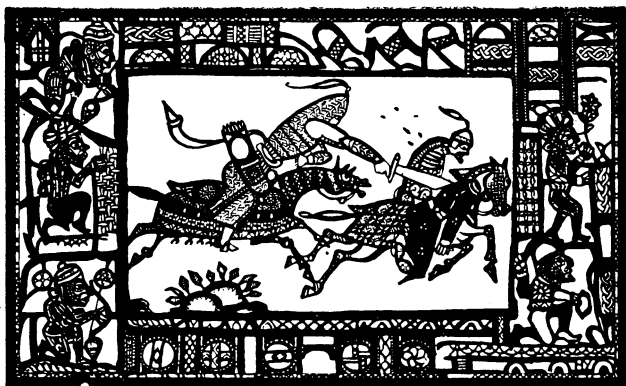
она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда аль-Джамракан принял ислам, он поцеловал землю меж руками Гариба, и пока это

было так, вдруг поднялась пыль, которая застлала края неба, и Гариб сказал: — о Сахим, выясни, в чем дело с этой пылью. — И Сахим вышел, точно птица, когда она взлетает, и исчез на некоторое время, а потом он вернулся и сказал: — о царь времени, это пыль от сынов Амира, товарищей аль-Джамракана. — И тогда Гариб сказал аль-Джамракану: — садись на коня, встречу твоих людей и предложи им ислам. Если они тебя послушаются, то спасутся, а если откажутся, мы поработаем среди них мечом. — И аль-Джамракан сел на коня и гнал его, пока не встретил своих товарищей, и он закричал им, и они узнали его и сошли с коней и пришли на ноги и сказали: — мы радуемся твоему благополучию, о владыка наш. — О люди, — сказал аль-Джамракан, — кто меня послушается — спасется, а кто меня ослушается, того я сломлю этим мечом. — Приказывай нам, что хочешь, — ответили они, — мы не ослушаемся твоего приказа. — Скажите со мною: — нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим — друг Аллаха! — сказал аль-Джамракан, и его люди спросили: — о владыка, откуда у тебя такие слова? — и аль-Джамракан рассказал им, что случилось у него с Гарибом, и сказал: — о люди, разве вы не знаете, что я — ваш предводитель в пылу схватки, на месте боя и сражения, а меня взял в плен один человек и дал мне вкусить позор и унижение. — И когда люди аль-Джамракана услышали его речи, они произнесли слова единобожия, а затем аль-Джамракан отправился с ними к Гарибу, и они снова приняли ислам меж его руками и пожелали ему победы и величия, поцеловав сначала землю. И

Гариб обрадовался и сказал: — отправляйтесь к себе в стап и предложите ислам вашим родичам, — но аль-Джамракан и его люди воскликнули: — о владыка, мы больше не оставим тебя, но пойдем, приведем наших детей и вернемся к тебе! — О люди, идите и соединитесь со мной в городе Куфе, — сказал Гариб, и аль-Джамракан и его люди сели на коней и достигли своего стана. И они предложили ислам своим женщинам и детям, и те предались Аллаху до последнего, а потом они сложили шатры и палатки и погнали коней, верблюдов и баранов и пошли по направлению к Куфе. И Гариб тоже поехал, и когда он прибыл в Куфу, витязи встретили его торжественным шествием, и он вступил в царский дворец и сел на престол своего отца, а храбрецы встали справа и слева. И вошли к нему лазутчики и рассказали ему, что его брат прибыл к аль-Джаланду-ибн-Каркару, властителю города Омана и земли Йеменской, и когда Гариб услышал вести о своем брате, он кликнул своих людей и сказал им: — о люди, делайте приготовления, чтобы выехать через три дня! — И он предложил тридцати тысячам воинов, которых взяли в плен в первой стычке, принять ислам и отправиться с ним, и двадцать тысяч из них приняли ислам, а десять тысяч отказались, и Гариб убил их. И затем пришел аль-Джамракан и его люди, и они поцеловали перед Гарибом землю, а Гариб наградил их прекрасными одеждами и сделал аль-Джамракана предводителем войска. — О Джамракан, — сказал он, — садись на коня с вельможами из твоих родичей и двадцатью тысячами всадников, иди впереди войска и отправляйся в страны аль-

Джаланда-пби-Каркара, властителя города Омана. — И аль-Джамракан отвечал: — слушаю и повинуюсь! — и вопши оставили своих жевщин и детей в Куфе и двинулись. А Гариб стал осматривать харим Мирдаса, и его взгляд упал на Махдию, которая была среди жевщин, и он упал, покрытый беспамятством. И ему побрызгали на лицо розовой водой, и, очнувшись, он обнял ее и вошел с нею в комнату, где сидят, и они посидели и затем легли спать без прелюбодеяния, а когда наступило утро, Гариб вышел и сел на престол своего царства и наградил своего дяю ад-Дамига и сделал его наместником всего Ирака. И он поручил ему заботиться о Махдии, пока он не вернется из похода на своего брата, и ад-Дамиг послушался его приказания, и затем Гариб двинулся с двадцатью тысячами всадников и десятью тысячами пеших и пошел, направляясь в землю Омана и страны Йемепа.

ДЖИБ достиг города Омана со своими людьми, когда они бежали, и жителям Омана стала видна их пыль, и аль-Джаландиб-Каркар увидел эту пыль и велел скороходам выяснить, в чем дело. И скороходы исчезли на некоторое время, а потом вернулись и рассказали, что это пыль царя, которого зовут Аджиб, властитель Ирака. И аль-Джаланд удивился приходу Аджиба в его землю, и когда это дело стало для него достоверно, он сказал своим людям: — выходите и встречайте его! — И они вышли и встретили Аджиба и поставили для него палатки у ворот города, и Аджиб поднялся к аль-Джаланду плачущий и печальный сердцем (а двоюродная сестра Аджиба была женой аль-Джаланда, и он имел от нее детей). И когда аль-Джаланд увидал своего зятя в таком состоянии, он сказал: — осведоми меня, в чем с тобой дело, — и Аджиб

рассказал ему обо всем, что у него случилось с братом, от начала до конца, и сказал: — о царь, он приказывает людям поклоняться господу небес и запрещает им поклоняться идолам и другим богам. — И когда аль-Джаланд услышал эти слова, он стал греховен и преступен, и воскликнул: — клянусь солнцем, владыкой сияний, я не оставлю ни единого из людей твоего брата! Где ты покинул этих людей, и сколько их? — Я покинул их в Куфе, и их пятьдесят тысяч всадников, — ответил Гарпб, и аль-Джаланд кликнул своих людей и своего везира Джевамерда и сказал ему: — возьми с собой семьдесят тысяч всадников и отправляйся в Куфу к мусульманам и приведи их ко мне живыми, чтобы я измучил их всякими пытками. — И Джевамерд ехал с войском, направляясь в Куфу, первый день и второй день, до седьмого дня, и когда они ехали, они вдруг спустились в долину, где были деревья, реки и плоды. И Джевамерд велел своим людям остановиться... и Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Джевамерд, когда аль-Джаланд послал его с войском в Куфу, проходил мимо долины, где были деревья и реки, он велел своим людям остановиться, и они отдыхали до полуночи, а затем Джевамерд приказал им трогаться и, сев на коня, опередил их и ехал до зари. И затем они спустились в долину, где было много деревьев и благоухали цветы, и пели птицы, и склонялись

ветви, и сатана подул Джевамерду в бока, и он произнес такие стихи:

Я с войском моим вступлю в пучину любых боев,
И пленных я, поведу упорною силою.

И витязи всех земель узнают тогда, что я
Внушаю страх витязям, защитник моих людей.

Гариба возьму я в плен, в оковы одетого,
И радостно я вернусь, веселья исполненный.

Кольчугу надену я, доспехи возьму мои,
И в бой я пойду потом, разить во все стороны

И не окончил еще Джевамерд своих стихов, как выехал к нему из-за деревьев витязь, высоко поднимающий нос, как бы погрузившийся в железо, и закричал на Джевамерда и сказал: — стой, о вор из арабов! Снимай одежду и доспехи, слезай с коня и спасай свою душу! — И когда Джевамерд услышал эти слова, свет стал мраком перед лицом его, и он обнажил меч и бросился на аль-Джамракана и воскликнул: — о вор из арабов, ты пресекаешь мне дорогу, когда я — предводитель войска аль-Джаланда-ибн-Каркара и должен привести Гариба и его людей связанными! — И услышав эти слова, аль-Джамракан вскричал: — как это прохлаждает мне печень! — и повесся на Джевамерда, говоря такие стихи:

Я — витязь, известный всем, когда закипит война,
Бойтся моих зубдов и стали мой недруг.

Вот я — Джамракан, надежда, если придет беда,
И витязи знают все удар моих копий.

Гариб — мой эмир, иль нет — имам и владыка мой,
Герой он в бою, когда два войска столкнутся.

Имам, наделенный верой, постник, могучий он,
Врагов истребляющий на поле сраженья.

К религии Ибрахима всех призывает он,
На зло отвергающим Аллаха кумирам.

А когда аль-Джамракан выступил со своими людьми из города Куфы, он продолжал ехать десять дней, и на одиннадцатый сделали привал и стояли до полуночи. А затем аль-Джамракан приказал воинам трогаться, и они тронулись, а аль-Джамракан поехал впереди них и спустился в эту долину. И он услышал Джевамерда, который произносил стихи, упомянутые раньше, и бросился на него, точно сокрушающий лев, и, ударив его мечом, рассек его пополам. И он подождал, пока пришли предводители войска, и осведомил их о случившемся и сказал: — разделитесь, и пусть каждые пять из вас возьмут по пяти тысяч человек и ездят вокруг долины, а я держусь с мужами Бену-Амир, и когда дойдут до меня первые ряды врагов, понесусь на них и закричу: — Аллах велик! — А вы, когда услышите мой крик, неситесь на них, возглашая славословие, и бейте их мечами. — И предводители сказали: — слушаем и повинемся! — и затем они объехали своих храбрецов и осведомили их об этом, и воины рассеялись по долине во все стороны, когда начала пробиваться заря. И вдруг враги приблизились, подобные стаду баранов, заполняя и равнины и горы, и тут аль-Джамракан с Бену-Амир понеслись крича: — Аллах велик! — так что слышали правоверные и нечестивые, и мусульмане закричали со всех сторон: — Аллах велик! Он дает победу и поддержку и покидает тех, кто не верует! — и откликнулись горы и холмы и все высохшее и зеленое, возглашая: — Аллах велик! — И неверные растерялись

и начали бить друг друга острорежущими, и понеслись на них благие мусульмане, подобные горящим головням, и видны были только летящие головы, брызжущая кровь и растерявшиеся тусы. И нельзя еще было рассмотреть лиц, как уже погибли две трети неверных, и поспешил Аллах отправить их души в огонь (и как скверен этот исход!), а остальные убежали и рассеялись по степям, и мусульмане преследовали их, беря в плен и убивая, до половины дня. И потом они возвратились, забрав в плен семь тысяч, а из неверных вернулись только двадцать шесть тысяч, и большинство их было ранено. И мусульмане возвратились, поддержанные Аллахом, победоносные, и они собрали коней, доспехи, грузы и палатки и послали их с тысячей всадников в Куфу... и Шахразадку застыгло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СОРОК ПЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда между аль-Джамраканом и Джевамердом произошел бой, аль-Джамракан убил его и перебил его людей и взял в плен множество народа, и он захватил их имущество, коней и грузы и отослал их с тысячей всадников в Куфу. Что же касается аль-Джамракана и воинов ислама, то они сошли с коней и предложили ислам пленникам, и те предались Аллаху сердцем и языком, и воины аль-Джамракана освободили их от уз и обнялись с ними, обрадованные. И аль-Джамракан пошел во главе большого войска и дал своим людям отдохнуть один день и одну ночь, а по-

том он двинулся с ними под утро, направляясь в земли аль-Джаланда-ибн-Каркара. А тысяча всадников с добычей шли до тех пор, пока не прибыли в Куфу, и они осведомили царя Гариба о том, что случилось, и Гариб обрадовался и возвеселился и, обратившись к горному гулю, сказал: — садись на коня, возьми с собой двадцать тысяч человек и иди следом за аль-Джамраканом. — И Садан-гуль со своими сыновьями сел на коня, во главе двадцати тысяч всадников, и они направились в город Оман. А беглецы из нечестивых достигли этого города, плача и крича о горе и несчастьи, и аль-Джаланд-ибн-Каркар оторопел и спросил их: — что у вас за беда? — И они рассказали ему о том, что с ними произошло, и аль-Джаланд воскликнул: — горе вам, а сколько их было? — О царь, — отвечали воины, — у них было двадцать знамен, а под каждым знаменем была тысяча всадников. — И аль-Джаланд, услышав эти слова, воскликнул: — да не бросит солнце на вас благословения! О горе вам! Разве одолевает вас двадцать тысяч, когда вас семьдесят тысяч всадников, а Джевамерд стоит, в пылу битвы, трех тысяч! — И от сильного огорчения он вытащил меч и закричал на беглецов и крикнул тем, кто был при этом: — на них! — и его люди обнажили на беглецов мечи и уничтожили их до последнего и бросили собакам. А потом, после этого, аль-Джаланд кликнул своего сына и сказал ему: — садись на коня с сотней тысяч всадников, отправляйся в Ирак и разрушь его совершенно! — А сына царя аль-Джеланда звали аль-Кураджан, и не было в войске его отца никого доблестнее; он один нападал

на три тысячи всадников. И аль-Кураджан велел вынести свои палатки, и поспешили его богатыри, и вышли мужи, и стали приготовляться, и надели доспехи и выехали, следуя друг за другом. А аль-Кураджан ехал впереди войска, и был он доволен собой и говорил такие стихи:

Вот я — Кураджан, моя слава гремит,
В степи, в городах я людей покорял.

И сколько бойцов, когда я их губил,
Хрипя, как коровы, валялись в пыли.

И сколько рассеял я вражеских войск,
И головы, точно шары, я катал.

Свершу непременно набег на Ирак
И недругов кровь, точно дождь, я пролью.

Гариба возьму с его войском я в плен,
И будут примером для умных они.

И его люди шли двенадцать дней, и когда они вдруг увидели пыль, которая поднялась и закрыла края неба и страны, аль-Кураджан кликнул скороходов и сказал им: — принесите мне сведения об этой пыли! — И скороходы шли, пока не вошли под знамена, а потом они вернулись к аль-Кураджану и сказали: — о царь, это пыль мусульман! — И аль-Кураджан обрадовался и спросил: — а вы их сосчитали? — и скороходы ответили: — мы насчитали из знамен — двадцать, — И аль-Кураджан воскликнул: — клянусь моей верой, я не выпущу против них никого, но выйду к ним сам и брошу их головы под копыта коней! — А эта пыль была пылью аль-Джамракана, и он посмотрел на войско нечестивых и увидал, что оно подобно переполненному морю. И он велел своим людям спешиться и ставить палатки,

и они спешили и выставили знамена, поминая владыку всеведущего, творца света и мрака, господя всякой вещи, который видит, но невидим, и находится он в вышнем обиталище, — величье и слава ему, нет бога, кроме него!

А неверные спешили и поставили палатки, и аль-Кураджан сказал им: — делайте приготовления и берите доспехи и спите не иначе, как с оружием. А когда наступит последняя треть ночи, садитесь на коней и топчите эту маленькую горсточку. — А лазутчик аль-Джамракана стоял и слышал, что придумали неверные, и он вернулся и рассказал об этом аль-Джамракану, и тот обратился к своим храбрецам и сказал им: — возьмите оружие, и когда придет почь, приведите мне мулов и верблюдов и принесите колокольчики, бубенцы и трещотки, и повесьте их на шею верблюдам и мулам (а в войске было больше двадцати тысяч верблюдов и мулов). И мусульмане подождали, пока нечестивые погрузились в сон, а потом аль-Джамракан велел своим людям садиться на коней, и они сели, положившись на Аллаха и ища поддержки у господя миров, и аль-Джамракан сказал им: — гоните верблюдов и выючных животных к неверным и колите их зубцами копий. — И мусульмане сделали то, что он приказал, со всеми мулами и верблюдами, и те ринулись на палатки неверных, и колокольчики, бубенчики и трещотки гремели, а мусульмане мчались за животными, крича: — Аллах велик! — и звенели горы и холмы, поминая возвышенного владыку, которому присущи величие и слава. И ринулись кони, услышав эту великую хитрость, и стали топтать шатры, когда люди

спали... и Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СОРОК ШЕСТАЯ НОЧЬ,

она сказала:— дошло до меня, о счастливый царь, что когда аль-Джамракан ринулся ночью на неверных со своими людьми, конями и верблюдами, а люди спали, многобожники поднялись, ошеломленные, и, схватив оружие, напали друг на друга и дрались, пока большинство их не было перебито. И они посмотрели друг на друга и не нашли ни одного убитого из мусульман, а наоборот, оказалось, что они на конях и вооружены. И поняли многобожники, что это — хитрость, учиненная против них, и аль-Кураджан закричал на уцелевших воинов и сказал им:— о сыны развратниц, то, что мы хотели сделать с ними, они сделали с нами, и их хитрость одолела нашу хитрость!— И он хотел понестись на мусульман, и вдруг взвилась пыль, застилая края неба, и ее ударили ветры, и она поднялась и раскинулась шатром и повисла в воздухе, и стало видно изпод пыли сверканье шлемов и блистание кольчуг, и под ними были всё славные богатыри, опоясанные индийскими мечами и подвязавшие гибкие копья. И когда неверные увидели эту пыль, они отступили от сражения, и каждый отряд послал скорохода, и скороходы побежали под пылью и, посмотрев, вернулись и рассказали, что это — мусульмане. А подходившее войско было то, которое послал Гариб с горным гулем, и Садан ехал впереди своего войска. И он подъехал к лагерю мусульман-благих, и тогда аль-Джамракан и его

люди понеслись, и они ринулись на северных, подобные горящим головням, и начали работать среди них острыми мечами и трепещущими рудейшийскими копьями, и почернел день, и ослепли взоры от множества пыли. И стоек был храбрец нападающий, и бежал трус убегающий, направляясь в степи и пустыни, и была кровь на земле, подобна потоку, и воины продолжали биться и сражаться, пока не кончился день и не пришла ночь с ее мраком. А затем мусульмане отделились от неверных и расположились в палатках и поели кушанья, и проспали до тех пор, пока не повернулась, уходя, ночь, и не пришел с улыбкою день, и тогда мусульмане совершили утреннюю молитву и выехали на бой. А когда люди аль-Кураджана прекратили бой и оказалось, что большинство их ранено и две трети из них уничтожены мечами и зубцами копий, аль-Кураджан сказал им:— о люди, завтра мы выедем на средину поля, к месту боя и сражения, и я схвачусь с доблестными на кругу.— И когда наступило утро и засияло светом и заблестало, оба войска сели на коней, и воины подняли громкие крики, обнажили оружие, протянули серые копья и выстроились для боя и сечи. И первым, кто открыл ворота боя, был аль-Кураджан, сын аль-Джаландибни-Каркара, и он крикнул:— пусть не подходит ко мне сегодня ленивый или слабый!— (А при всем этом аль-Джамракан и Садап-гуль были под знаменами). И выехал предводитель племени Бену-Амир, и выступил против аль-Кураджана на средину поля, и они бросились друг на друга, как два барана, и бодались некоторое время, а потом аль-Кураджан ринулся на предводителя и схва-

тил его за рукав одеяния и потянул и сорвал с седла. И он ударил предводителя об землю, и тот занялся самим собою, и неверные скрутили его и унесли в палатки. А аль-Кураджан стал гарцовать и бросаться и искать стычки, и выступил к нему второй предводитель, и он взял его в плен. И аль-Кураджан брал в плен предводителя за предводителем, пока не забрал до полудня семь предводителей, и тогда аль-Джамракан закричал криком, от которого загудело все поле, и услышали его оба войска, и ринулся на аль-Кураджана с сердцем, охваченным волнением, произнося такие стихи:

Вот я, Джамракан, и силен я душой,
 Всем витязям страшно со мною сразиться.

Я крепости рушил и их оставлял
 В рыданьях и плаче о людях погибших.

О ты, Кураджан, следуй правым путем
 И путь заблужденья оставь ты навеки.

Единным ты бога признай, что вознес
 Ввысь небо и создал моря он и горы.

Предастся Аллаху коль раб, то найдет
 Приют он в раю и мук пытки избегнет.

И когда аль-Кураджан услышал слова аль-Джамракана, он стал храпеть и хрипеть и бранить солнце и луну и понесся на аль-Джамракана, говоря такие стихи:

Вот я, Кураджан, я — храбрец всех времен.
 И лев из пустынь устрашен моей тенью.

И крепости брал я, и львов я ловил,
 Всем витязям страшно со мною сразиться.

О ты, Джамракан, коль не веришь словам,
 То вот пред тобою со мной поединок!

И когда аль-Джамракан услышал его слова, он понесся на него, сильным сердцем, и они так бились мечами, что зашумели ряды воинов, и разили друг друга копьями, и усилились их крики, и они бились и сражались, пока не прошло предзакатное время и день не стал уходить. И тогда аль-Джамракан ринулся на аль-Кураджана и, ударив его дубиной в грудь, бросил его на землю, точно ствол пальмы, и мусульмане связали его и потащили на веревке, как верблюда. И когда нечестивые увидели своего господина в плену, их взяла ярость людей неведения, и они понеслись на мусульман, желая выручить своего господина, и встретили их богатыри мусульман и оставили их валяться на земле, а уцелевшие бросились бежать, ища спасения, и был у них на затылке звенящий меч. И мусульмане гнались за ними, пока не рассеяли их по горам и степям, и затем они обратились от них к добыче, а было ее много — и кони, и палатки, и другое, — и захватили они добычу, и какую добычу!

И потом мусульмане двинулись дальше, и аль-Джамракан предложил аль-Кураджану ислам и стал ему грозить и пугать его, но он не принял ислама, и ему перерезали шею и понесли его голову на копье.

И затем мусульмане тронулись, направляясь в город Оман. Что же касается неверных, то они рассказали царю об убиении его сына и гибели войска, и когда аль-Джаланд услышал эту весть, он ударил венцом об землю и стал так бить себя по лицу, что из ноздрей у него показалась кровь, и упал на землю, покрытый бес-

памятством. И ему побрызгали на лицо розовой водой, и он очнулся и кликнул своего везира и сказал ему: — пиши письма всем наместникам и вели им не оставить никого из бьющих мечом, разящих копьем и носящих лук и привести их всех! — И везир написал письма и послал их со скороходами, и наместники снарядились и выступили со влачащимся войском, числом в сто тысяч и восемьдесят тысяч. И они приготовили шатры, верблюдов и чистокровных коней и хотели трогаться, и вдруг видят — приближаются аль-Джамракан и Садан-гуль во главе семидесяти тысяч всадников, подобных хмурым львам, и каждый из них погрузился в железо. И когда аль-Джаланд увидел, что мусульмане приближаются, он обрадовался и воскликнул: — клянусь солнцем, обладателем сияний, я не оставлю врагам ни единого человека и никого, чтобы доставлять вести, и разрушу Ирак и отомщу за моего сына, витязя, набеги совершающего, и не остынет во мне огонь! — И затем он обратился к Аджибу и сказал ему: — о иракская собака, вот товар, который ты к нам ввез! Клянусь тем, кому я поклоняюсь, если я не воздам должное моему врагу, я убью тебя наилучшим убиением. — И услышав эти слова, Аджиб огорчился великим огорчением и стал упрекать себя. И он выждал, пока мусульмане спешили и поставили палатки и ночь стала темной (а он стоял вдали от палаток с теми, кто остался из его дружины), и сказал: — о сыны моего дяди, знайте, что когда пришли мусульмане, мы с аль-Джаландом испугались их до крайности, и я понял, что он не может меня защитить от моего брата или от кого другого.

И мое мнение — что нам следует уйти, когда за-
снут глаза, и мы направимся к царю Ярубун-
Кахтану, так как у него больше войска и его
власть сильнее. — И когда его люди услышали
эти слова, они сказали: — вот оно, правильное
мнение! — и Аджиб приказал им зажечь огонь у
входа в палатки и выступать во мраке ночи. И
они сделали так, как он приказал, и поехали, и
не наступило еще утро, как они уже пересекли
далекие страны. А на утро аль-Джаланд и две-
сти шестьдесят тысяч одетых в панцыри и по-
грузившихся в железо и нанизанные кольчуги
забили в литавры войны и выстроились для боя
и сражения, а аль-Джамракан с Саданом сели на
коней во главе сорока тысяч всадников, могучих
богатырей, и под каждым знаменем была тысяча
сильных, превосходных витязей, передовых при
нападении. И выстроились оба войска, ища сра-
жения и боя, и обнажили мечи, и выставили
зубцы гибких копий, чтобы выпить чашу гибели,
и первым, кто открыл врата войны, был Садан,
подобный твердокаменной горе или одному из
маридов-джиннов. И выступил к нему богатырь
из нечестивых, и он убил его и бросил на поле
и крикнул своим сыновьям и слугам: — разожгите
огонь и изжарьте этого убитого! — и они сделали
так, как он приказал, и подали убитого жареным,
и Садан съел его и обглодал его кости, а нече-
стивые стояли и смотрели на него издали. И они
воскликнули: — о солнце, обладатель сияний! — и
испугались боя с Саданом, и аль-Джаланд крик-
нул своим людям: — убейте эту гадину! — И вы-
ехал к Садану предводитель из нечестивых, и
Садан убил его, и он убивал витязя за витязем,

пока не убил тридцать витязей. И тогда отступились злые нечестивцы от боя с Саданом и сказали: — кто сражается с джиннами и гулями! — и аль-Джаланд закричал: — пусть нападут на него сто витязей и доставят его ко мне пленным или убитым.

И выступили сто витязей и понеслись на Садана и направили на него мечи и копыя, и он встретил их с сердцем крепче кремня, провозглашая единственность владыки судящего, которого не отвлечет одно дело от другого. И он закричал: — Аллах велик! — и ударял их мечом, пока не поскидывал с них голов, и не обернулся он среди них больше одного раза, как убил из них семьдесят четырех витязей, а остальные убежали. И аль-Джаланд закричал на десятерых предводителей, под каждым из которых была тысяча богатырей, и сказал им: — закидайте его коня стрелами, чтобы он упал под ним, и схватите его руками! — и на Садана бросились десять тысяч всадников, и он встретил их сильный сердцем, и когда аль-Джамракан и мусульмане увидели, что неверные понеслись на Садана, они воскликнули: — Аллах велик! — и понеслись на них. И не успели они еще достигнуть Садана, как его коня убили, а его взяли в плен, и мусульмане нападали на неверных, пока не померк день и не ослепли глаза, и звенел острый меч, и твердо стоял каждый нападающий витязь, и охватила труса растерянность. И были мусульмане среди нечестивых, как белое пятно на черном быке... и Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СОРОК СЕДЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что усилился бой между мусульманами и нечестивыми, так что стали мусульмане среди нечестивых, как белое пятно на черном быке, и они не прекращали боя и схватки, пока не приблизился мрак, и тогда они отделились друг от друга, и было убито из нечестивых много людей, которым нет числа. И аль-Джамракан и его люди вернулись, крайне опечаленные о Садане, и не были им приятны ни еда, ни сон. И они проверили своих людей, и оказалось, что убито из них меньше тысячи, и аль-Джамракан сказал: — о люди, я выйду на середину поля, к месту боя и сражения и убью их богатырей, и захвачу их женщин, и возьму их в плен, и выкуплю ими Садана по изволению судящего владыки, которого не отвлечет одно дело от другого. — И успокоились сердца мусульман, и они обрадовались и разошлись по палаткам. Что же касается аль-Джаланда, то он поднялся и вошел к себе в шатер и сел на престол своего царства, и его люди окружили его, и тогда он позвал Садана, и его привели к нему, и аль-Джаланд воскликнул: — о бешеный пес и ничтожнейший из арабов, о носящий дрова, кто убил мое дитя аль-Кураджана, храбреца своего времени, убийцу соперников и повергающего богатырей? — Его убил аль-Джамракан, предводитель войска царя Гариба, господина витязей, и я изжарил его и съел, так как я был голоден, — ответил Садан, и когда аль-Джаланд услышал слова Садана, глаза

его закатились под темя, и он велел отрубить Садану голову. И палач пришел с этим намерением и подошел к Садану, и тогда Садан потянулся в оковах и разорвал их и, бросившись на палача, выхватил у него меч, ударил его и скинул ему голову. И он направился к аль-Джаланду, и тот бросился с престола и убежал, и тогда Садан напал на присутствующих и убил двадцать приближенных царя, а остальные предводители убежали. И поднялись крики в лагере неверных, а Садан ринулся на бывших там нечестивых и стал бить их направо и налево, и они разбежались перед ним и освободили ему проход, и Садан шел, избивая врагов мечом, пока не вышел из их лагеря, направляясь в лагерь мусульман. И мусульмане слышали шум нечестивых и сказали: — может быть, к ним пришло подкрепление? — и когда они недоумевали, вдруг подошел к ним Садан. И они сильно обрадовались его приходу, и больше всех радовался ему аль-Джамракан, и он поздоровался с Саданом, и мусульмане тоже поздоровались с ним и поздравили его с благополучием.

Вот что было с мусульманами.

ТО же касается нечестивых, то они возвратились со своим царем в его шатер после ухода Садана, и царь сказал: — о люди, клянусь солнцем, обладателем сияний, клянусь мраком ночи и светом дня и бегучими звездами, я не думал, что спасусь в сей день от убийства! Если бы я попал к нему в руки, он наверное съел бы меня, и я не стоял бы для него ячменя или пшеницы или злака из других злаков. — О царь, — ответили ему, — мы не видели никого, кто бы делал то же, что этот гуль. — О люди, — воскликнул царь, — когда наступит завтрашний день, наденьте снаряжение, сядьте на коней и растопчите их конскими копытами!

Что же касается мусульман, то они собрались, радуясь поддержке Аллаха и освобождению Садана-гуля, и аль-Джамракан воскликнул: — завтра на поле я покажу вам, каковы мои дела и что

мне подобает. Клянусь другом Аллаха Ибрахимом, я убью их гнуснейшим убиением и буду ударять их острым мечом, пока не смутится среди них всякий понятливый. Я намерен напасть на правое и левое крыло, и когда вы увидите, что я ринулся на царя, который под знаменами, несется за мною решительно, чтобы свершил Аллах дело, которое решено. — И оба войска провели ночь, сторожа друг друга, а когда взошел день и явилось смотрящим солнце, воины сели на коней быстрее, чем во мгновенье ока, и закричал ворон разлуки, и увидели люди друг друга очами. И воины выстроились для боя и сражения, и первым открыл врата боя аль-Джамракан и стал гардовать и нападать, ища стычки. И аль-Джаланд со своими людьми хотел понестись, но вдруг поднялась пыль, застилая края неба и омрачая день, и ударили ее четыре ветра, и она разорвалась и разлетелась, и показались из-под нее витязи, закованные в кольчуги, храбрые богатыри, режущие мечи, разящие копыя и люди, точно львы, что не страшатся и не боятся. И когда оба войска увидели эту пыль, они воздержались от боя и послали разузнать, в чем дело и из каких людей эти пришельцы, вздымающие такую пыль. И помчались скороходы и вошли под пыль и скрылись от взоров, а затем, через некоторое время, они вернулись, и скороход нечестивых рассказал им, что прибывшие — отряд мусульман и царь их — Гариб, а скороход мусульман вернулся и рассказал о прибытии царя Гариба и его людей. И мусульмане обрадовались его прибытию и, погнав коней, встретили своего царя, а потом они спешились и поцело-

вали землю меж его руками и пожелали ему мира... и Шахразаду застигло утро, и она прервала дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СОРОК ВОСЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что воины мусульман, когда явился к ним царь Гариб, обрадовались сильной радостью, поцеловали землю меж его руками и стали здороваться с ним, окружая его, и Гариб сказал им: — добро пожаловать! — и обрадовался их благополучию. И они достигли лагеря и поставили шатры и знамена, и царь Гариб сел на престол своей власти, окруженный вельможами царства, и они рассказали ему обо всем, что случилось с Саданом.

Что же касается нечестивых, то они собрались и стали искать Аджиба, но не нашли его ни между собой, ни в палатках. И они рассказали аль-Джаланду-ибн-Каркару о его бегстве, и поднялось на царя воскресение, и он укусил себе палец и воскликнул: — клянусь солнцем, обладателем сияний, это вероломный пес! Он убежал со своими скверными людьми в пустыни и степи. Но ничто уже не отразит этих врагов, кроме жестокого боя; укрепите же вашу решимость, ободрите сердца и будьте настороже от мусульман!

Что же касается Гариба, то он сказал людям: — укрепите решимость, ободрите сердца и призывайте на помощь господу, прося его помочь вам против врагов. — О царь, — отвечали воины, — ты увидишь, что мы сделаем на поле битвы, в месте боя и сражения!

И оба войска спали, пока не наступило утро, сияя светом и блистая, и солнце не засверкало над верхушками холмов и долинами, и тогда Гариб совершил молитву в два раката, согласно вере Ибрахима, друга Аллаха — мир с ним! — и написал письмо, которое послал со своим братом Сахимом к нечестивым. И когда Сахим прибыл к ним, они спросили его: — что ты хочешь? — и он отвечал: — я хочу вашего повелителя. — Постой, пока мы спросим его о тебе, — сказали Сахиму, и он остановился, а нечестивые спросили о нем аль-Джаланда и рассказали ему о посланце Гариба. — Ко мне его! — воскликнул царь, и Сахима привели к нему, и тогда царь спросил его: — кто тебя послал? — и Сахим ответил: — царь Гариб, которого Аллах сделал властителем над арабами и не арабами. Возьми его письмо и дай на него ответ. — И аль-Джаланд взял письмо, вскрыл его и прочитал в нем: — во имя Аллаха, милостивого, милосердного, господа извечного, единого, великого, который знает о всякой вещи, господа Нуха, Салиха, Худа и Ибрахима и господа всякой вещи! Мир тем, кто следует правым путем и боится последствий дурного дела, кто повинуется царю всевышнему и следует путем истины и предпочел последнюю жизнь первой! — А после того: — о Джаланд, не должно поклоняться никому, кроме Аллаха, единого, покоряющего, творца ночи и дня и вращающегося небосвода. Он послал пречистых пророков и заставил течь реки, он поднял небеса и распростер землю, он взрастил деревья и наделил птиц в гнездах и зверей в пустынях, он — Аллах — славный, всепрощающий,

кроткий, покрывающий, которого не постигают взоры, навивающий ночь на день, который послал посланников и низвел книги. И знай, о Джаланд, что нет веры, кроме веры Ибрахима, друга Аллаха. Прими же ислам — спасешься от острого меча, а в последней жизни — от пытки огнем, а если откажешься от ислама, радуйся гибели и земель разрушению и следов твоих прекращению. И пошли ко мне пса Аджиба, чтобы я отомстил за отца и мать.

И когда аль-Джаланд прочитал письмо, он сказал Сахиму: — скажи твоему господину, что Аджиб убежал со своими людьми, и мы не знаем, куда он ушел. А что до Джаланда, то он не откажется от своей веры, и завтра будет между нами бой, и солнце даст нам победу. — И Сахим вернулся к своему брату и осведомил его о том, что случилось, и мусульмане проспали до утра, а потом они взяли доспехи и оружие, сели на чистокровных коней и громко стали поминать царя, дающего победу, творца телес и душ. И они возгласили славословие и забили в боевые барабаны, так что задрожала земля, и выступили вперед все витязи-начальники и отважные богатыри, ища боя, и задрожала земля. И первым, кто открыл врата боя, был аль-Джамракан, и он погнался своего коня на поле битвы и стал играть мечом и стрелами, так что смутил обладателей разума, и потом закричал: — есть ли противник? Есть ли соперник? Пусть не приходит сегодня ко мне ленивый или слабый! Я — убийца аль-Кураджана, сына аль-Джаланда! Кто выступит, чтобы отомстить? — И когда аль-Джаланд услышал упоминание о своем сыне, он закричал своим

людям: — о дети развратниц, приведите ко мне этого витязя, который убил моего сына, чтобы я поел его мяса и попил его крови! — И понеслись на аль-Джамракана сто богатырей, и он убил большинство их и обратил в бегство их эмира, и когда аль-Джаланд увидел, что сделал аль-Джамракан, он закричал на своих людей и воскликнул: — нападайте на него единым нападением! — И они взмахнули устрашающим знаменем, и народы покрыли народы, и понесся Гариб со своими людьми, и аль-Джамракан также, и сшиблись оба войска, подобно столкнувшимся морям. И работал иеменский меч с копьём, пока не растерзал груди и тела, и увидели оба войска ангела смерти воочию, и пыль поднялась до облаков, и оглохли уши, и онемел язык, и смерть окружила людей со всех сторон. И твердо стоял храбрец, и повертывался трус, и не прекращали войны боя и сражения, пока не повернул, уходя, день, и забили тогда в барабаны окончания, и оставили люди друг друга, и каждый отряд вернулся в свои палатки... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СОРОК ДЕВЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда окончился бой и войны оставили друг друга и каждый отряд вернулся в свои палатки, царь Гариб сел на престол своего царства, в месте своей власти, и его сподвижники выстроились вокруг него, и он сказал своим людям: — я опечален и огорчен бегством этого пса Аджибя, и не знаю я, куда он пошел, Если я его не

настигну и не отомщу ему, я умру от огорчения! — И выступил тогда вперед брат Гариба, Сахим-аль-Лайль и поцеловал землю и сказал: — о царь, я пойду в лагерь нечестивых и раскрою дело вероломного пса Аджиба. — Иди и узнай истину о деле этого кабана! — сказал Гариб, и Сахим принял облик нечестивых и надел их одежду и стал как бы одним из них, а потом он направился к палаткам врагов и увидел, что они спят, пьяные от боя и сражения, и не осталось из них никого без сна, кроме сторожей. И Сахим прошел в лагерь и ринулся к шатру царя и увидел, что тот спит и около него никого нет, и тогда Сахим подошел и дал ему понюхать летучего банджа, и царь сделался как бы мертвый. И Сахим вышел и привел мула и, завернув царя в покрывало с постели, положил его на мула, а сверху он положил дыновки, и пошел и достиг шатра Гариба. И он вошел к царю, и бывшие в шатре его не узнали и спросили его: — кто ты? — и Сахим засмеялся и открыл лицо, и тогда его узнали. — Что побудило тебя к этому, о Сахим? — спросил Гариб, и Сахим сказал: — о царь, вот аль-Джаланд-ибн-Каркар. — И затем он развязал его, и Гариб узнал аль-Джаланда и сказал: — о Сахим, разбуди его! — и Сахим дал аль-Джаланду укуса с ладаном, и тот выбросил из носа бандж и открыл глаза и увидел себя среди мусульман. — Что это за скверный сон? — сказал он и закрыл глаза и заснул, но Сахим пнул его кулаком и воскликнул: — открой глаза, о проклятый! — и аль-Джаланд открыл глаза и спросил: — где я? — И Сахим сказал: — ты в присутствии царя Гариба, сына Кондемира, царя Ира-

ка, — и услышав эти слова, аль-Джаланд воскликнул: — о царь, я под твоей защитой! Узнай, что нет за мною вины, и тот, кто вывел нас сражаться, — твой брат. Он бросил между нами с тобой вражду и убежал. — А знаешь ли ты, где его дорога? — спросил Гариб, и аль-Джаланд ответил: — нет, клянусь солнцем, обладателем сияний, я не знаю, куда он пошел! — И Гариб велел заковать аль-Джаланда и сторожить его, и все предводители отправились в свои палатки. И аль-Джамракан со своими людьми тоже вернулся и сказал: — о дети моего дяди, я намерен сделать сегодня ночью дело, которым обелю свое лицо перед царем Гарибом. — Делай, что хочешь, мы приказу твоему покорны и послушны, — сказали воины, и аль-Джамракан молвил: — возьмите оружие, а я буду с вами, и облегчите шаги, не давая и муравьям узнать о вас, и рассыпьтесь вокруг шатров нечестивых, а когда услышите мое славословие, восславьте Аллаха и крикните: — Аллах велик! — Потом отступите, направляясь к к воротам города, и мы будем просить поддержки у Аллаха великого. — И воины вооружились полным вооружением и, выждав до полуночи, рассыпались вокруг нечестивых и подождали некоторое время, и вдруг аль-Джамракан ударил мечом по щиту и воскликнул: — Аллах велик! — так, что долина загудела. И его люди сделали то же самое и закричали: — Аллах велик! — так, что загудели долина и горы, и пески, и холмы, и все покинутые ставки, и проснулись нечестивые, ошеломленные этим, и бросились друг на друга, и заходил между ними меч. А мусульмане отошли назад и направились к городским воротам

и, перебив привратников, вошли в город и овладели им и тем, что в нем было из богатств и женщин.

Вот что случилось с аль-Джамраканом. Что же касается царя Гариба, то когда он услышал крики: — Аллах велик! — он сел на коня, и сели все воины до последнего, и Сахим выступил вперед и приблизился к месту стычки. И он увидел, что Бену-Амир и аль-Джамракан совершили набег на нечестивых и напоили их чашею смерти, и вернулся и рассказал своему брату, и Гариб пожелал аль-Джамракану блага. А неверные нападали друг на друга с острорежущими мечами, не жалея усердия, пока не взошел день, озаряя светом страны, и тогда Гариб крикнул людям: — нападайте, о благородные, и удовлетворите всеведущего царя. — И понеслись чистые на нечистых, и заиграл меч, и разгулялось копые в груди всех лицемеров из нечестивых, и они захотели войти в город, но вышел к ним аль-Джамракан и его родичи, и грудь с грудью встретились они между горами, окружившими их, и перебили людей бесчисленных, а остальные рассеялись в степях и пустынях... и Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала ночь,

ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ШЕСТИСОТ ПЯТИДЕСЯТИ,
она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда войска мусульман напали на нечестивых, они растерзали их острорежущим мечом, и неверные рассеялись по степям и пустыням, и мусульмане до тех пор преследовали их с мечом, пока они не рассыпались по долинам и кручам. А затем мусульмане вернулись в город Оман, и

царь Гариб вошел во дворец аль-Джаланда и сел на престол его царства, и его сподвижники окружили его, стоя справа и слева. И он позвал аль-Джаланда, и к нему поспешили и привели его пред лицо царя Гариба, и тот предложил ему принять ислам, но аль-Джаланд отказался, и Гариб приказал его раснять на воротах города, а потом в него бросали стрелы, пока он не стал точно еж. А затем Гариб наградил аль-Джамракана и сказал ему: — ты — правитель города и повелитель его и властен в нем вязать и разрешать: ты ведь завоевал его своим мечом и людьми. — И аль-Джамракан поцеловал ногу Гариба и поблагодарил его и пожелал ему вечной победы, величия и счастья, а потом Гариб открыл казну и посмотрел, какие там богатства, и после этого он роздал деньги предводителям и мужам — обладателям знамен и бойцам, и наделил женщин и детей, и раздавал деньги десять дней.

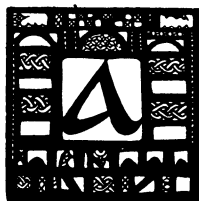
И после этого, однажды ночью, он спал и увидел во сне устрашающее видение и проснулся, испуганный и боящийся. И он разбудил своего брата Сахима и сказал ему: — я видел во сне, что мы в долине и что эта долина — место обширное. И ринулись на нас две хищные птицы, больше которых я не видел в жизни, и ноги у них подобны копьям. И они бросились на нас, и мы их испугались. Вот что я видел.

И когда Сахим услышал эти слова, он сказал: — о царь, это — великий враг; охраняй же себя от него. — И Гариб не спал остальную ночь, а когда наступило утро, он потребовал своего коня и сел, а Сахим спросил его: — куда ты едешь,

о брат мой? — и Гариб ответил: — сегодня утром у меня стеснилась грудь, и я хочу проехать десять дней, чтобы моя грудь расправилась. — Возьми с собой тысячу богатырей, — сказал ему Сахим, но Гариб воскликнул: — поеду только я и ты — никто больше! — И тогда Гариб и Сахим сели на коней и поехали, направляясь к долинам и лугам, и они ехали от долины к долине и от луга к лугу, пока не проехали мимо одной долины, где было много деревьев, плодов и рек, и благоухали цветы, и птицы на ветвях пели на разные напевы, и соловей повторял свои колена приятным голосом, а горлинка наполняла местность пением, и звуки соловья пробуждали дремлющего, и дрозд пел как человек, а вихрю и голубю отвечал ясным голосом попугай. И было среди древесных плодов — каждого съедобного плода по паре. И понравилась юношам эта долина, и они поели ее плодов и напились из ее каналов и присели под тенью деревьев. И одолела их дремота, и они заснули — слава тому, кто не спит! — и когда они спали, вдруг низринулись на них два могучих марида, и каждый из них положил одного человека себе на плечо, и они поднимались по воздуху ввысь, пока не оказались над облаками. И Сахим с Гарибом проснулись и увидели себя между небом и землей, и они посмотрели, кто их несет, и вдруг видят: это — два марида, и у одного из них голова — как у пса, а у другого — как у обезьяны, и он подобен пальме. И волосы у обоих — как конский хвост, и когти — как у льва. И когда Гариб и Сахим увидели эти обстоятельства, они воскликнули: — нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!

ПРИЧИНОЮ всего этого было то, что у одного царя из царей джиннов, по имени Муриш, был сын, по имени Саик, и он любил девушку из джиннов, по имени Наджма. И Саик с Наджмой встречались в этой долине в облике птиц, и Гариб с Сахимом увидели Саика и Наджму и подумали, что это птицы и бросили в них стрелу. И стрела попала только в Саика, и у него потекла кровь, а Наджма опечалилась о Саике и схватила его и полетела, боясь, что ее поразит то же, что поразило Саика, и летела с ним до тех пор, пока не бросила его у дверей дворца его отца. И привратники подняли Саика и бросили его перед его отцом, и когда Муриш посмотрел на своего сына и увидел стрелу у него в ребре, он воскликнул: — увы, мой сын! Кто сделал с тобою это дело, чтобы я разрушил его страну и ускорил его гибель, хотя бы

это был величайший из царей джиннов! — И тогда Санк открыл глаза и молвил: — о батюшка, убил меня не кто иной, как человек из людей в Долине Ручьев. — И не кончил он еще говорить, как его дух поднялся, и его отец стал так бить себя по лицу, что у него изо рта показалась кровь, и кликнул двух маринов и сказал им: — отправляйтесь в Долину Ручьев и принесите мне всех, кто там есть! — И мариновы полетели и достигли Долины Ручьев и, увидев Гариба и Сахима, которые спали, схватили их и понесли и доставили к Муришу. И когда Сахим и Гариб пробудились от сна, они увидели себя между небом и землей и воскликнули: — пет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!.. и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что мариновы схватили Гариба и Сахима и принесли их к Муришу, царю джиннов, и когда их поставили перед Муришем, они нашли его сидящим на престоле своего царства, и был он подобен высокой горе, и на его теле было четыре головы: голова льва, голова слона, голова пантеры и голова барса. И мариновы поставили Гариба и Сахима перед Муришем и сказали: — о царь, вот те, кого мы нашли в Долине Ручьев, — и царь посмотрел на них глазами гнева и стал хрипеть и храпеть, и из носа его полетели искры, и испугались его все, кто присутствовал. — О собаки из людей, вы убили мое дитя и зажгли огонь

в моей печени! — воскликнул он, и Гариб молвил: — а кто это твое дитя, которое мы убили, и кто видел твое дитя? — А разве не вы были в Долине Ручьев и увидели моего сына в облике птицы и бросили в него деревянную стрелу и он умер? — воскликнул царь, и Гариб сказал: — я не знаю, кто убил его! Клянусь великим господом, единственным, извечным, который знает о всякой вещи, клянусь другом Аллаха Ибрахимом, мы не видели птицы и не убили ни зверя, ни птицы! — И когда Муриш услышал слова Гариба, который клялся Аллахом и его величием и пророком и другом его Ибрахимом, он понял, что Гариб — мусульманин. А Муриш поклонялся огню, вместо всевластного владыки, и он закричал своим людям и крикнул: — принесите мне моего владыку! — И ему принесли печь из золота и поставили ее перед ним и зажгли в ней огонь и бросили в печь зелья, и поднялось из печи пламя зеленое, пламя синее и пламя желтое. И распростерся перед ним царь и все присутствующие, а Гариб и Сахим при всем этом возвеждали единственность Аллаха великого и возвеличивали его и свидетельствовали, что Аллах властен во всякой вещи. И царь поднял голову и увидел, что Гариб и Сахим стоят и не пали ниц, и воскликнул: — о собаки, что это вы не падаете ниц? — и тогда Гариб вскричал: — о проклятые, падают ниц только перед владыкой, когорому поклоняются, выводящему все сущее из небытия в бытие, извлекающему воду из твердой скалы, который внушает родителю нежность к новорожденному, которому не приписывают ни стояния, ни сидения, господу Нуха, Салиха, Худа и Ибрахима, друга Аллаха.

Он — тот, кто создал рай и огонь и создал деревья и плоды, он — Аллах, единый, покоряющий. — И когда Муриш услышал эти слова, его глаза закатились под темя, и он крикнул своим людям: — скрутите этих собак и принесите их в жертву моему владыке! — и Сахима с Гарибом скрутили и хотели бросить в огонь, и вдруг одна из бойниц дворца упала на печь, и она сломалась, и огонь потух и превратился в пепел, летающий по воздуху. И Гариб воскликнул: — Аллах велик! Он дал победу и поддержку и покинул тех, кто не верует! Аллах превыше тех, кто поклоняется огню, вместо всевластного владыки! — и тогда царь вскричал: — ты — колдун и околдовал моего владыку, так что с ним случилось такое дело. — О бесноватый, — сказал Гариб, — если бы у огня была тайна и доказательство, он бы защитил себя от того, что для него бедственно. — И царь, услышав его слова, зарычал и забушевал и стал ругать огонь и воскликнул: — клянусь моей верой, я убью вас не иначе, как в нем! — И он приказал заточить Гариба и Сахима и, призвав сто маридов, велел им принести много дров и зажечь их огнем, и мариды сделали это, и запылал великий огонь, который горел до утра. А затем Муриш сел на слона, находясь на золотом престоле, украшенном драгоценными камнями, и окружили его племена джишнов (а их много разных родов), и привели Гариба и Сахима, и когда юноши увидели пламя огня, они воззвали о помощи к единому, покоряющему, творцу ночи и дня, великому саном, которого не постигают взоры, а он постигает взоры, и он есть милостивый, пресведущий, и все время искали его защиты. И вдруг поднялось

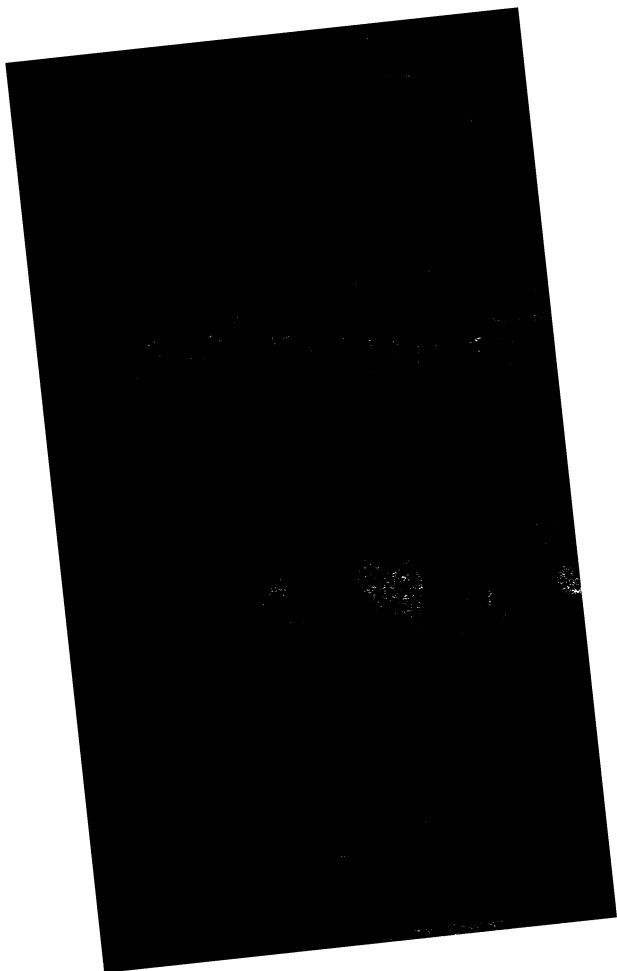
облако с запада до востока и пролилось дождем, как переполненное море, и погасило огонь. И испугались царь и его воины и вошли во дворец, и затем царь обратился к везирию и вельможам царства и спросил их: — что вы скажете об этих людях? — и они сказали: — о царь, если бы они не стояли на истине, с огнем не произошло бы этих дел. Мы говорим, что они — на истине и правдивы. — Стала мне видна истина и явный путь, и поклонение огню — ложно! — воскликнул царь. — Если бы это был владыка, он бы наверное защитил себя от дождя, который его погасил, и от камней, которые сломали его печь, так что он превратился в пепел. Я уверовал в того, кто создал и огонь, и свет, и тень, и жар. А вы что скажете? — О царь, мы также следуем тебе, послушные и покорные, — сказали вельможи, и царь призвал Гариба, и когда его привели, поднялся и обнял его и поцеловал между глаз и также поцеловал Сахима. И воины столпились около Гариба и Сахима, целуя им руки и головы... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Муриш, царь джишнов, со своими людьми нашел путь к исламу, он велел призвать Гариба и его брата Сахима и поцеловал их между глаз, и вельможи его царства тоже толпились, целуя юношам руки и головы. А потом царь Муриш сел на престол своего царства и посадил Гариба от себя справа, а Сахима — слева, и сказал: —

о человек, что нам сказать, чтобы стать мусульманами? — Скажите: — нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим — друг Аллаха, — сказал Гариб, и царь со своими людьми принял ислам сердцем и языком, и Гариб стал учить их молитве. А потом Гариб вспомнил своих людей и вздохнул, и царь джиннов сказал ему: — ушло огорченье и исчезло, и пришли веселье и радость. — О царь, — сказал Гариб, — у меня много врагов, и я боюсь из-за них за мой народ. — И он рассказал ему о том, что случилось у него с братом его Аджибом, с начала до конца, и царь джиннов сказал ему: — о царь людей, я пошлю разведать для тебя вести о твоём народе и не дам тебе уйти, пока не смогу насладиться твоим лицом. — И он позвал двух могучих маридов, одного из которых звали аль-Кайладжан, а другого — аль-Кураджан, и когда марида явились и поцеловали землю, царь сказал им: — отправляйтесь в Йемен и узнайте весть о войсках и отрядах этих людей. — И марида ответили: — слушаем и повинемся! — и затем они отправились и полетели к Йемену.

Вот что случилось с Гарибом и Сахимом. Что же касается воинов мусульман, то на утро они с предводителями сели на коней и направились во дворец царя Гариба, чтобы ему служить, и евнухи сказали им: — царь с братом сели с зарею на коней и уехали. — И предводители сели и направились в долины и горы, и до тех пор шли по следу, пока не достигли Долины Ручьев. И они увидели брошенные доспехи Гариба и Сахима и их коней, которые паслись, и тогда предводители воскликнули: — царь исчез в этом месте! О сан друга Аллаха, Ибрахима! — И затем они

разъехались и искали в долине и в горах три дня, но им не явилось никакой вести, и тогда они стали оплакивать юношей и позвали скороходов и сказали им: — разойдитесь по городам, крепостям и укреплениям и узнайте вести о нашем царе. — И скороходы сказали: — слушаем и повинемся! — и разошлись, и каждый из них направился в какой-нибудь климат. А до Аджиба дошло через лазутчиков сведение о его брате, что он исчез и на весть о нем не попали, и Аджиб обрадовался исчезновению своего брата Гариба и возвеселился. И он вошел к царю Ярубуби-Кахтану (а он искал у него защиты, и Яруб защитил его), и тот дал ему двести тысяч ама-лекитян, и Аджиб пошел со своим войском и стал лагерем у Омана. И вышли к ним аль-Джам-ракан и Садан и сразились с ними, и было убито из мусульман множество народа, и они вошли в город и заперли ворота и укрепили городские стены. И тут прилетели мариды — аль-Кайладжан и аль-Кураджан — и увидели, что мусульмане в осаде. И они выждали, пока пришла ночь, и заработали среди неверных острыми мечами из мечей джиннов, — каждый меч был длиною в двенадцать локтей, и если бы человек ударил им камень, он бы раздробил его, — и бросились на них, восклицая: — Аллах велик, он дает победу и поддержку и покидает того, кто отверг веру Ибрахима, друга Аллаха! — А потом они схватили неверных и умножили среди них убийство, и выходил из их ртов и ноздрей огонь. И неверные вышли из своих палаток и увидели вещи удивительные, от которых поднимаются волосы на теле, и помрачился их ум и улетел разум.

И они схватили оружие и бросились друг на друга, а маридаы косили головы нечестивых, крича: — Аллах велик! Мы — слуги царя Гариба, друга царя Муриша, царя джиннов! — И меч ходил среди неверных, пока не наступила полночь, и показалось нечестивым, что все горы — ифриты. И они погрузили палатки, грузы и деньги на верблюдов и вознамерились уйти, и первым побежал из них Аджиб... и Шахразаду застигло утро, и она прервала дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что нечестивые вознамерились уйти, и первым побежал из них Аджиб. А мусульмане собрались, дивясь делу, которое случилось с неверными, и испугались племен джиннов, и маридаы до тех пор были на затылках неверных, пока не рассеяли их по степям и пустыням. И спаслись от ифритов лишь пятьдесят тысяч амалекитян из первоначальных двухсот тысяч, и направились они в свои земли, разбитые и израненные. А маридаы сказали мусульманам: — о войны, царь Гариб, ваш господин, и его брат желают вам мира, и они в гостях у царя Муриша, царя джиннов, и вскоре будут с вами, — и когда войны услышали весть о Гарибе и о том, что он здоров, они обрадовались сильной радостью и сказали маридам: — да обрадует вас Аллах доброй вестью, о благородные духи! — И потом маридаы вернулись и вошли к царю Гарибу и царю Муришу и, найдя их сидящими, рассказали им о том, что случилось и что они сделали, и

цари пожелали им благого возмещения, и сердце Гариба успокоилось. И царь Муриш сказал ему: — о брат мой, я хочу провести тебя по нашей земле и показать тебе город Яфиса, сына Нуха, — мир с ним! — О царь, делай как тебе вздумается, — сказал Гариб, и царь велел привести юношам двух коней и сел с Гарибом и Сахимом и поехал, и поехала с ними тысяча маридов. И они двинулись, подобные куску горы, разрезанному вдоль, и гуляли по долинам и горам, пока не прибыли в город Яфиса, сына Нуха — мир с ним! — и вышли жители города, большие и малые, и встретили Муриша, и он вступил в город в великолепном шествии, а затем он поднялся во дворец Яфиса, сына Нуха, и сел на престол его царства. А престол этот был мраморный, с решетками из золотых тростей, а высотой — в десять ступеней, и был он устлан всевозможными цветными шелками. И когда жители города выступили перед ним, царь сказал им: — о семя Яфиса, сына Нуха, чему поклонялись ваши отцы и деды? — Мы нашли, что наши отцы поклоняются огню, и последовали им, и ты лучше это знаешь, — сказали жители, и царь молвил: — о люди, мы увидели, что огонь — творение из творений великого Аллаха, который сотворил всякую вещь, и когда я узнал это, я предался Аллаху, единому, покоряющему, творцу ночи и дня и вращающегося небосвода, которого не постигают взоры, а он постигает взоры, и он — милостивый и всеведущий. Примите же ислам — вы спасетесь от гнева всевластного, а в последней жизни — от пытки огнем. — И жители города предались Аллаху сердцем и языком, и Муриш взял Гариба за руку

и показал ему дворец Яфиса — как он построен и какие в нем диковины. И он вошел в комнату оружия и показал ему оружие Яфиса, и Гариб увидел меч, повешенный на золотом кольшке, и спросил: — о царь, это чей меч? — и царь ответил: — это меч Яфиса, сына Нуха, которым он сражался с людьми и джиннами. Его выковал мудрец Джардум, и он написал на его поверхности великие имена. Если ударить им по горе, он её разрушит, и называется он аль-Махик: когда он опускается на человека, то губит его, а опускаясь на джинна, уничтожает его. — И когда услышал Гариб слова Муриша об упомянутых им достоинствах этого меча, он сказал: — я хочу посмотреть на этот меч. — Перед тобою то, что ты хочешь, — ответил Муриш, и Гариб протянул руку и, взяв меч, вытянул его из ножен, и засверкал он, и заползала смерть, блистая, по его лезвию. А было оно длиною в двенадцать пядей, а шириною в три пяди. И Гариб хотел взять меч, и царь Муриш сказал ему: — если ты можешь им ударить, возьми его, — и Гариб сказал: — хорошо! — и взял меч в руку, и он был у него в руке точно посох, и присутствующие — люди и джинны — удивились и воскликнули: — ты отличился, о господин витязей! — Наложь свою руку на это сокровище, о котором вздыхают цари земли, и садись на коня, а я буду тебе показывать, — сказал Муриш, и Гариб сел, и Муриш тоже сел, а люди и джинны пошли, прислуживая им... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что царь Гариб и царь Муриш сели на коней в городе Яфиса, а люди и джинны шли, прислуживая им. И цари ехали мимо пустых дворцов и домов и покинутых площадей и ворот, а затем они вышли из ворот города и стали гулять в садах, где были плодородные деревья и текучие реки, и говорящие птицы, которые прославляли того, кому принадлежит могущество и вечность. И они гуляли до тех пор, пока не наступил вечер, а потом вернулись и остались на ночь во дворце Яфиса, сына Нуха. И когда они туда прибыли, им подали столик, и они поели, и Гариб обратился к царю джиннов и сказал: — о царь, я намерен отправиться к моим людям и войнам. Я не знаю, каково им было после меня. — И царь Муриш, услышав слова Гариба, воскликнул: — о брат мой, клянусь Аллахом, я не хочу с тобой расставаться, и не дам тебе уйти раньше, чем через месяц, чтобы я мог насладиться твоим видом! — И Гариб не мог ему перечить и прожил целый месяц в городе Яфиса, а потом он поел и попил, и царь Муриш дал ему поларки из редкостей, дорогих металлов и драгоценностей: изумруды, бадахшанские рубины, камень алмаз и куски золота и серебра, а также мускуса и амбры и отрезы шелка, затканного золотом, и сделал Гарибу и Сахиму одежды из шелковой материи, затканные золотом, а Гарибу он сделал венед, окаймленный жемчугом и драгоценными камнями, которого не уравновесить никакой ценой. И за-

тем он сложил все это в мешки и позвал пятьсот марилов и сказал им: — собирайтесь выезжать завтра, чтобы мы проводили царя Гариба с Сахимом в их страну, — и марилов ответили: — слушаем и повинемся! — и провели ночь с намерением схать, а когда настало время выезжать, вдруг появились кони и барабаны и ревущие трубы, и марилов наполнили землю. А было их семьдесят тысяч марилов летающих и ныряющих, и их царя звали Баракан.

ПРИБЫТИЮ этого войска была великая и дивная причина, и было это дело волнующее, необычайное, о котором мы расскажем по порядку. Этот Баракан был властителем Сердоликового города и золотого дворца, и он властвовал над пятью кувшнами, в каждом из которых было пятьсот тысяч маридов, и он и его племя поклонялись огню, вместо всевластного владыки. И этот царь был сыном дяди Муриша, а среди людей Муриша был один нечестивый марид, который принял ислам из лицемерия, и он нырнул в толпу своих родичей и ушел, и шел до тех пор, пока не достиг Долины Сердоликов. И он вошел во дворец царя Баракана и поцеловал землю между его руками и пожелал ему вечной славы и счастья, а потом он рассказал ему о принятии Муришем ислама, и Баракан спросил его, как он отступил от своей веры. И марид

рассказал ему обо всем, что случилось, и когда Баракан услышал его слова, он стал храпеть и хрипеть и бранить солнце, луну и огонь, мечущий искры, и воскликнул: — клянусь моей верой, я убью сына моего дяди, его народ и того человека и не оставлю из них никого! — И он кликнул племена джиннов и выбрал из них семьдесят тысяч марилов и шел с ними, пока не дошел до города Джабарса, и они окружили город, как нами упомянуто. И царь Баракан расположился напротив городских ворот и поставил свои палатки, и Муриш позвал одного марида и сказал ему: — подойди к этим воинам, посмотри, чего они хотят, и приходи ко мне скорее. И марида пошел и вошел в лагерь Баракана, и марида поспешили к нему и спросили его: — кто ты? — Посланец Муриша, — ответил марида, и его взяли и поставили перед Бараканом, и он пал перед ним ниц и сказал: — о владыка, мой господин послал меня к вам, чтобы я посмотрел, в чем с вами дело. — Вернись к твоему господину, — сказал Баракан, — и скажи ему: — это сын твоего дяди Баракан пришел тебя приветствовать... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что марида, посланец Муриша, войдя к Баракану, сказал ему: — мой господин послал меня к тебе, чтобы я посмотрел, в чем с вами дело, — и Баракан сказал ему: — вернись к твоему господину и скажи ему: — сын твоего дяди Баракан пришел

тебя приветствовать. — И мари́д вернулся к своему господину и рассказал ему об этом, и Муриш сказал Гарибу: — сиди на своем престоле, а я приветствую сына моего дяди и вернусь к тебе. — И затем он сел на коня и поехал, направляясь к шатрам, а Баракан сделал это из хитрости, чтобы Муриш вышел и он бы схватил его. И он поставил вокруг себя мари́дов и сказал им: — когда вы увидите, что я его обнимаю, хватайте его и вяжите, — и мари́ды сказали ему: — слушаем и повинемся! — А потом, после этого, царь Муриш приехал и вошел в шатер сына своего дяди, и тот поднялся и обнял его, и джинны ринулись на Муриша и скрутили его и заковали. И Муриш посмотрел на Баракана и спросил его: — что это за обстоятельства? — и Баракан воскликнул: — о собака из джи́инов, ты оставляешь свою веру и веру твоих отцов и дедов и вступаешь в веру, которой ты не знаешь! — О сын моего дяди, — сказал Муриш, — я увидел, что вера Ибрахима, друга Аллаха, истинна, а иная — ложна. — А кто вам рассказал? — спросил Баракан. — Гариб, царь Ирака, и он у меня на самом славном месте, — ответил Муриш, и Баракан воскликнул: — клянусь огнем, и светом, и мраком, и жаром, я убью его и всех вас! — И потом он велел его заточить, и когда слуга Муриша увидел, что постигло его господина, он повернулся, убежал в город и осведомил людей царя Муриша о том, что выпало их господину, и они закричали и стали садиться на коней. И Гариб спросил: — в чем дело? — и его осведомили о том, что случилось, и он кликнул Сахима и сказал ему: — оседлай мне коня из тех двух коней,

которых мне дал царь Муриш. — О брат мой, ты будешь сражаться с джиннами? — спросил Сахим. — Да, — отвечал Гариб, — я буду сражаться с ними мечом Яфиса, сына Нуха, и попрошу помощи у господина нашего Ибрахима, друга Аллаха, — мир с ним! — он владыка всякой вещи и создатель ее. — И Сахим оседлал Гарибу рыжего коня из коней джиннов, подобного крепости из крепостей, а потом Гариб взял боевые доспехи, вышел и сел на коня, и отряды джиннов тоже вышли, одетые в кольчуги. И Баракан со своими людьми сел на коня, и выстроились воины, и войска начали сражаться, и первым, кто открыл врата боя, был царь Гариб. Он погнал своего коня на боевое поле и обнажил меч Яфиса, сына Нуха, — мир с ним! — от которого исходил яркий свет, слепивший глаза всем джиннам, и запах из-за него в сердца их страх. И Гариб играл мечом, пока не ошеломил разум джиннов, а потом он закричал: — Аллах велик! Я — царь Гариб, царь Ирака! Нет веры, кроме веры Ибрахима, друга Аллаха! — и когда Баракан услышал слова Гариба, он воскликнул: — вот кто изменил веру сына моего дяди и вывел его из его веры. Клянусь моей верой, я не сяду на престол, пока не отрежу Гарибу голову, не потушу его дыхания и не верну сына моего дяди с его людьми к их вере. А кто будет мне перечить, того я погублю. — И он сел на слона, белого, цвета бумаги, подобного высокой башне, и закричал на него и ударил его копьём из стали, которое утонуло в его мясе, и слон заревел, и Баракан направился к боевому полю и месту боя и сражения, и приблизился к Гарибу и сказал ему: — о собака из людей,

что привело тебя в нашу землю? Ты испортил сына моего дяди и его людей и вывел их из одной веры в другую! Знай — сегодняшний день — последний твой день в жизни. — И Гариб, услышав эти слова, воскликнул: — прочь, ничтожнейший из джиннов! — и Баракан вытащил дротик и, взмахнув им, метнул его в Гариба, но промахнулся, и тогда он метнул второй дротик, и Гариб подхватил его и, взмахнув им, послал его к слону. И дротик вошел слону в бок и вышел из другого бока, и слон упал на землю убитый, а Баракан свалился, точно высокая пальма. И Гариб не дал ему двинуться и ударил его мечом Яфиса, сына Нуха, по стволу его шеи, и Баракана покрыло беспмятство. И марида устремились к нему и закрутили ему руки, и когда люди Баракана посмотрели на своего царя, они ринулись, желая его освободить, но Гариб понесся на них, и понеслись с ним правоверные джинны. От Аллаха доблесть Гариба — он ублаготворил царя отвечающего и утолил жажду мести заколдованным мечом, и всякий, кого он ударял, был сломлен, и дух его, не успев подняться, становился пеплом в огне! И правоверные бросились на нечестивых джиннов, и они стали кидать друг на друга огненные стрелы, и распространился дым, а Гариб гарцовал между ними направо и налево, и они рассыпались перед ним. И царь Гариб достиг шатра царя Баракана, подле которого стояли аль-Кайладжан и аль-Кураджан, и крикнул маридам: — развяжите вашего господина, — и они развязали его и разбили его оковы... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что царь Гариб крикнул аль-Кайладжану и аль-Кураджану: — развяжите вашего господина! — и они развязали его и разбили его оковы. И царь Муриш сказал им: — принесите мне доспехи и приведите летающего коня! — А у царя было два коня, летавших по воздуху, и он дал одного коня Гарибу, а другой остался у него, и ему привели коня после того, как он надел боевые доспехи, и они с Гарибом понеслись, и кони летели с ними, а их люди летели сзади них, и цари кричали: — Аллах велик! Аллах велик! — и отвечали им земля и горы, и долины, и холмы. И они вернулись назад после того, как убили множество созданий, больше чем тридцать тысяч маридов и шайтанов, и вошли в город Яфиса. И цари сели на места величия и стали искать Баракана, но не нашли его, так как, когда они взяли его в плен, их отвлекло от него сражение, и один ифрит из его слуг поспешил к нему, развязал его и пронес над его людьми, и Баракан увидел, что некоторые из них убиты, а другие бегут. И ифрит полетел с ним к небу и спустился в Сердоликовом городе, в золотом дворце, и царь Баракан сел на престол своего царства, и пришли к нему его люди, которые остались целы после убийства, и вошли к нему и поздравили его с благополучием. — О люди, — сказал царь, — а где же благополучие, когда мое войско перебито, а меня взяли в плен и разорвали мою честь среди племен джишнов? — О царь, — ответили люди Баракана, — цари всегда поражаемы и поражают, —

и царь воскликнул: — я неизбежно отомщу и сниму с себя позор, а иначе я стану позорищем племен джиннов. — И затем он написал письма и послал за жителями крепостей, и они пришли к нему, послушные и покорные, и Баракан сделал им смотр, и оказалось, что их триста тысяч и двадцать тысяч марилов-великанов и шайтанов. — Какая у тебя нужда? — спросили они, и царь сказал: — готовьтесь выступать через три дня, — и джинны отвечали: — слушаем и повинемся!

Вот что было с царем Бараканом. Что же касается царя Муриша, то когда он вернулся и начал искать Баракана и не нашел его, ему сделалось тяжело, и он воскликнул: — если бы мы поставили сотню марилов сторожить его, он не убежал бы. Но, однако, куда он от нас уйдет? — И потом Муриш сказал Гарибу: — знай, о брат мой, что Баракан — вероломен, и он не станет медлить с отмщением, а непременно соберет свои отряды, и они придут к нам. Я хочу его настичь, пока он слаб после своего поражения. — Вот оно, правильное мнение и дело не порицаемое! — воскликнул Гариб, и Муриш сказал Гарибу: — о брат мой, пусть мариды доставят вас в вашу страну, а меня оставьте воевать с неверными, чтобы облегчилась моя ноша. — Нет, клянусь кротким, великодушным, покровителем, я не уеду из этих земель, пока не уничтожу всех нечестивых джиннов и не поспешит Аллах направить их дух в огонь (и как скверен этот исход!), а спасется лишь тот, кто поклоняется Аллаху, единому, покоряющему! — воскликнул Гариб. — Но пошли Сахима в город Оман, может быть, он оправится от болезни — (а Сахим был

болен). И Муриш закричал маридам: — отнесите Сахима и эти деньги и подарки в город Оман! — и они ответили: — слушаем и повинуемся! — и понесли Сахима и подарки и направились в страны людей. А Муриш написал письма в свои крепости и ко всем наместникам, и они явились, — а числом их было сто тысяч и шестьдесят тысяч, — и собрались и пошли, направляясь в Сердоликовую страну к золотому дворцу. И они покрыли в один день расстояние года пути и пришли в одну долину и расположились там на отдых и спали, пока не настало утро, а потом хотели трогаться, и вдруг появился отряд джинов, и джинны закричали, и два войска встретились в этой долине и понеслись друг на друга, и пало между ними избиение, и усилилась схватка, и увеличилось потрясение, и дурными стали обстоятельства. И пришло значительное и ушло воображаемое, и прекратились толки и разговоры, и сократились долгие жизни, и впали нечестивые в унижение и умопомрачение. И понесся Гариб, объявляя единственным единого, выпенного, которому поклоняются, и стал рубить шеи, оставляя головы скатившимися в пыль, и не наступил еще вечер, как было убито из нечестивых около семидесяти тысяч. И тогда ударили в литавры окончания, и воины оставили друг друга... и Шахраду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда войска оставили друг друга и разо-

шлись, Муриш и Гариб расположились в шатрах, обтерев сначала свое оружие, а затем был принесен ужин, и они поели и поздравили друг друга с благополучием (а в их войске было убито больше десяти тысяч маридов).

Что же касается Баракана, то он расположился у себя в шатре, горюя о своих убитых помощниках, и сказал: — о люди, если бы мы провели, сражаясь с врагами, три дня, они бы нас уничтожили до последнего. — А что же нам делать, о царь? — спросили они его, и он сказал: — ринемся на них во мраке ночи, когда они спят, и не останется из них человека, чтобы доставить вести. Приготовьтесь же и киньтесь на ваших врагов, и понеситесь на них, как один человек.

И люди Баракана сказали: — слушаем и повинуемся! — и затем они стали готовиться к нападению. А среди них был один марид, по имени Джандаль, сердце которого умягчилось для ислама, и когда он увидел, на что вознамерились неверные, он ушел от них и, войдя к Муришу и царю Гарибу, рассказал им, что неверные придумали. И Муриш обернулся к Гарибу и спросил его: — о брат мой, что делать? — и Гариб отвечал: — сегодня ночью мы бросимся на неверных и рассеем их по пустыням и степям властью царя могучего. — И затем он позвал предводителей джиннов и сказал им: — возьмите, вы и ваши люди, доспехи войны, и когда ниспадет мрак, выскальзывайте на ногах сотня за сотней и оставьте шатры пустыми и скройтесь в горах. А когда вы увидите, что враги между шатрами, нападайте на них со всех сторон. Укрепите вашу

решимость и положитесь на вашего господа. Вы будете поддержаны Аллахом, и я — с вами.

И пришла ночь, и неверные ринулись к палаткам, призывая на помощь огонь и свет, и когда они оказались между шатрами, правоверные бросились на нечестивых, призывая на помощь господа миров и восклицая: — о милостивейший из милостивых, о творец всех тварей! — и оставили их скошенными и остывшими. И не наступило еще утро, как сделались неверные телами без духа, а те, кто остался жив, устремились в степи и долины. И вернулись Муриш с Гарибом, поддержанные Аллахом, победоносные, и разграбили имущество неверных и проспали ночь до утра, а потом пошли, направляясь в Сердоликовый город и золотой дворец.

Что же касается Баракана, то когда война обернулась против него и перебили большинство его людей во мраке ночи, он повернулся, убегая с теми, кто остался жив из его воинов, и достиг своего города. И он пошел к себе во дворец и собрал свои отряды и сказал им: — о люди, тот, у кого что-нибудь есть, пусть берет это и присоединяется ко мне на горе Каф, у Синего царя, владыки Пестрого дворца: он — тот, кто за нас отомстит. И люди Баракана взяли своих жен и детей и имущество и направились к горе Каф, а Муриш с Гарибом достигли Сердоликового города и золотого дворца и увидели, что ворота открыты и нет в городе никого, кто бы рассказал о чем-нибудь. И Муриш взял Гариба с собою и стал ему показывать Сердоликовый город и золотой дворец. А фундамент городских стен был из изумруда, и ворота

его — из красного сердолика, с серебряными гвоздями, а крыши его домов и дворцов были из алоэ и сандала. И вошедшие в город пошли и разошлись по его улицам и переулкам и достигли золотого дворца. И они переходили из одного прохода в другой и вдруг увидели постройку из царственного бадахшанского рубина, полы в которой были из изумруда и яхонта! А Муриш с Гарибом вошли во дворец, ошеломленные его красотой, и ходили с места на место, пока не прошли семь проходов, и когда они прошли внутрь дворца, то увидели четыре портика, каждый из которых не был похож на другой, а посреди дворца был бассейн из червонного золота, над которым были изображения золотых львов, и вода текла из их пастьей, и увидели цари нечто смущающее мысли. И портик, находившийся в передней части зала, был устлан коврами, затканными цветным шелком, и под ним стояли два престола из червонного золота, украшенные жемчугом и драгоценными камнями. И Муриш с Гарибом сели на престол Баракана и устроили в золотом дворце большое торжество... и Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Муриш с Гарибом сели на престол Баракана и устроили большое торжество, а потом Гариб спросил Муриша: — какой ты придумал план? — О царь людей, — ответил Муриш, — я послал сто всадников узнать сведения о Бара-

кане — в каком он месте, чтобы мы пошли вслед за ним. — И они пробыли в золотом дворце три дня, пока не прилетели марида, и, вернувшись, они рассказали, что Баракан отправился на гору Каф и попросил защиты у Синего царя, и тот взял его под защиту. И Муриш спросил Гариба: — что скажешь, о брат мой? — и тот ответил: — если мы на них не ринемся, они ринутся на нас. — И Муриш с Гарибом приказали войскам готовиться к выступлению через три дня, и они привели себя в порядок и хотели трогаться, и вдруг видят: марида, которые доставили Сахима и подарки, пришли к Гарибу и поцеловали землю. И Гариб спросил их про своих людей, и марида сказали: — когда твой брат Аджиб убежал после стычки, он пошел к Ярубубу ибн-Кахтану и направился в земли Индии и, войдя к их царю, рассказал ему, что с ним случилось из-за его брата, и попросил у него защиты. И царь взял его под защиту и разослал письма ко всем своим наместникам, и собралось к нему войско, подобное переполненному морю, — нет у него ни начала, ни конца, — и он намеревается разрушить Ирак.

И Гариб, услышав слова марида, воскликнул: — да погибнут неверные! Аллах великий даст победу исламу, и я им покажу бой и сражение. — О царь людей, — сказал Муриш, — клянусь величайшим именем, я непременно пойду с тобой в твое царство и погублю твоих врагов и приведу тебя к желаемому. — И Гариб поблагодарил его, и они провели ночь с намерением выступить, а когда настало утро, они дви-

нулись и пошли, направляясь к горе Каф. И они прошли весь день и направились к Пестрому дворцу и мраморному городу, а этот город был построен из камней и мрамора, и построил его Барик-ибн-Факи, отец джиннов, и он же построил Пестрый дворец, а назван он так потому, что построен из кирпича серебряного и кирпича золотого, и не выстроено подобного ему во всех странах. И когда войны приблизились к мраморному городу и осталось от них до города пол-дня, они спешили для отдыха, и Муриш послал узнать новости. И скороход скрылся и, вернувшись, сказал: — о царь, в мраморном городе отрядов джиннов столько, сколько листьев на деревьях или капель дождя. — Что же мы будем делать, о царь людей? — спросил Муриш, и Гариб сказал: — о царь, раздели твоих людей на четыре части, и пусть они окружают вражеское войско и воскликнут: — Аллах велик! — а после того, как закричат славословие, пусть отступят от них. И будет это дело в половине ночи, и посмотри, что произойдет среди племен джиннов.

И Муриш призвал своих людей и разделил их так, как сказал Гариб, и они взяли оружие и ждали, пока не наступила полночь, а потом они пошли и окружили войско врагов и закричали: — Аллах велик! За веру Ибрахима, друга Аллаха, — мир с ним! — И неверные проснулись, уstraшенные этими словами, и схватили оружие и нападали друг на друга, пока не заблестала заря, и большая часть их погибла, а меньшая часть уцелела. И Гариб закричал правоверным джиннам: — неситесь на тех, кто уцелел из

печестивых! Вот я — с вами, и Аллах — вам помощник! — и Муриш понесся, и Гариб вместе с ними, и Гариб обнажил свой губящий меч, который из мечей джиннов, и стал обрубать носы и сделал головы седыми и обратил в бегство ряды.

И он завладел Бараканом и, ударив его, лишил его жизни и спешился, окрашенный его кровью, а потом он сделал то же самое с Синим царем, и когда взошел день, не осталось от неверных ни людей, ни приносящих вести. И Муриш с Гарибом вошли в Пестрый дворец и увидели, что в его стенах один кирпич из золота, а другой из серебра, а пороги в нем хрустальные, и стоит он на фундаменте из зеленого изумруда.

И во дворце был бассейн с фонтаном, подле которого были шелковые ковры, вышитые золотыми нитками и украшенные драгоценными камнями, и они увидели там богатства, которых не счесть и не описать. И они вошли в помещение харима, и увидели харим чистый, прекрасный, и Гариб посмотрел на харим Синего царя и увидел в числе бывших там женщин девушку, лучше которой он не видал, и на ней была одежда, стоившая тысячу динаров. И вокруг нее стояла сотня рабынь, которые приподнимали полы ее платья золотыми крючками, и была она подобна луне среди звезд. И когда Гариб увидал эту женщину, он смутился умом и растерялся и спросил одну из невольниц: — кто будет эта девушка? — Это Каукаб-ас-Сабах, дочь Синего царя, — ответили ему... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Гариб спросил одну из невольниц: — кто эта девушка? — и ему сказали: — Это Каукаб-ас-Сабах, дочь Синего царя. — И Гариб обратился к царю Муришу и сказал ему: — о царь джиннов, я хочу жениться на этой девушке, — и Муриш ответил: — и дворец и то, что есть в нем из богатств и детей — нажива твоих рук, и если бы ты не сделал хитрости и не погубил бы Баракана и Синего царя с их людьми, они бы погубили нас до последнего. Деньги — твои деньги, и обитатели дворца — твои рабы. — И Гариб поблагодарил Муриша за его хорошие слова и, подойдя к девушке, посмотрел на нее и как следует в нее взгляделся и полюбил ее сильной любовью и забыл Фахр-Тадж, дочь царя Сабура, царя персов, турок и дейлемитов, и забыл Махдию. А матерью этой девушки была дочь царя Китая, которую Синий царь похитил из ее дворца и лишил девственности, и она зачала от него и принесла ему девочку, и из-за ее красоты и прелести царь назвал ее Каукаб-ас-Сабах, и была она владычицей красавиц. И ее мать умерла, когда ей было сорок дней, и воспитывали ее повитухи и евнухи, пока не стало ей семнадцать лет жизни, и случилось тогда это дело, и убили ее отца, и полюбил ее Гариб сильной любовью, и он вложил ее руку в свою и вошел к ней в тот же вечер, и нашел ее девственной. А эта девушка ненавидела своего отца, и она обрадовалась его убиению. И Гариб приказал разрушить Пестрый дворец, и его раз-

рушили, и Гариб разделил его богатства между джиннами, и досталась Гарибу двадцать одна тысяча кирпичей, золотых и серебряных, а из богатств и дорогих металлов ему досталось столько, что не счесть и не перечислить. Потом царь Муриш взял Гариба и стал ему показывать гору Каф и ее диковины, и они направились к крепости Баракана и, достигнув этой крепости, разрушили ее и поделили ее богатства, и потом они направились к крепости Муриша и оставались там пять дней. И Гариб пожелал отправиться в свою страну, и Муриш сказал ему: — о царь людей, я пойду у твоего стремени и доставлю тебя в твою страну. — Нет, клянусь другом Аллаха Ибрахимом, — воскликнул Гариб, — я не позволю тебе утомлять себя и не возьму из твоих людей никого, кроме аль-Кайладжана и аль-Кураджана. — О царь, — сказал Муриш, — возьми десять тысяч всадников из джиннов, которые будут с тобою, чтобы служить тебе. — Я возьму только тех, о ком я тебе сказал, — ответил Гариб, и тогда Муриш приказал тысяче маридам нести то, что досталось Гарибу из добычи, и сопровождать его до его царства, а двум маридам — аль-Кайладжану и аль-Кураджану — он велел быть с Гарибом и слушаться его. И ифриты ответили: — слушаем и повинуемся! — и Гариб сказал маридам: — несите богатства и Каукаб-ас-Сабах, — и хотел трогаться и сесть на своего летающего коня, но Муриш сказал ему: — этот конь, о брат мой, живет только в нашей земле, а когда он достигнет земли людей, он умрет. Но у меня есть морской конь, которому не найти подобного в земле иракской и во всех странах. — И он велел привести этого коня,

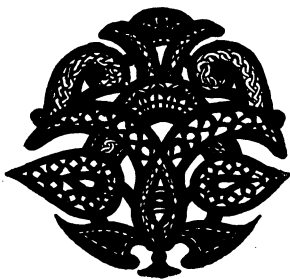
и его привели, и когда Гариб увидал его, конь стал преградой между ним и его разумом. А потом коня спутали, и аль-Кайладжан понес его, а аль-Кураджан взвалил на себя сколько мог, и затем Муриш обнял Гариба и заплакал из-за разлуки с ним и сказал: — о брат мой, если выпадет тебе что-нибудь, что будет тебе не под силу, пришли за мной, и я приду к тебе с войском, которое разрушит землю и то, что на ней есть. — И Гариб поблагодарил его за его милости и за прекрасную его преданность. И марида с Гарибом и конем прошли два дня и ночь, покрыв расстояние в пятьдесят лет пути, и приблизились к городу Оману. И они расположились близ города, чтобы отдохнуть, и Гариб обратился к аль-Кайладжану и сказал ему: — пойди и узнай мне сведения о моих людях. — И марида отправился и вернулся и сказал: — о царь, у твоего города войско неверных, подобное переполненному морю, и твои люди с ним сражаются. Они ударили в барабан войны, и аль-Джамракан выступил в поле. — И когда Гариб услышал эти слова, он воскликнул: — Аллах велик! — и сказал: — о Кайладжан, оседлай мне коня и подай мне доспехи и копьё! Сегодня можно будет отличить витязя от труса на месте боя и сражения. — И аль-Кайладжан поднялся и принес Гарибу то, что он требовал, и Гариб взял военные доспехи и повязался мечом Яфиса, сына Нуха, и, сев на морского коня, направился к войскам и отрядам. И аль-Кайладжан с аль-Кураджаном сказали ему: — дай себе отдых и позволь нам пойти к неверным и рассеять их по степям и пустыням, чтобы не осталось у них никого из людей и раздувающего

огонь, с помощью Аллаха, высокого и всевластного. — Клянусь другом Аллаха Ибрахимом, — воскликнул Гариб, — я позволю вам сражаться, только если буду на спине моего коня! — А причину прихода этого войска было дивное дело... и Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

**НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ШЕСТИСОТ
ШЕСТИДЕСЯТИ,**

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Гариб сказал аль-Кайладжану: — пойдн и узнай мне сведения о моих людях, — и марид вернулся и сказа: — у твоего города большое войско.

ПРИЧИНОЙ его прихода было то, что когда Аджиб пришел с войском Яруба-ибн-Кахтана и осадил мусульман и вышли аль-Джамракан и Садан и пришли к ним аль-Кайладжан с аль-Куралджаном и разбили войско неверных, Аджиб обратился в бегство и сказал: — о люди, если вы вернетесь к Ярубу-ибн-Кахтану, когда его войско перебито и убит его сын, он скажет: — о люди, если бы не вы, моих людей и моего сына не убили бы, — и убьет нас до последнего. Мое мнение, что нам следует отправиться в страны Индии и войти к царю Тарканану, и он отомстит за нас. — И люди Аджиба сказали ему: — иди с нами, да благословит тебя огонь! — и они шли дни и ночи, пока не дошли до города Хинда. И они попросили разрешения войти к царю Тарканану, и тот позволил Аджибу войти, и Аджиб вошел и поцеловал перед ним

землю и пожелал ему того, чего желают царям, а потом сказал: — о царь, защити меня, да защитит тебя огонь, обладатель искр, и да охранит тебя мрак ночи мрачною тьмой. — И царь Индии посмотрел на Аджиба и спросил его: — кто ты и чего ты хочешь? — и Аджиб сказал: — я — Аджиб, царь Ирака. Мой брат меня обидел, и он последовал вере ислама, и рабы стали ему послушны. Он овладел многими странами и все время гонял меня из одной земли в другую, и вот я пришел к тебе искать защиты у тебя и у твоей власти. — И когда услышал царь Индии слова Аджиба, он стал вставать и садиться и воскликнул: — клянусь огнем, я отомщу за тебя и никому не позволю поклоняться не огню, моему владыке! — И потом он кликнул своего сына и сказал ему: — о дитя мое, приготовься и иди в Ирак. Погуби всех, кто там находится, свяжи тех, кто не поклоняется огню, пытай их и уродуй, но не убивай их и приведи их ко мне, чтобы я подверг их пыткам всякого рода, дал бы им вкусить унижение и сделал бы их позиданием для тех, кто поучается в наше время. — И затем царь выбрал восемьдесят тысяч бойцов на конях и восемьдесят тысяч бойцов на жирафах и послал со своим сыном десять тысяч слонов, на каждом из которых были носилки из сандала с решетками из золотых тростей, а пластинки и гвозди на этих носилках были золотые и серебряные, и на каждом носилке стоял престол из золота и изумруда, и еще он послал колесницы с оружием — на каждой колеснице было восемь человек, сражавшихся всевозможным оружием. А сын царя был храбрецом своего времени,

и не было ему в доблести соперника, и звали его Рад-Шах. И он собрался в десять дней, и войны ехали, подобные куче облаков, в течение двух месяцев, пока не достигли города Омана и не окружили его, и Аджиб радовался, думая, что он победит. А аль-Джамракан с Саданом и все богатыри вышли на середину поля, и ударили тогда в барабаны, заржали кони, а аль-Кайладжан наблюдал все это. И он вернулся и рассказал обо всем царю Гарибу, и тот тоже сел на коня, как мы упомянули, погнал своего скакуна и въехал в войско неверных, ожидая, кто к нему выступит и откроет врата войны. И выехал также Садангуль и потребовал поединка, и выступил к нему богатырь из богатырей Индии, и Садан не дал ему времени перед ним установиться и, ударив его дубиной, раскрошил ему кости, и он оказался растянувшимся на земле. И выступил к Садану второй, и он убил его, и третий, и он повергнул его, и Садан до тех пор убивал, пока не убил тридцати богатырей. И выступил тогда к нему богатырь из Индии, но имени Батташ-аль-Акран, а был это витязь своего времени, считавшийся за пять тысяч витязей на поле битвы, в бою и сражении, и он был дядей царя Тарканана. И когда Батташ выступил против Садана, он сказал ему: — о вор из арабов, разве достиг твой сан того, что ты убиваешь царей Индии и ее богатырей и берешь в плен ее витязей! Сегодняшний день — последний день твой в земной жизни. — И когда Садан услышал эти слова, его глаза покраснели, и он ринулся на Батташа и ударил его дубиной, но удар не удался, и Садан перевернулся, увлекаемый дубиной, и упал на землю, и не успел он

опомниться, как был связан и закован, и нечестивые потащили его к себе в лагерь. И когда аль-Джамракан увидел своего товарища пленником, он воскликнул: — эй, за веру Ибрахима, друга Аллаха! — и, ударив пяткой своего коня, понесся на Батташ-аль-Акрана. И они гардовали некоторое время, а затем Батташ бросился на аль-Джамракана и, потянув его за рукав его одеяния, сорвал его с седла и бросил на землю. И его связали и потащили в лагерь нечестивых, и к Батташу все время выступал предводитель за предводителем, пока он не взял в плен из мусульман двадцать четыре предводителя. И когда мусульмане увидели это, они огорчились великим огорчением, а Гариб, увидев, что постигло его богатырей, вытащил из-под колена золотую дубину весом в сто двадцать ритлей — а это была дубина Баракана, царя джиннов... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ НОЧЬ

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь Гариб увидел, что постигло его богатырей, он вытащил золотую дубину, принадлежавшую Баракану, царю джиннов, и погнал своего морского коня, и тот побежал под ним, как дуновение ветра. И Гариб устремился вперед и, оказавшись на середине поля, крикнул: — Аллах велик! Он дал победу и поддержку и оставил тех, кто не признал веру Ибрахима, друга Аллаха! — и затем он понесся на Батташа и ударил его дубиной, и Батташ упал на землю, и Гариб

обернулся к мусульманам и, увидав своего брата Сахим-аль-Лайля, сказал ему: — свяжи этого пса! — И когда Сахим услышал слова Гариба, он устремился к Батташу и крепко связал его и схватил, и богатыри мусульман принялись дивиться на этого витязя, а нечестивые спрашивали один другого: — кто этот витязь, что вышел из их среды и взял в плен нашего товарища? — А Гариб при всем этом требовал поединка, и вышел к нему богатырь из индийцев, и Гариб ударил его дубиной, и он упал и растянулся на земле. И аль-Кайладжан с аль-Кураджапом связали его и передали Сахиму, и Гариб брал в плен одного богатыря за другим, пока не захватил пятидесяти двух богатырей — знатных предводителей. И кончился день, и забили в барабаны окончания, и Гариб уехал с поля и направился к лагерю мусульман, и первый, кого он встретил, был Сахим. И Сахим поцеловал ему ногу в стремях и воскликнул: — да не отсохнут твои руки, о витязь времени! Скажи нам, кто ты из храбрецов! — и тогда Гариб поднял с лица кольчатое забрало, и Сахим узнал его и сказал: — о люди, это — ваш царь и господин ваш Гариб, и он пришел из земли джиннов. — И когда мусульмане услышали упоминание о своем царе, они бросились на землю со спиц коней и, подойдя к нему, стали целовать ему ноги в стремях и желали ему мира, радуясь его благополучию. И они вошли с ним в город Оман, и Гариб опустился на престол своего царства, и его люди окружили его, пребывая в крайней радости. И подали еду, и они поели, и затем Гариб рассказал им обо всем, что с ним случилось на горе Каф из-за племен жи-

нов, и его люди удивились до крайней степени и прославили Аллаха за его спасение. А аль-Кайладжан с аль-Кураджаном не покидали Гариба. И затем Гариб велел своим людям уходить в опочивальни, и они разошлись по домам, так что не осталось подле него никого, кроме обоих маринов, и Гариб спросил их: — можете ли вы отнести меня в Куфу, чтобы я наслаждался моим харимом, и вернуться со мною в конце ночи? — О господин, — ответили они, — это самое легкое, чего ты требовал. — А между Куфой и Оманом было шестьдесят дней пути для спешащего всадника. И аль-Кайладжан сказал аль-Кураджану: — я понесу его туда, а ты понесешь его обратно, — и тогда аль-Кайладжан понес Гариба, а аль-Кураджан полетел с ним рядом, и прошло не больше часа, и они достигли Куфы и свернули с Гарибом к воротам дворца. И Гариб вошел к своему дяде ад-Дамигу, и тот, увидав его, поднялся и приветствовал его, и потом Гариб спросил: — как поживают моя жена Фахр-Тадж и моя жена Махдия? — и ад-Дамиг ответил: — они здоровы и благополучны. — И евнух вошел и рассказал женщинам о прибытии Гариба, и они обрадовались и закричали и дали евнуху его подарок, а потом вошел царь Гариб, и женщины поднялись и приветствовали его. И они стали разговаривать, и пришел ад-Дамиг, и Гариб рассказал ему о том, что случилось у него с джиннами, и ад-Дамиг и женщины удивились. И Гариб проспал остаток ночи с Фахр-Тадж, а когда приблизилась заря, он вышел к маридам и простился с родными и женами и своим дядей ад-Дамигом, а потом он сел на спину аль-Кураджана, рядом

с которым полетел аль-Кайладжан, и не рассеялся еще мрак, как он уже был в городе Омане. И он надел боевые доспехи, вместе со своими людьми, и приказал открывать ворота, и вдруг подъехал витязь из лагеря нечестивых, и с ним были аль-Джамракан и Садан-гуль и взятые в плен предводители, которых он освободил. И он передал их Гарибу, царю мусульман, и мусульмане обрадовались их спасению, а затем они надели кольчуги и сели на коней (а уже ударили в литавры войны) и приготовились к бою и сражению. И неверные сели на коней и выстроились рядами... и Шахразуду застигло утро, и она прервала дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда воины-мусульмане выехали в поле для боя и сражения, первый, кто открыл ворота войны, был царь Гариб. И он вытащил свой губящий меч — меч Яфиса, сына Нуха — мир с ним! — и погнал своего коня меж рядами и закричал: — кто меня знает, с того довольно моего зла, а кто меня не знает, тому я дам узнать себя. Я — царь Гариб, царь Ирака и Йемена, я — Гариб, брат Аджиба. — И когда услышал Рад-Шах, сын царя Индии, слова Гариба, он закричал предводителям: — приведите ко мне Аджиба! — и его привели, и Рад-Шах сказал ему: — ты знаешь, что эта смута — твоя смута, и ты был причиною ее. Вон твой брат на поле битвы, на месте боя и сражения. Выйди к нему и приведи мне его пленным; я посажу его на верблюда задом

наперед и буду его уродовать, пока не достигну земель Индии. — О царь, пошли к нему другого, я сделаюся болен, — сказал ему Аджиб, и когда Рад-Шах услышал его слова, он стал храпеть и хрипеть и воскликнул: — клянусь огнем, обладателем искр, и светом, и тенью, и жаром, если ты не выйдешь к твоему брату и не приведешь его ко мне поспешно, я отрежу тебе голову и потушу твоё дыхание! — И Аджиб выехал и погнался коня, укрепив своё сердце, и приблизился к брату на поле битвы и воскликнул: — о пёс арабов и гнуснейший из тех, кто вбивал колья палатки, или ты соперничаешь с царями! Возьми же то, что пришло к тебе и порадуйся своей смерти! — И Гариб, услышав его слова, спросил его: — кто ты из царей? — и Аджиб ответил: — я — твой брат, и сегодняшней день — последний из твоих дней в земной жизни! — И когда Гариб убедился, что это — его брат Аджиб, он вскричал: — о месть за моего отца и мать! — а затем он отдал аль-Кайладжану свой меч и понёсся на Аджиба и ударил его дубиной, нанеся удар непокорного притеснителя, так что едва не выбил ему ребер. И он схватил Аджиба за ворот и потянул его и сорвал с седла и ударил его об землю, и оба марида устремились к нему и крепко связали его и повели униженного, презренного. И при всем этом Гариб радовался пленению своего врага и говорил такие стихи:

Добился я цели, и кончен мой труд,
Тебе благодарность и слава, господь!

Я вырос ничтожным, униженным, бедным,
Но все даровал, что хотел я, Аллах.

И в странах я царь, и рабов покорил я,
Но не было б так без тебя, наш господь!

И когда Рад-Шах увидел, что случилось с Аджибом из-за его брата Гариба, он потребовал своего коня и надел боевые доспехи и кольчугу и выехал на поле битвы. И он гнал своего коня, пока не приблизился к царю Гарибу на месте боя и сражения, и тогда он закричал ему: — о гнуснейший из арабов и носящий дрова, или твой сан достиг того, что ты берешь в плен царей и богатырей! Сойди с коня и свяжи себе руки, поцелуй мне ногу и освободи моих богатырей! Иди со мной в мое царство в оковах и цепях — тогда я тебя прошу и сделаю тебя шейхом в наших землях, и ты будешь есть там кусок хлеба! — И когда Гариб услышал его слова, он так рассмеялся, что упал навзничь, и сказал: — о взбесившийся пес и опаршивевший волк, ты увидишь, против кого обернутся превратности! — И он закричал Сахиму: — приведи ко мне пленных! — и когда Сахим привел их, Гариб отсек им головы. И тут Рад-Шах напал на Гариба нападеньем могучего и сшибся с ним, как сшибается непокорный притеснитель, и они возвращались, убегали и сшибались, пока не налетел мрак. И тогда ударили в барабаны окончания... и Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда ударили в барабаны окончания и бойцы разошлись, каждый из царей отправился

в свое место. И их стали поздравлять с благополучием, и мусульмане сказали царю Гарибу: — не в обычае у тебя, о царь, затягивать бой, — и Гариб ответил: — о люди, я сражался с богатырями и с царями и не видел лучшего боя, чем у этого богатыря. Я хотел вытащить меч Яфиса, ударить его, искрошить ему кости и погубить его дни, но отложил это, думая, что возьму его в плен и будет ему доля в исламе.

Вот что было с Гарибом. Что же касается до Рад-Шаха, то он вошел в шатер и сел на свой престол, и вошли к нему вельможи его народа и спросили его про его противника, и он сказал: — клянусь огнем, обладателем искр, я в жизни не видел подобного этому богатырю! Завтра я возьму его в плен и поведу его, униженного и презренного. — И воины проспали до утра, и ударили в барабаны войны, и приготовились к бою и сражению, и они повязали мечи и подняли крики и, сев на породистых, могучих коней, выехали из лагеря и наполнили землю, холмы и долины и все обширные местности. И первым, кто открыл ворота боя и сражения, был отважный витязь и храбрый лев — царь Гариб, и он стал гардовать и нападать и воскликнул: — есть ли соперник? Есть ли противник? Пусть не приходит ко мне сегодня ленивый или слабый! — и не закончил он еще своих слов, как выступил к нему Рад-Шах, который сидел на слоне, подобном большому куполу. А на слоне был трон, привязанный шелковыми шнурками, и слонятник сидел между ушами слона, и в руках у него был крюк, которым он его ударял, и слон качался направо и налево. И когда слон приблизился к коню

Гариба, тот увидел нечто, чего никогда не видел, и шарахнулся от него, и когда Гариб сошел с коня и отдал его аль-Кайладжану и, вытащив свой губящий меч, направился к Рад-Шаху, пешком на ногах, и оказался перед слоном. А Рад-Шах, когда он думал, что будет побежден в схватке с богатырем из богатырей, сажился на слона на трон и брал с собою одну вещь, называемую аль-вахак (она имеет вид сетки, широкой внизу и узкой вверху, и в нижней части ее — кольцо, в которое продет шелковый шнур), направлялся к всаднику с конем, набрасывал на них сетку и тянул за шнур, и тогда верховой сходил с коня, и Рад-Шах брал его в плен. И он покорял витязей таким образом.

И когда приблизился к нему Гариб, Рад-Шах поднял руку с сеткой и распустил ее над Гарибом, так что сетка развернулась над ним, и Рад-Шах потянул ее, и Гариб оказался подле него на спине слона, и Рад-Шах закричал на слона, чтобы тот повернул обратно в лагерь. А аль-Кайладжан с аль-Кураджаном не покидали Гариба и, увидев, что случилось с их господином, они схватили слона, а Гариб при этом потянулся в сетке и разорвал ее, и аль-Кайладжан с аль-Кураджаном ринулись на Рад-Шаха и скрутили его и повели на веревке из пальмового лыка. И люди бросились друг на друга, точно два бьющиеся моря или две столкнувшиеся горы, и пыль поднялась до облаков небесных, и увидели воины воочию мрак смерти, и усилился бой, и полилась кровь. И воины продолжали жестоко сражаться и крепко биться и драться так, что сильнее нельзя, пока день не повернул на

закат и не пришла ночь с ее мраком, и тогда ударили в барабаны окончания, и воины оставили друг друга. А из мусульман, принимавших участие в бою в этот день, было убито множество народа, и большинство их получило раны, и досталось им это от бойцов, сидевших на слонах и жирафах. И это было тяжело Гарибу, и он приказал лечить раненых и, обратившись к вельможам из своих людей, спросил их: — каково будет ваше мнение? — О царь, — сказали они, — нам повредили только слоны и жирафы, и если бы мы спаслись от них, то победили бы врага. — И аль-Кайладжан с аль-Кураджаном сказали: — мы оба вытащим мечи и бросимся на них и убьем большую часть их, — и тогда выступил вперед человек из жителей Омана (а он был советником у аль-Джалаанда) и сказал: — о царь, это войско на моей ответственности, если ты будешь мне повиноваться и выслушаешь меня. — И Гариб обернулся к предводителям и сказал им: — что бы ни сказал вам этот мастер, слушайтесь его! — и предводители ответили: — слушаем и повинuemся... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ.

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что царь Гариб сказал предводителям: во всем, что скажет вам этот мастер, слушайтесь его! — и предводители отвечали: — слушаем и повинuemся! — И тот человек выбрал десять предводителей и спросил их: — сколько вам подчинено богатырей? — и они сказали: — десять тысяч бога-

тырей, — и тогда он взял их и пошел на склад оружия и, дав пяти тысячам из них ружья, научил их, как из них стрелять. И когда заблестала заря, неверные снарядились и выставили вперед слонов и жирафов, и люди их несли на себе полное вооружение. И они вывели зверей, и богатыри их стояли перед войском, а Гариб со своими богатырями сели на коней, и они построились рядами, и ударили в литавры, и выступили вперед начальники и вывели зверей и слонов. И тот человек закричал на стрелков, и они занялись стрелами и ружьями, и вылетели стрелы и свинец и вошли в ребра зверей, и звери заревели и повернули на богатырей и воинов и стали топтать их ногами. А потом мусульмане бросились на нечестивых и окружили их от левой стороны до правой, и слоны начали их топтать и рассеяли их по степям и пустыням. И мусульмане шли у них на затылке, с мечами из индийской стали, и спаслись от слонов и жирафов только немногие, и царь Гариб вернулся со своими людьми, радуясь победе, а на утро они поделили добычу. И они провели в этом месте пять дней, а потом царь Гариб сел на престол царства и потребовал своего брата Аджиба и сказал ему: — о пес, что это ты собираешь против нас царей, когда властный во всякой вещи поддерживает меня против вас. Примь ислам — ты спасешься, и я оставлю ради этого мечь за отца и мать и сделаю тебя царем, как ты был, а сам буду под твоей властью. — И Аджиб, услышав слова Гариба, сказал: — я не расстанусь с моей верой! — и Гариб заключил его в железные цепи и приставил

к нему сто могучих рабов. А потом он обратился к Рад-Шаху и спросил его: — что ты скажешь о вере ислама? — и Рад-Шах ответил: — о владыка, я вступлю в вашу веру: не будь эта вера истинная и прекрасная, вы бы не одолели нас. Протяни руку, и я засвидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что друг Аллаха Ибрахим — посол Аллаха. — И Гариб обрадовался принятию им ислама и спросил его: — утвердилась ли в твоём сердце сладость веры? — и Рад-Шах отвечал: — да, о мой владыка, — а потом Гариб сказал ему: — о Рад-Шах, отправишься ли ты в свою страну и царство? — О царь, — ответил Рад-Шах, — мой отец убьёт меня, так как я вышел из его веры. — Я пойду с тобой, — сказал Гариб, — и отдам тебе во власть твою землю, так что будут тебе послушны страны и рабы, с помощью Аллаха, великодушного, щедрого. — И Рад-Шах поделовал Гарибу руку и ногу, и Гариб оказал милость придумавшему план, который был причиной поражения врага, и подарил ему много денег. А затем он обратился к аль-Кайладжану с аль-Кураджаном и сказал им: — о вожди джиннов! — и они ответили: — к твоим услугам! — и тогда Гариб сказал: — я хочу, чтобы вы снесли меня в страны Индии. — И мариды отвечали: — слушаем и повинуемся! — и Гариб взял с собою аль-Джамракана с Саданом, которых понес аль-Кураджан, а аль-Кайладжан понес Гариба с Рад-Шахом, и они направились в страны Индии... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что царь Гариб с аль-Джамраканом, Саданом-гулем и Рад-Шахом, когда марида понесли их, направились в страны Индии. И был их отлет во время заката, и не пришел еще конец ночи, как они уже были в Кашмире, и марида опустили их на один дворец, и они спустились по дворцовым лестницам. А до Тарканана дошла от беглецов весть о том, что случилось с его сыном и воинами, и узнал он, что они в великой заботе и что его сын не спит и ничем не наслаждается. И стал Тарканан раздумывать о своем деле и о том, что с ним случилось, и вдруг вошла к нему толпа прилетевших, и увидев своего сына и тех, кто был с ним, царь оторопел, и его охватил страх перед маридами. И его сын Рад-Шах обратился к нему и воскликнул: — куда, о изменник, о поклонник огня? Горе тебе! Оставь поклонение огню и поклонись царю всевластному, творцу ночи и дня, которого не постигают взоры! — А когда его отец слушал эти слова, у него была железная дубина, и он бросил ею в Рад-Шаха, но тот уклонился от нее, и дубина попала в угол комнаты и разбила три камня. — О пес, — сказал Тарканан Рад-Шаху, — ты уничтожил войско, загубил твою веру и пришел вывести меня из моей веры! — И он бросился на Рад-Шаха, но Гариб встретил его и, ударив его по шее, свалил его, и аль-Кайладжан с аль-Кураджаном крепко затянули на нем веревки, а весь харим его убежал. А затем Гариб

сел на престол царства и сказал Рад-Шаху: — суди твоего отца! — и Рад-Шах обратился к Тарканану и сказал ему: — о старец заблуждающийся, прими ислам — и спасешься от огня и от гнева всевластного владыки, — но Тарканан отвечал: — я умру не иначе, как в моей вере! — И тогда Гариб вытащил свой губящий меч и ударил им Тарканана, и тот упал на землю двумя половинами, и поспешил Аллах отправить его дух в огонь (о, как скверно это обиталище!). И Гариб приказал его повесить на воротах дворца, и его повесили: одну половину — справа и другую — слева, а потом все провели время до конца дня, и Гариб велел Рад-Шаху надеть царскую одежду, и тот надел ее и сел на престол своего отца, и Гариб сел от него справа, а аль-Кайладжан с аль-Кураджаном и аль-Джамракан с Саданом-гулем встали справа и слева. И царь Гариб сказал им: — всякого, кто войдет из вельмож, связывайте и не дайте никому из предводителей ускользнуть у вас из рук! — и они отвечали: — слушаем и повинемся! — И затем, после этого, предводители стали входить, направляясь в царский дворец для службы, и первый, кто вошел, был старший предводитель. И он увидал, что царь висит, разрубленный на две половины, и растерялся и смутился, и его взяла оторопь, и тогда аль-Кайладжан бросился на него и, потянув его за ворот, повалил его и скрутил, и затем он потащил его во дворец и связал и поволок, и не взошло еще солнце, как он связал триста пятьдесят предводителей и поставил их перед Гарибом. — О люди, — сказал им Гариб, — видели вы вашего царя повешенным на дворцовых воро-

тах? — Кто сделал с ним эти дела? — спросили предводители, и Гариб сказал: — я сделал с ним это при помощи великого Аллаха, и с тем, кто станет мне перечить, я сделаю то же самое. — Чего ты от нас хочешь? — спросили предводители, и Гариб сказал: — я — Гариб, царь Ирака, я — тот, кто погубил ваших богатырей. Рад-Шах принял веру ислама, и стал он великим царем и правителем над вами. Примите ислам — спасетесь, и не прекословьте — раскаетесь. — И они произнесли исповедание и были записаны в число людей счастья, и Гариб спросил их: — истинно ли в ваших сердцах сладость веры? — Да, — отвечали предводители, и Гариб велел их развязать, и когда их рязвязали, наградил их и сказал: — идите к вашим людям и предложите им ислам; кто примет ислам, того оставьте, а кто откажется, того убейте... и Шахразяду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что царь Гариб сказал воинам Рад-Шаха: — идите к вашим людям и предложите им ислам; кто примет ислам, того оставьте, а кто откажется, того убейте. — И они ушли и собрали людей, которые были им подвластны и которыми они повелевали, и осведомили их о том, что было, а затем предложили им ислам, и воины предались Аллаху, кроме немногих, которых убили. И Гарибу рассказали об этом, и он прославил Аллаха великого и восхвалил его и сказал: — хвала Аллаху, который облегчил нам это дело без боя!

ГАРИБ оставался в Кашмире-индийском сорок дней, пока не подчинил себе страны и не разрушил дома огня и вместилища его, и он построил вместо них мечети, малые и соборные, а Рад-Шах связал в тюки множество редкостей и подарков, которых не описать, и послал их на кораблях.

И затем Гариб сел на спину аль-Кайладжана, а Садап с аль-Джамраканом сели на спину аль-Кураджана, после того как все простились друг с другом, и они полетели, и летели до конца ночи. И не заблестала еще заря, как они уже были в городе Омане, и встретили их родичи и поздоровались с ними, радуясь им, и когда Гариб достиг ворот Куфы, он велел привести своего брата Аджиба, и когда его привели, велел его распять. И Сахим принес железные крючья и вонзил их Аджибу под коленки, и его повесили

на воротах Куфы, а потом Гариб велел бросать в него стрелы, и их бросали в него, пока он не стал точно еж. И затем Гариб вступил в Куфу и вошел к себе во дворец и сел на престол своего царства и судил в этот день, пока время дня не окончилось, и тогда он вошел в свой харим, и Каукаб-ас-Сабах поднялась перед ним и обняла его, и невольницы поздравили его с благополучием, и Гариб оставался с Каукаб-ас-Сабах этот день и ночь.

А когда наступило утро, он встал, омылся и, совершив утреннюю молитву, сел на престол своего царства и начал приготовления к свадьбе с Махдией, и зарезал три тысячи голов баранов, две тысячи коров, тысячу коз, пятьсот верблюдов, четыре тысячи кур, много гусей и пятьсот коней, и была это свадьба, подобной которой не устраивали в исламе в те времена. И затем Гариб вошел к Махдии и уничтожил ее девственность, и провел в Куфе десять дней, а после этого он наказал своему дяде быть справедливым с подданными и выступил со своим харимом и богатырями, и ехал до тех пор, пока не доехал до кораблей с подарками и редкостями. И он роздал воинам корабли со всем тем, что в них было, и богатыри обогатились деньгами, и они шли до тех пор, пока не дошли до города Бабиля. И Гариб наградил своего брата Сахим-аль-Лайля и сделал его в этом городе султаном... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что царь Гариб наградил своего брата Сахима почетной одеждой и сделал его султаном в этом городе. Он провел с ним десять дней, а потом выступил, и они ехали не переставая, пока не достигли крепости Садана-гуля, где отдохнули пять дней, а потом Гариб сказал аль-Кайладжану с аль-Кураджаном: — отправляйтесь в Исбанир-аль-Мадаин, войдите во дворец Кисры и узнайте новости о Фахр-Тадж. И подайте мне человека из приближенных царя, который рассказал бы мне, что случилось. — И мариды сказали: — слушаем и повинемся! — а потом они оба отправились в Исбанир-аль-Мадаин, и когда они летели между небом и землей, они вдруг увидели влачащееся войско, подобное переполненному морю, и аль-Кайладжан сказал аль-Кураджану: — спустимся и раскроем, в чем дело с этим войском. — И они спустились и стали ходить между войсками, и увидели, что это персы. И они спросили кого-то из людей, чьи это воины и куда они идут, и им сказали: — к Гарибу, чтобы его убить и убить всех, кто с ним, — и когда мариды услышали эти слова, они направились к шатру царя, предводителя этих воинов (а имя его было Рустум), и, подождя, пока персияне заснули на своих постелях и Рустум заснул на своем ложе, подняли его вместе с ложем и вылетели из крепости, и не пришла еще полночь, как они уже были в лагере царя Гариба. Иони подошли ко входу в его шатер и сказали: — поз-

воление! — и Гариб, услышав это, сел и сказал: — входите! — и марида вошли с ложем, и Рустум спал на нем. — Кто это будет? — спросил Гариб, и марида сказали: — это царь из царей персов, и с ним большое войско. Он пришел, желая убить тебя и твоих людей, и мы принесли его к тебе, чтобы он тебе рассказал, о чем ты хочешь. — Приведите мне сто богатырей, — сказал Гариб, и когда их привели, он сказал им: — вытащите мечи и встаньте над головой этого персиянина. — И они сделали так, как приказал Гариб, и Рустума разбудили, и он открыл глаза и увидел у себя над головой купол из мечей. И он зажмурил глаза и сказал: — что это за скверный сон? — и аль-Кайладжан ткнул его копчиком меча, и Рустум сел и спросил его: — где я? — Ты в присутствии царя Гариба, зятя царя персов. Как твое имя и куда ты идешь? — сказал марида, и когда Рустум услышал имя Гариба, он подумал и сказал про себя: — сплю я или бодрствую? — И Сахим ударил его и сказал: — почему ты не отвечаешь словами? — и тогда Рустум поднял голову и спросил: — кто принес меня из моего шатра, где я был среди моих людей? — Тебя принесли эти два марида, — сказал Гариб, и когда Рустум взглянул на аль-Кайладжана с аль-Кураджаном, он наклонил себе в подштанники, а марида бросились на него, оскалив клыки, и вытащили мечи и сказали: — разве ты не пойдешь и не поделуешь землю перед царем Гарибом? — и Рустум испугался марида и убедился, что он не спит, и, поднявшись на ноги, поцеловал землю и сказал: — да благословит тебя огонь и да продлится твоя жизнь, о царь! —

О пес персиян, — сказал ему Гариб, — огню не поклоняются, так как он вредит и бывает полезен только для кушанья. — А кому же поклоняются? — спросил Рустум, и Гариб ответил: — поклоняются Аллаху, который сотворил тебя и придал тебе образ и сотворил небеса и землю. — А что мне сказать, чтобы стать одним из приверженцев этого господина и войти в вашу веру? — спросил персиянин, и Гариб сказал: — скажи: — нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим — друг Аллаха, — и Рустум произнес исповедание и был записан в число людей счастья, а потом он сказал: — знай, о мой владыка, что твой тесть, царь Сабур, искал твоего убийства, и он послал меня с сотнею тысяч и приказал мне не оставить из вас никого. — И услышав эти слова, Гариб воскликнул: — таково ли воздаяние мне от него, когда я выручил его дочь из несчастья и гибели! Аллах вознаградит его за то, что он задумал! Но, однако, как твое имя? — Рустум, предводитель Сабура, — ответил персиянин, и Гариб молвил: — и также предводитель моего войска. О Рустум, как поживает царевна Фахр-Тадж? — спросил он потом, и Рустум ответил: — да живет твоя голова, о царь времени! — А какова была причина ее смерти? — спросил Гариб. — О владыка, — ответил Рустум, — когда ты отправился к твоему брату, одна невольница пришла к царю Сабуру, твоему тестю, и спросила: — о господин, разве ты приказал Гарибу спать подле моей госпожи Фахр-Тадж? — и царь воскликнул: — нет, клянусь огнем! — и вынул меч и вошел к Фахр-Тадж и сказал ей: — о скверная, как это ты оставила этого бедуина спать подле тебя, когда он не дал тебе прида-

ного и не справил свадьбы? — О батюшка, это ты позволил ему спать подле меня, — сказала Фахр-Тадж. — А он приближался к тебе? — спросил Сабур, — и Фахр-Тадж промолчала и опустила голову к земле, и тогда Сабур закричал на повитух и невольниц и сказал им: — скрутите эту распутницу и посмотрите на ее фардж! — и женщины скрутили Фахр-Тадж и посмотрели на ее фардж и сказали: — о царь, ее девственность исчезла! — И царь понесся на Фахр-Тадж и хотел ее убить, но ее мать поднялась и защитила ее и сказала: — о царь, не убивай ее: ты станешь позорищем, но заточи ее в каком-нибудь месте, чтобы она умерла. — И царь держал Фахр-Тадж в заточении, пока не налетела ночь, и тогда он послал ее с двумя своими приближенными и сказал им: — удалитесь с нею и бросьте ее в реку Джейхун и никому не рассказывайте. — И они сделали так, как приказал им царь, и скрылась память о Фахр-Тадж, и прошло ее время... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Гариб спросил про Фахр-Тадж, Рустум рассказал ему ее историю и сообщил, что ее отец утопил ее в реке. И когда Гариб услышал его слова, мир почернел у него в глазах, и его свойства стали дурными, и он воскликнул: — клянусь другом Аллаха, я отправлюсь к этому псу и погублю его и разрушу его землю! — И затем он послал письма аль-Джамракану, правителю Мейя-

Фарикина и правителю Мосула, а потом обратился к Рустуму и спросил его: — сколько с тобой войска? — Со мной сто тысяч витязей персов, — ответил Рустум, — и Гариб сказал ему: — возьми с собой десять тысяч и пойдя к твоему народу и займи его войной, а я пойду за тобою следом. — И Рустум сел на коня во главе десяти тысяч всадников из своего войска и отправился к своему народу, говоря про себя: — я сделаю дело, которое обелит мне лицо перед царем Гарибом. — И Рустум ехал семь дней и приблизился к лагерю персов, так что между ним и персами осталось пол-дня, и тогда он разделил своих воинов на четыре отряда и сказал им: — окружите их войско и падайте на него с мечом. — И воины ответили: — слушаем и повинемся! — и они ехали от вечера до полуночи, пока не окружили войско персов, а те ничего не опасались после исчезновения от них Рустума. И мусульмане ринулись на них и закричали: — Аллах велик! — и персы поднялись от сна, и заходил среди них меч, и поскользнулись их ноги, и разгневался на них царь всеведущий. И Рустум работал среди них, как огонь работает в сухом дереве, и не окончилась еще ночь, как все войско персов превратилось в убитых, бегущих и раненых. И мусульмане захватили тяжести и палатки, и казну с деньгами, и коней, и верблюдов, а потом они расположились в палатках персов и отдыхали, пока не прибыл царь Гариб. И он увидел, что сделал Рустум и какую он придумал хитрость, чтобы перебить персов и разбить их войско, и наградил его и сказал: — о Рустум, это ты разбил персов, и вся добыча — твоя. — И Рустум,

поцеловал царю руку и поблагодарил его, и они отдыхали весь этот день, и потом пошли, направляясь в царство персов. А беглецы прибыли и вошли к царю Сабуру и пожаловались ему на горе и несчастье и дела ужасные, и Сабур спросил их: — что вас постигло и кто поразил вас злом? — И они рассказали ему о том, что случилось и как враг налетел на них во мраке ночи, и Сабур спросил: — кто же налетел на вас? — Налетел на нас не кто иной, как предатель твоего войска, так как он принял ислам, — сказали беглецы, — а что до Гариба, то он не пришел к нам. — И когда царь услышал это, он бросил свой венец на землю и воскликнул: — не осталось больше нам цены! — а потом он обратился к своему сыну Вард-Шаху и сказал ему: — о дитя мое, нет для этого дела никого, кроме тебя! — и Вард-Шах ответил: — клянусь твоей жизнью, о батюшка, я обязательно приведу Гариба и вельмож его племени в узах и погублю всех, кто находится с ним. — И он сосчитал своих воинов, и оказалось, что их двести двадцать тысяч, и они провели ночь с намерением выступить, а когда настало утро, они хотели трогаться, и вдруг поднялась пыль, которая забила края неба и застлала глаза смотрящим. А царь Сабур ехал проститься с сыном и, увидев эту великую пыль, он кликнул скорохода и сказал ему: — разъясни, в чем дело с этой пылью! — и скороход поехал и вернулся, и сказал: — о владыка, это пришел Гариб со своими богатырями! — И тогда сложили тюки, и люди выстроились для боя и сражения. А Гариб, приблизившись к Исбанир-аль-Мадаину и увидев, что персы вознамерились сражаться, при-

звал своих людей к бою и сказал: — нападайте, да благословит вас Аллах! — и взмахнули знаменосцы знаменем, и арабы и персы покрыли друг друга, и народы покрыли народы, и полилась потоками кровь, и души увидели гибель, и выступал вперед храбрец и бросался, и поворачивал трус, убегая. И продолжался бой и сражение, пока не повернул, уходя, день, и тогда ударили в барабаны окончания, и воины оставили друг друга. И царь Сабур велел поставить палатки у ворот города, и царь Гариб тоже поставил свои палатки напротив персов, и все расположились у себя в шатре... и Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что войска царя Гариба и войска царя Сабура отделились друг от друга, и каждый отправился к себе в шатер, а когда наступило утро, воины сели на породистых могучих коней и подняли крики, взяв копья и облачившись в боевое снаряжение. И выступил вперед богатырь-начальник и отважный лев, и первым, кто открыл ворота боя, был Рустум. И он выгнал своего коня на середину поля и закричал: — Аллах велик! Я — Рустум, предводитель богатырей арабов и персов! Есть ли противник? Есть ли соперник? Пусть не выходит ко мне сегодня ленивый или слабый! — и выступил к нему Туман из войска персов и понесся на Рустума, и Рустум понесся на него, и произошли между ними ужасные стычки,

и Рустум подскочил к своему противнику и ударил его бывшей с ним дубиной, которая весила семьдесят ритлей, и вдавил ему голову в грудь, и Туман упал на землю убитый и в крови утопающий. И было это не легко для царя Сабура, и он велел своим людям нападать, и они напали на мусульман, взывая о помощи к солнцу, обладателю сияний, а мусульмане взывали к царю всевластному. И умножились персы против арабов и заставили их выпить чашу гибели, и тогда Гариб закричал и решительно выступил и, вынув свой губящий меч, меч Яфиса, понесся на персиян. А аль-Кайладжан с аль-Кураджаном были у стремени царя Гариба, и он не переставал возвращаться с мечом, пока не добрался до знаменосца, и тогда он ударил его по голове плашмя, и знаменосец упал на землю, покрытый беспомощностью, и мариды забрали его в свой лагерь. И когда персы увидели, что знамя упало, они повернули, убегая и направляясь к воротам города, и мусульмане преследовали их с мечами, пока они не достигли ворот. И персы столпились в воротах, и умерло из них множество народу, и они не могли запереть ворота, и тогда Рустум, аль-Джамракан, Садан, Сахим, ад-Дамиг, аль-Кайладжан и аль-Кураджан и все богатыри-мусульмане и витязи-единобожники ринулись на еретиков-персиян в воротах, и потекла кровь нечестивых в переулках потоком. И тут персы закричали: — пощады! Пощады! — и мусульмане сняли с них мечи, и персы побросали оружие и доспехи, и их погнали, как гонят баранов, к шатрам. А Гариб вернулся в свою палатку, снял оружие и надел одежду величия, смыв сначала кровь нечестивых,

и затем сел на престол своего царства и потребовал дая персов. И его привели и поставили перед Гарибом, и тот сказал: — о пес персиян, что побудило тебя на то, что ты сделал со своей дочерью? Как это ты счел, что я не гождусь ей в мужья? — О царь, — ответил Сабур, — не взыщи с меня за то, что я сделал — я уже раскаялся. Я встретил тебя боем только из страха перед тобой. — И услышав эти слова, Гариб приказал разложить Сабура и побить его, и с ним делали то, что Гариб приказал, пока не прекратились его стоны, и тогда Сабура унесли к заключенным. А затем Гариб призвал персов и предложил им ислам, и стали мусульманами сто двадцать тысяч, а остальные погибли от меча. И принял ислам всякий, кто был в городе из персов, и Гариб сел на коня и въехал, в великодушном шествии, в Исбанир-аль-Мадаин, и он сел на престол Сабура, дая персов, и стал награждать и дарить и раздавать добычу и золото, и роздал его персиянам, и те полюбили Гариба и пожелали ему победы, величия и долгой жизни. А потом мать Фахр-Тадж вспомнила свою дочь и устроила оплакивание, и дворец наполнился воплями и криками, и Гариб услышал причитавших и вошел к ним и спросил: — в чем у вас дело? — и мать Фахр-Тадж выступила вперед и сказала: — о господин, когда ты прибыл, я вспомнила мою дочку и сказала: — если бы она была здорова, она бы порадовалась твоему прибытию. — И Гариб заплакал о царевне и сел на престол и сказал: — приведите мне Сабура! — и когда его привели, ковылявшего в оковах, Гариб сказал ему: — о пес персиян, что ты сделал с твоей дочерью? — Я отдал ее такому-

то и такому-то и сказал им:— утопите ее в реке Джейхун, — сказал Сабур, и Гариб позвал тех двух людей и спросил их:— то, что он говорит — правда?— Да, — ответили они, — но только, о царь, мы ее не утопили, а пожалели ее и отпустили на берегу Джейхуна и сказали ей:— ищи спасения твоей души и не возвращайся в город: он убьет тебя и убьет нас вместе с тобою. — Вот то, что известно нам... и Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ШЕСТИСОТ СЕМИДЕСЯТИ,

она сказала:— дошло до меня, о счастливый царь, что те два человека рассказали царю Гарибу историю Фахр-Тадж и сказали:— мы оставили ее на берегу реки Джейхун, — и Гариб, услышав это, призвал звездочетов, и когда те явились, сказал им:— погадайте на доске песком и посмотрите, каково положение Фахр-Тадж: в оковах ли она жизни или она умерла. — И звездочеты погадали на доске с песком и сказали:— о царь времени, нам явилось, что царевна в оковах жизни и принесла дитя мужского пола, и оба они у одного из племен джиннов, но она будет вдали от тебя двадцать лет. Сосчитай же, сколько времени ты в путешестве. — И Гариб высчитал время своего отсутствия, и оказалось, что прошло восемь лет, и тогда Гариб воскликнул:— нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! — И он отправил послов в крепости и укрепления, которые были подвластны Сабуру, и жители их пришли, покорные. И когда

Гариб сидел у себя во дворце, он вдруг увидел, что поднялась пыль, которая застлала края неба, так что со всех сторон потемнело, и он кликнул аль-Кайладжана с аль-Кураджаном и сказал:— принесите мне сведение об этой пыли!— и оба марида отправились и вошли под пыль и, схватив одного из всадников, привели его к Гарибу и поставили перед ним.— Спроси этого, он из их войска,— сказали они, и Гариб спросил его:— чье это войско?— О царь,— ответил пленник,— это царь Хирад-Шах, владыка Шираза, пришел с тобой сразиться.— А причиную этого было то, что когда произошла стычка между Сабуром, царем персов, и Гарибом и случилось то, что случилось, сын царя Сабура убежал с горсточкой людей своего отца и шел, пока не достиг города Шираза. И он вошел к царю Хирад-Шаху и поцеловал землю (а слезы стекали по его щекам), и Хирад-Шах сказал ему:— подними голову, мальчик, и скажи мне, о чем ты плачешь.— О царь,— ответил юноша,— явился к нам царь из арабов, по имени Гариб, захватил царство моего отца, перебил персов и заставил их выпить чашу гибели.— И он рассказал Хирад-Шаху, что случилось из-за Гариба, с начала до конца, и когда Хирад-Шах услышал слова сына Сабура, он спросил:— а моя жена здорова?— Ее взял Гариб,— ответил царевич, и Хирад-Шах воскликнул:— клянусь моей головой, я не оставлю на лице земли ни бедуина, ни мусульманина!— И затем он написал письма и разослал их своим заместникам, и те пришли, и Хирад-Шах сосчитал воинов, и оказалось, что их восемьдесят пять тысяч. И потом он отпер склады и роздал людям кольчуги,

оружие и доспехи, и шел с ними, пока они не достигли Исбанир-аль-Мадаина, и тогда они все расположились напротив городских ворот.— И аль-Кайладжан с аль-Кураджаном подошли и поцеловали Гарибу колено и сказали:— о владыка, замечи наши сердца и сделай это войско нашей долей.— Вот они перед вами!— сказал Гариб, и тогда марида полетели и опустились возле шатра Хирад-Шаха и увидели, что он на престоле своей власти, и сын Сабура сидит от него справа, а предводители стоят вокруг него в два ряда и советуются, как перебить мусульман. И аль-Кайладжан подошел и схватил сына Сабура, а аль-Кураджан схватил Хирад-Шаха, и они полетели с ними к Гарибу, и тот велел бить их, пока они не исчезнут из бытия. А затем марида вернулись и, вытащив мечи, которых никто не может поднять, опустились среди неверных, и Аллах успел отправить их души в огонь (о, как скверно это обиталище!), и неверные замечали только два сверкающих меча, которые косили людей, как косят злаки, и никого не видели. И они вышли из палаток и поехали на неоседланных конях, и марида преследовали их два дня и погубили из них множество народа, а потом марида вернулись и поцеловали Гарибу руку, и Гариб поблагодарил их за то, что они сделали, и сказал им:— добыча, взятая у неверных, достанется вам одним, и никто не разделит ее с вами.— И марида пожелали Гарибу благополучия и ушли, и они собрали свои деньги и спокойно зажили у себя на родине.

Вот что было с Гарибом и его людьми... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Гариб обратил в бегство воинов Хирад-Шаха, он велел аль-Кайладжану с аль-Кураджаном взять их имущество, как добычу, которую никто с ними не разделит, и они собрали их деньги и зажили у себя на родине. Что же касается нечестивых, то они бежали не переставая, пока не достигли Шираза, и тогда они стали оплакивать тех из них, кто был убит.

А у царя Хирад-Шаха был брат, по имени Сайран-волшебник, лучше которого никто не умел колдовать в его время, и он жил в отдалении от своего брата, в одной из крепостей, где было много деревьев, рек, птиц и цветов, и между ними и городом Ширазом было полдня пути. И бежавшие воины отправились в эту крепость и вошли к Сайрану-волшебнику, плача и крича, и он спросил их: — о чем вы плачете, о люди? — и его осведомили, в чем дело, и рассказали ему, как мариды похитили его брата, Хирад-Шаха и сына Сабура. И когда услышал Сайран эти слова, свет сделался перед лицом его мраком, и он воскликнул: — клянусь моею верой, я убью Гариба и его людей и не оставлю из них ни единого человека и никого, чтобы доставлять вести! — И затем стал произносить какие-то слова и звать Красного царя, и когда тот явился, сказал ему: — пойдя в Ибанир-аль-Мадаин и налетя на Гариба, когда он будет сидеть на своем престоле! — И Красный царь отвечал: — слушаю и повинуюсь — и

затем он шел, пока не пробрался к дарю Гарибу, и когда Гариб увидал его, он вытащил свой губящий меч и набросился на него вместе с аль-Кайладжаном и аль-Кураджаном, и они направились к войску Красного даря и убили пятьсот тридцать человек и ранили Красного даря глубокой раной. И Красный дарь повернулся, убегая, и его люди тоже повернулись, израненные, и они шли до тех пор, пока не достигли Крепости Плодов и не вошли к Сайрану-волшебнику, крича о горе и несчастьи. — О мудрец, сказали они ему, — у Гариба заколдованный меч Яфиса, сына Нуха, и всякий, кого он им поражает, разбит, и с ним два марида с горы Каф, которых дал ему царь Муриш. Это он убил Баракана, когда тот вступил на гору Каф, и он убил Синего даря и погубил множество джиннов. — И когда волшебник услышал слова Красного даря, он сказал ему: — уходи! — и Красный дарь ушел своей дорогой, а потом волшебник стал колдовать и, призвав марида по имени Заази, дал ему с драхму летучего банджа и сказал: — иди в Исбанир-аль-Мадаин, отправляйся во дворец Гариба и прими образ воробья. Выследи, когда Гариб заснет и подле него никого не будет, возьми бандж, положи его Гарибу в нос и принеси его ко мне. — И марида сказал: — слушаю и повинуюсь! — и шел, пока не достиг Исбанир-аль-Мадаина, и тогда он отправился во дворец Гариба, приняв образ воробья, и сел на одно из окон дворца. Он подождал, пока пришла ночь и вельможи ушли в свои опочивальни, и когда Гариб заснул, марида спустился и, вынув толченый бандж, всыпал его Гарибу в нос. И дыхание

Гариба потухло, и марида завернул его в одеяло и поднял его и понесся с ним, точно порывистый ветер, и не пришла еще полночь, как он уже был в Крепости Плодов. И он внес его к Сайрану-волшебнику, и Сайран поблагодарил его за то, что он сделал, и хотел убить Гариба, пока тот одурманен банджем, но один из людей Сайрана удержал его от его убийства и сказал ему: — о мудрец, если ты убьешь его, джинны разрушат наши страны, так как царь Муриш, его друг, нападет на нас со всеми своими ифритами. — А что мы с ним сделаем? — спросил Сайран, и тот человек сказал: — брось его в Джейхун, одурманенного банджем, и Муриш не узнает, кто его бросил, и он потонет, и никто не будет о нем знать.

И Сайран приказал марида отнести Гариба и бросить его в Джейхун... и Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что марида понес Гариба и пришел с ним к Джейхуну и хотел бросить его в реку, но это было ему не легко. И он сделал деревянный плот, связал его веревками и толкнул плот с Гарибом в поток, и течение захватило плот, и он исчез.

От что было с Гарибом. Что же касается его людей, то они отправились утром ему прислуживать, но не нашли его, и увидели его четки на его ложе. И они стали ждать, пока он выйдет, но он не вышел, и тогда они потребовали привратника и сказали ему: — пойди в харим и посмотри, где царь — у него не в обычае пропадать до этого времени. — И привратник пошел и спросил тех, кто был в хариме, и ему сказали: — со вчерашнего дня мы его не видели, — и тогда привратник вернулся к ожидавшим и рассказал им об этом. И они растерялись и стали говорить друг другу: — посмотрим, может быть, он пошел прогуляться в садах. — И они спросили садовников: — проходил мимо вас царь? — и те отвечали: — мы его не видели, — и тогда приближенные Гариба огорчились и обыскали все сады и вернулись в конце дня,

плачущие. И аль-Кайладжан с аль-Кураджаном оба стали кружить над городом, разыскивая Гариба, но не узнали о нем вестей, и вернулись через три дня. И люди надели черное и стали жаловаться господу рабов, который делает, что хочет, и вот то, что было с ними.

Что же касается Гариба, то он лежал на плоту, брошенный, и плот бежал с ним по течению пять дней, а затем поток выбросил его в соленое море, и волны начали им играть, и внутренности Гариба встряхнуло, и бандж вышел из него. И Гариб открыл глаза и увидел, что он посреди моря и волны играют им, и воскликнул: — нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого. Посмотри-ка! Кто это сделал со мной такое дело! — И когда он не знал, что ему делать, вдруг появился плывущий корабль, и Гариб помахал путникам рукавом, и те подплыли и взяли его и спросили: — кто ты будешь и из какой ты страны? — Накормите и напоите меня, чтобы ко мне вернулась душа, и я скажу вам, кто я, — ответил Гариб, и ему принесли воды и пищи, и он поел и попил, и Аллах вернул ему разум. — О люди, какой вы породы и какая у вас вера? — спросил он потом, и путники ответили: — мы из Курджей и поклоняемся идолу, которого зовут Минкаш. — Пропадите вы и тот, кому вы поклоняетесь, о собаки! Не должно поклоняться никому, кроме Аллаха, который сотворил всякую вещь и говорит вещи: — будь! — и она возникает! — воскликнул Гариб, и тут путники напали на него с силой и бешенством и хотели его схватить, а он был без оружия, но всякого, кто его ударял, он сваливал и

лишал жизни. И он повалил сорок человек, и тогда путники напали на него во множестве и крепко связали его и сказали: — мы убьем его только на нашей земле и покажем его царю. — И они ехали, пока не прибыли к городу Курджей... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что люди, ехавшие на корабле, схватили Гариба и связали его, говоря: — мы убьем его только в нашей земле. — И потом они ехали, пока не достигли города Курджей. А тот, кто его построил, был жестокий амалекитянин, и он поставил у каждых ворот города по человеку из меди, сделанному с мудростью, и когда входил в город какой-нибудь чужеземец, этот человек трубил в трубу, и всякий, кто был в городе, слышал это, и вошедшего схватывали и убивали, если он не вступал в их веру. И когда Гариб вступил в город, человек зарежал великим криком и так заревел, что испугал сердце царя, и тот встал и вошел к своему идолу и увидел, что из его рта, носа и глаз выходит огонь и дым. А в брюхо идола вошел шайтан, который говорил его языком, и сказал: — о царь, к тебе попал один человек, по имени Гариб, и он — царь Ирака. Он приказывает людям оставить их веру и поклоняться господе, и когда его к тебе приведут, не щади его. — И царь вышел и сел на престол, и вдруг привели Гариба, поставили его перед царем и сказали: — о царь, мы увидели,

что этот юноша не верит в наших богов, и мы нашли его утопавшим. — И они рассказали царю историю Гариба, и царь сказал: — подите с ним в дом большого идола и зарежьте его перед ним; может быть, он будет нами доволен. — О царь, — сказал ему везирь, — зарезать его не хорошо: он умрет в одну минуту. — Мы заключим его в тюрьму, наберем дров и зажжем в них огонь, — сказал царь, — и собрали дрова, и жгли в них огонь до утра, и царь вышел вместе с жителями города и велел привести Гариба, и за ним пошли, чтобы его привести, но не нашли его. И посланные вернулись и осведомили царя о его бегстве, и царь спросил: — а как же он убежал? — и ему сказали: — мы увидели, что цепи и оковы сброшены, а двери заперты. И царь удивился и воскликнул: — на небо, что ли, он улетел или под замлю провалился? — и ему ответили: — не знаем! — Я пойду к моему богу и спрошу его про этого человека, он расскажет мне, куда он ушел, — сказал царь. И он встал и отправился к идолу, чтобы пасть перед ним ниц, но не нашел его, и тогда он начал тереть себе глаза, говоря: — ты спишь или бодрствуешь? — И он обратился к своему везирию и спросил: — О везирь, где мой бог и где пленник? Клянусь моей верой, о пес среди везирей, если бы ты мне не посоветовал его сжечь, я бы его зарезал. Это он украл моего бога и убежал, и я обязательно отомщу! — И затем он вытащил меч и, ударив везирия, отрубил ему голову.

А исчезновению Гариба с идолом была диковинная причина; вот она. Когда царь заточил Гариба в комнате, он сидел рядом с беседкой,

в которой был идол. И Гариб стал поминать Аллаха великого и просить у Аллаха, великого, славного, помощи, и его услышал марида, представленный к идолу, говорившему его языком, и его сердце смирилось, и он воскликнул: — о, позор мне перед тем, кто меня видит, а я его не вижу! — И он подошел к Гарибу и припал к его ногам и спросил его: — о господин мой, что мне сказать, чтобы стать одним из твоих приверженцев и вступить в твою веру? — Скажи: — нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим — друг Аллаха, — сказал Гариб, и марида произнес исповедание и был зачислен в число обладателей счастья. А имя этого марида было Зальзаль-ибн-аль-Музальзиль, и его отец был одним из великих царей джиннов. И марида освободил Гариба от оков и понес его с идолом, направляясь к верхнему воздуху... и Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ,

она сказала, — дошло до меня, о счастливый дарь, что когда марида понес Гариба и понес идола, он направился к верхнему воздуху, и вот то, что с ним было. Что же касается даря, то он вошел, чтобы спросить идола про Гариба, и не нашел его, и случилось то, что случилось из дела везира и убийства его. И когда воины даря увидели, что произошло, они отвергли поклонение идолу и вытащили мечи и убили своего даря, и напали друг на друга, и меч ходил между ними три дня, пока они не уничтожили один

другого и не осталось из них только два человека. И один из них осилил другого и убил его, и подскочили к этому человеку дети и убили его, и они до тех пор колотили друг друга, пока не погибли до последнего. И женщины и девушки бросились бежать и направились в селения и крепости, и сделался город пустым, и жили там одни совы.

Вот что случилось с жителями города. Что же касается Гариба, то Зальзаль-ибн-аль-Музальзиль поднял его и направился с ним в свою страну, то есть на Камфарные острова, к хрустальному дворцу и заколдованному тельцу. А у царя аль-Музальзиля был пестрый теленок, которого он одевал в украшения и платья, затканые червонным золотом, и он сделал его богом, и однажды аль-Музальзиль со своими людьми вошел к теленку и увидел его испуганным. — О богомой, что тебя испугало? — спросил он, и шайтан, бывший в брюхе теленка, закричал и сказал: — о Музальзиль, твой сын склонился к вере друга Аллаха — Ибрахима, при помощи Гариба, властителя Ирака. — И затем он рассказал ему о том, что случилось, с начала до конца, и когда царь услышал слова теленка, он вышел, недоумеая, и сел на престол своего царства и потребовал к себе вельмож правления, и они явились. И царь рассказал им, что он услышал от идола, и они удивились этому и спросили: — что же нам делать, о царь? — И царь сказал: — когда мой сын явится и вы увидите, что я его обнимаю, хватайте его. — И вельможи отвечали: — слушаем и повинемся! — А потом, через два дня, Зальзаль вошел к своему отцу, и с ним

был Гариб и идол царя Курджей, и когда он уходил в дворцовые ворота, на него с Гарибом бросились и схватили их и поставили перед царем аль-Музальзимем. И царь посмотрел на своего сына взором гнева и сказал ему: — о пес из джиннов, разве ты покинул твою веру и веру твоих отцов и дедов? — Я вошел в истинную веру, а ты — горе тебе! — прими ислам, ты спасешься от гнева всевластного владыки, творца ночи и дня, — ответил Зальзаль. И царь разгневался на своего сына и воскликнул: — о дитя прелюбодеяния, ты говоришь мне в лицо такие слова! — И он велел его заточить, и его заточили, а потом царь обратился к Гарибу и сказал ему: — о обломок людей, как ты сыграл с разумом моего сына и вывел его из его веры? — Я вывел его из заблуждения к верному пути и из огня в рай и из печестия к вере, — ответил Гариб, и царь закричал на марида по имени Сайяр и сказал ему: — возьми этого пса и положи его в Долину Огня, чтобы он погиб. — А это была такая долина, что из-за крайней ее жары и пылания ее углей всякий, кто спускался в нее, погибал и не жил ни минуты, и окружала эту долину гора, высокая и гладкая, в которой не было прохода. И проклятый Сайяр подошел и, подняв Гариба, полетел с ним и направился к пустынной четверти мира. И когда между ним и той долиной остался один час пути, ифрит устал нести Гариба и опустил его в долину, где были деревья, реки и плоды. И марида опустил, утомленный, и Гариб сошел с его спины (а он был спутан), и ифрит заснул от усталости и стал храпеть, и Гариб до тех пор трудился

над узами, пока не освободился от них. И он взял тяжелый камень и бросил его ифриту на голову, и камень искрошил ему кости, и он тотчас же погиб. И Гариб пошел по этой долине... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Гариб убил марида, он пошел по этой долине и увидел, что она находится на острове, посреди моря, и что этот остров — широкий, и есть на нем все плоды, каких желают уста и язык. И стал Гариб есть плоды в этой долине и пить из ее каналов, и прошли в ней над ним лета и годы, и он хватал рыбу и ел. И провел он таким образом в одиночестве и уединении семь лет, и когда, однажды, он сидел, вдруг спустились к нему по воздуху два марида, с каждым из которых был человек. И они увидели Гариба и сказали ему: — эй, ты, кто ты будешь и из какого ты племени? — А у Гариба отросли длинные волосы, и марида сочли, что он из джиннов, и спросили его, что с ним, и Гариб сказал: — я не из джиннов. — И он рассказал им, что с ним случилось, от начала до конца, и марида опечалились о нем, и один из ифритов сказал: — оставайся на месте, пока мы доставим этих баранов нашему царю — одним из них он пообедает, а другим поужинает — а потом мы вернемся к тебе и доставим тебя в твою страну. — И Гариб поблагодарил их и спросил: — где бараны, которые с вами? — и марида ответили: — вот, эти два че-

ловека, — и тогда Гариб воскликнул: — прибегаю к защите бога Ибрахима, друга Аллаха, господя всякой вещи, который во всякой вещи властен! — И затем ифриты улетели, а Гариб сидел и дожидался марида, и через два дня марида принес ему одежду и прикрыл его и понес, и летел с ним к верхнему воздуху, пока мир не скрылся от него. И Гариб слышал славословие ангелов в воздухе, и в марида попала от них огненная стрела, и он стал убегать и направился к земле, и когда между ним и землею оставалось расстояние полета копья, стрела приблизилась к нему и настигла его. И Гариб поднялся и слез с плеча ифрита, которого настигла стрела, и он превратился в пепел. А опустился Гариб прямо в море и погрузился на глубину двух ростов человека и, поднявшись, плыл весь этот день и ночь, и второй день, пока его душа не ослабела и он не убедился, что умрет. И не пришел еще третий день, как он отчаялся, что будет жив, но тут появилась перед ним высокая гора, и Гариб направился к ней и поднялся на нее. И он стал ходить по этой горе и питался растениями с земли, и отдохнул день и ночь, а затем сошел с горы и спустился позади нее. И он прошел два дня и достиг города, где были деревья, реки, стены и башни, и когда он достиг городских ворот, к нему подошли привратники и схватили его и привели к их царице.

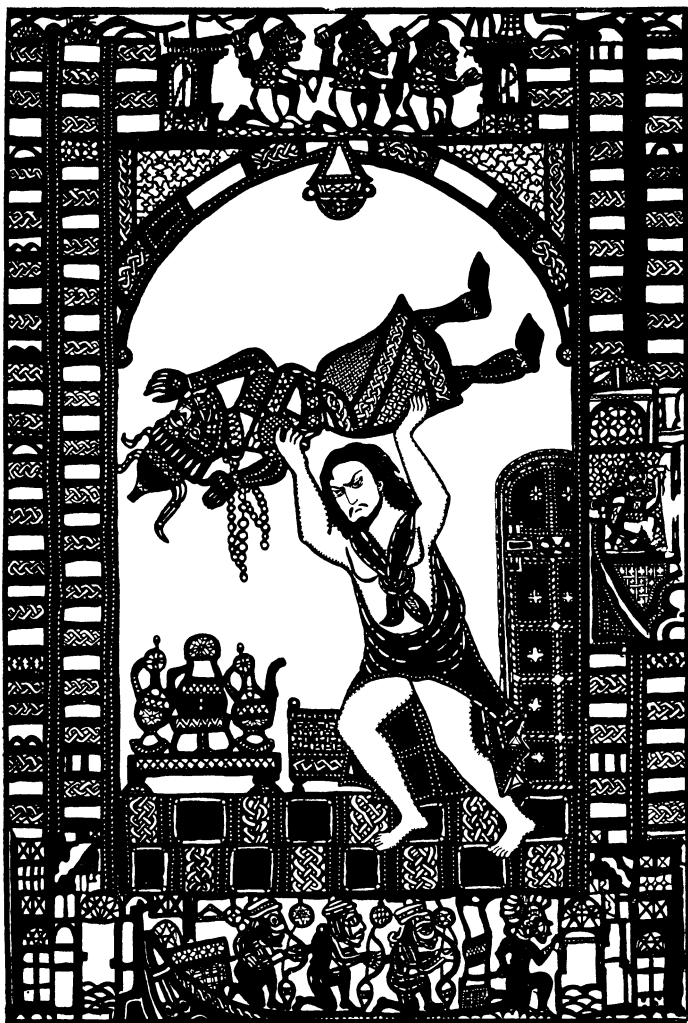
ЦАРИЦУ звали Джаншах, и было ей пятьсот лет жизни, и всякого, кто входил в ее город, показывали ей, и она брала его и ложилась с ним, а когда он кончал свое дело, она его убивала, и она уже убила много людей. И когда ей привели Гариба, он ей понравился, и она спросила его: — как твое имя, какова твоя вера и из какой ты страны? — и Гариб ответил ей: — мое имя — Гариб, царь Ирака, а вера моя — ислам. — Выступи из твоей веры и вступи в мою веру, и я выйду за тебя и сделаю тебя царем, — сказала царица, и Гариб посмотрел на нее глазом гнева и воскликнул: — пропади ты с твоей верой! — и тогда царица закричала на него и сказала: — ты ругаешь моего идола, а он из красного сердолика и украшен жемчугом и драгоценностями! — И потом она сказала: — эй, люди, заключите его в беседку

идола, может быть, он умягчит его сердце! — и Гариба заключили в беседку идола и заперли его за дверями. . . и Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Гариба заключили в беседку идола и заперли его за дверями и тюремщики ушли своей дорогой, Гариб посмотрел на идола и увидел, что он из красного сердолика, а на шее у него ожерелья из жемчуга и драгоценных камней. И Гариб подошел к идолу и, подняв его, ударил им об землю, и идол превратился в грудку обломков, а Гариб заснул, и спал, пока не взошел день. И когда наступило утро, царица села на свой престол и сказала: — эй, люди, приведите ко мне пленника! — и люди пошли к Гарибу и отперли беседку, и войдя, увидели, что идол разбит. И они стали так бить себя по лицу, что из уголков их глаз пошла кровь, а потом они подошли к Гарибу, чтобы схватить его, и Гариб ударил кулаком одного, и тот умер, и ударил другого, и убил его, и перебил двадцать пять человек, а остальные убежали. И они вошли к царице Джаншах, крича, и та спросила: — в чем дело? — и они сказали: — пленник разбил твоего идола и убил твоих людей. — И они рассказали ей о том, что было, и царица ударила своим венцом об землю и воскликнула: — нет больше идолам цены! — а потом она села на коня с тысячей богатырей и направилась к дому идола. И она увидела, что Гариб вышел из бе-

седки и взял меч и стал убивать богатырей и повергать мужей, и когда Джаншах увидела Гариба и его храбрость, она утонула в любви к нему и воскликнула: — нет мне нужды в идоле, и я хочу только, чтобы этот чужеземец пролежал у меня на груди остаток моей жизни! — И потом она сказала своим людям: — отойдите от него и удалитесь! — и подошла и стала бормотать, и локоть Гариба сделался неподвижным, и руки его ослабели, и меч выпал у него из руки. И его схватили и связали, униженного, презренного и растерявшегося, и потом Джаншах вернулась и села на престол своего царства и приказала своим людям уйти. И она осталась с Гарибом одна в помещении и сказала ему: — о пес арабов, ты разбиваешь моего идола и убиваешь моих людей! — О проклятая, — ответил Гариб, — будь это бог, он бы наверное защитил себя. — Ляг со мной, и я отпущу тебе то, что ты сделал, — сказала царица, и Гариб воскликнул: — я не сделаю ничего такого! — Клянусь моей верой, я буду тебя пытаться жестокой пыткой! — сказала тогда царица, и затем она взяла воды и, поколдовав над пей, брызнула ею Гариба, и он превратился в обезьяну. И царица стала его кормить и поить, и заточила его в комнате, и приставила к нему человека, который ходил за ним два года. А потом, в какой-то день, она позвала Гариба и велела привести его к себе и спросила: — ты меня послушаешься? — и Гариб сказал ей головой: — да, — и царица обрадовалась и освободила его от чар. И она подала Гарибу еду, и Гариб поел с ней и стал с ней играть и целовать ее, и царица довери-

лась ему. И когда пришла ночь, она легла и сказала Гарибу: — вставай, делай свое дело, — и Гариб ответил: — хорошо, — и сев ей на грудь, схватил ее за шею и сломал ее, и он до тех пор не поднялся, пока из царицы не вышел дух. И он увидел открытую кладовую и вошел туда и нашел в ней отполированный меч и щит из китайского железа, и тогда он облекся в полное вооружение и подождал до утра, а утром вышел и стал у ворот дворца. И пришли эмиры и хотели войти, чтобы служить, и увидели Гариба, одетого в боевые доспехи, и Гариб сказал им: — о люди, оставьте поклонение идолам и поклонитесь царю всеведущему, творцу почи и дня, господу людей, оживителю костей, создателю всякой вещи, который во всякой вещи властен. — И когда нечестивые услышали эти слова, они ринулись на Гариба, но тот понесся на них, как сокрушающий лев, и стал кружиться среди них и убил из них множество народа... и Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Гариб понесся на неверных и убил из них множество народа. И пришла ночь, и неверные умножились против Гариба, и все они устремились к нему и хотели его захватить. И вдруг тысяча маринов бросилась на нечестивых с тысячей мечей, и главой их был Зальзаль-ибн-аль-Музальзиль, который был в первых рядах войска. И марины заработали среди нечестивых острыми мечами и напоили их из чаши

гибели, и поспешил Аллах великий отправить их души в огонь, и не осталось из людей Джаншах никого, кто бы доставил вести. И закричали ее помощники: — пощады, пощады! — и уверовали в судящего владыку, которого не отвлечет одно дело от другого, истребителя Хосроев, губителя великанов, господ жизни дальней и последней. А потом Зальзаль поздоровался с Гарибом и поздравил его со спасением, и Гариб спросил его: — кто тебя осведомил о моем положении? — О владыка, — ответил Зальзаль, — когда отец мой заточил меня и послал тебя в Долину Огня, я оставался в тюрьме два года, а потом он меня выпустил, и я провел после этого год, а затем вернулся к тому, что было раньше, и убил моего отца, и войска мне подчинились, и вот уже год, как я над ними властвую. И как-то я заснул (а ты был у меня в мыслях), и увидел во сне, что ты сражаешься с людьми Джаншах, и тогда я взял эту тысячу маридов и пришел к тебе. — И Гариб удивился такому совпадению и взял деньги Джаншах и деньги ее людей и поставил над городом правителя, и мариды понесли деньги и Гариба, и они все провели ночь не иначе, как в городе Зальзалья. И Гариб пробыл в гостях у Зальзалья шесть месяцев, а потом он захотел уехать, и тогда Зальзаль принес подарки и послал три тысячи маридов, которые принесли деньги из города Курджей, и он положил их на деньги Джаншах. И затем Зальзаль велел маридам нести подарки и деньги, а сам Зальзаль понес Гариба, и они все направились к городу Исбанир-аль-Мадаин, и не пришла еще полночь, как они были уже

там. И Гариб посмотрел и увидел, что город осажден и окружен влачащимся войском, подобным переполненному морю, и тогда он спросил Зальзая: — о брат мой, какова причина этой осады и откуда это войско? — И потом Гариб спустился на крышу дворца и позвал: — эй, Каукаб-ас-Сабах, эй, Махдия! — и они встали от сна, ошеломленные, и спросили: — кто зовет нас в такое время? — Я, ваш владыка Гариб, творец дивного дела, — ответил Гариб, и когда обе женщины услышали слова своего владыки, они обрадовались, и рабыни с евнухами тоже. И Гариб спустился, и женщины бросились к нему и заголосили, так что во дворце загудело, и пришли предводители из своих опочивален и спросили: — в чем дело? — и войдя во дворец, сказали евнухам: — родила, что ли, одна из невольниц? — И евнухи ответили: — нет, но радуйтесь: к вам прибыл царь Гариб. — И эмиры обрадовались, а Гариб поздоровался с женщинами и вышел к своим товарищам, и те бросились к нему и стали целовать ему руки и ноги, воздавая хвалу Аллаху великому и прославляя его. И Гариб сел на престол и призвал своих товарищей, и они явились и сели вокруг него, и Гариб спросил их про воинов, которые осадили их, и приближенные сказали: — о царь, вот уже три дня с тех пор, как они нас осаждают, и с ними джинны и люди, и мы не знаем, чего они от нас хотят, и не было у нас с ними ни боя, ни разговора. — Завтра мы пошлем к ним письмо и посмотрим, чего они хотят, — молвил Гариб, и его приближенные сказали: — а имя их царя — Мурад-Шах, и подвластны ему

сто тысяч всадников и три тысячи пеших, и двести из племен джинпов.

А приходу этого войска была великая причина... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что прибытию этого войска и пребыванию его под городом Исбаниром была великая причина; вот она. Когда царь Сабур отослал свою дочь с двумя людьми и сказал им: — утопите ее в Джейхуне, — они вышли с нею и сказали ей: — уходи своей дорогой и не показывайся твоему отцу: он убьет нас и убьет тебя, — и Фахр-Тадж пошла, недоумевая и не зная, куда направиться, и говорила: — где твои глаза, о Гариб, чтобы посмотреть, в каком я положении и что со мной! — И она ходила из одной земли в другую и из долины в долину, пока не пришла в долину, где было много деревьев и каналов, а посередине ее была крепость, высоко построенная, с колоннами, уходящими ввысь, и подобная райскому саду, и Фахр-Тадж направилась к этой крепости и вошла в нее и увидела, что она устлана шелковыми коврами и что там много золотых и серебряных сосудов. И она нашла там сто рабынь из прекрасных невольниц, и когда эти невольницы увидели Фахр-Тадж, они поднялись перед нею и приветствовали ее, считая, что она из девушек джинпов. И они спросили ее о ее положении, и Фахр-Тадж сказала им: — я — дочь царя персов, — и

рассказала о том, что с ней случилось; и когда невольницы услышали ее слова, они опечалились о ней и стали успокаивать ее сердце и сказали ей: — успокой свою душу и прохлади глаза: тебе будет что поесть и попить и во что одеться, и мы все у тебя в услужении. — И Фахр-Тадж пожелала им блага, а потом невольницы подали ей еду, и она ела, пока не насытилась. И Фахр-Тадж спросила невольниц: — а кто хозяин этого дворца и ваш повелитель? — и невольницы сказали ей: — наш господин — царь Сальсаль ибн-Даль, и он приходит каждый месяц на одну ночь, а утром уходит управлять племенами джиннов. — И Фахр-Тадж провела у них пять дней и родила дитя мужского пола, подобное месяцу, и ему обрезали пуповину и насурьмили глаз, и назвали его Мурад-Шахом. И он стал расти на коленях своей матери, и через малое время прибыл царь Сальсаль, который ехал на слоне, белом как бумага, величиной с высокую башню, и его окружали отряды джиннов. И царь вошел во дворец, и его встретили сто его невольниц и поцеловали землю, и Фахр-Тадж была с ними. И царь посмотрел на нее и спросил невольниц: — кто такая эта девушка? — и ему ответили: — дочь Сабура, царя персов, турок и дейлемитов. — Кто привел ее в это место? — спросил царь, и невольницы рассказали ему, что с ней случилось, и царь опечалился и сказал: — не печалься и потерпи, пока твой сын вырастет и станет большим, а потом я пойду в страну персов и срублю твоему отцу голову с плеч и посажу твоего сына на престол персов, турок и дейлемитов. — И Фахр-Тадж поднялась и поце-

ловала царю руки и пожелала ему блага, и она жила и воспитывала своего сына вместе с детьми царя. И они стали ездить на конях и выезжали на охоту и ловлю, и сын Фахр-Тадж научился охотиться на зверей, и охотился на хищных львов, и ел их мясо, так что его сердце сделалось крепче камня. И когда ему исполнилось пятнадцать лет жизни, его душа выросла в его глазах, и он спросил у своей матери: — о матушка, а кто мой отец? — О дитя мое, — отвечала она, — твой отец — царь Гариб, царь Ирака, а я — дочь царя персов. — И затем она рассказала ему, что случилось, и услышав это, мальчик спросил ее: — а разве мой дед велел убить тебя и убить моего отца? — Да, — ответила Фахр-Тадж, и Мурад-Шах воскликнул: — клянусь тем, чем я обязан тебе за воспитание, я пойду в город твоего отца и отрежу ему голову и принесу ее тебе. — И Фахр-Тадж обрадовалась его словам... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Мурад-Шах, сын Фахр-Тадж выехал с двумя сотнями маршлов, с которыми он воспитывался, и стали они делать набеги и пересекать дороги, и ехали до тех пор, пока не приблизились к земле Ширазской, и тогда они напали на город, и Мурад-Шах ворвался во дворец царя и скинул ему голову, когда он сидел на престоле, и убил из войска его множество народа, а оставшиеся в живых закричали язы-

ком: — пощады, пощады! — и стали целовать колено Мурад-Шаха. И он пересчитал их, и их оказалось десять тысяч всадников, и они сели на коней, служа ему, а затем поехали в Балх и убили там даря и погубили его войско и подчинили его жителей. Потом они отправились в Нурейн, а Мурад-Шах был уже во главе тридцати тысяч войска, и правитель Нурейна вышел к ним добровольно и отдал им деньги и редкости, и выехал с тридцатью тысячами войска. И они поехали, направляясь к Самарканду персидскому, и взяли его, а потом направились в Ахлат и взяли его. И затем они поехали дальше, и к какому городу ни подходили, брали его, и оказался Мурад-Шах во главе большого войска, и деньги и редкости, которые он захватывал в городах, он раздавал воинам, и они полюбили его за его доблесть и щедрость. И он достиг Исбанир-аль-Мадаина и сказал: — подождите, пока я приведу остальное мое войско и захвачу моего деда и поставлю его перед моей матерью. Я исцелю ее сердце, отрубив ему голову. — И затем он послал людей, чтобы привести его мать, и потому не было боя три дня. И прибыл Гариб, и с ним Зальзаль во главе сорока тысяч маридов, которые несли деньги и подарки, и Гариб спросил про воинов, расположившихся здесь, и ему сказали: — мы не знаем, откуда они, и они три дня не сражаются с нами, и мы не сражаемся с ними. — И прибыла Фахр-Тадж, и ее сын Мурад-Шах обнял ее и сказал ей: — сиди в своей палатке, пока я не приведу к тебе твоего отца, — и Фахр-Тадж пожелала ему поддержки от господ мира — господ небес и гос-

пода земель. А когда наступило утро, Мурад-Шах сел на коня, и его двести маринов были от него справа, а цари людей — слева, и ударили в барабаны войны. И Гариб услышал это и сел на коня и выехал, и он призвал своих людей к бою, и джинны встали от него справа, а люди — слева. И выступил вперед Мурад-Шах, утопая в военных доспехах, и стал гонять своего коня направо и налево, а затем закричал: — о люди, пусть не выезжает ко мне никто, кроме вашего царя! Если он меня одолеет, то он будет повелителем обеих войск, а если я его одолею, то убью его, как всякого другого. — И когда Гариб услышал слова Мурад-Шаха, он воскликнул: — прочь, о пес арабов! — и они понеслись друг на друга и бились копьями, пока они не сломались, и дрались мечами, пока они не зазубрились, и они возвращались и убегали, приближались и удалялись, пока не наступил полдень. И упали под ними кони, и они сошли на землю и схватили друг друга, и тут Мурад-Шах бросился на Гариба и поднял его, держа на весу, и хотел ударить им об землю, но Гариб схватил его за уши и с силой потянул их, и Мурад-Шах почувствовал, что небо покрыло землю, и закричал во все горло и воскликнул: — я под твоей защитой, о витязь времени! — и Гариб связал его... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ШЕСТИСОТ ВОСЬМИДЕСЯТИ,

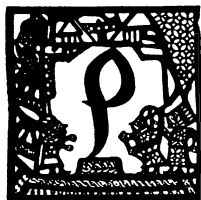
она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Гариб схватил Мурад-Шаха за уши и потянул их, Мурад-Шах закричал: — я под твоей защитой, о витязь времени! — и Гариб связал его, и мариды, сподвижники Мурад-Шаха хотели броситься и освободить его, но Гариб понесся с тысячей маридов, и они хотели схватить маридов Мурад-Шаха, но те закричали: — пощады, пощады! — и побросали оружие. И Гариб сел в своем шатре (а он был из зеленого шелка, вышитый червонным золотом и окаймленный жемчугом и драгоценными камнями) и призвал Мурад-Шаха, и его привели к нему, подсккивавшему в цепях и путах. И когда Мурад-Шах увидел Гариба, он опустил голову к земле от стыда, и Гариб спросил его: — о пее арабов, каковы твои свойства, что ты выезжаешь и соперничаешь с царями? — О владыка, не взыщи с меня, у меня есть оправдание, — сказал Мурад-Шах. — А каково лицо твоего оправдания? — спросил Гариб, и Мурад-Шах ответил: — о владыка, знай, что я вышел отомстить за моего отца и мать Сабуру, царю персов; он хотел их убить, но моя мать спаслась, и я не знаю, убит мой отец или нет. — И когда Гариб услышал его слова, он воскликнул: — клянусь Аллахом, ты оправдан! Но кто твой отец и твоя мать и как имя твоего отца и твоей матери? — Имя моего отца — Гариб, царь Ирака, а имя моей матери — Фахр-Тадж, дочь Сабура, царя пер-

сов, — ответил Мурад-Шах, и когда Гариб услышал его слова, он вскрикнул великим криком и упал без памяти. И на него побрызгали розовой водой, и он очнулся и спросил Мурад-Шаха: — ты — сын Гариба от Фахр-Тадж? — и когда Мурад-Шах ответил: — да, — он воскликнул: — ты — витязь, сын витязя! Снимите цепи с моего сына! И Сахим с аль-Кайладжаном подошли и освободили Мурад-Шаха, и Гариб прижал своего сына к груди и посадил его с собою рядом и спросил: — где твоя мать? — Она у меня, в моей палатке, — отвечал Мурад-Шах, и Гариб сказал ему: — приведи ее ко мне! — и Мурад-Шах сел на коня и поехал к своим палаткам, и его люди встретили его и обрадовались его спасению и стали спрашивать его о его положении, но он воскликнул: — не время теперь для вопросов! — И он вошел к своей матери и рассказал ей о том, что случилось, и она обрадовалась сильной радостью. И Мурад-Шах привел ее к своему отцу, и они обнялись и обрадовались друг другу, и Фахр-Тадж приняла ислам, и принял ислам Мурад-Шах, и они предложили ислам своим воинам, и те все предались Аллаху сердцем и языком, и Гариб обрадовался, что они стали мусульманами. И затем он призвал царя Сабура и стал ругать за их поступки царя и его сына, и предложил им ислам, а когда они отказались, распял их на воротах города. И город украсили, и жители его обрадовались и стали украшать город, и они надели на Мурад-Шаха венец Хосроев и сделали его царем персов, турок и дейлемитов. И царь Гариб послал своего дядю, царя ад-Дамига, правителем в Ирак, и подчинились

ему все земли и рабы. И Гариб жил у себя в царстве, справедливо поступая с подданными, и все люди полюбили его, и они жили приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава тому, чье величие и бытие постоянно и чьи милости велики над созданиями его. Вот то, что дошло до нас из рассказа о Гарибе и Аджибе.

АССКАЗЫВАЮТ также, что Абл-Аллах-ибн-Мамар-аль-Кайси говорил: — в каком-то году я совершал паломничество к священному дому Аллаха и, окончив хаджж, вернулся, чтобы посетить могилу пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!) — И вот, однажды ночью, когда я сидел в саду, между могилой и мимбаром, я вдруг услышал слабые стоны, издаваемые нежным голосом. И я прислушался и услышал, что голос говорит:

Опечален ты плачем голубя, что сидит в кустах, —
Взволновал в груди он твоей заботы и горести?

Или, может быть, огорчился ты, вспомнив девушку,
Что волненьям мысли к душе твоей показала путь?

О ночь моя, что длишься над хворающим —
На любовь и малость терпения он сетует —

Отняла ты сон от сожженного любви пламенем,
Что горит под ним, точно уголья горящие.

Вот луна свидетель, что страстью я охвачен к ней,
Увлечен любовью к луне подобной я ныне стал.

Я не думал прежде, что я влюблен, пока не был я
Поражен бедой, и сам не знал об этом я.

И затем голос прервался, и не знал я, откуда
донесся он ко мне. И я сидел недоумевая, и вдруг
тот человек снова начал стонать и произнес:

Иль взволнован ты Рейи призраком, что пришел к тебе,
Когда ночь темна, и чёрны ее локоны?

Любовь опять у зрачков твоих с бессоницей,
И душа твоя вновь взволнована видом призрака.

Я крикнул ночи, — а мрак, подобен морю был,
Где бьют друг друга волны полноводные:

— О ночь моя, продлилась над влюбленным ты,
Которому поможет только утра луч.

А ночь в ответ: — не жалуйся, что я длинна,
Ведь, поистине, нам любовь несет унижение.

— И я поднялся при начале стихов и пошел
в сторону голоса, — рассказывал ибн-Мамар, —
и говоривший еще не дошел до последнего стиха,
когда я уже был подле него. И я увидел юношу,
до крайности прекрасного, у которого еще не
вырос пушок, и слезы провели по его щекам
две борозды... и Шахразиду застигло утро, и она
прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь,
что Абд-Аллах-ибн-Мамар-аль-Кайси рассказы-
вал: — и я поднялся при начале стихов и направ-
вился в сторону голоса, и говоривший еще не
дошел до последнего стиха, когда я уже был подле

него. И я увидел юношу, у которого не вырос пушок, и слезы провели по его щекам две борозды, и сказал ему: — прекрасный ты юноша! — и он спросил: — а ты кто, о человек? — и я ответил: — Абд-Аллах-ибн-Мамар-аль-Кайси. — У тебя есть нужда? — спросил юноша, и я сказал ему: — я сидел в саду, и ничто не встревожило меня сегодня ночью, кроме твоего голоса. Я выкуплю тебя своей душой! Что ты испытываешь? — Сядь, — сказал юноша, и когда я сел, он сказал: — я — Утба-ибн-аль-Джаббан-ибн-аль-Мунизир-ибн-аль-Джамух аль-Ансари. Я пришел к Мечети Племен и стал совершать ракаты и падать ниц, и затем отошел в сторону, чтобы предаться благочестию, и вдруг подошли женщины, подобные лунам, и среди них была девушка, редкостно прекрасная, совершенная по красоте. И она остановилась подле меня и сказала: — О Утба, что ты скажешь о сближении с той, кто ищет сближения с тобою? — и затем она оставила меня и ушла, и я не слышал о ней вести и не попал на ее след. И вот я теперь в смущении и перехожу с места на место! — И он закричал и припал к земле, покрытый беспмятством, а когда он очнулся, то казалось, что парча его лица выкрашена варсом. И он произнес такие стихи:

Я вижу вас сердцем из далеких, далеких стран;
Увидеть бы — видите ль меня издали вы!

И сердце мое и глаза горюют о вас теперь,
Душа моя — возле вас, а память о вас — со мной.

Мне жизнь не сладка теперь, пока не увижу вас,
Хотя бы я был в раю и в райских садах навек.

— О Утба, о сын моего брата, вернись
к твоему господу и попроси у него прощенья.

ния твоих грехов. Ведь перед тобою ужасы предстояния, — сказал я ему, но он воскликнул: — далеко это! Я не утешусь, пока не вернутся собирающие мимозу. — И я оставался с ним, пока не взошла заря, а потом я сказал: — пойдём в мечеть, — и мы сидели там, пока не совершили полуденной молитвы, и вдруг женщины пришли, но той девушки среди них не было. — О Утба, — сказали они, — что ты думаешь об ищущей с тобою сближения? — и Утба спросил: — а что с ней? — и женщины сказали: — её отец забрал её и уехал с ней в ас-Самаву. — И я спросил женщин, как зовут девушку, и они сказали: — Рейя, дочь аль-Гитрифа ас-Сулейми, и тогда Утба поднял голову и произнес такие два стиха:

О други, умчалась Рейя утром, и знаю я:

В Самаву направился теперь караван её.

О други, без памяти теперь от рыданий я,

Найдется ли у других слеза, чтобы в долг мне дать?

— О Утба, — сказал я, — я пришел с большими деньгами и хочу прикрыть ими благородных мужей. Клянусь Аллахом, я израсходую их перед тобою, чтобы ты достиг удовлетворения и больше, чем удовлетворения. Пойдем в собрание Ансаров. — И мы пошли и подошли к совету Ансаров, и я приветствовал их, и они хорошо мне ответили, и тогда я сказал: — о собрание, что вы скажете об Утбе и его отце? — Он из начальников арабов, — ответили Ансары, — и я сказал: — знайте, что Утба поражен бедствием любви, и я хочу, чтобы вы мне помогли и отправились со мной в ас-Самаву. — И Ансары от-

вестили: — слушаем и повинуемся! — и мы с Утбой поехали, и эти люди ехали вместе с нами, пока мы не приблизились к стану племени Бену-Сулейм. И аль-Гитриф узнал, где мы находимся, и поспешно вышел нас встречать и сказал: — да будете вы живы, о благородные! — и мы отвечали ему: — и ты да будешь жив! Мы — твои гости! — Пусть сойдете вы в месте благороднейшем, просторном, — сказал аль-Гитриф, и потом он спешился и крикнул: — эй, рабы, сходите! — И рабы спешились и постлали ковры и циновки, и стали резать овец и баранов, но мы сказали: — мы не попробуем твоего кушанья, пока ты не исполнишь нашу нужду. — А какая у вас нужда? — спросил он, и мы сказали: — мы сватаемся за твою благородную дочку для Утбы-ибн-аль-Джаббана-ибн-аль-Муnzира, возвышенного в славе, прекрасного рода. — О братья, — ответил аль-Гитриф, — та, за кого вы сватаетесь, сама властна над собою, и я пойду и расскажу ей об этом. — И он поднялся, разгневанный, и вошел к Рейе, и девушка сказала ему: — о батюшка, отчего это я вижу на тебе явный гнев? — и аль-Гитриф молвил: — прибыли ко мне люди из Ансаров, которые сватают тебя у меня. — Это благородные люди (прошу прощения для них у пророка, — да благословит его Аллах наилучшим приветом!), — сказала Рейя. — А за кого сватовство? — За юношу, которого зовут Утба-ибн-аль-Джаббан, — ответил аль-Гитриф, и Рейя сказала: — я слышала про этого Утбу, что он исполняет то, что обещает, и достигает того, к чему стремится. — Клянусь, что я не выдам тебя за него замуж! — воскликнул аль-Гитриф. — Мне донесли кое о чем

из твоих с ним разговоров. — Этого не было, — сказала Рейя, — но я клянусь, что Ансарам не будет отказано дурным отказом. Откажи им хорошо. — А как? — спросил аль-Гитриф, и Рейя молвила: — увеличь приданое — они отступятся. — Как прекрасно то, что ты сказала! — воскликнул аль-Гитриф. И он поспешно вышел и сказал: — девушка стана согласна, но она хочет для себя приданого, подобного ей. Кто о нем позаботится? — И я сказал: — я! — говорил Абд-Аллах, и аль-Гитриф молвил: — я хочу для нее тысячу браслетов из червонного золота, пять тысяч дирхемов, битых в Халжаре, и тысячу одежд — плащей и полосатых платьев, и пять желудков амбры. — И я сказал: — будь по-твоему; согласен ли ты? — говорил Абд-Аллах, — и аль-Гитриф ответил: — согласен! — и тогда Абд-Аллах послал несколько человек Ансаров в Медину-Осиянную, и те привезли все, что он обязался дать. И зарезали овец и баранов, и люди собрались, чтобы есть кушанье, — и мы провели, — говорил Абд-Аллах, — в таком положении сорок дней. А потом аль-Гитриф сказал: — берите вашу девушку! — и мы повезли ее на носилках, и аль-Гитриф снабдил ее тридцатью верблюдами подарков. И затем он простился с нами и уехал, а мы шли до тех пор, пока между нами и Мединой-Осиянной не осталось одного перехода. И тут выехали против нас всадники, чтобы напасть на нас (думаю я, что они были из Бену-Сулейм), и Утба бросился на них и убил несколько человек, а потом он склонился набок, получив удар копьём, и упал на землю. И пришла к нам поддержка от обитателей этой местности, и они прогнали от нас тех всадников, а Утба

окончил свой срок. И мы закричали: — увы, Утба! — и девушка услышала это и бросилась с верблюда и припала к Утбе и стала горько плакать, и говорила такие стихи:

Стараюсь я стойкой быть, но стойкости нет во мне,
Я тешу лишь тем мой дух, что он за тобой пойдет.

И будь справедливым он, наверно бы к гибели
Он раньше тебя пришел, и всех обогнал бы он.

Никто, после нас с тобой, с друзьями не справедлив —
Не будет уже душа с душою в согласьи жить!

И она издала единый крик, и срок ее окончился. И мы вырыли им одну могилу и закопали их во прахе, и я вернулся в землю моих родичей и прожил семь лет, а затем я возвратился в Хиджаз и вступил в Медину-Осиянную для посещения и сказал себе: — клянусь Аллахом, я непременно вернусь к могиле Утбы! — И я пришел к ней и вдруг вижу: на ней высокое дерево с красными, желтыми и зелеными лентами. — Как называется это дерево? — спросил я хозяев стоянки, и они сказали: — дерево жениха с невестой. — И я пробыл на могиле Утбы один день и одну ночь и затем ушел, и было это последним, что я знал о нем, помилуй его Аллах великий!

АССКАЗЫВАЮТ также, что Хинд, дочь ан-Нумана, была прекраснейшей женщиной своего времени, и описали аль-Хадждажу ее красоту и прелесть, и он посватался за нее, не пожалев для нее больших денег, и женился на ней, обязавшись дать ей, кроме приданого, еще двести тысяч дирхемов. И он вошел к ней и оставался с ней долгое время, а затем, в какой-то день, он вошел к ней, когда она смотрела на свое лицо в зеркало и говорила:

Поистине, Хинд всегда была кобылицею
Арабской, породистой, и вот ее мул покрыл.

Кобылу когда родит — от господа дар ее,
А если родится мул, то мул и принес его.

И когда аль-Хадждаж услышал это, он ушел обратно и больше не входил к Хинд, а она не знала, что он ее слышал. И аль-Хадждаж по-

желал развестись с нею и послал к ней Абд-Аллаха-ибн-Тахира, чтобы тот ее с ним развел, и Абд-Аллах-ибн-Тахир вошел к Хинд и сказал: — говорит тебе аль-Хадждадж Абу-Мухаммед, что за ним осталось для тебя от приданого двести тысяч дирхемов. Вот они здесь со мной, и он уполномочил меня на развод. — Знай, о ибн-Тахир, — сказала Хинд, — что мы были вместе, и, клянусь Аллахом, я ни одного дня ему не радовалась, а если мы расстанемся, то, клянусь Аллахом, я никогда не буду горевать. А эти двести тысяч дирхемов — подарок тебе за мое освобождение от сакифской собаки.

А после этого дошла эта история до повелителя правоверных Абд-аль-Мелика-ибн-Мервана, и ему описали ее прелесть и красоту, и стройность ее стана, и нежность ее речей, и ее любовные взгляды, и он послал к ней, чтобы за нее посвататься... и Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных Абд-аль-Мелик-ибн-Мерван, когда дошла до него весть о красоте этой женщины и ее прелести, послал к ней, чтобы за нее посвататься, и она прислала ему письмо, в котором говорила, после хвалы Аллаху и молитвы за пророка его Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует): — а после — знай, о повелитель правоверных, что пес лакал в сосуде. — И когда повелитель правоверных прочи-

тал ее письмо, он посмеялся ее словам и написал ей слова пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!): — когда полакает пес в сосуде кого-нибудь из вас, пусть вымоет его одна из них песком семьжды, — и прибавил: — смой грязь с места употребления. — И когда Хинд увидела, что написал повелитель правоверных, ей нельзя было ему прекословить, и она написала ему, после хвалы Аллаху великому: — знай, о повелитель правоверных, что я соглашусь на брачный договор только с условием, а если ты спросишь: — какое это условие? — я скажу: — пусть аль-Хадждадж ведет мои носилки в тот город, где ты находишься, и пусть он будет босой и в той одежде, которую носит. — И когда Абд-аль-Мелик прочитал это письмо, он засмеялся сильным и громким смехом и послал к аль-Хадждаджу, приказывая ему это сделать, и аль-Хадждадж, прочитав послание повелителя правоверных, согласился, не прекословя, и исполнил его приказание. И потом аль-Хадждадж послал к Хинд, приказывая ей собираться, и она собралась и села на носилки, и аль-Хадждадж ехал со своей свитой, пока не подъехал к воротам Хинд. И когда Хинд поехала в носилках и поехали вокруг нее ее невольницы и евнухи, аль-Хадждадж спешился, босой, взял верблюда за узду и повел его. И он шел с Хинд, и та потешалась над ним и насмеялась и смеялась вместе со своей банщицей и невольницами, а потом она сказала своей банщице: — откинь занавеску носилок! — и банщица откинула занавеску, и Хинд оказалась лицом к лицу с аль-Хадждаджем. И она начала над ним смеяться, и аль-Хадждадж произнес такой стих:

И если смеешься ты, о Хинд, то ведь ночью я
Не раз оставлял тебя без сна и в рыданиях.

А Хинд отвечала ему таким лвустиишем:

Не думаем мы, когда мы душу спасли и жизнь,
О том, что утратили из благ и богатства мы.

Богатства нажить легко, и слава вернется вновь,
Когда исцелится муж от хвори и гибели.

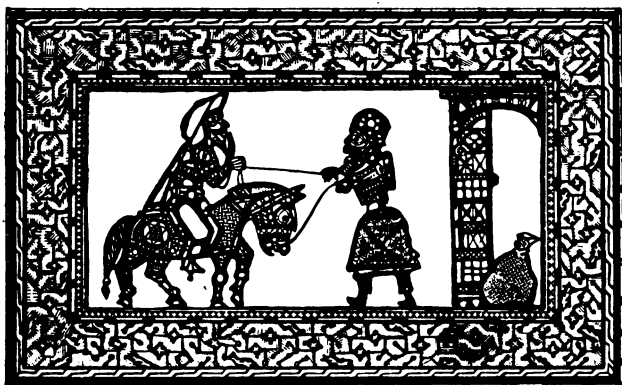
И она смеялась и играла, пока не приблизилась к городу халифа, а прибыв в этот город, она бросила из руки на землю динар и сказала аль-Хаджжаджу: — о верблюжатник, у нас упал дирхем; посмотри, где он, и подай его нам. — И аль-Хаджжадж посмотрел на землю и увидел только динар, и сказал Хинд: — это динар. — Нет, это дирхем, — сказала Хинд. — Нет, динар, — сказал аль-Хаджжадж, и Хинд воскликнула: — хвала Аллаху, который дал нам вместо павшего дирхема динар. Подай нам его! — И аль-Хаджжаджу стало стыдно. И потом он доставил Хинд во дворец повелителя правоверных Абд-аль-Мелика-ибн-Мервана, и она вошла к нему и была его любимицей... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ,

она сказала:

ОШЛО до меня, о счастливый царь, что был во дни повелителя правоверных Сулеймана-ибн-Абд-аль-Мелика один человек по имени Хузейма-ибн-Бишр из племени Бену-Асад. Он отличался явным благородством и имел обильные блага и был милостив и благодетелен к друзьям, и пребывал в таком положении, пока не обессилило его время и не стал он нуждаться в своих друзьях, которым он оказывал милости и помогал деньгами. И они помогали ему некоторое время, а потом это им наскучило, и когда Хузейме стала ясна их перемена к нему, он пошел к своей жене (а она была дочерью его дяди) и сказал ей: — о дочь моего дяди, я вижу в моих братьях перемену, и я решил не покидать дома, пока не придет ко мне смерть. — И он заперся за дверями и питался тем, что у него было, пока это не кончилось, и тогда Хузейма

впал в недоумение. А его знал Икрима-аль-Файдар-Рибби, правитель аль-Джезиры, и когда он однажды сидел в своей приемной зале, вдруг вспомнили Хузейму-ибн-Бишра, и Икрима-аль-Файяд спросил: — в каком он положении? — Он дошел до положения неопишемого, — ответили ему, — и запер ворота и не покидает дома. — И сказал Икрима-аль-Файяд: — это случилось с ним только из-за его великой щедрости! И как не находит Хузейма-ибн-Бишр помощника и приносящего поддержку! — Он не нашел ничего такого, — сказали присутствующие, и когда наступила почь, Икрима пошел и взял четыре тысячи динаров и положил их в один кошель, а потом он велел оседлать своего коня и вышел тайком от родных и поехал с одним из своих слуг, который вез деньги. И он ехал, пока не остановился у ворот Хузеймы, а потом он взял у своего слуги мешок и, приказав ему удалиться, подошел к воротам и сам толкнул их. И Хузейма вышел, и Икрима подал ему мешок и сказал: — исправь этим свое положение, — и Хузейма взял мешок и увидал, что он тяжелый, и, выпустив его из рук, схватился за узду коня и спросил Икриму: — кто ты, да будет моя душа за тебя выкупом? — Эй, ты, — сказал ему Икрима, — я не потому приехал к тебе в подобное время, что хочу, чтобы ты узнал меня. — Я не отпущу тебя, пока ты не дашь мне себя узнать, — сказал Хузейма, и Икрима сказал: — я — Джабир-Асрат-аль-Кирам. — Прибавь еще! — сказал Хузейма, и Икрима ответил: — нет! — и уехал. А Хузейма вошел к дочери своего дяди и сказал ей: — радуйся, принес Аллах близкую помощь и

благо. Если это дирхемы, то их много. Встань, зажги светильник. — Нет пути к светильнику, — сказала его жена, и Хузейма провел ночь, глядя мешок рукой, и чувствовал твердость динаров и не верил, что это динары.

Что же касается Икримы, то он вернулся домой и увидел, что его жена хватилась его и спрашивала о нем, и когда ей сказали, что он уехал, она заподозрила его и усомнилась в нем. — Правитель аль-Джезиры выезжает, когда прошла часть ночи, один, без слуг и тайно от родных только к другой жене или к наложнице, — сказала она Икриме, и тот ответил: — знает Аллах, что я не выезжал ни к одной из них. — Расскажи мне, зачем ты уезжал, — сказала жена Икримы, и Икрима молвил: — я выехал в такое время лишь для того, чтобы никто обо мне не знал. — Неизбежно, чтобы ты мне рассказал! — воскликнула жена Икримы, и тот спросил: — сохранишь ли ты это в тайне, если я расскажу тебе? — Да, — ответила его жена, и Икрима рассказал ей в точности всю историю и то, что с ним было, и спросил: хочешь ли ты, чтобы я еще тебе поклялся? — Нет, нет, — сказала его жена, — мое сердце успокоилось и доверилось тому, что ты говоришь.

Что же касается Хузеймы, то он утром помирился с работодателями и исправил свое положение, а затем он стал собираться, желая направиться к Сулейману-ибн-Абд-аль-Меллику (а тот находился в те дни в Палестине). И когда Хузейма остановился у дверей халифа и попросил позволения войти у его царедворцев, один из них вошел к Сулейману и рассказал, где

находится Хузейма — а он был знаменит своим благородством, и Сулейман знал о нем. И он позволил Хузейме войти, и тот, войдя, приветствовал его, как приветствуют халифов, и Сулейман-ибн-Абд-аль-Мелик сказал ему: — о Хузейма, что задержало тебя вдали от нас? — Плохое положение, — ответил Хузейма. — Что же помешало тебе отправиться к нам? — спросил халиф. — Слабость, о повелитель правоверных, — ответил Хузейма. — А на что же ты поднялся теперь? — спросил Сулейман, и Хузейма ответил: — знай, о повелитель правоверных, что я был у себя дома, когда уже прошла часть ночи, и вдруг постучал в ворота какой-то человек, и было у меня с ним такое-то и такое-то дело. И он рассказал халифу всю историю, сначала до конца, и Сулейман спросил: — а ты знаешь этого человека? — Я не знаю его, о повелитель правоверных, — ответил Хузейма, — и это потому, что он был переодет, и я услышал от него только слова: — я Джабир-Асарат-аль-Кирам. — И Сулейман-ибн-Абд-аль-Мелик запыхал и загорелся желанием узнать этого человека, и сказал: — если бы мы его знали, мы бы вознаградили его за его благородство! — И потом он привязал Хузейме-ибн-Бишру знамя и назначил его наместником аль-Джезиры вместо Икримы-аль-Файяда, и Хузейма выехал, направляясь в аль-Джезиру. И когда он приблизился к пей, Икрима вышел его встречать, и жители аль-Джезиры тоже вышли ему навстречу, и правители приветствовали друг друга и ехали вместе, пока не вступили в город. — И Хузейма остановился в Доме Эмирата и велел взять с Икримы обеспечение и потре-

бывал у него отчета. И с Икримой свели счет, и оказалось, что за ним большие деньги, и Хузейма потребовал, чтобы Икрима их отдал, и Икрима сказал: — нет мне ни к чему пути. — Отдать деньги неизбежно, — сказал Хузейма, но Икрима отвечал: — у меня их нет, делай то, что сделасшь, — и Хузейма приказал отвести его в тюрьму... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хузейма велел заточить Икриму-аль-Файяда и послал к нему, требуя с него то, что за ним осталось, Икрима послал ответить ему: — я не из тех, кто охраняет деньги ценой своей чести: делай, что хочешь. — И Хузейма велел заковать ему ноги в железо и посадить его в тюрьму, и он оставался там месяц или больше, так что это его изнурило, и заточение повредило ему. И весть о нем дошла до дочери его дяди, и она до крайности огорчилась и, позвав к себе одну из своих вольноотпущенниц, обладавшую обильным разумом и знаниями, сказала ей: — пойдн сейчас же к воротам эмира Хузеймы-ибн-Бишра и скажи ему: — у меня есть совет. — И если кто-нибудь спросит тебя о нем, скажи: — я скажу его только эмиру, — и когда ты войдешь к нему, попроси у него уединения. А оставшись с ним наедине, скажи ему: — что это за дело ты сделал? Ты вознаградил Джабира-Асарат-аль-Кирама, только воздав ему жестоким заточением и стеснением в оковах. —

И женщина сделала то, что ей было приказано, и когда Хузейма услышал ее слова, он воскликнул во весь голос: — горе мне! Это действительно он? — Да, — ответила женщина, и Хузейма велел тотчас же привести своего коня, и когда его оседлали, призвал всех вельмож города и, собрав их у себя, подъехал к воротам тюрьмы. И их отперли, и Хузейма, и те, кто был с ним, вошли в тюрьму и увидели, что Икрима сидит, и вид его изменился, и он изнурен побоями и болью. И когда Икрима увидел Хузейму, ему стало стыдно, и он опустил голову, а Хузейма подошел и припал к его голове, целуя ее, и тогда Икрима поднял голову и спросил: — что вызвало у тебя это? — и Хузейма ответил: — благородство твоих поступков и мое дурное возмещение. — Аллах да простит нам и тебе, — сказал Икрима, а Хузейма приказал тюремщику снять оковы с Икримы и наложить их ему самому на ноги. — Что это ты хочешь? — спросил Икрима, и Хузейма сказал: — я хочу, чтобы мне досталось то же, что досталось тебе. — Заклинаю тебя Аллахом, — воскликнул Икрима, — не делай этого! — И затем они вышли вместе и дошли до дома Хузеймы, и Икрима простился с ним и хотел уходить, но Хузейма удержал его от этого. — Чего ты хочешь? — спросил Икрима. — Я хочу изменить твой вид: стыд мой перед твоей женой сильнее моего стыда перед тобою, — сказал Хузейма. И он велел освободить баню, и когда ее освободили, Хузейма с Икримой вошли туда вместе, и Хузейма сам стал прислуживать Икриме. И затем они вышли, и Хузейма наградил Икриму роскошной одеждой

и посадил его на коня и велел нагрузить на него большие деньги. И он поехал вместе с ним к его дому и попросил позволения извиниться перед его женой, и извинился перед нею, а потом он попросил Икриму отправиться с ним к Сулейману-ибн-Абд-аль-Мелику, который находился в те дни в ар-Рамле. И Икрима согласился на это, и они поехали вместе и прибыли к Сулейману-ибн-Абд-аль-Мелику, и царедворец вошел к нему и осведомил его о прибытии Хузеймы-ибн-Бишра. И это испугало халифа, и он воскликнул: — разве правитель аль-Джезиры явится без нашего приказания! Это может быть только из-за великого случая. — И он позволил Хузейме войти, и когда тот вошел, халиф сказал ему, прежде чем его приветствовать: — что позади тебя, о Хузейма? — Благо, повелитель правоверных, — отвечал Хузейма. — Что же привело тебя? — спросил халиф, и Хузейма ответил: — я овладел Джабиром-Асарат-аль-Кирам, и мне захотелось порадовать тебя им, так как я видел, что ты горишь желанием его узнать и стремишься его увидеть. — Кто же это? — спросил халиф, и Хузейма ответил: — Икрима-аль-Файяд. — И Сулейман позволил ему приблизиться, и Икрима подошел к нему и приветствовал его как халифа, и Сулейман сказал ему: — добро пожаловать! — и приблизил его к своему трону и сказал: — о Икрима, твое благодеяние ему было для тебя лишь бедою. Напиши на бумажке о всех твоих нуждах и о том, в чем ты нуждаешься, — сказал потом Сулейман, и когда Икрима сделал это, халиф велел исполнить все тотчас же и приказал дать ему десять тысяч динаров,

сверх тех нужд, о которых он написал, и двадцать сундуков одежды вдобавок к тому, что было им написано. А потом он велел подать копьё и, привязав для Икримы знамя, назначил его пameстником аль-Джезиры, Армении и Азейр-бейджана. — Дело Хузеймы перешло к тебе, — сказал халиф Икриме, — если хочешь, ты оставишь его, а если хочешь — отстранишь. — Нет, я верну его на его место, о повелитель правоверных, — сказал Икрима, — и затем Икрима с Хузеймой ушли от халифа вместе, и они все время были пameстниками Сулеймана-ибн-Абдаль-Мелика в течение его халифата.

АССКАЗЫВАЮТ также, что был во времена халифата Хишам-ибн-Абд-аль-Мелика человек, по имени Юнус-писец, и был он хорошо известен. И он выехал в путешествие в Сирию, и была с ним невольница, до крайности прекрасная и красивая, и на ней было все, в чем она нуждалась, а цена за нее составляла сто тысяч дирхемов. И когда Юнус приблизился к Дамаску, караван сделал привал около пруда с водой, и Юнус спешился поблизости от него и, поев бывшей с ним пищи, вынул бурдючок с финиковым вином. И когда это было так, вдруг приблизился юноша, прекрасный лицом и полный достоинства, который ехал на рыжем коне, и с ним было два евнуха. И он приветствовал Юнуса и спросил его: — примешь ли ты гостя? — и когда Юнус отвечал: — да, — юноша спешился подле него и сказал: — напой нас твоим питьем! — И Юнус

напоил гостя, и тот сказал: — если бы ты захотел спеть нам песню! — и Юнус запел, говоря такой стих:

Она собрала красот так много, как не собрал
Никто, и любя ее, мне сладко не спать в ночи.

И гость пришел в великий восторг, и Юнус несколько раз поил его, пока он не склонился от опьянения, и тогда юноша сказал: — скажи твоей невольнице, чтобы она спела. — И невольница запела, говоря такой стих:

Вот гурия, и смутила сердце краса ее —
Не ветвь она гибкая, не солнце и не луна.

И гость пришел в великий восторг, и Юнус несколько раз поил его, и юноша оставался подле него, пока они не совершили вечерней молитвы, а затем он спросил: — что привело тебя к этому городу? — То, чем я заплачу мой долг и исправлю мое положение, — ответил Юнус. — Продашь ли ты мне эту невольницу за тридцать тысяч дирхемов? — спросил гость, и Юнус ответил: — как нуждаюсь я в милости Аллаха и в прибавке от него! — Удовлетворят ли тебя за нее сорок тысяч? — спросил гость. — Это покроет мой долг, и я останусь с пустыми руками, — ответил Юнус, и гость сказал: — мы берем ее за пятьдесят тысяч дирхемов, и тебе будет сверх того одежда и деньги на путевые расходы, и я стану делить с тобою мои обстоятельства, пока ты останешься здесь. — Я продал тебе девушку, — сказал Юнус, и его гость спросил: — поверишь ли ты мне, что я доставлю тебе деньги за нее завтра, и тогда я увезу ее с собой, или же она

будет у тебя, пока я не доставлю тебе завтра этих денег? — И побудили Юнуса хмель и стыд, вместе со страхом перед юношей, сказать ему: — да, я тебе доверяю, бери ее, да благословит тебя в ней Аллах, — и юноша сказал одному из своих слуг: — посади ее на твоего коня, сядь сзади нес и поезжай с нею. — И затем он сел на своего коня, простился с Юнусом и уехал, и через некоторое время после того, как юноша скрылся от продавца, продавец стал думать про себя и понял, что он ошибся, продав невольницу. — Что это я сделал, — сказал он себе, — когда отдал мою невольницу человеку, который мне незнаком, и я не знаю, кто он? Но допустим, что я бы и знал его — откуда мне до него добраться? — И он сидел в задумчивости, пока не совершил утренней молитвы, и его товарищи вошли в Дамаск, а он остался сидеть в сомнении, не зная, что делать. И он сидел, пока не опалило его солнце и не стало ему неприятно оставаться на месте, и он решил войти в Дамаск, но потом сказал себе: — если я войду, то могу опасаться, что посланный придет и не найдет меня, и окажется, что я навлек на себя вторую беду. — И он сел под тенью стены, стоявшей там, и когда день повернул на закат, вдруг подъехал к нему один из евнухов, которые были с юношей. И при виде его Юнуса охватила великая радость, и он сказал про себя: — я не помню, чтобы я чему-нибудь больше радовался, чем радуюсь теперь, при виде этого евнуха. — И евнух подошел к нему и сказал: — о господин, мы заставили тебя ждать, — и Юнус ничего не сказал ему от волнения, которое его охватило. — Знаешь ли ты того человека, кото-

рый взял невольницу? — спросил затем евнух. — Нет, — ответил Юнус, и евнух сказал: — это аль-Валид-ибн-Сахль, наследник престола. — И тут я промолчал, — говорил Юнус, — и евнух сказал мне: — поднимайся, садись на коня. — А с ним был конь, и он посадил на него Юнуса, и они ехали, пока не приехали к одному дому. И они вошли туда, и когда та невольница увидела Юнуса, она подскочила к нему и приветствовала его, и Юнус спросил: — каково было твое дело с тем, кто тебя купил? — Он поселил меня в этой комнате и приказал дать мне все, что нужно, — сказала девушка, и Юнус посидел с нею немного, и вдруг пришел евнух хозяина дома и сказал ему: — поднимайся! — И Юнус поднялся, и евнух ввел его к своему господину, и оказалось, что это его вчерашний гость. — И я увидел, что он сидит на своем ложе, — говорил Юнус, — и он спросил меня: — кто ты? — Юнус-писец, — ответил я. — Добро пожаловать! — воскликнул юноша. — Клянусь Аллахом, мне очень хотелось тебя видеть! Я слышал рассказы о тебе. Ну, как ты переночевал эту ночь? — Хорошо, да возвысит тебя Аллах великий! — ответил Юнус, и аль-Валид сказал: — может быть, ты жалел о том, что было вчера, и говорил в душе: — я отдал мою невольницу незнакомому человеку, и я не знаю, как его имя и из какой он страны. — Храни Аллах, о эмир, чтобы я пожалел о невольнице! — воскликнул Юнус. — Если бы я ее и подарил эмиру, она была бы самым малым из того, что должно ему дарить. . . и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Юнус-писец сказал аль-Валиду-ибн-Сахлю: — храни Аллах, чтобы я пожалел о невольнице, и если бы я ее подарил эмиру, она была бы самым малым из того, что должно ему дарить. Эта девушка не подходит к его сану. — Клянусь Аллахом, — отвечал аль-Валид, — я раскаивался, что взял ее у тебя, и говорил: — это чужеземец, который меня не знает, и я на него налетел и ошеломил его своей поспешностью, забирая девушку. Помнишь ли ты, что было между нами условлено? — И я сказал: — да, — говорил Юнус, — и аль-Валид спросил меня: — продашь ли ты мне эту невольницу за пятьдесят тысяч дирхемов? — Да, — ответил Юнус, — и аль-Валид крикнул: — эй, слуга, подай деньги! — и когда слуга положил их перед ним, ибн-Сахль сказал: — эй, слуга, подай тысячу пятьсот динаров! — И слуга принес деньги, и аль-Валид молвил: — вот плата за твою невольницу, приberi ее у себя, а эта тысяча динаров — за твое хорошее мнение о нас, и пятьсот динаров тебе на путевые расходы и на покупки родным. Ты доволен? — Доволен, — отвечал я, — говорил Юнус, — и я поцеловал ему руки и сказал: — клянусь Аллахом, ты наполнил мне глаз и руку и сердце. — Клянусь Аллахом, — сказал потом аль-Валид, — я не уединялся с девушкой и не насытился ее цением. Ко мне ее! — И невольница пришла, и аль-Валид приказал ей сесть, и когда девушка села, он сказал ей: — пой! — и она произнесла такие стихи:

О ты, кто взял все полностью красоты,
О сладостный чертами и жеманством!

Вся красота в арабах и у турок,
Но нет средь них тебе, о газель, подобных.

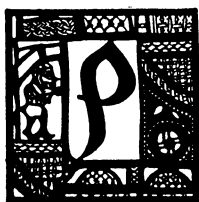
Будь милостив к влюбленному, красавец,
И обещай, что навестит хоть призрак.

Позор и унижение с тобою
Дозволены, глазам не спать приятно.

Не первый я в тебя влюблен безумно,
Сколь многих до меня мужей убил ты.

Хочу тебя иметь и в жизни долей,
Дороже ты я духа мне и денег.

И аль-Валид пришел в великий восторг и поблагодарил меня за то, что я хорошо образовал и обучил девушку, и потом он сказал: — эй, слуга, приведи коня с седлом и со сбруей, чтобы он на нем ехал, и мула, чтобы нести его пожитки. — О Юнус, — молвил он потом, — когда ты узнаешь, что это дело перешло ко мне, приходи, и, клянусь Аллахом, я наполню благами твои руки, вознесу твой сан и обогащу тебя на всю жизнь. — И я взял деньги и уехал, — говорил Юнус, — и когда халифат перешел к аль-Валиду, я отправился к нему, и, клянусь Аллахом, он исполнил то, что обещал, и оказал мне еще большее уважение, и я пребывал у него в наипрадастнейшем положении, занимая самое высокое место, и расширились мои обстоятельства, и умножились мои деньги, и оказалось у меня столько поместий и денег, что мне их хватит до смерти, и хватит, после меня, моим наследникам. И я был у аль-Валида, пока его не убили, — да будет над ним милость Аллаха великого!

АССКАЗЫВАЮТ также, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид шел однажды вместе с Джафаром Бармакидом, и вдруг он увидел несколько девушек, которые наливали воду. И халиф свернул к ним, желая напиться, и вдруг одна из девушек обернулась к нему и произнесла такие стихи:

Скажи, — пусть призрак твой уйдет
От ложа в час, когда все спит,

Чтоб отдохнул я и погас
Огонь, что кости мне палит.

Больной, мечась в руках любви,
На ложе горестей лежит.

Что до меня — я таков, как знаешь.
С тобою близость рок продлит?

И повелителю правоверных поправилась красота девушки и ее красноречие... и Шахразаду

застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда повелитель правоверных услышал от девушки эти стихи, ему понравилась ее красота и красноречие, и он спросил ее: — о дочь благородных, эти стихи — из сказанного тобою или они из переданного? — Из сказанного мною, — ответила девушка, и халиф молвил: — если твои слова — правда, сохрани смысл и перемени рифму. — И девушка произнесла:

Скажи, — пусть призрак твой уйдет
От ложа моего в час сна,

Чтоб отдохнул я и погас
Огонь, которым грудь полна.

Больной томим в руках любви,
Постель его — тоска одна.

Что до меня — я таков, как знаешь.
А ты — любовь твоя ценна?

— Этот отрывок тоже украден, — сказал халиф, и девушка молвила: — нет, это мои слова, — и тогда халиф сказал: — если это также твои слова, сохрани смысл и измени рифму. — И девушка произнесла:

Скажи, — пусть призрак твой уйдет
От ложа, когда все во сне,

Чтоб отдохнул я и погас
Огонь, пылающий во мне.

Больной томим в руках любви
На ложе бденья, весь в огне.

Что до меня — я таков, как знаешь.
А ты в любви верна ли мне?

— Этот тоже украден, — сказал халиф, и когда девушка ответила: — нет, это мои слова, — халиф молвил: — если это твои слова, сохрани смысл и измени рифму. — И девушка произнесла:

Скажи, — пусть призрак твой уйдет
От ложа, когда все заснет,

Чтоб отдохнул я и погас
Огонь, что ребра мои жжет.

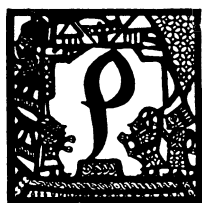
Больной, мечась в руках любви,
На ложе слез покоя ждет.

Что до меня — я таков, как знаешь.
Твою любовь судьба вернет?

— От кого ты в этом стане? — спросил повелитель правоверных, и девушка ответила: — от того, чья палатка в самой середине и чьи колья — самые высокие, — и понял повелитель правоверных, что она — дочь старшего в стане. — А ты из каких пастухов коней? — спросила девушка, и халиф сказал: — из тех, чьи деревья самые высокие и плоды самые зрелые. — И девушка поцеловала землю и сказала: — да укрепит тебя Аллах, о повелитель правоверных! — и пожелала ему блага, и потом ушла с дочерьми арабов. — Неизбежно на ней жениться, — сказал халиф Джафару, и Джафар отправился к отцу девушки и сказал ему: — повелитель правоверных хочет твоей дочери, — и отец ее ответил: — с любовью и уважением! Ее отведут, как служанку, его величеству владыке нашему повелителю правоверных. — И потом он снарядил свою дочь и доставил к халифу, и тот женился на ней и

вошел к ней, и была она для него одной из самых дорогих из его жен, а ее отцу он подарил достаточно благ, чтобы защитить его среди арабов. А потом отец девушки перешел к милости Аллаха великого, и прибыло к халифу известие о его кончине, и он вошел к своей жене грустный, и когда она увидела его грустным, она поднялась и, войдя в свою комнату, сняла все бывшие на ней роскошные одежды, надела одежды печали и подняла плач. И ее спросили: — почему это? — и она сказала: — умер мой отец, — и пошли к халифу и рассказали ему об этом, и он поднялся и пришел к своей жене и спросил ее, кто ей об этом рассказал, и она отвечала: — твое лицо, о повелитель правоверных. — А как так? — спросил халиф, и она сказала: — с тех пор, как я у тебя поселилась, я видела тебя таким только в этот раз, а мне не за кого было бояться, кроме моего отца, из-за его старости. Да живет твоя голова, о повелитель правоверных! — И глаза халифа наполнились слезами, и он стал утешать жену в утрате ее родителя, и она провела некоторое время, печальась об отце, а затем присоединилась к нему, да будет милость Аллаха над ними всеми.

РАССКАЗЫВАЮТ также, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид однажды ночью сильно томился бессоницей. И он поднялся с постели и стал ходить из комнаты в комнату, но не переставал тревожиться в душе великою тревогой, а утром он сказал: — ко мне аль-Асмаи! — И евнух вышел к привратникам и сказал им: — повелитель правоверных говорит вам: — пошлите за аль-Асмаи! — И когда аль-Асмаи явился к повелителю правоверных осведомили об этом и он велел его ввести, посадил его и сказал ему: — добро пожаловать! — а затем он молвил: — о Асмаи, я хочу, чтобы ты рассказал мне самое лучшее, что ты слышал из рассказов о женщинах и их стихов. — Слушаю и повинуюсь! — ответил аль-Асмаи. — Я слышал многое, но ничто мне не понравилось, кроме трех стихов, которые произнесли три девушки... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Асмаи говорил повелителю правоверных: — я слышал многое, но ничто мне не понравилось, кроме трех стихов, которые произнесли три девушки. — Расскажи мне их историю, — молвил халиф, и аль-Асмаи сказал:

— Знай, о повелитель правоверных, что я жил в каком-то году в Басре, и усилилась однажды надо мною жара, и я стал искать места, где бы отдохнуть, но не находил. И я оглядывался направо и налево и вдруг заметил крытый проход между двумя домами, выметенный и политый, и в этом проходе стояла деревянная скамья, а над нею было открытое окно. И я сел на скамью и хотел прилечь, и услышал нежные речи девушки, которая говорила: — о сестрица, мы сегодня собрались, чтобы развлечься; давайте же выложим триста динаров, и пусть каждая из нас скажет один стих из стихотворения, и кто скажет самый нежный и красивый стих, той будут эти триста динаров. — И девушки отвечали: — с любовью и удовольствием! — и сказала стих старшая, и был он таков:

Дивилась я, когда он меня посетил во сне,
Но больше б дивилась я, случись это наяву.

И сказала стих средняя, и был он таков:

Меня посетил во сне лишь призрак один его.
И молвила я: — приют, простор и уют тебе!

И сказала стих младшая, и был он таков:

Душой и семьей куплю того, кого вижу я
На доже в ночь со мной, чей дух лучше мускуса.

— Если этот образ наделен красотой, то дело завершено при всех обстоятельствах, — сказал я про себя и, сойдя со скамьи, хотел уходить, и вдруг дверь открылась, и из нее вышла девушка и сказала: — посиди, о шейх! — И я вторично поднялся на скамью и сел, и девушка подала мне бумажку, и я увидел на ней почерк, прекрасный до предела, с прямыми «алифами», вогнутыми «ха» и круглыми «уа», а содержание записки было такое: — мы осведомяем шейха — да продлит Аллах его жизнь! — что нас трое девушек-сестер, и мы собрались, чтобы развлечься, и выложили триста динаров и условились, что кто из нас скажет самый нежный и прекрасный стих, той будут эти триста динаров. Мы назначили тебя судьей в этом деле; рассуди же, как знаешь, и конец. — Ко мне чернильницу и бумагу! — сказал я, и девушка ненадолго скрылась и вынесла мне посеребренную чернильницу и позолоченные каламы, и я написал такие стихи:

О девушках расскажу я, как повели они
Беседу, приличную мужам многоопытным.

Их трое — как утра свет прекрасны лицом они;
И сердцем влюбленного владеют измученным

Остались они одни (а спали уже глаза)
Нарочно, чтобы вдали от всех посторонних быть.

Поведали то они, что в душах скрывалось их,
О да, и стихи они забавою сделали.

И молвила дерзкая, кичливая, гордая,
Открыла, заговорив, ряд дивных она зубов:

— Дивилась я, когда он меня посетил во сне,
Но больше б дивилась я, случись это наяву.

Когда она кончила, улыбкой украсив речь,
Промолвила средняя, вздыхая, взволнованно:

— Меня посетил во сне лишь призрак один его,
И молвила я: — приют, простор и уют тебе!

А младшая лучше всех сказала, ответив им
Словами, которые желанней и сладостней:

— Душой и семьей куплю того, кого вижу я
На ложе в ночи со мной, чей дух лучше мускуса.

Когда обдумал я их слова и пришлось мне быть
Судьей, не оставил я игрушки разумному,

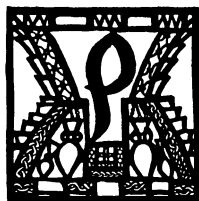
И первенство присудил в стихах самой младшей я,
И счел я слова ее ближайшими к истине.

И потом я отдал записку девушке, — говорил аль-Асмаи, — и она поднялась и вернулась во дворец, и я услышал, что там начался пляс и хлопанье в ладоши и наступило воскресенье из мертвых, и тогда я сказал себе: — мне нечего больше здесь оставаться! — И спустившись со скамьи, я хотел уходить, и вдруг девушка крикнула: — посиди, о Асмаи! — И я спросил ее: — а кто осведомил тебя, что я аль-Асмаи? — и она отвечала: — о старец, если имя твое от нас скрыто, то стихи твои от нас не скрыты. — И я сел, и вдруг ворота открылись, и вышла первая девушка, и было в руках ее блюдо плодов и блюдо сладостей. И я поел сладостей и плодов, и поблагодарил девушку за ее милость, и хотел уходить, и вдруг какая-то девушка закричала: — посиди, о Асмаи! — и подняв к ней глаза, я увидел розовую руку в желтом рукаве и подумал, что это луна сияет из-под облаков. И девушка кинула мне кошелек, в котором было триста динаров, и сказала: — это мои деньги, и они — подарок тебе от меня за твой приговор.

— А почему ты рассудил в пользу младшей? — спросил повелитель правоверных, и аль-Асмаи

сказал: — о повелитель правоверных, — да продлит Аллах твою жизнь! — старшая сказала: — я удивлюсь, если он посетит во сне мое ложе, — и это скрыто и связано с условием: может и случиться, и не случиться. Что до средней, то мимо нее прошел во сне призрак воображения, и она его приветствовала; что же касается стиха младшей, то она сказала в нем, что лежала с любимым, как лежат в действительности, и вдыхала его дыханье, которое приятнее мускуса, и выкупила бы его своей душой и семьей. А выкупают душой только того, кто дороже ее. — Ты отличился, о Асмаи! — воскликнул халиф и тоже дал ему триста динаров за его рассказ.

АССКАЗЫВАЮТ также, что Абу-Исхак-Ибрахим Мосульский говорил:

— Я попросил ар-Рашида подарить мне какой-нибудь день, чтобы я мог уединиться с моими родными и друзьями, и он позволил мне это в день субботы. И я пришел домой и стал готовить себе кушанья и напитки и то, что мне было нужно, и приказал привратникам запереть ворота и никому не позволять ко мне войти, и когда я находился в зале, окруженный женщинами, вдруг вошел ко мне старец, внушающий почтение и красивый, в белых одеждах и мягкой рубахе, с тайлесаном на голове, и в руках у него был посох с серебряной рукояткой, и от него веяло запахом благовоний, который наполнил помещения и проход. И охватил меня великий гнев оттого, что этот старец вошел ко мне, и я решил прогнать привратников, а старец

приветствовал меня наилучшим приветствием, и я ответил ему и велел ему сесть. И он сел и стал со мной беседовать, ведя речь об арабах пустыни и их стихах, и исчез бывший во мне гнев, и я подумал, что слуги хотели доставить мне радость, впустив ко мне подобного человека, так как он был образован и остроумен. — Не угодно ли тебе поесть? — спросил я старца, и он сказал: — нет мне в этом нужды, — и тогда я спросил: — а попить? — и старец молвил: — это пусть будет потвоему. — И я выпил ритль и дал ему выпить такой же, и затем он сказал мне: — о Абу-Исхак, не хочешь ли ты что-нибудь мне спеть — мы послушаем твое искусство, в котором ты превзошел и простого, и избранного. — И слова старца разгневали меня, но потом я облегчил для себя это дело и, взяв лютню, ударил по ней и запел. И старец сказал: — прекрасно, о Абу-Исхак! — и тогда, — говорил Ибрахим, — я стал еще более гневен и подумал: — он не удовлетворился тем, что вошел ко мне без позволения, и пристает с просьбами, но назвал меня по имени, не зная, как ко мне обратиться. — Не хочешь ли ты прибавить еще, а мы с тобой потягаемся? — сказал потом старец, и я стерпел эту тяготу и, взяв лютню, запел, и был внимателен при пении и проявил заботливость, так как старец сказал: — а мы с тобой потягаемся... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что старец сказал Абу-Исхаку: — не хочешь ли

ты прибавить еще, а мы с тобой потягаемся? — и я стерпел эту тяготу, — говорил Абу-Исхак, — и взяв лютню, запел и был внимателен при пении и проявил полную заботливость, так как старец сказал: — а мы с тобой потягаемся. — И старец пришел в восторг и воскликнул: — прекрасно, о господин мой! — и затем он спросил: — позволишь ли ты мне петь? — и я ответил ему: — твое дело! — и счел, что он слаб умом, если будет петь в моем присутствии после того, что услышал от меня. И старец взял лютню и стал ее настраивать, и, клянусь Аллахом, мне представилось, что лютня говорит ясным арабским языком, прекрасным, жеманным голосом! И старец начал петь такие стихи:

Вся печень изранена моя, — кто бы продал мне
Другую, здоровую, в обмен, без болячек?

Но все отказались люди печень мою купить —
Никто за здоровое не купит больного.

Стенаю я от тоски, в груди поселившейся,
Как стонет давящийся вином заболевший.

— И клянусь Аллахом, — говорил Абу-Исхак, — я подумал, что двери и стены и все, что есть в доме, отвечает ему и поет с ним, так прекрасен был его голос, и мне казалось даже, что я слышу, как мои члены и одежда отвечают ему. И я сидел, оторопев, и не был в состоянии ни говорить, ни двигаться из-за того, что вошло ко мне в сердце, а старец запел такие стихи:

О голуби аль-Лива, вернитесь хоть раз ко мне —
По вашим я голосам тоскую безмерно!

Вернулись они к ветвям, едва не убив меня,
И им не открыл едва я все свои тайны.

И криком зовут они ушедшего, словно бы
Вина напились они и им одержимы.

Не видел мой глаз вовек голубок, подобных им—
Хоть плачут, но из их глаз слеза не струится.

И он пропел еще такие стихи:

О Неджда зефир, когда подуешь из Неджда ты,
Твое дуновение тоски мне прибавит лишь.

Голубка проворковала в утренний светлый час
В ветвях переплетшихся лавровых и ивовых.

И плачет в тоске она, как маленькое дитя,
Являя тоску и страсть, которых не ведал я.

Они говорят, что милый, если приблизится,
Наскучит, и отдаленность лечит от страсти нас.

Лечились по-всякому, и не исцелились мы.

Но близость жилищ все ж лучше, чем отдаление,

Хоть близость жилищ не может быть нам полезнаю,
Коль тот, кто любим тобой, не знает к тебе любви.

И потом старец сказал: — о Ибрахим, спой напев, который ты услышал, и придерживайся этого способа в своем пении, и научи ему твоих невольниц. — Повтори папев, — сказал я, но старец молвил: — ты не нуждаешься в повторении, ты уже схватил его и покончил с ним. — И потом он исчез передо мной, и я удивился и, взяв меч, вытащил его и побежал к дверям харима, но увидел, что они заперты. И я спросил невольниц: — что вы слышали? — и они сказали: — мы слышали самое лучшее и самое прекрасное пение. — И тогда я вышел в недоумении к воротам дома и, увидев, что они заперты, спросил привратников про старца, и они сказали: — какой старец? Клянемся Аллахом, к тебе не входил сегодня никто. — И я вернулся, обдумывая это

делю, и вдруг кто-то невидимо заговорил из угла комнаты и сказал: — не беда, о Абу-Исхак, я — Абу-Мурра, и я был сегодня твоим собутыльником. Не пугайся же. — И я поехал к ар-Рашиду и рассказал ему эту историю, и ар-Рашид сказал: — повтори напевы, которым ты научился от него, — и я взял лютню и стал играть, и вдруг оказывается, напевы крепко утвердились у меня в груди. И ар-Рашид пришел от них в восторг и стал пить под них, хотя и не увлекался вином, и говорил: — о, если бы он дал один день насладиться собою, как дал насладиться тебе. — И затем он приказал выдать мне награду, и я взял ее и уехал.

РАССКАЗЫВАЮТ также, что Масрур-евнух говорил:

— Однажды ночью повелитель правоверных Харун ар-Рашид сильно мучился бессонницей. И он спросил меня: — о Масрур, кто у ворот из поэтов? — и я вышел в проход и увидел Джамиля-ибн-Мамараль-Уэри и сказал ему: — отвечай повелителю правоверных! — и Джамиль молвил: — слушаю и повишуюсь! — И я вошел, и он вошел со мною и оказался меж руками Харуна ар-Рашида, и приветствовал его, как приветствуют халифов, и ар-Рашид вернул ему приветствие и велел ему сесть, а потом сказал: — о Джамиль, есть ли у тебя какой-нибудь удивительный рассказ? — Да, о повелитель правоверных, — ответил Джамиль. — Что тебе более любо: то, что я видел и лицезрел, или то, что я слышал и чему внимал? — Расскажи мне о том, что ты видел и лицезрел, —

сказал халиф, и Джамиль молвил: — хорошо, о повелитель правоверных! Обратись ко мне всем своим существом и прислушайся ко мне ушами. — И ар-Рашид взял подушку из вышитой золотом красной парчи, набитую перьями страусов, и положил ее себе под бедра, а затем он оперся на нее локтями и сказал: — ну, подавай свой рассказ, Джамиль!

— Знай, о повелитель правоверных, — сказал Джамиль, — что я пленился одной девушкой и любил ее и часто ее посещал... и Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид облокотился на парчевую подушку и сказал: — ну, подавай свой рассказ, Джамиль! — и Джамиль начал.

— Знай, о повелитель правоверных, что я пленился одной девушкой и любил ее и часто ее посещал, так как она была предметом моих желаний и тем, что я просил от жизни. А потом ее родные уехали с нею из-за малости пастбищ, и я провел некоторое время, не видя ее, но затем тоска взволновала меня и потянула к этой девушке, и душа моя заговорила о том, чтобы к ней отправиться. И когда наступила некая ночь из ночей, тоска по девушке начала трясти меня, и я поднялся и, затянув седло на верблюдице, повязал тюрбан, надел свое рубище, опоясался мечом и подвязал копьё, а затем я сел

на верблюдицу и выехал, направляясь к девушке, и ехал быстрым ходом. И я выехал некоей ночью, и была это ночь темная, непроглядная, и приходилось мне к тому же преодолевать спуски в долины и подъемы на горы. И я слышал со всех сторон рыканье львов, вой волков и голоса зверей, и мой разум смутился, и взволновалось мое сердце, а язык мой неослабно поминал Аллаха великого. И когда я ехал таким образом, вдруг осилил меня сон, и верблюдица пошла со мной не по той дороге, по которой я ехал, и сон одолел меня. И вдруг что-то ударило меня по голове, и я проснулся, испуганный, устрашенный, и увидел деревья и реки, и птицы на ветвях щебетали на разные голоса и напевы, а деревья на лугу переплетались одно с другим. И я сошел с верблюдицы и взял повод в руку и до тех пор осторожно выбирался, пока не вывел ее из-за этих деревьев на равнину, и тогда я поправил на ней седло и сел на ее спине прямо, и не знал я, куда направиться и в какое место погонят меня судьбы. И я углубился взором в эту пустыню, и блеснул мне огонь по середине ее, и тогда я ударил верблюдицу пяткой и ехал по направлению к огню, пока не подъехал к нему. И я приблизился к огню и всмотрелся, и вдруг вижу поставленную палатку, воткнутое копьё, возвышающееся знамя, стоящих коней и свободно пасущихся верблюдов! И я сказал себе: — скорее всего связано с этим шатром великое дело, так как я не вижу в этой пустыне другого. — И я направился в сторону шатра и сказал: — мир с вами, обитатели шатра, и милость Аллаха и его благословение! — и вышел

ко мне из шатра юноша, сын девятнадцати лет, подобный луне, когда она сияет, и доблесть была меж его глазами. — И с тобою мир и милость Аллаха и благословение его, о брат арабов! — сказал он. — Я думаю, что ты сбился с дороги. — Это так и есть, — ответил я. — Выведи меня, помилует тебя Аллах! — О брат арабов, — молвил юноша, — наша местность полна львов, а сегодня ночь мрачная, дикая, очень темная и холодная, и я боюсь, что растерзает тебя зверь. Остановись же у меня, в уюте и просторе, а когда придет завтрашний день, я выведу тебя на дорогу. — И я сошел с верблудицы и спутал ей ноги ее длинным поводом, а потом снял бывшие на мне одежды и разделся и немного посидел. И юноша взял овцу и зарезал ее и, подойдя к огню, разжег его и заставил разгореться, а затем он вошел в шатер и, вынеся оттуда мелких пряностей и хорошей соли, стал отрезать куски мяса и жарить их на огне, и он кормил меня, а сам то вздыхал, то плакал. И он издал великий крик и горько заплакал и произнес такие стихи:

Остались только вздохи неслышные
И пара глаз — зрачки неподвижны их.

Сустава нет на теле теперь его,
Где не было б недуга упорного.

Слеза его струится, и внутренность
Горит его, но молча страдает он.

Враги его из жалости слезы льют —
Беда тому, о ком скорбит враг его.

— И тогда я понял, о повелитель правоверных, — говорил Джамиль, — что юноша влюблен

и взволнован любовью — а узнает любовь лишь тот, кто вкусил вкус любви — и подумал: — не спросить ли мне его? — но затем я отвратил от этого свою душу и сказал себе: — как я накинусь на него с вопросами, когда я в его жилище? — И я удержал свою душу и поел мяса, сколько было мне достаточно, а когда мы покончили с едой, юноша поднялся и, войдя в шатер, вынес чистый таз, красивый кувшин и шелковый платок, вышитый по краям червонным золотом, и бутылку, наполненную розовой водой с мускусом, и я удивился его изысканности и обходительности и сказал себе: — я не видывал изысканности в пустыне. — И мы вымыли руки и поговорили немного, а потом юноша вошел в шатер, отделил меня от себя занавеской из красной парчи и сказал: — входи, о лик арабов, и ложись на ложе: тебе досталось этой ночью утомление, и ты испытал в это путешествие чрезмерные тяготы. — И я вошел, и вдруг вижу — постель из зеленой парчи, и тогда я снял бывшие на мне одежды и провел ночь, равной которой я не проводил в жизни. . . и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

**НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ШЕСТИСОТ
ДЕВЯНОСТА,**

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Джамиль говорил: — и я провел ночь, равной которой я не проводил в жизни, и все время думал о деле этого юноши. И когда ночь окутала землю и глаза заснули, я вдруг услышал слабый голос, мягче и нежнее которого я не

слыхивал, и, подняв занавес, опущенный между нами, я увидал девушку, прекраснее которой лицом я не видывал. Она сидела рядом с юношей, и они плакали и жаловались друг другу на муки страсти, любви и волнения и на сильную тоску по сближению. — О диво Аллаха! — подумал я, — кто это второе существо? Когда я входил в палатку, я видел в ней только этого юношу, и у него никого не было. — И потом я сказал себе: — нет сомнения, что это дочь джиннов, которая любит этого юношу, и он уединился с нею в этом месте, и она уединилась с ним. — Но я пристально взгляделся в девушку, и оказалось, что она из людей, арабка, и открывая лицо, она смущала сияющее солнце, и палатка сияла светом ее лица. И убедившись, что эта девушка — возлюбленная юноши, я вспомнил другого влюбленного и, опустив занавеску, закрыл лицо и заснул. А когда наступило утро, я надел одежду и, омывшись для молитвы, совершил те моления, которые были для меня обязательны, и затем сказал юноше: — о брат арабов, не хочешь ли ты вывести меня на дорогу, — ты уже оказал мне милость. — И юноша посмотрел на меня и сказал: — не торопись, о лик арабов! Пребывание гостя длится три дня, и я не таков, чтобы отпустить тебя раньше, чем через три дня. — И я провел у него три дня, — говорил Джамиль, — а когда наступил четвертый день, мы сели побеседовать, и я заговорил с юношей и спросил его, как его зовут и какого он происхождения. — Что до моего происхождения, — сказал юноша, — то я из племени Бену-Узра, а по имени я — такой-то, сын такого-то, а мой дядя — такой-то, — и оказалось,

о повелитель правоверных, что он сын моего дяди и принадлежит к благороднейшему дому племени Бену-Узра. — О сын дяди, — спросил я его, — что тебя побудило, как я вижу, уединиться в этой пустыне? Как ты мог пренебречь своим состоянием и состоянием твоих отцов и как покинул ты своих рабов и рабынь и остался один с собою в этом месте? — И когда юноша услышал мои слова, о повелитель правоверных, его глаза наполнились слезами и заплакали, и он сказал: — о сын дяди, я любил мою двоюродную сестру и был пленен ею, безумен от любви и одержим страстью к ней, так что не мог с нею расстаться. И когда моя любовь к ней еще усилилась, я посватался за нее, но мой дядя отказал мне и выдал ее за одного человека из узритов, который вошел к ней и увез ее в ту местность, где она находится с прошлого года. И когда она от меня отдалась и ее скрыли от моих взоров, волнения любви и сильная тоска и страсть побудили меня покинуть моих родных и расстаться с друзьями и приятелями и со всем моим состоянием, и я уединился в этой палатке, здесь в пустыне, и подружился с одиночеством. — А где их палатки? — спросил я, и юноша сказал: — они близко, на вершине той горы, и каждую ночь, когда засыпают глаза и ночь успокаивается, девушка тайно выскальзывает из стана, так что не знает об этом никто, и я удовлетворяю с ней желание беседою, и она тоже удовлетворяет его. И вот я живу в таком состоянии, утешаясь ею час в течение ночи, и пусть свершает Аллах дело, которое решено: или придет ко мне успех в этом деле, на зло

завистникам, или рассудит Аллах за меня, а он — лучший из судей. — И когда юноша рассказал мне все это, о повелитель правоверных, — говорил Джамиль, — его дело меня озаботило, и я не знал, что думать, так как меня охватила за него ревность. — О сын моего дяди, — сказал я ему, — не хочешь ли ты, чтобы я указал тебе хитрость, которую я тебе посоветую, в ней будет, если пожелает Аллах, источник устройства и путь к верному успеху, и ею избавит тебя Аллах от того, чего ты боишься. — Говори, о сын дяди, — молвил юноша, и я сказал: — когда наступит ночь и придет девушка, брось ее на мою верблюдицу — она быстра на бегу, — а сам садись на твоего коня, я же сяду на одну из этих верблюдиц и проеду с вами одну ночь, и не наступит еще утро, как мы уже пересечем степи и пустыни, и ты достигнешь желаемого и овладеешь любимой сердца. Равнины земли Аллаха обширны, а я, клянусь Аллахом, буду тебе помогать, пока я жив, и душой, и достоянием, и мечом... и Шахразаду застигло утро, и она прервала дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Джамиль сказал сыну своего дяди, чтобы он взял девушку, и они оба увезут ее ночью, и он будет ему помогать и содействовать, пока жив, и юноша, выслушав это, сказал: — о сын дяди, я раньше посоветуюсь с нею. Она умна, разумна и проницательна в делах. — И ночь окутала землю, — говорил Джамиль, — и настала

пора девушке приходиться, и юноша ждал ее в установленное время, но она опоздала против обычного. И я увидел, что юноша вышел из палатки и, закрыв рот, стал вдыхать веяние ветра, который дул с ее стороны, и он втягивал ее благоухание и произносил такие стихи:

О ветер востока, веянье несешь ты
Из той страны, где милая обитает.

О ветер, ты несешь любимой призрак,
Не знаешь ли, когда она прибудет?

И затем он вошел в палатку и просидел там некоторое время, плача, а потом сказал: — о сын моего дяди, поистине, с моей двоюродной сестрой произошло сегодня что-то новое, и случился с ней какой-нибудь случай, или задержало ее препятствие. Будь на месте, пока я не принесу тебе вестей, — сказал он потом и, взяв меч и щит, скрылся и отсутствовал часть ночи, а затем он вернулся ко мне, неся что-то в руках. И он кликнул меня, и я поспешил к нему, и он спросил: — о сын дяди, знаешь ли ты, в чем дело? — Нет, клянусь Аллахом, — отвечал я, и он сказал: — беда поразила меня сегодня ночью в моей двоюродной сестре. Она отправилась к нам, и повстречался ей по дороге лев и растерзал ее, и осталось от нее только то, что ты видишь. — И он бросил то, что было у него на руках, и оказывается, что это — хрящи девушки и то, что осталось от ее костей. И юноша заплакал сильным плачем и, бросив свой лук, взял в руку мешок и сказал мне: — не двигайся, пока я не приду к тебе, если захочет Аллах великий. — И он ушел и отсутствовал некоторое время, а потом

вернулся, неся в руке голову льва. И он бросил ее и потребовал воды, и когда я принес воду, он вымыл льву рот и стал целовать его, плача, и усилилась его печаль о девушке, и он произнес такие стихи:

О лев, самого себя в несчастья ввергнул ты —

Погиб ты, но взволновал о милой печаль во мне.

Меня одиноким сделал ты, а был друг я ей,
И брюхо земли ее могилою сделал ты.

Судьбе говорю, меня разлукой сразившей, я:

— Аллах сохрани, чтоб ей взамен не взял

друга я.

— О сын дяди, — сказал он мне потом, — прошу тебя ради Аллаха и долга близости и родства, которое между нами, исполни мое завещание. Ты сейчас увидишь меня перед собою мертвым, и когда это случится, обмой меня и заверни с остатками костей дочери моего дяди в эту рубаху и похорони нас вместе в одной могиле. А на могиле нашей напиши такие стихи:

Мы жили с ней на хребте земли жизнью сладостной
Близка и она была, и дом наш, и родина.

Но злые превратности судьбы разлучили нас,

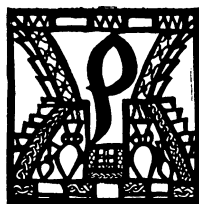
Лишь саван сближает нас в утробе земли теперь.

И он заплакал сильным плачем и, войдя в палатку, скрылся на некоторое время, а потом он вышел и стал вздыхать и кричать, и затем издал единый вопль и расстался с жизнью. И когда я увидел это, мне стало тяжело, и это показалось мне столь великим, что я едва за ним не последовал от сильной печали. И я подошел к юноше и положил его и исполнил то, что он

велел мне сделать, и я завернул их обоих в саван и похоронил их вместе, в одной могиле. И я провел у их могилы три дня, а потом уехал, и я два года приезжал и посещал их, и вот какова была их история, о повелитель правоверных.

И когда выслушал ар-Рашид слова Джамиля, он нашел их прекрасными и оказал ему милости и наградил его наградой.

ПАССКАЗЫВАЮТ также, о счастливый царь, что повелитель правоверных Муавия сидел однажды в одной из своих зал в Дамаске, и окна в этом помещении были открыты со всех сторон, так что воздух входил в него отовсюду. И халиф сидел и смотрел в какую-то сторону, и случилось это в день жаркий, когда не веяло ни ветерка, и был полдень, и зной усилился. И вдруг Муавия увидел человека, который обжигался о горячую землю и подскакивал, так как шел босой, и всмотрелся в него халиф и спросил своих собеседников: — сотворил ли Аллах (велик он и славен!) кого-нибудь несчастнее, чем тот, кто должен двигаться в такое время и в подобный час, как этот человек? — Может быть, он направляется к повелителю правоверных, — сказал кто-то, и халиф воскликнул: — клянусь Аллахом, если он направляется ко мне, я одарю

его, а если он обижен, я его поддержу! Эй, мальчик, встань у ворот, и если этот араб захочет войти ко мне, не мешай ему ко мне войти. — И слуга вышел, и когда араб подошел, он спросил его: — что ты хочешь? — и араб отвечал: — я хочу повелиться правоверных. — Входи! — сказал слуга, и бедуин вошел и приветствовал халифа... И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ВТОРАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда евнух позволил арабу войти, тот вошел и приветствовал повелителя правоверных, и Муавия спросил его: — из каких ты, о человек? — Из Бену-Темим, — ответил бедуин, и халиф спросил: — а что привело тебя в подобное время? — Я пришел к тебе, чтобы пожаловаться, и ищу у тебя защиты, — отвечал бедуин. — От кого? — спросил Муавия. — От Мервана-ибн-аль-Хакама, твоего наместника, — ответил бедуин, а затем он произнес такие стихи:

Муавия, щедрый вождь и мудрый и благостный,
Велик ты душой, умен и праведен и всеблаг.

Пришел я к тебе, когда стеснились пути мои,
На помощь! Не пресекай надежды на правду ты.

Будь щедр в справедливости ты против обидчика —
Меня поразил он тем, что хуже, чем смерть моя.

Похитил Суаду он и стал мне соперником,
Насильник жестокий он, жены он меня лишил.

Хотел он меня убить, но только кончины срок
Еще не настал, и весь надел не исчерпан мой.

И когда Муавия услышал стихи, произнесенные этим человеком, изо рта которого выходил огонь, он сказал: — прият и уют, о брат арабов! Расскажи свою историю и поведай о своем деле.

— О повелитель правоверных, — сказал тогда бедуин, — была у меня жена, и я любил ее и увлекался ею, и прохлаждались мои глаза, и спокойна была моя душа. И было у меня несколько верблюдов, которыми я помогал себе, чтобы поддержать свое положение, и порастил нас недород, погубивший и ступню и копыто, и остался я ничего не имеющим. И когда уменьшилось то, что было у меня в руке, и пропало мое имущество и испортилось мое положение, я стал презренным и тяжким для того, кто желал раньше меня посетить, и отец Суады, узнав, как дурно мое положение и плох мой исход, взял ее от меня и отказался от меня и выгнал меня и обошелся со мною грубо. И я пришел к твоему наместнику Мервану-ибн-аль-Хакаму, надеясь на его поддержку, и когда он призвал отца Суады и расспросил его о моих обстоятельствах, тот сказал: — я его совершенно не знаю. — И тогда я сказал: — да направит Аллах эмира! Если он решит призвать ту женщину и спросить ее о словах ее отца, станет видна истина, — и Мерван послал за Суадой и велел привести ее. И когда она встала меж его руками, она затронула в нем место восхищения, и он сделался мне соперником и перестал мне верить и выказал на меня гнев и отослал меня в тюрьму, и стал я таким, точно спустился с неба и ветер занес меня в место удаленное. А потом Мерван сказал ее отцу: — не хочешь ли ты

женить меня на ней за тысячу динаров и десять тысяч дирхемов, и я ручаюсь, что освобожу ее от этого араба? — И отец Суады соблазнился такой меной и согласился на это, и эмир велел меня привести и посмотрел на меня, как разъяренный лев, и сказал: — о бедуин, разведись с Суадой! — Я не разведусь с ней, — ответил я, и эмир напустил на меня толпу своих слуг, и они стали меня пытаться всякими пытками, и я не увидел бегства от развода с нею и развеялся, и эмир воротил меня в тюрьму. И я пробыл там, пока не окончился срок очищения, и тогда эмир женился на Суаде и выпустил меня, и вот я пришел к тебе с надеждой и ищущий у тебя защиты и к тебе прибегаю. — И он произнес такие стихи:

Огонь горит в моем сердце,
И ярко он пламенеет,
И тело мое хворает,
Врача приводя в смущенье.
В душе моей яркий уголь,
От угля летают искры,
Глаза проливают слезы,
И слезы текут как ливень,
И только господь всесильный
Поможет мне, и эмир мой.

И он задрожал, и у него застучали зубы, и он упал, покрытый беспомощностью, и стал извиваться, как убитая змея, и когда Муавия услышал его слова и произнесенные им стихи, он воскликнул: — преступил Ибн-аль-Хакам законы веры и обидел и посягнул на харим мусульман... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала
ШЕСТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда повелитель правоверных Муавия услышал слова бедуина, он воскликнул: — преступил Ибн-аль-Хакам законы веры и обидел и посягнул на харим мусульман. — О бедуин, — сказал он потом, — ты пришел ко мне с рассказом, подобного которому я не слышал никогда! — И он потребовал чернильницу и бумагу и написал Мервану-ибн-аль-Хакаму: — до меня дошло, что ты преступил против подданных законы веры, а надлежит тому, кто управляет, отвращать взоры от страстей и удерживать душу от наслаждений. — И после этого он написал длинное рассуждение, которое я сократил, и между прочим там были такие стихи:

Поставлен на дело ты, которого не постиг,
Проси же у господ за блуд свой прощенья!

Пришел к нам тот юноша, несчастный, рыдающий,
И жаловался он нам на горе разлуки.

И богу я клятву дал, — ее не нарушу я,
А иначе отрекусь от правой я веры, —

Когда не исполнишь ты того, что пишу тебе,
То в мясо среди орлов тебя обращу я.

С Суадой ты разведись и к нам снаряженною
С Кумейтом ее отправь и Наср-ибн-Зибаном.

И затем он свернул письмо и, запечатав его своей печатью, позвал аль-Кумейта и Насра-ибн-Зибана (а он посылал их с важными делами из-за их верности), и они взяли письмо и ехали, пока не вступили в аль-Медину. И они вошли

к Мервану-ибн-аль-Хакаму и приветствовали его и отдали ему письмо, осведомив его о положении дела, и Мерван начал читать и плакать, а потом он пошел к Суаде и рассказал ей обо всем, и он не мог перечить Муавии. И он развелся с Суадой в присутствии аль-Кумейта и Насра-ибн-Зибана и снарядил их, и вместе с ними Суаду, а затем Мерван написал Муавии письмо, в котором говорил:

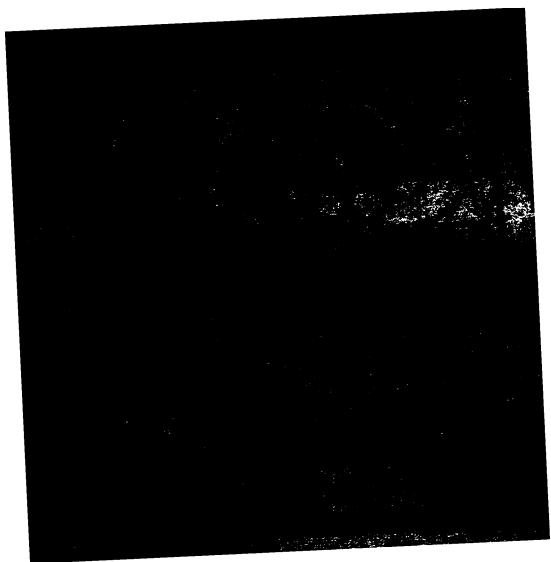
Эмир правоверных, не смеши! Ведь, поистине,
Исполню я твой приказ охотно и кротко.

Запретного не свершил, когда мне хотелось, я,
Так как же обманщиком блудливым я назван?

И скоро придет к тебе лик солнца, которому
Нет равных среди людей и нет среди джиннов.

И он запечатал письмо и отдал его посланным, и те ехали, пока не прибыли к Муавии, и тогда они отдали ему письмо, и халиф прочитал его и сказал: — он отличился в повинности и слишком распространился в похвалах этой жепщине. — И он велел привести Суаду и, увидав ее, увидел прекрасный образ, которому он не видывал подобного по красоте и прелести и стройности стана, а обратившись к ней, он нашел, что она красноречива языком и хорошо выражается. — Ко мне того бедуина! — сказал он тогда, и бедуина привели, и был он в устрашающем состоянии, так изменило его время. — О бедуин, — сказал ему Муавия, — будет ли тебе без нее утешением, если я дам тебе взамен ее трех невольниц — высокогрудых дев, подобных луне, и с каждой невольницей я дам тебе тысячу динаров и назначу тебе из казначейства столько

в год, что тебе хватит и ты будешь богат? — И бедуин, услышав слова Муавии, издал вопль, и Муавия подумал, что он умер, а когда он очнулся, халиф спросил его: — каково твое состояние? — В наилучшем состоянии и в сквернейшем положении искал я защиты у твоей справедливости против несправедливости Ибн-аль-Хакама, но у кого же мне искать защиты от твоей несправедливости? — ответил бедуин. И он произнес такие стихи:

Не делай меня, о царь — Аллах тебя выкупи! —
Просящим убежища у жара от пламени.

Суаду верни тому, кто горестен и смущен
И утром и вечером рыдает и помнит.

Оковы с меняними, отдай ее, не скупясь.
И если ты сделаешь — того не забуду.

И потом он сказал: — клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, если бы ты отдал мне все, чем ты управляешь в халифате, я бы не взял этого без Суады! — И он произнес такой стих:

Не любит душа никого — лишь Суаду,
Любовь к ней мне воздухом стала и пищей.

И Муавия сказал ему: — ты признаешь, что развелся с нею, и Мерван признает, что он развелся с нею. Мы дадим ей выбрать — если она избрет другого, мы выдадим ее за него, а если она избрет тебя, то передадим ее тебе. — Сделай так, — сказал бедуин, и Муавия спросил: — что ты скажешь, Суада — кто тебе милее: повелитель ли правоверных с его благородством, величием, дворцами, властью, богатством и всем,

что ты у него увидела, или Мерван-ибн-аль-Хаккам с его несправедливостью и жестокостью, или же этот бедуин с его голодом и бедностью? — И Суада произнесла такие стихи:

Вот этот, хотя бы был голодным, несчастным он,
Дороже, чем родичи, друзья и соседи,

Чем тот, кто в венде, и чем Мерван, его ставленник,
Чем все, кто и дирхемы собрал и динары.

И потом она сказала: — клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я не такова, чтобы покинуть его из-за случайности времени и обмана дней. Ему принадлежит старая дружба, которой не забыть, и любовь, которая не изнашивается, и мне всех достойнее терпеть с ним в беде, как я наслаждалась с ним в радости. — И удивился Муавия ее разуму, любви и верности и велел выдать ей десять тысяч дирхемов, и он отдал их бедуину, и тот взял свою жену и ушел.

РАССКАЗЫВАЮТ также, о счастливый дарь, что Харун ар-Рашид однажды ночью томился бессонницей. И он послал за аль-Асмай и Хусейном-аль-Хали и, призвав их, сказал: — рассказывайте, и начинай ты, о Хусейн.

— Хорошо, о повелитель правоверных, — ответил Хусейн. — Я выехал в каком-то году и спустился в Басру, чтобы похвалить Мухаммеда ибн-Сулеймана ар-Раби касыдой, и он принял ее и приказал мне оставаться в Басре. И однажды я вышел на Мирбад и выбрал путь по улице аль-Махалля, и поразила меня сильная жара. И я подошел к большим воротам, чтобы попросить напиться, и вдруг увидел девушку, подобную качающейся ветви, с томными глазами, вытянутыми бровями и овальными щеками, и была она в рубашке гранатового цвета и плаще из Сана, и великая белизна ее тела одолевала красноту

ее рубашки, из-под которой поблескивали две груди, подобные гранатам, и живот, точно сверток коптской материи со складками, похожими на свитки белой бумаги и наполненными мускусом, и на ее шее, о повелитель правоверных, была ладанка из червонного золота, которая спускалась между грудей, а на блюде ее лба был локон, подобный черной раковине, и брови ее сходились, глаза были огромны и щеки овальные, а нос — с горбинкой, и под ним были уста, как кораллы, и жемчужные зубы, и благовония как бы одолели ее. И была эта девушка смущена и растеряна и расхаживала в проходе дома, то уходя, то приходя, и ступала по печени влюбленных в нее, и ее ноги делали немым звон ее ножных браслетов. И была она такова, как сказал о ней порт:

Все частицы ее прелестей нам
Присылают красоты образц.

И я преисполнился к ней почтения, о повелитель правоверных, и приблизился к ней, чтобы ее приветствовать, и вдруг почувствовал, что и дом, и проход, и улица пропитаны запахом мускуса. И я пожелал ей мира, и она ответила мне неслышным голосом, с сердцем, сожженным пламенем любви, и я сказал ей: — о госпожа, я — старик, чужеземец, и меня поразила жажда. Не прикажешь ли ты дать мне глоток воды, за который ты получишь небесную награду? — Отстань от меня, о старец, — ответила девушка, — мне некогда думать о воде и пище... и Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

Когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ,

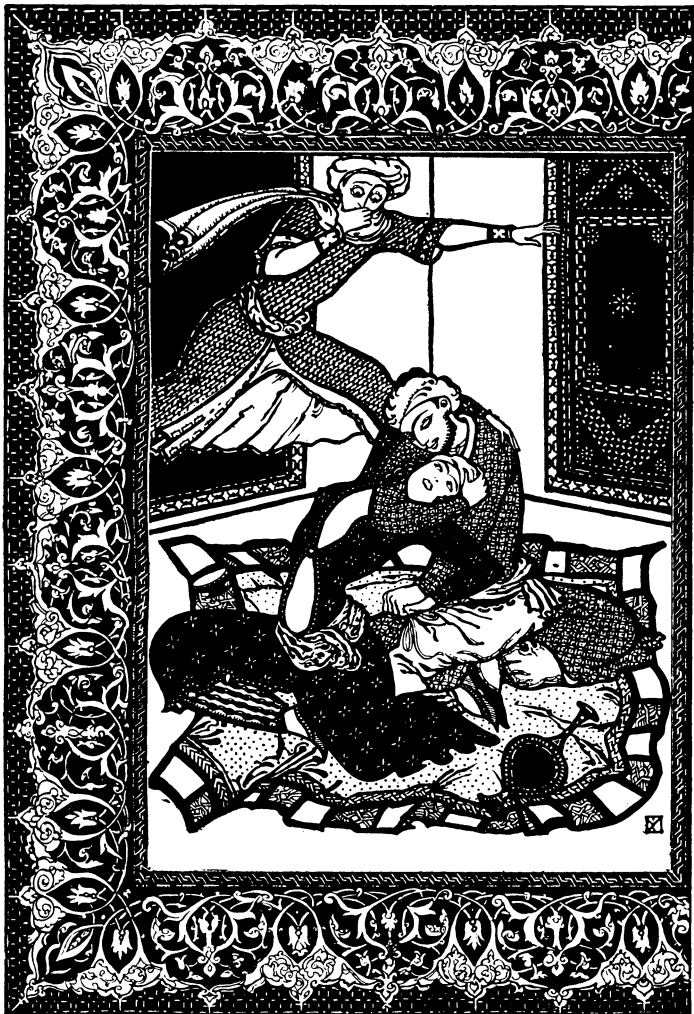
она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что девушка ответила: — о старец, мне некогда думать о воде и пище, — и я спросил ее: — по какой причине, о госпожа? — Потому что я люблю того, кто ко мне несправедлив, и хочу того, кто меня не хочет, — отвечала девушка, — и при этом я испытана наблюдением соглядатаев. — А разве есть, о госпожа, на всей шире земли кто-нибудь, кого ты хочешь и кто тебя не хочет? — спросил я, и девушка сказала: — да, и это из-за избытка вложенной в него красоты, совершенства и чванства. — А чего ты стоишь в этом проходе? — спросил я, и девушка сказала: — здесь его дорога, и теперь ему время проходить. — О госпожа, — спросил я ее, — встречались ли вы когда-нибудь и вели ли беседу, которая вызвала эту тоску? — И девушка тяжело вздохнула и пролила на щеки слезы, подобные росе, падающей на розу, и произнесла такие стихи:

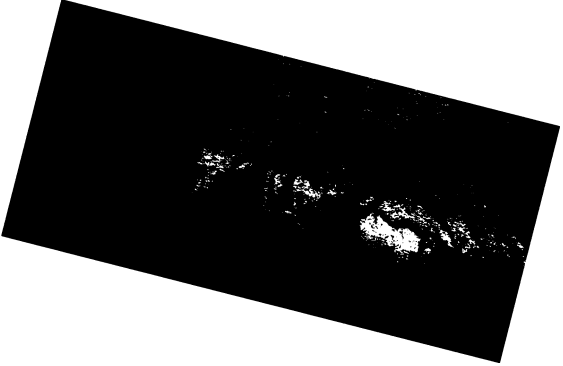
Мы были как пара веток ивы одной в саду,
Вдыхали мы запах счастья, жизнь была сладостна.

Но ветвь отделил одну нож режущий от другой —
Кто видел, что одинокий ищет такого же?

О девушка, — спросил я, — до чего дошла твоя любовь к этому юноше? — и она отвечала: — я вижу солнце на стенах его родных, и думаю, что это — он сам, а иногда я внезапно его вижу и теряюсь, и кровь и душа убегают от моего тела, и неделю или две я остаюсь без ума. —

Прости меня, — сказал я. — Я влюблен так же, как ты, мой ум занят любовью, и я похудел телом, и силы мои ослабли. Я вижу у тебя перемену цвета лица и тонкость кожи, которая свидетельствует о муках любви; да и как могла любовь не поразить тебя, когда ты находишься на земле Басры. — Клянусь Аллахом, — отвечала девушка, — пока я не полюбила этого юношу, я была до крайности чванлива, прекрасная красотой и достоинством, и пленяла всех вельмож Басры, пока не пленился мной этот юноша. — О девушка, — спросил я, — а что же вас разлучило? — Превратности судьбы, — отвечала девушка, — и моя история с ним удивительна. В день Нейруза я сидела у себя и пригласила несколько басрийских девушек, и среди них была невольница Сирана, которая стоила ему в Омане восемьдесят тысяч дирхемов. А эта девушка меня любила и была в меня влюблена и, войдя, она бросилась на меня и едва меня не растерзала щипками и укусами. А потом мы остались одни, наслаждаясь вином, в ожидании, пока будет готово кушанье и радость наша станет полной, и девушка играла со мной, и я играла с нею, и то я была наверху, то она была наверху. И опьянение побудило ее ударить рукой по моему шнуру, и она развязала его без того, чтобы между нами было что-нибудь сомнительное, и мои шальвары спустились в игре, и когда это было, вдруг, неожиданно, вошел тот юноша и, увидав это, разгневался и убежал, как убегает арабская кобылица, услышав лязг удила. И он вышел... и Шах-разаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ПЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что девушка говорила Хусейну-аль-Хали: — и когда мой возлюбленный увидел, что мы играем с невольницей Сирана, как я тебе рассказывала, он вышел от меня, разгневанный, и вот уже три года, о старец, как я прошу у него прощения и подлаживаюсь к нему и стараюсь его смягчить, но он не взглядывает на меня взором и не пишет мне ни одной буквы, не передаст мне ничего с посланным и не хочет слышать от меня даже малого. — О девушка, — спросил я ее, — он из арабов или из персов? — Горе тебе, — воскликнула девушка, — он из числа вельмож Басры. — А он — старик или юноша? — спросил я, и девушка посмотрела на меня искоса и сказала: — истине, ты дурак! Он точно месяц в ночь полнолуния, гладкий и без бороды, и ничто его не порочит, кроме неприязни ко мне. — Как его имя? — спросил я. — А что ты будешь с ним делать? — молвила девушка, и я сказал: — постараюсь встретиться с твоим возлюбленным, чтобы добиться между вами сближения. — С условием, что ты отнесешь ему записку, — сказала девушка. — Я не прочь это сделать, — ответил я, и девушка сказала: — его имя — Дамрибн-аль-Мугира, и прозывается он Абу-с-Саха, а дворец его на Мирбаде. — И она крикнула тем, кто был в доме: — подайте чернильницу и бумагу! — и засучив рукава, обнажила руки, подобные серебряным ожерельям, и написала после имени Аллаха: — о господин мой, про-

пуск молитвы в начале моего письма возвещает о моем бессилии, и знай, что будь моя молитва принята, ты бы со мной не расстался, — ведь я часто молилась, чтобы ты не расстался со мной, а ты со мной расстался. И если бы усердие не перешло пределов бессилия, было бы то, что взяла на себя твоя служанка при писании этого письма, ей помощью, хоть она и потеряла надежду на тебя, так как знает, что ты пренебрежешь ответом. И самое далекое ее желание, о господин, — один взгляд на тебя, когда ты проходишь к дому по улице, который оживит умершую душу. А еще дороже для нее, если ты начертаешь почерком своей руки (да одарит ее Аллах всеми достоинствами!) записку и сделаешь ее заменой тем уединениям, что были у нас в минувшие ночи, которые ты помнишь. О господин мой, разве я не люблю тебя и не изнурена? Если ты согласишься на эту просьбу, я буду тебе благодарна, хваля Аллаха, и конец.

Я взял письмо и вышел, а на утро я отправился к воротам Мухаммеда-ибн-Сулеймана и нашел его приемную залу наполненной вельможами. И я увидел там юношу, который украшал собрание и превосходил всех там бывших красотой и блеском, и эмир возвысил его над собравшимися. И я спросил про него, и оказалось, что это Дамра-ибн-аль-Мугира, и тогда я сказал себе: — по правде, постигло бедняжку то, что ее постигло! — И я вышел и направился на Мирбад и стал у ворот дома Дамры, и вдруг он подъехал со свитой, и тогда я подскочил к нему и стал усердствовать в пожеланиях блага и подал ему записку. И когда Дамра прочитал ее и понял ее

смысл, он сказал мне: — о старец, мы уже заменили ее; не хочешь ли ты посмотреть на заменившую? — Хорошо! — сказал я, и Дамра крикнул какую-то девушку, и оказалось, что это красавица, смущающая солнце и луну, высокогрудая, которая ходит походкой спешащего, небоясь. И Дамра подал ей записку и сказал: — ответь на нее! — и когда девушка прочитала записку, цвет ее лица пожелтел, так как она поняла, что в ней написано, и она воскликнула: — о старец, проси у Аллаха прощения за то, для чего ты пришел! — И я вышел, о повелитель правоверных, волоча ноги, и пришел к той девушке и попросил разрешения войти, и когда я вошел, она спросила: — что позади тебя? — и я ответил: — беда и безнадежность! — Не будет беды с тобою! — сказала девушка, — но где же Аллах и его могущество? — И потом она велела дать мне пятьсот динаров, и я вышел. И я проходил мимо этого места через несколько дней и увидел там слуг и всадников, и я вошел в дом, и оказалось, что это люди Дамры, которые просят девушку вернуться к нему, а она говорит: — нет! Клянусь Аллахом, я не взгляну на его лицо! — И я пал ниц, благодаря Аллаха, о повелитель правоверных, из злорадства над Дамрой, а потом я приблизился к девушке, и она протянула мне записку, в которой стояло, после имени Аллаха: — госпожа моя, если бы я не жалел тебя, — да продлит Аллах твою жизнь! — я бы описал тебе часть того, что произошло из-за тебя, и изложил бы тебе мое оправдание тем, что ты меня обидела, так как это ты навлекла беду на себя и на меня и проявила дурную дружбу и малую вер-

ность и предпочла нам другую. Ты поступила несогласно с моей любовью, и Аллах — помощник в том, что случилось по твоей воле. Мир тебе!

И девушка показала мне подарки и редкости, которые доставил ей Дамра, и оказалось, что их тысяч на тридцать динаров. Я видел эту девушку впоследствии, и Дамра на ней женился.

И ар-Рашид воскликнул: — если бы Дамра не опередил меня, у меня было бы с ней дело из дел!

РАССКАЗЫВАЮТ также, о царь, что Исхак-ибн-Ибрахим, мосулец, говорил:

— Однажды вечером был я у себя в доме, а случилось это в зимнее время, и развернулись облака, и дожди громоздились друг на друга и капали, словно из отверстий бурдюков. И отказался шедший и приходящий ходить по дорогам из-за дождя и грязи, и у меня стеснилась грудь, так как не приходил ко мне никто из друзей, и я не мог к ним пойти из-за большой грязи и слякоти. И я сказал слуге: — принеси чего-нибудь, чем бы мне заняться, — и он принес мне кушаний и напитков, но они показались мне горькими, так как не было со мною никого, кто бы меня развлек, и я все время выглядывал из окон и смотрел на дороги, пока не пришла ночь. И тогда я вспомнил невольницу, принадлежавшую одному из сыновей аль-Махди,

которую я любил (а она умела петь и двигать струны музыкальных инструментов), и сказал себе: — если бы была она сегодня вечером у нас, моя радость была бы совершенна, и сократились бы ночь, думы и беспокойство. — И вдруг постучал в ворота стучащий и спросил: — войдет ли любимый, что стоит у дверей? — и я сказал себе: — может быть, дерево желания принесло плоды? — И я подошел к воротам, и вдруг оказалось, что это моя подруга, и на ней был зеленый плащ, в который она завернулась, а на голове ее была парчевая повязка, предохранявшая ее от дождя. И она до колен утопала в грязи, и то, что было на ней, пропиталось водой из сточных труб, и была она как бы вылита в дивной форме. — О госпожа моя, — спросил я ее, — что привело тебя в такую слякоть? — и девушка ответила: — твой посланный пришел ко мне и описал, какова твоя любовь и тоска, и мне оставалось только согласиться и поспешить к тебе. — И я удивился этому... и Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ШЕСТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда девушка пришла и постучала в ворота Исхака, он вышел к ней и спросил ее: — о госпожа, что привело тебя в такую слякоть? — и девушка ответила: — твой посланный пришел ко мне и описал, какова твоя любовь и тоска, и мне оставалось только согласиться и поспешить к тебе. — И я удивился этому, но мне не хотелось сказать ей: — я никого к тебе не посылал, — и

я воскликнул: — слава Аллаху за то, что он соединил нас после мук ожидания, которые я вынес, и если бы ты заставила меня прождать еще минуту, я бы должен был сам бежать к тебе: я по тебе тоскую и очень тебя люблю. — И затем я сказал слуге: — подай воды! — и он принес котелок с горячей водой, чтобы девушка привела себя в порядок, и я велел ему лить воду ей на ноги, и сам принялся их мыть, а затем я приказал подать платье из роскошнейших одежд и одел девушку, после того как она сняла то, что на ней было. И мы сели, и я велел подать кушанья, но девушка отказалась от них, и я спросил: — есть ли у тебя охота к питью? — И она отвечала: — да! — и выпила несколько кубков и спросила: — кто будет петь? — Я, о госпожа, — ответил я, и девушка сказала: — не хочу! — Кто-нибудь из моих невольниц, — сказал я, и девушка воскликнула: — не желаю! — и я сказал: — спой сама! — но она молвила: — и я тоже не стану! — Кто же будет тебе петь? — спросил я, и девушка молвила: — выйди, поищи кого-нибудь, кто мне споет, — и я вышел, из покорности ей, но не имел надежды и был уверен, что никого не найду в такое время. И я шел до тех пор, пока не дошел до площади, и вдруг увидел слепого, который тыкал своей палкой в землю и говорил: — да не воздаст Аллах тем, у кого я был, добром! Когда я пел, они не слушали, а когда молчал, они надо мной смеялись. — Ты певец? — спросил я его, и он ответил: — да, — и тогда я сказал: — не желаешь ли ты закончить вечер у нас и развлечь нас? — Если хочешь, возьми меня за руку, — сказал он, и я взял его за руку и пошел к дому. —

О госпожа, — сказал я девушке, — я привел слепого певца, мы будем им наслаждаться, и он нас не увидит. — Ко мне его! — воскликнула она, и я ввел слепого и предложил ему кушанья, и он поел немного и вымыл руки, и затем я подал ему вино, и он выпил три кубка. — Кто ты будешь? — спросил он потом, и я ответил: — Исхак, сын Ибрахима мосульского, — и тогда слепой сказал: — я слышал о тебе, и теперь радуюсь, что разделил с тобой трапезу. — О господин, — сказал я, — я радуюсь твоей радости. — И слепец молвил: — спой мне, о Исхак, — и я взял лютню, дурачась, и сказал: — слушаю и повинуюсь! — И когда я спел и песня окончилась, слепец сказал: — о Исхак, ты близок к тому, чтобы быть певцом! — и душа моя показалась мне ничтожной, и я кинул лютню из рук. — Разве нет у тебя никого, кто бы хорошо пел? — спросил слепец. — У меня есть невольница, — ответил я, и слепец сказал: — прикажи ей спеть. — А ты споешь, когда удостоверишься в том, как она поет? — спросил я, и слепец сказал: — да! — и тогда девушка спела, и слепец воскликнул: — нет, ты не показала никакого искусства! — И девушка кинула лютню из рук, разгневанная, и сказала: — то, что у нас было, мы отдали, и если у тебя есть что-нибудь, окажи нам этим милость. — Ко мне лютню, которой не касалась рука, — сказал слепец, и я велел слуге принести новую лютню, и слепец настроил ее и заиграл на незнакомый лад и начал петь, говоря такое двустишие:

Летел, рассекая мрак, — а ночь так длинна была —
Любимый, который знал часы посещения.

И вот нас встревожили привет и слова его:
— Войдет ли возлюбленный, стоящий у ваших врат?

И девушка взглянула на меня искоса и сказала: — тайну, которая была между нами, твоя грудь не вместила даже и часа — ты поручил ее этому человеку. — И я стал ей клясться и извиняться перед ней и принялся целовать ей руки, щекотать ей груди и кусать ее щеки, пока она не засмеялась, и потом я обратился к слепому и сказал ему: — спой, о господин. — И слепец взял лютню и пропел такие два стиха:

Красавиц я посещал не редко, и часто я
Касался рукою пальцев, ярко окрашенных.

Гранаты я щекотал груди и покусывал
Округлое яблоко прекрасной щеки ее.

— О госпожа, кто его осведомил о том, что мы делали? — спросил я, и девушка сказала: — твоя правда! — А потом мы отошли от слепого в сторону, и он сказал: — я хочу помочиться! — и я крикнул: — эй, слуга, возьми свечку и иди впереди него. — И слепой вышел и задержался, и мы пошли его искать, но не нашли его, и оказалось, что ворота заперты, и ключи в кладовой, и не знали мы, на небо он поднялся или под землю опустился, и понял я тогда, что это — Иблис и что он был для меня сводником. И потом девушка ушла, и я вспомнил слова Абу-Новаса, который сказал такие два стиха:

Дивлюсь Иблису я с его гордостью
И мерзостью, которую он творит!

Из гордости не пал пред Адамом он,
И сводником он стал для детей его.

АССКАЗЫВАЮТ также, что Ибрахим, сын Исхака, говорил: — я был всегда предан Бармакидам. И однажды, когда я сидел в моем жилище, в ворота вдруг постучали, и мой слуга вышел и вернулся и сказал: — у ворот красивый юноша, и он просит разрешения войти. — И я позволил, и вошел ко мне юноша со следами болезни и сказал: — я уже долгое время стараюсь встретиться с тобой, и у меня есть до тебя нужда. — А какая? — спросил я, и юноша вынул триста динаров и, положив их передо мной, сказал: — прошу тебя, прими их от меня и сочини мне напев на двустигшие, которое я сказал. — Произнеси его мне, — сказал я, и юноша произнес... и Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДЕВЯНОСТО СЕДЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что к Ибрахиму, сыну Исхака, вошел юноша и, положив перед ним триста динаров, сказал ему: прошу тебя, прими их и сочини мне папев на двустишие, которое я сказал. — Произнеси мне его, — сказал Ибрахим, и юноша произнес:

Аллахом молю: о глаз, мне печень терзающий,
Слезую ты погаси печали, волнение.

Судьба в числе тех, кто нас хулит за любимую,
И мне не видать ее, хоть в саван я завернусь.

— И я сочинил ему папев, похожий на причитание, — говорил Ибрахим, — и спел его, и юношу покрыло беспамятство, так что я подумал, что он умер, а потом он очнулся и сказал: — повтори! — и я стал заклинать его Аллахом и сказал: — боюсь, что ты умрешь. — О, если бы так было! — воскликнул юноша, и он не переставал унижаться и умолять, пока я не пожалел его и не повторил напева. И юноша вскрикнул криком более сильным, чем первый, и я не усомнился в его смерти, и до тех пор поливал его розовой водой, пока он не очнулся и не сел. И я восхвалил Аллаха за его благополучие и, положив перед ним его динары, сказал ему: — возьми твои деньги и уходи от меня! — Мне нет в них нужды, — ответил юноша, — и тебе будет еще столько же, если ты повторишь папев. — И моя грудь расширилась для денег, и я сказал юноше: — я повторю, но только с тремя условиями: первое —

чтобы ты остался у меня и посл моего кушанья, чтобы укрепить твою душу; второе — чтобы ты вышел вина, которое удержит в тебе сердце, и третье — чтобы ты мне рассказал твою историю.

— И юноша сделал это и сказал: — я человек из жителей Медины. Я вышел прогуляться и шел по дороге к аль-Акику вместе с моими братьями, и увидел девушку, среди других девушек, подобную ветке, покрытой росой, и она смотрела глазами, взгляды которых возвращались только с душою смотрящего на нее. И они оставались под тенью, пока день не окончился, а затем ушли, и почувствовал я в сердце раны, медленно заживающие. И я вернулся и стал распытывать о ней новости, но не нашел никого, кто бы знал о ней, и тогда я стал следить за ней на рынках, но не попал на весть о ней и заболел от горя. И я рассказал мою историю одному родственнику, и он сказал мне: — не беда! Дни весны не кончились, и небо скоро начнет дождить, и тогда она выйдет, и я выйду с тобой, и делай то, что ты хочешь. И успокоилась от этого моя душа, и когда аль-Акик потек и люди вышли, я тоже вышел с моими братьями и родственниками, и мы сели в том же месте и просидели минуту, как девушки уже прибежали, точно кони, бегущие на заклад. И я сказал одной девушке из моих родственниц: — скажи той девушке: — говорит вон тот человек: отличился поэт, который сказал такой стих:

Метнула она стрелу, пустившую сердцу кровь,
Ушла и оставила в нем раны и шрамы.

И девушка пошла к ней и сказала это, и она молвила: — скажи ему: — отличился тот, кто ответил таким стихом:

Со мной то же самое. Терпи же, быть может, мы
Душе исцеление увидим и помощь.

И я не стал больше говорить, боясь позора, и поднялся, уходя, и девушка поднялась, когда я поднялся, и я последовал за нею, и она меня увидела. И я узнал, где ее жилище, и она стала ходить ко мне, и я стал ходить к ней, так что мы начали встречаться, и это участилось и сделалось явно и известно, и ее отец узнал об этом. А я все старался встретить девушку и пожаловался моему отцу, и он собрал наших родных и отправился к отцу девушки, желая посвататься за нее. — Если бы это явилось ко мне прежде, чем он ее опозорил, — сказал отец девушки, — я бы наверное согласился, но дело стало известно, и я не таков, чтобы подтвердить речи людей.

— И я повторил юноше песню, — говорил Ибрахим, — и он осведомил меня о том, где ее жилище, и между нами возникла дружба. И потом Джафар-ибн-Яхья устроил прием, и я явился, по обычаю, и спел ему стихи юноши, и Джафар пришел в восторг и выпил несколько кубков и спросил меня: — горе тебе, чья это песня? — и я рассказал ему историю юноши, и он приказал мне поехать к нему и уверить его в том, что он достиг желаемого. И я отправился к юноше и привел его, и Джафар заставил его повторить эту историю, и когда юноша рассказал ее ему, Джафар воскликнул: — ты под моей защитой, пока я не жешю тебя на ней! — И душа юноши

успокоилась, и он остался с нами, и когда наступило утро, Джафар поехал к ар-Рашиду и рассказал ему эту историю, и халиф нашел ее прекрасной. И он велел нам всем явиться и приказал повторить песню и выпил под нее, а затем он велел написать письмо правителю аль-Хиджаза, чтобы тот с почетом доставил к нему отца женщины и ее семью и широко бы на них тратил. И прошло малое время, и они явились, и ар-Рашид велел привести отца девушки, и когда тот явился, приказал ему выдать свою дочь замуж за юношу и дал ему сто тысяч динаров, после чего он вернулся к своей семье. И юноша был одним из сотрапезников Джафара, пока не случилось то, что случилось, и тогда юноша вернулся со своей семьей в аль-Медину, да помплет Аллах великий души их всех!

АССКАЗЫВАЮТ также, о счастливый царь, что везирию Абу-Амиру - ибн - Мервану подарили мальчика из христиан (не падали взоры на кого-нибудь более прекрасного!) и заметил его аль-Малик ан-Насир и спросил у его господина: — откуда этот? — Он от Аллаха, — отвечал Абу-Амир, и ан-Насир сказал ему: — разве ты пугашь нас звездами и хочешь взять нас в плен лунами? — и везирь извинился перед ним. И затем он постарался собрать подарок и послал его ан-Насиру с этим мальчиком и сказал ему: — будь частью этого подарка; если бы не необходимость, моя душа не согласилась бы отдать тебя. — И он написал и послал с ним такие два стиха:

Владыка мой, вот луна отправилась к небесам,
А небо достойнее луны, чем земля, поверь.

Душой ублажаю вас, хотя дорога душа;
Не видел я никого, душою кто ублажал.

И это поправилось ан-Насиру, и он одарил везиря большими деньгами, и власть Абу-Амира укрепилась. А потом, после этого, подарили везирию девушку, одну из достойнейших женщин земли, и испугался везирь, что донесут об этом ан-Насиру, и тот ее потребует, и будет с ней такая же история, как с мальчиком. И он собрал подарок еще больше, чем первый, и отослал его с девушкой. . . и Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ВОСЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Абу-Амир, когда ему подарили эту девушку, испугался, что весть о ней достигнет аль-Малик-ан-Насира, и будет ее история такой же, как история мальчика. И он собрал подарок, еще больше, чем первый, и отослал его, а с ним и девушку, и написал и послал с ней такие стихи:

Владыка — вот солнце (а луна была первою)

Идет, чтобы с месяцем они повстречались.

Вот, жизнью клянусь я, встреча, счастье несущая.

Так будь с ними в Каусаре и в райских селеньях.

Аллахом клянусь, им нет по прелести третьего,

Тебе же по власти нет над миром второго.

И удвоилась власть везиря у ан-Насира, а потом кто-то из его врагов донес на него ан-Насиру, что у него сохранился остаток пыла к мальчику и что он всегда предается воспоминаньям о нем, когда взволнует его вино, и скрежещет зубами из-за того, что подарил мальчика. И ан-Насир сказал доносчику: — не болтай о нем языком, а

не то я заставлю отлететь твою голову! — и написал везирю от имени мальчика записку, в которой стояло: — о мой владыка, ты знаешь, что ты был для меня единственным, и я всегда с тобою благоденствовал, и если я теперь у султана, то все же хочу уединиться с тобою. Но я боюсь ярости царя; придумай же хитрость, чтобы вызвать меня от него. — И Насир послал эту записку с маленьким мальчиком и наказал ему сказать — эта записка от такого-то, и царь никогда с ним не говорил. — И когда Абу-Амир прочитал записку и свнух наврал ему, он почуял яд в напитокке и написал на обороте письма такие стихи:

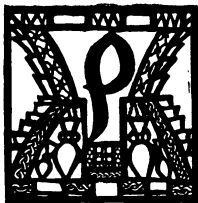
Пройдя испытания судьбы, подобает ли
Мужам рассудительным бежать в чашу львиную?

Нет, я не из тех, чей ум любовь одолеть могла,
И ведомы хорошо мне речи завистников.

Хоть был ты моей душой, послушно я дал тебя,
И как же душа вернется, тело покинувши?

И когда ан-Насир прочитал ответ, он удивился догадливости везиря и не хотел больше слушать доносчиков на него. И потом он спросил везиря: — как ты выпутался из сетей? — и тот ответил: мой ум не опутан сетями любви. — А Аллах знает лучше!

АССКАЗЫВАЮТ также, о счастливый царь, что был во время халифата Харуна ар-Рашида один человек по имени Ахмед ад-Данаф, и другой — по имени Хасан Шуман, и были они творцами козней и хитростей и совершали дивные дела. И по этой причине наградил халиф Ахмеда ад-Данафа почетной одеждой и назначил его начальником правой стороны, и наградил он Хасана Шумана почетной одеждой и назначил его начальником левой стороны, и положил каждому из них жалованье — всякий месяц тысячу динаров, и находилось у каждого из них под рукою сорок человек, и было предписано Ахмеду ад-Данафу наблюдение за сушей. И выехал Ахмед ад-Данаф с Хасаном Шуманом и теми, кто был под их властью, на конях, и эмир Халид-вали был с ними, и глашатай кричал: — согласно приказанию халифа, нет в Багдаде начальника пра-

вой стороны, кроме начальника Ахмеда ад-Данафа, и нет в Багдаде начальника левой стороны, кроме начальника Хасапа Шумана, и слова их должно слушаться, и уважение к ним обязательно!

А была в городе старуха, по имени Далила-хитрица, и была у нее дочь, по имени Зейнаб-мошенница, и они слышали крик глашатая, и Зейнаб сказала своей матери Далиле: — посмотри, матушка, этот Ахмед ад-Данаф пришел из Каира, когда его прогнали, и играл в Багдаде всякие штуки, пока не приблизился к халифу и не стал начальником правой стороны. А тот шелудивый парень, Хасан Шуман, сделался начальником левой стороны, и у него стол по утрам и стол по вечерам, и положено им жалованье — каждому тысячу динаров во всякий месяц. А мы сидим без дела в этом доме, — нет нам ни почета, ни уважения и нет у нас никого, кто бы за нас попросил.

А муж Далилы был прежде начальником в Багдаде, и ему была положена от халифа каждый месяц тысяча динаров, и он умер и оставил двух дочерей: дочь замужнюю, у которой был сын по имени Ахмед аль-Лакит, и дочь незамужнюю, по имени Зейнаб-мошенница. И Далила умела устраивать хитрости, обманы и плутни и ухитрилась выманить большую змею из ее норы, и Иблис учился у нее хитростям. Ее отец был у халифа башенником, и ему полагалось жалованье — каждый месяц тысяча динаров. Он воспитывал почтовых голубей, которые летают с письмами и посланиями, и всякая птица в минуту нужды была халифу дороже, чем какой-нибудь из его сыновей.

И Зейнаб сказала своей матери: — или, устрой хитрости и плутни, может быть, из-за этого разнесется о нас слава в Багдаде, и будет нам жалованье нашего отца... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

ШЕСТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Зейнаб-мошенница сказала своей матери: — иди, устрой нам хитрости и плутни, может быть, распространится о нас из-за этого слава в Багдаде, и будет нам жалованье нашего отца.

— Клянусь твоей жизнью, о дочка, — сказала Далила, — я сыграю в Багдаде штуки посильнее штук Ахмеда ад-Данафа и Хасана Шумана! — И она поднялась и, закрыв лицо платком, надела одежду факиров из суфиев и оделась в платье, спускавшееся ей до пят, и в шерстяной халат и повязалась широким поясом. И она взяла кувшин, наполнила его водой по горлышко и, положив на отверстие его три динара, прикрыла отверстие кувшина куском пальмового лыка, и надела на шею четки величиной с вязанку дров и взяла в руки палку с красными и желтыми тряпками, и вышла, говоря: — Аллах! Аллах! — и язык произносил славословие, а сердце скакало по ристалищу мерзости. И она начала высматривать, какую бы сыграть в городе штуку, и ходила из переулка в переулочек, пока не пришла к одному переулку, выметенному, политому и вымощенному мрамором. И она увидела сводчатые ворота с мраморным порогом и магрибинца-привратника, который стоял у ворот, и был это

дом начальника чаушей халифа, и у хозяина дома были поля и деревни и большое жалованье. И звали его эмир Хасан Шарр-ат-Тарик, и назывался он так лишь потому, что удар опережал у него слово. И был он женат на красивой женщине, и любил ее, и в ночь, когда он вошел к ней, она взяла с него клятву, что он ни на ком, кроме нее, не женится и не будет почевать вне дома. И в один из дней ее муж пошел в диван и увидел с каждым из эмиров сына или двоих сыновей. А он как-то ходил в баню и посмотрел на свое лицо в зеркало и увидел, что белизна волос его бороды покрыла черноту, и сказал себе: — разве тот, кто взял твоего отца, не разделит тебя сыном? — И потом он вошел к жене, сердитый, и она сказала ему: — добрый вечер! — и эмир воскликнул: — уходи от меня! С того дня, как я тебя увидел, я не видел добра. — А почему? — спросила его жена, и он сказал: — в ночь, когда я вошел к тебе, ты взяла с меня клятву, что я ни на ком, кроме тебя, не женюсь, а сегодня я видел, что с каждым эмиром сын, а с некоторыми — двое, и вспомнил про смерть и про то, что мне не досталось ни сына, ни дочери, а у кого нет сына, о том не вспоминают. Вот причина моего гнева. Ты бесплодная и не несешь от меня! — Имя Аллаха над тобою! — воскликнула его жена. — Я пробилла все ступки, толча шерсть и зелья, и нет за мной вины. Задержка от тебя: ты — плосконосый мул, и твой белок — жидкий, он не делает беременной и не приносит детей. — Когда вернусь из поездки, женюсь на другой, — сказал эмир, и жена его ответила: — моя доля за Аллахом! — и эмир

вышел от нее, и оба раскаялись, что поносили друг друга. И когда жена эмира выглядывала из окна, подобно невесте из клада, — столько было на ней украшений, — Далила вдруг остановилась и увидела эту женщину и заметила на ней украшения и дорогие одежды и сказала себе: — нет ловкости, о Далила, кроме как забрать эту женщину из дома ее мужа и оголить ее от украшений и одежды и взять все это. — И она остановилась и стала поминать под окном дворца, говоря: — Аллах! Аллах! — и жена эмира увидела старуху, одетую в белые одежды, похожие на купол из света, и имевшую облик суфиев, которая говорила: — явитесь, о друзья Аллаха! — И женщины с той улицы высунулись из окон и стали говорить: — вот кое-что из поддержки Аллаха! От лица этой старицы исходит свет! — и Хатун, жена эмира Хасана, заплакала и сказала своей невольнице: — спустись, поцелуй руку шейху Абу-Али, привратнику, и скажи ему: — дай ей войти, этой старице, чтобы мы получили через нее благодать. — И невольница спустилась и поцеловала привратнику руку и сказала: — моя госпожа говорит тебе: — дай этой старице войти к моей госпоже, чтобы она получила через нее благодать. . . и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

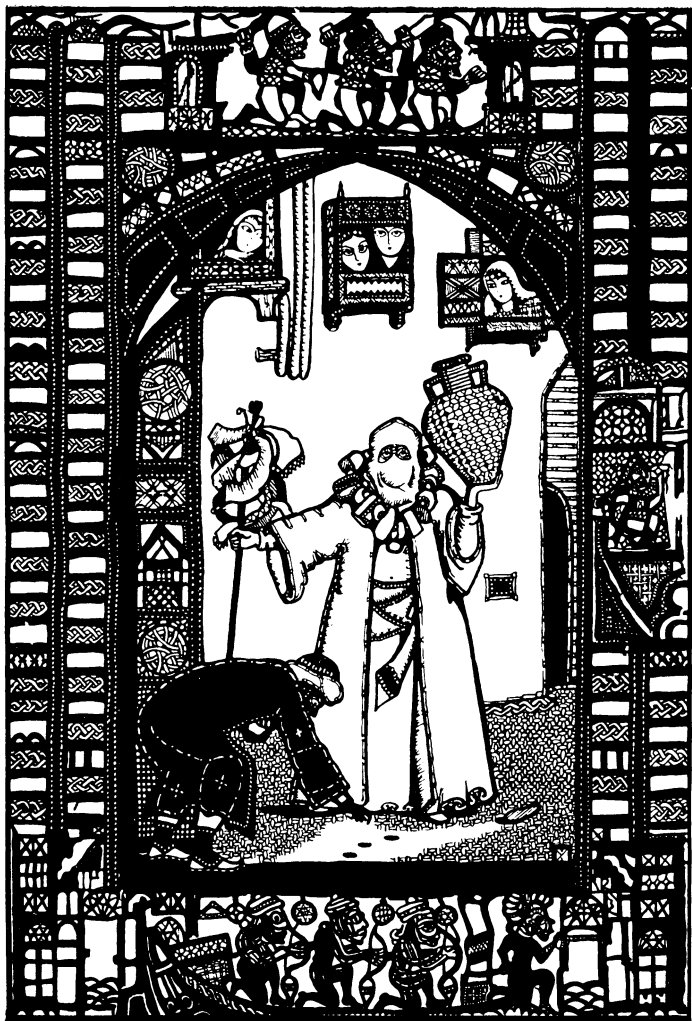
НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО СЕМИСОТ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что невольница спустилась к привратнику и сказала ему: — моя госпожа говорит тебе: — дай этой старице войти к моей госпоже, чтобы

она получила через нее благодать — может быть, ее благодать покроет нас всех. — И привратник пошел к Далиле и начал целовать ей руку, но она не дала ему и сказала: — отдались от меня, чтобы не испортить мне омовения! Ты тоже — влѣкомый к Аллаху, наблюдаемый друзьями Аллаха. Аллах освободил тебя от этой службы, о Абу-Али' — А привратнику приходилось с эмира его жалованье за три месяца, и он был стеснен и не знал, как вырвать деньги у этого эмира. — О матушка, напои меня из твоего кувшина, чтобы я получил через тебя благодать, — сказал он Далиле, и та сняла кувшин с плеча и помахала им в воздухе и тряхнула рукой так, что лыко слетело с отверстия кувшина, и три динара упали на землю, и привратник увидел их и подобрал. — Вот нечто от Аллаха! — воскликнул он. — Эта старица из святых с сокровищами! Она разведала про меня и узнала, что я нуждаюсь в деньгах на расходы, и сумела раздобыть мне три динара из воздуха. — И он взял динары в руку и сказал Далиле: — возьми, тетушка, три динара, которые упали на землю из твоего кувшина, — и старуха воскликнула: — отдали их от меня, я из тех людей, которые никогда не занимаются делами мира! Возьми их и истрать на себя взамен того, что приходится тебе с эмира. — Вот нечто от поддержки Аллаха, и это из главы об откровениях! — воскликнул привратник, и невольница поцеловала старухе руку и повела ее наверх к своей госпоже. И Далила вошла и увидела, что госпожа невольницы подобна кладу, с которого сняты талисманы, а Хатун приветствовала ее и поцеловала ей руку. — О дочь моя, — сказала

старуха, — я пришла к тебе только с советом. — И Хатун подала ей еду, и Далила сказала: — о дочка, я ем одни только райские кушанья и постоянно пощусь. Я нарушаю пост лишь на пять дней в году. Но я вижу, о дочка, что ты огорчена, и хочу, чтобы ты мне сказала о причине твоего огорчения. — О матушка, — ответила Хатун, — в ночь, когда муж вошел ко мне, я взяла с него клятву, что он не женится на другой, и он увидел детей и ему захотелось их иметь, и он сказал: — ты бесплодная! — а я сказала: — ты мул, от которого не носят! — и он вышел, сердитый, и сказал: — когда вернусь из поездки, женюсь на другой! — и я боюсь, о матушка, что он со мной разведется и возьмет другую. У него есть деревни и поля и большое жалованье, и если придут к нему дети от другой, они завладеют вместо меня деньгами и деревнями. — О дочка, — сказала Далила, — разве ты ничего не знаешь о моем шейхе Абу-ль-Хамалате? За всякого, кто в долгах и кто посетит его, Аллах отдаст его долги, а если посетит его бесплодная, она станет беременной. — О матушка, — сказала Хатун, — с того дня, как муж вошел ко мне, я не выходила ни с утешением, ни с поздравлением. — О дочка, — сказала старуха, — я возьму тебя с собой и отведу к Абу-ль-Хамалату. Клянись на него твою ношу и дай ему обет, может быть, твой муж вернется из путешествия, познает тебя, и ты понесешь от него дочку или сына. И тот, кого ты родишь, будь то мальчик или девочка, станет дервишем шейха Абу-ль-Хамалата.

И женщина поднялась и надела все свои украшения и оделась в самое роскошное из бывших

у нее платьев и сказала невольнице: — присматривай за домом! — и невольница ответила: — слушаю и повинуюсь, о госпожа! — И потом Хатун спустилась вниз, и ее встретил шейх Абу-Али, привратник, и спросил ее: — куда, о госпожа? — и Хатун ответила ему: — я иду посетить шейха Абу-ль-Хамалата. — Поститься год для меня обязательно! — воскликнул привратник. — Поистине, эта старица из святых, и она полна святости. Она, о госпожа, из святых с сокровищем, так как она мне дала три динара червонного золота и все обо мне открыла, без того, чтобы я ее просил, и узнала, что я нуждаюсь! — И старуха вышла, и женщина, жена эмира Хасана Шаррат-Тарик, вместе с нею, и старуха Далила-хитрица говорила женщине: — если захочет Аллах, о дочка, когда ты посетишь шейха Абу-ль-Хамалата, твое сердце будет залечено, и ты понесешь, по изволению великого Аллаха, и полюбит тебя твой муж, эмир Хасан, по благодати этого шейха, и не заставит тебя после этого слушать слова, обидные для твоего сердца. — Я посещу его, о матушка, — сказала женщина, а старуха подумала: — где я ее оголю и возьму ее одежду, когда люди ходят туда и сюда? — О дочка, — сказала она женщине, — когда идешь, иди сзади меня, на таком расстоянии, чтобы меня видеть, потому что твоя матушка несет на себе многие ноши, и всякий, у кого есть ноша, бросает ее на меня, и все, у кого есть приношение, дают его мне и целуют мне руку. — И женщина пошла сзади Далилы, далеко от нее, а старуха шла впереди, пока они не дошли до рынка купцов, и браслеты звучали, и монеты

бренчали. И Далила прошла мимо лавки сына одного купца, по имени Сиди-Хасан (а он был красивый, без растительности на щеках), и он увидел подходившую женщину и стал искоса на нее поглядывать, и когда старуха заметила это, она подмигнула женщине и сказала ей: — посиди возле этой лавки, пока я не приду к тебе! — И женщина исполнила ее приказание и села перед лавкой сына купца, и сын купца посмотрел на нее взглядом, оставившим в нем тысячу вздохов, а старуха подошла к нему приветствовала его и спросила: — тебя ли зовут Сиди-Хасан, сын купца Мухсина? — и юноша ответил: — да, кто осведомил тебя о моем имени? — Указали мне на тебя люди блага, — ответила старуха. — Знай, что эта девушка — моя дочь. Ее отец был купцом, и он умер и оставил ей большие деньги, и она достигла зрелости, а разумные сказали: — сватай свою дочь, но не сватай за твоего сына. — И она в жизни не выходила, раньше этого дня, и пришло мне указание, и раздался в сердце моем призыв, чтобы я выдала ее за тебя замуж, а если ты бедный, я дам тебе капитал и открою тебе вместо этой лавки две. — И сын купца подумал: — я просил у Аллаха невесту, и он послал мне три вещи: кошелек, кусс и одежду! — О матушка, — сказал он, — прекрасно то, что ты мне посоветовала! Моя мать уже давно говорит мне: — я хочу тебя женить, — а я не соглашаюсь и говорю: — я женюсь не иначе, как увидев глазами! — Поднимайся на ноги и следуй за мной, я покажу ее тебе голую, — сказала Далила, и юноша пошел с ней и взял с собою тысячу динаров, говоря в душе: — может быть, нам пона-

добится что-нибудь купить... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

СЕМЬСОТ ПЕРВАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала Хасану, сыну купца Мухсинна: — поднимайся, следуй за мной, я покажу тебе голую, — и юноша поднялся и пошел с ней и взял с собой тысячу динаров, говоря в душе: — может быть, нам что-нибудь понадобится, и это мы купим и выложим установленную плату за заключение условия. — Иди от нее вдали, на таком расстоянии, чтобы видеть ее глазами, — сказала ему старуха, а сама она думала: — куда ты пойдешь с сыном купца, который уже запер свою лавку, чтобы оголить его и женщину? — И она пошла (а женщина следовала за нею, и сын купца следовал за женщиной) и подошла к красильне, где был один мастер, по имени Хаджж Мухаммед, и был он подобен ножу продавца аронника — срезал и мужское, и женское — и любил есть фиги и гранаты. И он услышал звон ножных браслетов и поднял глаза и увидел юношу и девушку, и вдруг старуха села подле него и приветствовала его и спросила: — ты Хаджж Мухаммед, красильщик? — Да, я Хаджж Мухаммед, чего ты потребуешь? — ответил красильщик, и Далила сказала: — указали мне на тебя люди блага. Посмотри на эту красивую девушку — это моя дочь, а этот безбородый красивый юноша — мой сын, и я воспитала их и истратила на них большие деньги. Знай, что у меня есть большой, шаткий дом. Я подперла его деревянными бал-

ками, но строитель сказал мне: — живи в другом месте — возможно, что дом на тебя упадет — пока не перестроишь его, а потом возвращайся в него и живи в нем. — И я вышла поискать себе какого-нибудь места, и люди блага указали мне на тебя, и я хочу поселить у тебя мою дочь и моего сына. — Пришло к тебе масло на лепешке! — подумал красильщик и сказал старухе: — правильно, у меня есть дом, и гостиная, и комната, но я не могу обойтись без какого-нибудь из этих помещений из-за гостей и феллахов с индиго. — О сынок, — сказала Далила, — самое большое — месяц или два месяца, пока мы перестроим дом. Мы — люди иноземные. Сделай помещение гостей общим для нас с тобою. Клянись твоей жизнью, о сынок, если ты потребуешь, чтобы твои гости были нашими гостями, добро им пожаловать, — мы и есть будем с ними и спать будем с ними.

И красильщик отдал Далиле ключи: один — большой, другой — маленький, и еще ключ — кривой, и сказал: — большой ключ — от дома, кривой — от гостиной и маленький — от комнаты, — и Далила взяла ключи, и женщина пошла за нею следом, а сзади нее шел сын купца. И Далила пришла к переулку и увидела ворота и открыла их и вошла, и женщина тоже вошла, и Далила сказала ей: — о дочка, это дом шейха Абуль-Хамалата (и она указала ей на гостиную), но поднимись в комнату и развяжи изар, а я приду к тебе. — И женщина поднялась в комнату, и села, и тут пришел сын купца, и старуха встретила его и сказала: — посиди в гостиной, а я приведу тебе мою дочь, чтобы ты на нее

посмотрел. — И юноша вошел и сел в гостиной, а старуха вошла к женщине, и та сказала ей: — я хочу посетить Абу-ль-Хамалата, пока не пришли люди. — О дочка, мы боимся за тебя, — сказала старуха. — Отчего? — спросила женщина, и старуха сказала: — тут мой сын, он — дурачок, не отличает лета от зимы, и постоянно голый. Он — подручный шейха, и если входит к нему девушка, как ты, чтобы посетить шейха, он хватает ее серьги и разрывает ей ухо и рвет ее шелковую одежду. Сними же твои драгоценности и платье, а я поберегу это для тебя, пока ты не посетишь шейха. — И женщина сняла украшения и одежду и отдала ее старухе, и та сказала: — я положу их под покровом шейха, и достанется тебе благодать. — И потом старуха взяла вещи и ушла, оставив женщину в рубахе и в штанах, и спрятала вещи в одном месте на лестнице, а затем она вошла к сыну купца и нашла его ожидающим женщину. — Где твоя дочь, чтобы я посмотрел на нее? — спросил он старуху, и та стала бить себя в грудь. — Что с тобой? — спросил юноша, — и старуха воскликнула: — пусть не живет злой сосед и пусть не будет соседей, которые завидуют! Они видели, как ты входил со мной и спросили про тебя, и я сказала: — я вывела моей дочери этого жениха, — и тогда они мне позавидовали и сказали моей дочери: — разве твоя мать устала содержать тебя, что она тебя выдает за прокаженного? — И я дала ей клятву, что я позволю ей тебя увидеть не иначе, как голым. — Прибегаю к Аллаху от завистников! — воскликнул юноша. — И он обнажил руки, и Далила увидела, что они — точно серебро,

и сказала: — не бойся ничего! Я дам тебе увидеть ее голою, как и она увидит тебя голым. — Пусть приходит и смотрит на меня, — сказал юноша и снял с себя соболью шубку, и кушак, и нож, и всю одежду, так что остался в рубахе и подштанниках, а тысячу динаров он положил в вещи, и старуха сказала ему: — подай твои вещи, я тебе их поберегу. — И она взяла их и положила их на вещи женщины и понесла все это и вышла в двери и заперла обоих и ушла по своему пути... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

СЕМЬСОТ ВТОРАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что старуха, взяв вещи сына купца и вещи женщины, заперла обоих за дверями и ушла своей дорогой. Она оставила то, что с нею было, у одного москательщика и пошла к красильщику и увидела, что тот сидит и ждет ее. — Если захотел Аллах, стало так, что дом вам понравился, — сказал он, и Далила ответила: — в нем благодать, и я иду привести носильщиков, которые принесут наши вещи и ковры. Мои дети захотели хлеба с мясом; возьми же этот динар, приготовь им хлеба с мясом и пойди пообедай с ними. — А кто будет стеречь красильню, в которой чужие вещи? — спросил красильщик. — Твой малый, — отвечала Далила, и красильщик сказал: — пусть так! — и, взяв блюдо, пошел готовить обед.

Вот что было с красильщиком, и речь о нем еще придет. Что же касается старухи, то она взяла от москательщика вещи женщины и сына

купца, вошла в красильню и сказала малому красильщику: — догоняй твоего хозяина, а я не двинусь, пока вы оба не придете. — Слушаю и повинуюсь! — ответил малый, а Далила взяла все, что было в красильне. И вдруг подошел один ослятник, гашишеед, который уже неделю был без работы, и старуха сказала ему: — пойди сюда, ослятник! — и когда он подошел, спросила: — знаешь ли ты моего сына, красильщика? — Да, я его знаю, — ответил ослятник, и старуха сказала: — этот бедняга разорился, и на нем остались долги, и всякий раз, как его сажают в тюрьму, я его освобождаю. Мы желаем установить его бедность, и я иду отдать вещи их владельцам и хочу, чтобы ты дал мне осла. Я отвезу на нем людям их вещи, а ты возьми этот динар за наем осла, а после того, как я уйду, ты возьмешь ручную пилу, вычерпаешь все, что есть в горшках, и разобьешь горшки и кувшины, чтобы, когда придет следователь от кади, в красильне ничего не нашлось. — Милость хозяина лежит на мне, и я сделаю что-нибудь, ради Аллаха, — ответил ослятник, и старуха взяла вещи и взвалила их на осла; и покрыл ее покрывающий, и она отправилась домой. И когда она вошла к своей дочери Зейнаб, та сказала ей: — мое сердце с тобою, матушка! Какие плутни ты устроила? — и старуха отвечала: — я устроила четыре плутни с четырьмя человеками: сыном купца, женой чауша, красильщиком и ослятником, и привезла тебе все их вещи на осле ослятника. — О матушка, — сказала Зейнаб, — ты не сможешь больше пройти по городу из-за чауша, вещи жены которого ты забрала, и сына купца, которого ты оголила, и кра-

сильщика, из чьей красильни ты взяла вещи, и ослятника, владельца осла. — Ах, доченька, — ответила Далила, — я думаю только об ослятнике: он меня узнает.

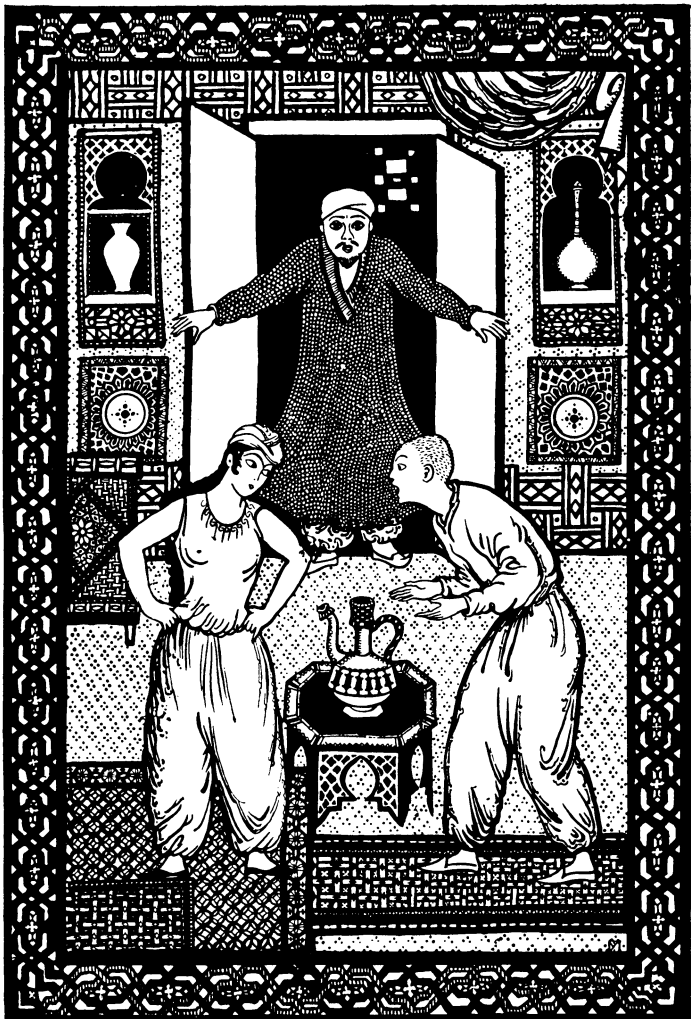
Что же до мастера-красильщика, то он приготовил хлеб с мясом и поставил его на голову своего слуги и прошел мимо красильни и увидел ослятника, который бил горшки, и не осталось в красильне ни материй, ни вещей, и увидел он, что красильня разрушена. — Подними руку, ослятник, — сказал он ему, — и ослятник поднял руку и воскликнул: — слава Аллаху за благополучие, хозяин! Мое сердце болит о тебе. — Почему, и что со мной случилось? — спросил красильщик, и ослятник сказал: — ты разорился, и тебе написали свидетельство о разорении. — Кто тебе сказал? — спросил красильщик, и ослятник молвил: — твоя мать мне сказала, и она велела мне разбить горшки и вычерпать кувшины, боясь, что когда придет следователь, он, может быть, что-нибудь найдет в красильне. — Аллах да обманет далекого! — воскликнул красильщик. — Моя мать давно умерла! — И он принялся бить себя рукою в грудь и воскликнул: — пропало мое имущество и имущество людей! — и тогда ослятник заплакал и воскликнул: — пропал мой осел! — И потом он сказал красильщику: — подай мне моего осла от твоей матери, красильщик! — и красильщик вцепился в ослятника и стал бить его кулаками, говоря: — приведи мне старуху! — а ослятник говорил: — приведи мне осла! — И люди собрались вокруг них... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала
СЕМЬСОТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что красильщик вцепился в ослитника, а ослитник вцепился в красильщика, и они начали драться, и каждый из них обвинял другого. И вокруг них собрались люди, и один из них спросил: — что у вас за история, о мастер Мухаммед? — и ослитник воскликнул: — я расскажу вам эту историю! — И он рассказал о том, что с ним случилось, и сказал: — я думал, что я заслужил благодарность мастера, но когда он меня увидел, он стал бить себя в грудь и сказал: — моя мать умерла! — и я тоже требую с него моего осла, так как он устроил со мной эту штуку, чтобы погубить мне моего осла. — О мастер Мухаммед, — сказали люди, — ты, значит, знаешь эту старуху, раз ты доверил ей красильню и то, что там было. — Я ее не знаю, — отвечал красильщик, — и она только сегодня у меня поселилась с сыном и дочерью. — По совести, — сказал кто-то, — красильщик отвечает за осла. — В чем основание этого? — спросили его, и он сказал: — потому что ослитник был спокоен и отдал своего осла старухе только когда увидел, что красильщик доверил старухе красильню и то, что в ней было. — О мастер, — сказал тогда кто-то, — если ты поселил ее у себя, ты обязан привести ослитнику его осла.

И потом они пошли, направляясь к дому красильщика, и речь о них еще придет. Что же касается сына купца, то он ждал прихода старухи, но та не приводила своей дочери, а женщина

ждала, что старуха принесет ей позволение от своего сына, увлеченного к Аллаху, подручного шейха Абу-ль-Хамалата, но старуха не возвращалась к ней. И Хатуп поднялась, чтобы посетить шейха, и вдруг сын купца сказал ей, когда она входила: — пойди сюда! Где твоя мать, которая привела меня, чтобы я на тебе женился? — Моя мать умерла, — отвечала женщина. — А ты — сын старухи, увлеченный Аллахом, подручный шейха Абу-ль-Хамалата? — Это не моя мать, — сказал сын купца, — это старуха, обманщица. Она обманула меня и взяла мою одежду и тысячу динаров. — Меня она тоже обманула и привела меня, чтобы я посетила Абу-ль-Хамалата, и оголила меня, — сказала женщина, и сын купца начал говорить ей: — я узнаю, где моя одежда и тысяча динаров, только от тебя! — а женщина говорила: — я узнаю, где мои вещи и драгоценности, только от тебя! Приведи мне твою мать! — И вдруг вошел к ним красильщик и увидал, что сын купца голый и женщина тоже голая, и сказал: — говорите, где ваша мать! — И женщина рассказала обо всем, что ей выпало, и сын купца рассказал обо всем, что с ним случилось, и красильщик воскликнул: — пропало мое имущество и имущество людей! — а ослятник воскликнул: — пропал мой осел! — Эта старуха — обманщица, сказал красильщик. — Выходите, чтобы я запер дверь. — Для тебя будет позором, что мы вошли к тебе в дом одетые, а выходим оттуда голые, — сказал сын купца, и красильщик одел его и одел женщину и отправил ее домой, и речь о ней еще придет после прибытия ее мужа из путешествия.

Что же касается красильщика, то он запер красильню и сказал сыну купца: — пойдём с нами искать старуху, чтобы отдать ее вали, — и сын купца пошел с ними, и ослятник был с ними вместе. И они вошли в дом вали и пожаловались ему, и вали спросил: — о люди, в чем ваше дело? — и они рассказали ему, что случилось, и вали сказал: — а сколько в городе старух! Идите, ищите ее и схватите, а я заставлю ее сознаться. — И они стали ходить и искать Даллу, и речь о них еще придет.

То же касается старухи Далилы-хитрицы, то она сказала своей дочери Зейнаб: — о дочка, я хочу устроить штуку. — О матушка, я боюсь за тебя, — сказала Зейнаб, и старуха молвила: — я точно шелуха бобов: не даюсь ни воде, ни огню! — И она поднялась и надела платье служанки из служанок вельмож и пошла, высматривая, какую бы устроить плутню. И она прошла мимо переулка, устланного материей, где висели светильники, и услышала там певич и удары в бубны и увидела невольницу, на плече которой сидел мальчик, в рубашке, вышитой серебром, и на нем была красивая одежда, а на голове у него был тарбуш, окаймленный жемчугом. На шее у мальчика висело золотое ожерелье с драгоценными камнями, и на нем был надет бархатный плащ. А этот дом принадлежал начальнику купцов в Багдаде, и ребенок был его сыном, и была

у него еще дочь, невинная, за которую посваталась, и они в этот день справляли свадьбу. И у ее матери было много женщин и певид, и всякий раз, как мать мальчика входила или выходила, ребенок цеплялся за нее, и она кликнула невольницу и сказала ей: — возьми твоего господина, поиграй с ним, пока собрание не разоидется. — А старуха Далила вошла и увидела мальчика на плече невольницы и спросила ее: — что у твоей госпожи сегодня за торжество? — и невольница ответила: — она справляет свадьбу своей дочери, и у нее певиды. — И тогда старуха сказала в душе: — о Далила, нет лучше плутни, как взять этого ребенка у этой невольницы... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

СЕМЬСОТ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала в душе: — о Далила, нет лучше плутни, как взять этого ребенка у этой невольницы! — И после этого она воскликнула: — о злосчастный позор! — и вынула из-за пазухи маленькую медную бляшку, похожую на динар. А невольница была дурочка, и старуха сказала ей: — возьми этот динар, пойдн к твоей госпоже и скажи ей: — Умм-аль-Хайр за тебя радуется, и твоя милость лежит на ней, и в день собрания она придет со своими дочерьми, и они наградят горничных подарками. — О матушка, — сказала невольница, — а как же этот мой господин: всякий раз, как он видит свою мать, он цепляется за нее. — Подай его, он побудет со

мною, пока ты сходишь и вернешься, — сказала старуха, и невольница взяла медную бляшку и вошла в дом, а старуха взяла ребенка и, войдя в переулочек, сняла с него украшения и одежды, которые на нем были, и сказала в душе: — о Далила, ловкость лишь в том, чтобы, так же как ты сыграла штуку с невольницей и взяла у нее ребенка, устроить еще плутню и оставить мальчика в залог за что-нибудь ценой в тысячу динаров! — И она пошла на рынок торговцев драгоценными камнями и увидела еврея-ювелира, перед которым была корзина, полная драгоценностей, и сказала себе: — ловкость лишь в том, чтобы схитрить с этим евреем, взять у него драгоценностей на тысячу динаров и оставить этого ребенка за них в залог. — И еврей посмотрел глазами, и увидел ребенка со старухой и узнал, что это сын начальника купцов. А у этого еврея было много денег, и он завидовал своему соседу, если тот продавал что-нибудь, а он не продавал. — Чего ты потребуешь, о госпожа? — спросил он, и Далила сказала: — ты ли мастер Азра, еврей (она раньше спросила, как его зовут)? — Да, — ответил еврей, и Далила сказала: — за сестру этого ребенка, дочь начальника купцов, посватались, сегодня справляют ее свадьбу, и ей нужны драгоценности. Дай же нам две пары золотых ножных браслетов, пару золотых запястий, жемчужные серьги, кушак, кинжал и перстень. — И она взяла у него вещей на тысячу динаров и сказала: — я возьму эти драгоценности и посоветуюсь; что им понравится, они заберут, и я принесу тебе за это деньги, а ты поддержи этого мальчика у себя. — Дело будет так, как

ты хочешь, — ответил ювелир, — а Далила взяла драгоценности и пошла домой. И ее дочь спросила ее: — как же плутни ты устроила? — и старуха отвечала: — я сыграла одну штуку: взяла сына начальника купцов и раздела его, а потом пошла и заложила его за веши в тысячу динаров и забрала их у одного еврея. — Ты не сможешь больше ходить по городу, — сказала ей ее дочь.

А что касается невольницы, то она вошла к своей госпоже и сказала ей: — о госпожа, Уммаль-Хайр желает тебе мира и радуется за тебя, а в день собрания она придет со своими дочерьми, и они дадут подарок. — А где твой господин? — спросила ее госпожа, и невольница ответила: — я оставила его у нее, боясь, что он за тебя уцепится, и она дала мне подарок для певца. — И госпожа невольницы сказала начальнице певца: — возьми твой подарок, — и та взяла его и увидела; что это медная бляшка. — Спустись, о распутница, посмотри, где твой господин, — сказала госпожа невольнице, и девушка спустилась и не нашла ни ребенка, ни старухи. И она закричала и упала лицом вниз, и сменилась радость их печалью, и вдруг пришел начальник купцов. И жена его рассказала ему обо всем, что случилось, и он вышел искать своего сына, и каждый из купцов начал искать на какой-нибудь дороге. И начальник купцов искал до тех пор, пока не увидел своего сына голым возле лавки еврея, и тогда он спросил его: — это мой сын? — Да, — отвечал еврей, и отец мальчика взял его, и от сильной радости не стал спрашивать про его одежду. Что же касается еврея, то, увидев, что

купец взял своего сына, он уцепился за него и воскликнул: — Аллах да поможет против тебя халифу! — Что с тобой, о еврей? — спросил купец, и еврей сказал: — старуха взяла у меня драгоценностей для твоей дочери на тысячу динаров и заложила у меня этого ребенка. Я только потому ей и дал их, что она оставила у меня этого ребенка в залог за то, что взяла, и я бы не доверился ей, если бы не знал, что этот ребенок — твой сын. — Моей дочери не нужно драгоценностей. Принеси мне одежду ребенка, — сказал купец, и еврей закричал: — ко мне, о мусульмане! — и вдруг подошли ослятник, красивыйщик и сын купца, которые ходили и искали старуху. И они спросили купца и еврея о причине их перебранки, и те рассказали им, что случилось, и пришедшие сказали: — эта старуха — обманщица, и она обманула нас раньше, чем вас. — И они рассказали обо всем, что у них с нею случилось, и начальник купцов сказал: — раз я нашел своего сына, одежда — выкуп за него, а если старуха попадется, я потребую одежду от нее. — И начальник купцов отправился с своим сыном к его матери, и та обрадовалась, что ребенок цел, а что до еврея, то он спросил тех троих: — а вы куда идете? — и они ответили: — мы хотим искать старуху. — Возьмите меня с собой, — сказал еврей, и потом он спросил: — есть ли среди вас кто-нибудь, кто ее узнает? — Я ее узнаю! — воскликнул ослятник, и еврей сказал: — если мы пойдем вместе, нам невозможно будет ее найти, и она от нас убежит. Пусть каждый из нас пойдет по какой-нибудь дороге, а встреча наша будет у лавки хаджи Масуда,

цырюльника-магрибинца. — И каждый из них пошел по одной из дорог, и вдруг Далила вышла, чтобы устроить плутню. И ее увидел ослятник и, узнав ее, уцепился за нее и крикнул: — горе тебе! Разве ты давно занимаешься таким делом? — Что с тобой? — спросила старуха, и ослятник воскликнул: — мой осел! Подай его! — Скрывай то, что скрыл Аллах, о сын мой, — сказала старуха. — Ты требуешь своего осла или вещи людей? — Я требую только моего осла, — ответил ослятник, и старуха сказала: — я увидела, что ты бедный и поставила тебе твоего осла у цырюльника-магрибинца. Стань поодаль, а я дойду до него и скажу ему ласково, чтобы он его тебе отдал. — И она подошла к магрибинцу и поцеловала ему руку и заплакала, и цырюльник спросил ее: — что с тобой? — и она сказала: — о дитя мое, посмотри на моего сына, который там стоит. Он был болен и простудился, и воздух испортил ему разум. А он покупал ослов, и когда он встает, он говорит: — мой осел! — и когда сидит, говорит: — мой осел! — и когда ходит, говорит: — мой осел! — И один врач из врачей сказал мне, что он помрачился в уме и что его вылечишь только вырвав ему два зуба и прижегши ему виски дважды. Возьми же этот динар, позови его, и скажи ему: — твой осел у меня. — Поститься год для меня обязательно! — воскликнул цырюльник. — Я право отдам ему его осла прямо в руки! — А у него было два мастера, и он сказал одному из них: — пойдн накали два гвоздя, — и потом он позвал ослятника, а старуха ушла своей дорогой. И когда ослятник подошел к нему, цырюльник сказал: — твой осел у меня,

о бедняга! Пойди сюда, возьми его: клянусь жизнью, я отдам его тебе прямо в руки. — И затем он взял ослиатника, и тот вошел с ним в темную комнату, и вдруг магрибинец ударил его кулаком, и он упал, и его потащили и связали ему руки и ноги, и магрибинец вырвал ему два зуба и два раза прижег ему виски, а потом оставил его. И ослиатник поднялся и спросил его: — о магрибинец, почему ты сделал со мной такое дело? — и дырюльник ответил: — потому что твоя мать рассказала мне, что ты помрачплся в уме, так как ты простудился, когда был болен, и что когда ты встаешь, ты говоришь: — мой осел! — и когда сидишь, говоришь: — мой осел! — и когда ходишь, говоришь: — мой осел! — Вот он, твой осел, у тебя в руке! — Ты получишь от Аллаха за то, что вырвал мне вьлки! — воскликнул ослиатник, и магрибинец сказал: — твоя мать мне так сказала, — и рассказал ослиатнику обо всем, что она ему говорила. — Аллах да сделает ее жизнь тяжелой! — воскликнул ослиатник, и потом они с магрибинцем ушли, препираясь, и магрибинец оставил свою лавку, а вернувшись в лавку, магрибинец не нашел в ней ничего: когда он ушел с ослиатником, старуха взяла все, что было у него в лавке, и пошла к своей дочери и рассказала ей обо всем, что ей выпало и что она сделала. Что же касается дырюльника, то, увидев, что его лавка пуста, он уцепился за ослиатника и сказал ему: — приведи мне твою мать! — и ослиатник воскликнул: — это не моя мать, это обманщица, которая обманула много людей и взяла моего осла! — И вдруг подошли красильщик, еврей и сын купца, и они увидели, что магриби-

нец вцепился в ослятника, а у ослятника прижжены виски, и спросили его: — что с тобой случилось, о ослятник? — И ослятник рассказал им обо всем, что с ним произошло, и магрибинец тоже рассказал свою историю, и они воскликнули: — это старуха-обманщица, которая обманула нас! — и рассказали обо всем, что случилось. И магрибинец запер свою лавку и пошел с ними к дому вали, и они сказали вали: — мы узнаем о наших обстоятельствах и о нашем имуществе только от тебя! — А сколько в городе старух! — сказал вали. — Есть ли среди вас кто-нибудь, кто ее узнает? — Я ее узнаю, — сказал ослятник, — но только дай нам десять твоих приближенных. — И ослятник вышел с приближенными вали, а остальные шли позади их. И он стал кружить со всеми ими, и вдруг подошла старуха Далила, и ослятник с приближенными вали схватили ее и пошли с ней к вали, и остановились под окнами дворца, ожидая, пока вали выйдет. И потом приближенные вали заснули, так как подолгу не спали у вали, и старуха представилась спящей, и ослятник с товарищем тоже заснули, и тогда Далила выскользнула от них и вошла в харим и, поцеловав руку у госпожи харима, спросила ее: — где вали? — Спит. Что ты хочешь? — спросила госпожа харима, и Далила сказала: — мой муж продает рабов, и он дал мне пятерых невольников, чтобы я их продала, а сам он уехал. И вали встретил меня и приторговал их у меня за тысячу динаров и еще двести динаров мне, и сказал: — приведи их к дому! — и вот я их привела... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала
СЕМЬСОТ ПЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что старуха вошла в харим вали и сказала его жене: — вали сторговал у меня невольников за тысячу динаров и двести динаров мне, и сказал: — приведи их к дому. — А у вали была тысяча динаров, и он сказал своей жене: — прибереги их, мы купим на них невольников, — и, услышав от старухи такие слова, она поверила, что ее муж так сделал, и спросила: — где невольники? — и старуха ответила: — о госпожа, они спят под окном дворца, в котором ты находишься! — И госпожа выглянула из окна и увидела магрибинца, одетого в одежду невольников, и сына купца в облике невольника, и красильщика с ослиатником и евреем, имевших облик бритых невольников, и тогда жена вали сказала: — каждый из этих невольников лучше, чем тысяча динаров. — И она открыла сундук и дала старухе тысячу динаров и сказала: — иди, а когда вали встанет после сна, мы возьмем у него для тебя двести динаров. — О госпожа, — сказала старуха, — сто динаров из них будут для тебя, под кувшином с питьем, которое ты пила, и другую сотню сбереги мне у себя, пока я не приду. О госпожа, выведи меня в потайную дверь, — сказала она потом, и жена вали вывела старуху через дверь, и покрыл ее покрывающий, и она пошла к своей дочери. — О матушка, что ты сделала? — спросила ее Зейнаб, и она ответила: — о дочка, я сыграла штуку и взяла у жены вали эту тысячу динаров и продала ей

тех пятерых: ослятника, еврея, красильщика, дырюльника и сына купца, и сделала их невольниками. Но только, о дочка, никто для меня не вреднее, чем ослятник: он меня узнает. — О матушка, — сказала ей Зейнаб, — посиди! Довольно того, что ты сделала. Не всякий раз остается цел кувшин!

А что касается вали, то когда он встал после сна, его жена сказала ему: — я порадовалась за тебя пяти невольникам, которых ты купил у старухи. — Каким невольникам? — спросил вали, и его жена воскликнула: — зачем ты от меня скрываешь? Если захочет Аллах, они станут, как и ты, обладателями должностей — Клянусь жизнью моей головы, я не покупал невольников! Кто это сказал? — воскликнул вали, и жена его молвила: — старуха-посредница, у которой ты торговал их и обещал дать за них тысячу динаров и еще двести ей. — А ты отдала ей деньги? — спросил вали, и жена его ответила: — да, я видела невольников собственными глазами, и на каждом из них одежда, которая стоит этой тысячи динаров. И я послала к ним начальников и поручила их им. — И вали спустился вниз и увидел еврея, ослятника, магрибинца, красильщика и сына купца, и спросил: — о начальники, где пять невольников, которых мы купили у старухи за тысячу динаров? — Здесь нет невольников, — ответили они, — и мы видели только этих пятерых, которые взяли старуху и схватили ее. Мы все заснули, а старуха ускользнула и вошла в харим, и потом невольница пришла и спросила: — те пятеро, которых привела старуха, с вами? — и мы сказали: — да! — И вали воскликнул: — клянусь

Аллахом, это самая большая плутня! — а пятеро говорили: — мы узнаем о наших вещах только от тебя! — Старуха, ваша спутница, продала вас мне за тысячу динаров, — сказал вали, и пятеро воскликнули; — это не дозволено Аллахом! Мы — свободные, не продажные, и мы пойдем с тобою к халифу. — Никто не показал ей дорогу к дому, кроме вас, — сказал вали. — Но когда так, я вас продам на корабль, каждого за двести динаров.

ПОКА все это было, эмир Хасан Шарр-ат-Тарик вдруг вернулся из поездки и увидел, что его жена раздета, и она рассказала ему, что случилось, и эмир воскликнул: — нет у меня противника, кроме вали! — И он пришел к вали и сказал: — разве ты позволяешь старухам ходить по городу и обманывать людей и отнимать у них имущество? Это на твоей ответственности, и я узнаю о вещах моей жены только от тебя! — И потом он спросил тех пятерых: — в чем ваше дело? — и они рассказали ему обо всем, что случилось, и эмир воскликнул: — вы обижены! — И он обратился к вали и спросил его: — за что ты их держишь в заключении? — и вали ответил: — никто не показал старухе дороги к моему дому, кроме этих пяти, и она взяла мои деньги, тысячу динаров, и продала их в харим. — И пятеро сказали: — о эмир Хасан, ты наш поверенный в этом деле! — а потом вали

сказал эмиру Хасану: — вещи твоей жены за мной, и я отвечаю за старуху, но кто из вас ее узнает? — И все сказали: — мы ее узнаем! Пошли с нами десять начальников, и мы схватим ее! — и вали дал им десять начальников, и ослатник сказал им: — следуйте за мной, я узнаю ее по голубым глазам! — И вдруг старуха Далила вышла из переулка, и ее схватили и пошли с ней к дому вали, и когда вали ее увидел, он спросил ее: — где вещи людей? — Я не брала и не видела, — ответила старуха, и вали сказал тюремщику: — запри ее у себя до завтра, — но тюремщик воскликнул: — я не возьму ее и не запру, так как боюсь, что она устроит плутню и мне придется за нее отвечать. — И вали сел на коня и, взяв с собой старуху и всех тех людей, выехал с ними на берег Тигра и, призвав факелоносца, велел ему привязать старуху к кресту за волосы. И факелоносец подтянул ее на блоке и поставил сторожить ее десять человек, а вали отправился домой, и наступил мрак, и сон одолел сторожей.

А случилось так, что один бедуин услышал, как кто-то говорил своему товарищу: — слава Аллаху за благополучие! Куда это ты отлучался? — и тот ответил: — в Багдад, и я ел там на обед пирожки с медом, — и бедуин воскликнул: — непременно пойду в Багдад и поем пирожков с медом! — (а он в жизни их не видал и не входил в Багдад). И он сел на коня и поехал, говоря про себя: — пирожков поесть прекрасно! Клянусь честью арабов, я буду есть только пирожки с медом... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала
СЕМЬСОТ ШЕСТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что бедуин сел на коня и захотел поехать в Багдад и отправился, говоря в душе: — поесть пирожков прекрасно! Клянусь честью арабов, я буду есть только пирожки с медом. — И он приблизился к кресту Далилы, и та услышала, как он говорит себе эти слова, а бедуин обратился к Далиле и спросил ее: — что ты такое? — и Далила воскликнула; — я под твоей защитой, о шейх арабов! — Аллах уже защитил тебя! — ответил бедуин. — По какой причине тебя распяли? — У меня есть враг — масленник, который жарит пирожки, — отвечала Далила. — Я остановилась, чтобы что-то у него купить, и плюнула, и плевок попал на пирожки, и масленник пожаловался на меня судье, и судья велел меня распять и сказал: — я постановляю, чтобы вы взяли десять ритлей пирожков с медом и заставили ее съесть их на кресте. Если она их съест, развяжите ее, а если нет, оставьте ее распятой. — А душа моя не принимает сладкого. — Клянусь честью арабов! — воскликнул бедуин, — я приехал с кочевья только для того, чтобы поесть пирожков с медом, и я съем их вместо тебя. — Эти пирожки съест только тот, кто подвесится на мое место, — сказала Далила. И хитрость над бедуином удалась, и он отвязал Далилу, и та привязала его на свое место, после того как сняла с него бывшую на нем одежду, а потом она надела его одежду на себя, повязалась его тюрбаном, села на его коня и поехала к своей дочери. —

Что это за вид? — спросила Зейнаб, и Далила ответила: — меня распяли, — и рассказала ей, что случилось у нее с бедуином.

Вот что было с пей. Что же гасается сторожей, то когда один из них очнулся, он разбудил своих людей, и они увидели, что день уже вошел. И один из них поднял глаза и сказал: — эй, Далила! — и бедуин ответил: — клянусь Аллахом, мы не станем есть балилы! Принесли вы пирожки с медом? — Это человек из бедуинов! — сказали другие сторожа, и первый спросил: — о бедуин, где Далила и кто ее отвязал? — Я отвязал ее, — ответил бедуин. — Она не будет есть пирожков насильно, потому что ее душа их не принимает. — И они поняли, что бедуин не знает об ее обстоятельствах и что она сыграла с ним штуку, и стали спрашивать друг друга: — убежим мы или останемся, чтобы получить сполна то, что назначил для нас Аллах? — и вдруг пришел вали с толпою тех, кого Далила обманула. И вали сказал начальникам: — поднимайтесь, отвязывайте Далилу! — и бедуин воскликнул: — мы не станем есть балилы! Принесли вы пирожки с медом? — И вали поднял глаза к крестовине и увидел на ней бедуина, вместо старухи, и спросил начальников: — что это такое? — Пощады, о господин, — вскричали они, и вали воскликнул: — расскажите мне, что случилось! — и начальники сказали: — мы не спали с тобой, когда были на страже, и мы сказали себе: — Далила распята! — и задремали, а когда очнулись, то увидели этого бедуина распятым, и мы между твоими руками. — О люди, это — обманщица, и пощада Аллаха над вами! — сказал вали, и бедуина развязали, и он

удивился за вали и сказал: — Аллах да поможет против тебя халифу! Я узнаю о моем коне и моей одежде только от тебя! — И вали расспросил его, и бедуин рассказал ему свою историю, и вали удивился и спросил: — почему ты ее отвязал? — Я не знал, что она обманщица, — отвечал бедуин, и собравшиеся сказали: — мы узнаем о наших вещах только от тебя, о вали! Мы передали ее тебе, и ты стал за нее ответственным, и мы пойдем с тобою в диван халифа. — А Хасан Шарр-ат-Тарик пришел в диван и вдруг видит: идут вали и бедуин и те пятеро, и они говорят: — мы обижены! — Кто вас обидел? — спросил халиф, и каждый из пришедших выступил вперед и рассказал ему, что с ним случилось, вплоть до вали, который сказал: — о повелитель правоверных, она меня обманула и продала мне этих пятерых за тысячу динаров, хотя они свободные. — Все, что у вас пропало — за мной, — молвил халиф, и сказал вали: — я обязываю тебя поймать старуху! — И вали потряс воротником и воскликнул: — я не возьму на себя этой обязанности после того, как я повесил ее на крест и она сыграла штуку с этим бедуином, так что он ее освободил, и она повесила его на свое место и взяла его коня и одежду — Или мне обязать кого-нибудь кроме тебя? — спросил халиф, и вали сказал: — обяжи Ахмеда-ад-Данафа, ему идет каждый месяц тысяча динаров, и у Ахмеда-ад-Данафа приближенных сорок один человек, и каждый из них имеет в месяц сто динаров. — О начальник Ахмед! — сказал халиф, и Ахмед отвечал: — я перед тобою, о повелитель правоверных! — и тогда халиф молвил: — я обя-

зываю тебя привести старуху, — и Ахмед ответил: — я ручаюсь, что приведу ее! — И затем халиф задержал тех пятерых и бедуина у себя... и Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

СЕМЬСОТ СЕДЬМАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый дарь, что когда халиф обязал Ахмеда-ад-Данафа привести старуху, тот воскликнул: — я отвечаю за нее, о повелитель правоверных! — И затем он пришел со своими приближенными в казарму, и они стали говорить друг другу: — как же мы ее схватим и сколько в городе старух? — И один из них, по имени Али-Катф-аль-Джамаль, сказал Ахмеду-ад-Данафу: — о чем это вы советуетесь с Хасаном-Шуманом? Разве Хасан-Шуман — великое дело? — и Хасан воскликнул: — о Али, как это ты унижаешь меня! Клянусь величайшим именем, я не буду вам на этот раз товарищем! — И он вышел, сердитый, а Ахмед-ад-Данаф сказал: — о молодцы, каждый начальник пусть возьмет десять человек и пойдет в какой-нибудь квартал искать Далилу. — И Али-Катф-аль-Джамаль пошел с десятью человеками, и всякий начальник сделал то же, и каждый отряд пошел в какой-нибудь квартал, а прежде чем отправиться и разойтись, они сказали: — наша встреча будет на такой-то улице, в таком-то переулке. — И в городе разнеслась весть, что Ахмед-ад-Данаф обязался схватить Далилу-хитрицу, и Зейнаб сказала: — о матушка, если ты ловкая, сыграй штуку с Ахмедом-ад-Данафом и его людьми. —

О дочка, я не боюсь никого, кроме Хасана-Шумана, — сказала Далила, и ее дочь воскликнула: — клянусь жизнью моих кудрей, я заберу для тебя одежду этих сорока и одного! — И она поднялась и, надев одежду и покрывало, пришла к одному москательщику, у которого была комната с двумя дверями, поздоровалась с ним и дала ему динар и сказала: — возьми этот динар в подарок за твою комнату и отдай ее мне до конца дня. — И москательщик дал ей ключи, и Зейнаб пошла и привезла ковры на осле ослятника, устлала комнату и положила под каждым портиком скатерть с кушаньем и вином, и потом стала у двери с открытым лицом. И вдруг подошел Али-Катф-аль-Джамаль со своими людьми, и Зейнаб поцеловала у него руку, и Али увидел, что это красивая женщина и полюбил ее и спросил: — чего ты хочешь? — Ты начальник Ахмед-ад-Данаф? — спросила его Зейнаб, и Али сказал: — нет, я один из его людей, и меня зовут Али-Катф-аль-Джамаль. — Куда вы идете? — спросила Зейнаб, и Али сказал: — мы ходим и ищем одну старуху-обманщицу, которая взяла чужие вещи, и мы желаем ее схватить. А ты кто такая и каково твое дело? — Мой отец был виноторговцем в Мосуле, — ответила Зейнаб. — Он умер и оставил мне большие деньги, и я приехала в этот город, боясь судей. И я спросила людей, кто меня защитит, и мне сказали: — не защитит тебя никто, кроме Ахмеда-ад-Данафа. — Сегодня ты вступишь под его защиту, — сказали ей люди Катф-аль-Джамала, и Зейнаб сказала им: — пожелайте залечить мое сердце, съев кусочек и выпив глоток воды. — И когда они согласились,

Зейнаб ввела их в дом, и они поели и напились, и она подложила им банджа и одурманила их и сняла с них их вещи, и то же, что она сделала с ними, она сделала и с остальными.

А Ахмед-ад-Данаф ходил и искал Далилу, но не нашел ее и не увидел ни одного из своих приближенных. И он подошел к той женщине, и Зейнаб поцеловала ему руку, и он увидел ее и полюбил, и она спросила его: — ты начальник Ахмед-ад-Данаф? — Да, а ты кто? — спросил он, и Зейнаб ответила: — я чужеземка из Мосула, и мой отец был виноторговцем и умер и оставил мне много денег, и я приехала с ними сюда, боясь судей. И я открыла эту вишнюю лавку, и вали обложил меня налогом, и я хочу быть у тебя под защитой. А то, что берет вали, ты достойнее получить сам. — Не давай ему ничего, и добро тебе пожаловать! — сказал Ахмед-ад-Данаф, и Зейнаб сказала ему: — пожелай залечить мое сердце и поешь моего кушанья. — И Ахмед-ад-Данаф вошел и поел и выпил вина и упал навзничь от опьянения, и Зейнаб одурманила его банджем и забрала его одежду, и она нагрнула все это на коня бедуина и на осла ослятника, и разбудила Али-Катф-аль-Джамая и ушла. И когда Али очнулся, он увидел себя голым, и увидал, что Ахмед-ад-Данаф и его люди одурманены, и тогда он разбудил их средством против банджа и, очнувшись, они увидели себя голыми. И Ахмед-ад-Данаф сказал: — что это за дело, о молодцы! Мы ходим и ищем старуху, чтобы изловить ее, а эта распутница изловила нас! Вот будет радость из-за нас Хасану-Шуману! Но подождем, пока наступит темнота, и пойдем.

А Хасан-Шуман спросил зрителя казармы: — где люди? — и когда он его спрашивал, они вдруг подошли голые, и тогда Хасан-Шуман произнес такие два стиха:

Меж собою люди похожи все при уходе их,
Различие в том, каков приход бывает.

Средь мужей найдешь ты и знающих, и не знающих.
Как средь звезд найдешь много тусклых ты и ярких.

И, увидев подошедших, он спросил их: — кто сыграл с вами штуку и оголил вас? — и они ответили: — мы взялись поймать одну старуху и искали ее, а оголил нас не кто иной, как красивая женщина. — Прекрасно она с вами сделала! — сказал Хасан, и его спросили: — а разве ты знаешь ее, о Хасан? — Я знаю ее, и знаю старуху, — ответил Хасан, и его спросили: — что ты скажешь у халифа? — О Данаф, — сказал ему Шуман, — отряхни перед халифом твой воротник, и халиф спросит: — кто возьмется ее поймать? — а если он спросит тебя: — почему ты ее не схватил? — скажи ему: — я ее не знаю, но обяжи поймать ее Хасана-Шумана, — и если он обяжет меня, я ее поймаю.

И они проспали ночь, а утром пришли в диван халифа и поцеловали землю, и халиф спросил: — где старуха, о начальник Ахмед? — и Ахмед-ад-Данаф потряс воротником. — Почему? — спросил халиф, и Ахмед ответил: — я ее не знаю, но обяжи ее поймать Шумана — он знает ее и ее дочь и говорил, что она устроила эти штуки не из жадности до чужих вещей, но чтобы стала видна ее ловкость и ловкость ее дочери, и ты бы назначил ей жалованье ее мужа, а ее дочери такое жалованье,

какое было у ее отца. — И Шуман попросил, чтобы ее не убивали, когда он ее приведет, и халиф воскликнул: — клянусь жизнью моих дедов, если она возвратит людям их вещи, ей будет пощада, и она под заступничеством Шумана! — Дай мне пощаду, о повелитель правоверных, — сказал Шуман, и халиф молвил: — она под твоим заступничеством, — и дал ему платок пощады. И Шуман вышел и пошел к дому Далилы и кликнул ее, и ему ответила ее дочь Зейнаб, и тогда он спросил: — где твоя мать? — Наверху, — ответила она, и Шуман сказал: — скажи ей, чтобы она принесла вещи людей и пошла со мной, чтобы встретиться с халифом. Я принес ей платок пощады, и если она не пойдет добром, пусть упрекает сама себя. — И Далила спустилась и повесила платок себе на шею и отдала Шуману чужие вещи на осле ослиятника и на коне бедуина, и Шуман сказал ей: — остается одежда моего старшего и одежда его людей. — Клянусь величайшим именем, я их не раздевала! — ответила Далила, и Шуман сказал: — твоя правда, но это штука твоей дочери Зейнаб и это услуга, которую она тебе оказала. — И он пошел, а с ним старуха, в диван халифа, и Хасан выступил вперед и показал халифу вещи и подвел к нему Далилу, и когда халиф увидел ее, он приказал ее кинуть на коврик крови. — Я под твоей защитой, о Шуман! — крикнула Далила, и Шуман поднялся и поцеловал халифу руку и сказал: — прощение, ты дал ей пощаду. — Она под твоим великодушием! — сказал халиф. — Пойди сюда, старуха, как твое имя? — Мое имя — Далила, — отвечала она, и халиф сказал: — поистине, ты

хитрюга и хитрица! — и ее прозвали Далила-хитрица. — Зачем ты устроила эти плутни и утомила нам сердца? — спросил потом халиф, и она ответила: — я сделала эти плутни, не следуя жадности до чужих вещей, но я услышала о плутнях Ахмеда-ад-Данафа, которые он устроил в Багдаде, и о плутнях Хасана-Шумана и сказала себе: — я тоже сделаю так, как они! — и я уже возвратила людям их вещи. — И тут поднялся ослитник и сказал: — закон Аллаха между мною и ею! Ей недостаточно было взять моего осла, и она напустила на меня дырюльника-магрибинца, который вырвал мне зубы и прижег мне виски два раза... и Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

СЕМЬСОТ ВОСЬМАЯ НОЧЬ,

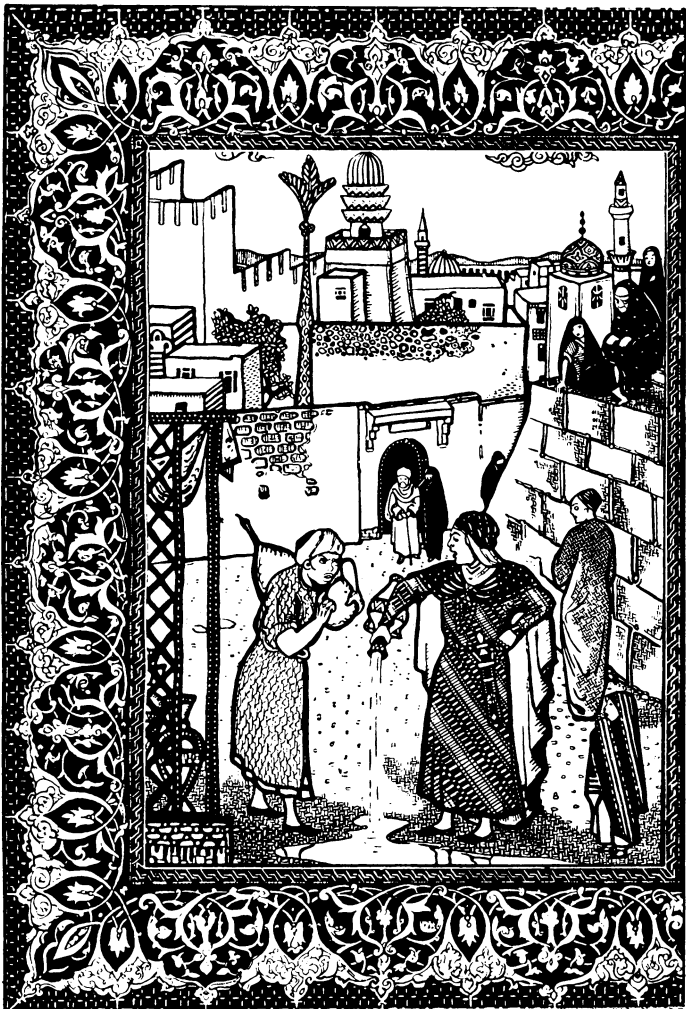
она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что ослитник поднялся и сказал: — закон Аллаха между мною и ею! Ей недостаточно было взять моего осла, и она напустила на меня дырюльника-магрибинца, который вырвал мне зубы и прижег мне виски два раза. — И халиф приказал дать ослитнику сто динаров и красильщику сто динаров и сказал: — иди, открой свою красильню! — и они пожелали халифу блага и ушли, а бедуин взял свои вещи и своего коня и сказал: — запретно мне входить в Багдад и есть пирожки с медом! — И всякий, кому что-нибудь принадлежало, взял это, и все разошлись, и тогда халиф молвил: — пожелай от меня, о Далила! — и Далила сказала: — мой отец заведывал у тебя письмами, а я воспитывала почтовых голубей,

а мой муж был начальником в Багдаде, и я хочу жалованье моего мужа, а моя дочь хочет жалованье своего отца. — И халиф назначил им то, что они пожелали, а потом Далила сказала: — я хочу от тебя, чтобы я была привратницей хана. — А халиф устроил хан с тремя домами, чтобы там жили купцы, и к хану были приставлены сорок рабов и сорок собак. Халиф привез их от правителя Сулейманийцев, когда он отставил его, и сделал для собак ошейники. А в хане был раб-повар, который стряпал кушанье для рабов и кормил собак мясом. — О Далила, — сказал халиф, — я запишу тебя надсмотрщицей хана, и если оттуда что-нибудь пропадет, с тебя будут за это взыскивать. — Хорошо, — сказала Далила, — но только посели мою дочь в помещении, которое над воротами хана. На этом помещении есть площадка, а голубей хорошо воспитывать только на просторе. — И халиф приказал так сделать, и дочь ее перенесла все свои вещи в помещение над воротами хана, а Далила приняла сорок птиц, которые носили письма; что же касается Зейнаб, то она повесила те сорок одежд и одежду Ахмеда-ад-Данафа у себя в помещении. А халиф сделал Далилу начальницей над сорока рабами и наказал им ее слушаться. И она устроила себе место, чтобы жить за воротами хана, и стала каждый день ходить в диван — может быть, халифу понадобится послать письмо в какую-нибудь страну — и не уходила из дивана до конца дня, а сорок рабов стояли и охраняли хан. А когда наступала ночь, Далила спускала собак, чтобы сторожить хан ночью.

ОТ что случилось с Далимой-хитрицей в городе Багдаде. Что же касается до Али-аз-Зейбака-каирского, то это был ловкач в Каире во времена человека, которого звали Салах Египетский, начальника дивана в Каире, у него было сорок приближенных. И приближенные Салаха Египетского устраивали ловушки ловкачу Али и думали, что он в них попадет, и они искали его, и оказывалось, что он убежал, как убегают ртуть, и поэтому его прозвали Каирская Ртуть. И вот однажды, в один из дней, ловкач Али сидел в казарме среди своих приближенных, и сердце его сжалось, и стеснилась у него грудь, и начальник казармы увидел, что он сидит с нахмуренным лицом, и сказал: — что с тобой, о старший? Если у тебя стеснилась грудь, пройди разок по Каиру: твоя забота рассеется, когда ты пройдешься по его рынкам. — И Али

поднялся и вышел пройтись по Каиру, но его грусть и забота еще увеличились. И он проходил мимо винной лавки и сказал себе: — войду и напьюсь! — и вошел и увидел в лавке семь рядов людей. — О виноторговец, — сказал он, — я буду сидеть только один, — и виноторговец посадил его в комнате одного и принес ему вино, и Али пил, пока не исчез из мира. А потом он вышел из винной лавки и пошел по Каиру и до тех пор ходил по его площадям, пока не дошел до Красной улицы, и дорога перед ним делалась свободной от людей, так как его боялись. И Али обернулся и увидел водоноса, который поил из кувшина и кричал на дороге: — о заменяющий! Нет напитка, кроме как из изюма, нет сближения, кроме как с любимым, и не сидит на почетном месте никто, кроме разумного! — Подойди, напои меня! — сказал Али, и водонос посмотрел на него и подал ему кувшин, и Али заглянул в кувшин и встряхнул его и вылил на землю. — Ты не будешь пить? — спросил его водонос, — и Али ответил: — напои меня! — и водонос наполнил кувшин, и Али взял его и встряхнул и вылил на землю, и в третий раз тоже, и водонос сказал: — если ты не будешь пить, я пойду. — Напои меня, — сказал Али, — и водонос наполнил кувшин и подал его Али, и тот взял его и выпил. И потом он дал водоносу динар, и вдруг водонос посмотрел на него и счел его ничтожным и сказал: — награди тебя Аллах, награди тебя Аллах, о юноша! Маленькие люди для иных — большие люди... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

Когда же настала
СЕМЬСОТ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда ловкач Али дал водоносу динар, водонос посмотрел на него и счел его ничтожным и сказал: — награди тебя Аллах, награди тебя Аллах! Маленькие люди у иных — большие люди! И ловкач Али подошел к водоносу и схватил его за платье и вытащил драгоценный кинжал, как тот, о котором были сказаны такие два стиха:

Ударь же твердым кинжалом ты, не бойся же
Никого ты в мире — лишь гнев творца нам страшен.

В стороне держись от позорных качеств, и век не будь
Ты без качеств тех, что присущи благородным.

— О старец, — сказал Али, — поговори со мной разумно! Цена за твой бурдюк, если он и вздоржает, дойдет до трех дирхемов, а в два кувшина, которые я вылил на землю, войдет с ритль воды. — Да, — ответил водонос, и Али сказал: — а я дал тебе золотой динар, почему же ты меня унижаешь? Разве ты видел кого-нибудь доблестнее и благороднее меня? — Я видел человека доблестнее и благороднее тебя, — пока женщины будут рожать, не найдется на свете другого доблестного и благородного, — ответил водонос. — Кого ты видел доблестнее и благороднее меня? — спросил Али, и водонос сказал: — знай, что со мной был удивительный случай. Мой отец был старостой продавцов воды глотками в Каире, и он умер и оставил мне пять верблюдов и мула, и лавку, и дом, но бедному ведь никогда не до-

вольно, а когда ему довольно, он умирает. И я сказал себе: — поеду в Хиджаз! — и набрал караван верблюдов, и я до тех пор занимал деньги, пока не оказалось за мной пятисот динаров, и все это пропало у меня во время хаджжа. И я сказал себе: — если я вернусь в Каир, люди посадят меня в тюрьму из-за своих денег, — и отправился с сирийским караваном и доехал до Халеба, а из Халеба я отправился в Багдад. И я спросил, где староста багдадских водоносов, и мне указали его; и я вошел к нему и прочитал ему Фатиху, и он спросил меня о моем положении, и я рассказал ему обо всем, что со мной случилось. И он отвел мне лавку и дал мне бурдюк и принадлежности, и я пошел через ворота Аллаха и стал ходить по городу. И я дал одному кувшин, чтобы напиться, и он сказал мне: — я ничего не сл, чтобы запивать: меня сегодня пригласил скупой, и принес и поставил передо мной два кувшина, и я сказал ему: — о сын гнусного, разве ты меня чем-нибудь накормил, что даешь мне запивать! — Уходи же, водонос, пока я чего-нибудь не поем, потом напои меня. — И я подошел к другому, и он сказал мне: — Аллах тебя надели! — и я был в этом положении до времени полудня, и никто ничего мне не дал. И я сказал про себя: — о, если бы я не приходил в Багдад! — и вдруг я увидел людей, которые быстро бежали, и я последовал за ними и увидал великолепное шествие, где люди тянулись по-двое, по-двое, и все они были в ермолках и чалмах, в бурнусах и войлочных куртках, и были закованы в сталь. И я спросил кого-то: — чья это свита? — и спро-

шенный сказал мне: — свита начальника Ахмеда-ад-Данафа. — Какая у него должность? — спросил я, и мне сказали: — он — начальник в диване и начальник в Багдаде, и надзирает за сушей. Ему полагается с халифа каждый месяц тысяча динаров, и каждому из его приближенных — сто динаров. А Хасану-Шуману тоже полагается тысяча динаров, и они отправляются из дивана в свою казарму. — И вдруг Ахмед-ад-Данаф увидел меня и сказал: — подойди, напои меня! — и я наполнил кувшин и дал ему, и он встряхнул его и вылил, и второй раз тоже, а на третий он отхлебнул глоток, как ты, и спросил: — о водонос, откуда ты? — и я ответил: — из Каира. — Да приветствует Аллах Каир и его жителей! — сказал Ахмед-ад-Данаф. — А по какой причине ты пришел в этот город? — И я рассказал ему свою историю и дал ему понять, что я задолжал и бегу от долгов и нужды, и Ахмед-ад-Данаф воскликнул: — добро тебе пожаловать! — и потом он дал мне пять динаров и сказал своим приближенным: — стремитесь к лику Аллаха и окажите ему милость! — И каждый из них дал мне динар, и Ахмед-ад-Данаф сказал мне: — о старец, пока ты останешься в Багдаде, тебе будет с нас столько же всякий раз, как ты дашь нам напиток. — И я начал ходить к ним, и стало добро притекать ко мне от людей, и через несколько дней я подсчитал то, что я от них пажил, и денег оказалось тысяча динаров, и я сказал себе: — стало для тебя правильнее уйти в родную страну. — И я пошел в казарму и поцеловал Ахмеду руки, и он спросил: — что ты хочешь? — Я намерен уехать, — сказал я и произнес такие два стиха:

В чужой земле пришельца пребыванье
Сравню с постройкой я дворцов из ветра.

Разносит ветер то, что он построил,
И вот уходить решился пришлец обратно.

— Караван отправляется в Каир, и я хочу пойти к моей семье, — сказал я ему, и он дал мне мула и сто динаров и сказал: — мы хотим послать с тобой поручение, о шейх. Знаешь ли ты жителей Каира? — Да, — сказал я ему... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала
СЕМЬСОТ ДЕСЯТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что водонос говорил: — и Ахмед-ад-Данаф дал мне мула и сто динаров и сказал: — мы желаем послать с тобой поручение. Знаешь ли ты жителей Каира? — Да, — сказал я ему, — говорил водонос, — и он сказал: — возьми это письмо и доставь Али-Зейбаку-каирскому и скажи ему: — твой старший желает тебе мира, и он теперь у халифа. — И я взял у него письмо и ехал, пока не вступил в Каир, и меня увидели заимодавцы, и я отдал им то, что было за мной, а потом я сделался водоносом, и я не доставил письма, так как я не знаю казармы Али-Зейбака-каирского. — И тогда Али сказал водоносу: — о старец, успокой свою душу и прохлади глаза. Я и есть Али-Зейбак-каирский, первый из молодых начальника Ахмеда-ад-Данафа. Давай письмо. — И водонос подал ему письмо, и когда Али развернул его и прочитал, он увидел там такие два стиха:

К тебе пишу я, о краса красавцев,
 На том листке, что полетит по ветру.
 Умей летать я, я б взлетел от страсти,
 Но как лететь, подрезаны коль крылья?

А после того: привет от начальника Ахмеда-ад-Данафа старшему из его детей — Али-Зейбаку-каирскому. Мы осведомяем тебя о том, что я донимал Салах-ад-дина египетского и играл с ним шутики, пока не похоронил его заживо, и пови-пуются мне его молодцы, среди которых находится Али-Катф-аль-Джамаль. Я сделался начальником Багдада в диване халифа, и мне предписано смотреть за сушей, и если ты блюдешь завет, который между нами, приходи ко мне. Может быть, ты сыграешь в Багдаде штуку, которая приблизит тебя к службе халифу, и он напишет тебе жалованье и оклад и выстроит тебе казарму. Вот в чем цель, и мир с тобою! — И когда Али прочитал письмо, он поцеловал его и положил себе на голову и дал водоносу десять динаров в подарок за благую весть, а затем он отправился в казарму и вошел к своим молодцам и осведо-мил их, в чем дело, и сказал: — поручаю вас друг другу. — А потом он снял то, что на нем было, и надел плащ и тарбуш и взял футляр, в котором был дротик из дерева для копий, длиною в двадцать четыре локтя, части которого вдвигались друг в друга, и начальник казармы сказал ему: — разве ты уезжаешь, когда казна пуста? — Когда я приеду в Сирию, я пришлю вам столько, что вам хватит, — сказал Али и ушел своей дорогой. И он догнал отъезжавший караван и увидел там начальника купцов и с ним сорок куп-цов, и купцы погрузили свои тюки, а тюки на-

чальника купцов лежали на земле. И Али увидел, что предводитель каравана — человек из Сирии, и он говорил погонщикам мулов: — пусть кто-нибудь из вас мне поможет, — но они бранили его и ругали. И Али сказал про себя: — мне будет хорошо путешествовать только с этим предводителем! — А Али был безбородый, красивый, и он подошел к предводителю и поздоровался с ним, и предводитель приветствовал его и спросил: — что ты хочешь? — и Али ответил; — о дядюшка, я увидел, что ты один, а груза у тебя на сорок мулов. Почему же ты не привел людей, чтобы помочь тебе? — О дитя мое, — ответил предводитель, — я напял двух молодых и одел их и положил каждому за пазуху по двести динаров, и они помогали мне до монастыря, а потом они убежали. — А куда вы идете? — спросил Али, и предводитель ответил: — в Халеб, — и тогда Али сказал: — я тебе помогу. — И погрузили тюки и поехали, а начальник купцов сел на мула и тоже поехал, и сирийский предводитель каравана обрадовался Али и полюбил его. И подошла ночь, и люди сделали привал, поели и попили, и когда настало время сна, Али положил бок на землю и представился спящим. И предводитель лег близко от него, и тогда Али встал со своего места и сел у входа в шатер купца, и предводитель повернулся и хотел взять Али в объятия, но не нашел его, и тогда он сказал про себя: — может быть, он кому-нибудь обещал, и тот взял его, но я — достойнее, и в другую ночь я его запру.

Что же касается Али, то он просидел у входа в шатер купца, пока не приблизилась заря, и

тогда он пришел и лег подле предводителя, а когда тот проснулся, он увидел Али и сказал про себя: — если я его спрошу, — где ты был? — он оставит меня и уйдет. — И Али до тех пор обманывал его, пока они не приблизились к одной пещере, а в этой пещере была берлога, где жил сокрушающий лев, и каждый раз, как там проходил караван, путники кидали между собой жребий и всякого, против кого выходил жребий, они бросали льву. И кинули жребий, и он пал не на кого иного, как на начальника купцов, и вдруг лев пересек им дорогу, ожидая того, кого он возьмет из каравана. И начальник купцов впал в великую скорбь и сказал предводителю каравана: — Аллах да обманет твое счастье и твое путешествие. Но я завещаю тебе после моей смерти отдать тюки моим детям. — Какова причина этой истории? — спросил ловкач Али, и ему рассказали, в чем дело, и он воскликнул: — и чего вы бежите от степной кошки? Я обязуюсь вам убить ее. — И предводитель пошел к купцу и рассказал ему, и купец сказал: — если он его убьет, я дам ему тысячу динаров, — и остальные купцы сказали: — мы тоже дадим ему денег, — и тогда Али снял плащ, и на нем оказались стальные доспехи, и он вынул стальной меч и повернул винт и вышел ко льву один и закричал на него. И лев бросился на Али, и Аликаирский ударил его мечом между глаз и разрубил его пополам, а предводитель и купцы смотрели на него. И Али сказал предводителю: — не бойся, о дядюшка! — и предводитель воскликнул: — о дитя мое, я стал твоим слугой! — а купец поднялся и обнял Али и поцеловал его меж

глаз и дал ему тысячу динаров, и каждый из купцов дал ему двадцать динаров, и Али сложил все деньги у купца. И они проспали ночь, а утром уже направились к Багдаду, и достигли они Берлоги львов и Долины собак, и вдруг оказался в ней один бедуин-непокорный и пересекающий дорогу, с которым был отряд из его племени. И он напал на путников, и люди разбежались перед ним, и купец воскликнул: — пропали мои деньги! — и вдруг приблизился к ним Али, одетый в шкуру, увешанную колокольчиками. И он вынул свой дротик и приладил его колена одно к другому, а потом он выкрал коня из коней бедуина и сел на него верхом и сказал бедуину: — выходи против меня с копьём! — И он встряхнул колокольчиками, и конь бедуина шарахнулся от колокольчиков, а Али ударил по дротику бедуина и сломал его и, ударив бедуина по шее, скинул ему голову. И люди бедуина увидели это и сгруппировались против Али, и Али воскликнул: — Аллах велик! — и напал на них и разбил их, и они обратились в бегство. А потом Али поднял голову бедуина на копьё, и купцы оказали ему милости, и они ехали, пока не достигли Багдада. И ловкач Али потребовал от купца деньги, и купец отдал их ему, и Али вручил их предводителю каравана и сказал ему: — когда ты поедешь в Каир, спроси, где моя казарма, и отдай деньги начальнику казармы. — И Али проспал ночь, а утром вошел в город и прошел по нему, спрашивая, где казарма Ахмеда-ад-Данафа, но никто ее не указал. И Али шел, пока не дошел до Площади Потрясения; и увидел играющих детей, среди которых был один мальчик, по имени Ахмед-аль-

Лакит, и сказал себе: — не получить о них вестей иначе, как от их детей! — И Али осмотрелся и увидел торговца сладостями и купил у него сладкого, а потом он кликнул детей, и вдруг Ахмед-аль-Лакит прогнал от него других детей, а сам подошел и спросил Али: — чего ты хочешь? — и Али ответил: — у меня был ребенок, и он умер, я увидел во сне, что он просит сладкого, и вот я купил сладкого и хочу дать каждому мальчику по куску. — И он дал кусок Ахмеду-аль-Лакиту, и тот посмотрел на него и увидел динар, прилипший к нему, и сказал Али: — уходи, нет во мне мерзости — спроси про меня. — И Али сказал ему: — о дитя мое, только ловкач дает плату и только ловкач берет плату. Я кружил по городу и искал казарму Ахмеда-ад-Данафа, но никто мне ее не указал. Этот динар — твоя плата, если ты мне укажешь казарму Ахмеда-ад-Данафа. — Я побегу впереди тебя, — сказал тогда Ахмед, — и ты побежишь езди меня, и когда я подойду к казарме, я возьму ногой камешек и брошу его в ворота, и ты узнаешь их. — И мальчик побежал, и Али бежал за ним, пока он не взял ногой камень и не бросил им в ворота казармы, и тогда Али узнал их... и Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

СЕМЬСОТ ОДИННАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Ахмед-аль-Лакит побежал перед ловкачом Али и показал ему казарму и Али узнал ее, он схватил мальчика и хотел вырвать у него динар, но не смог, и тогда он сказал ему: — иди,

ты заслужил награду, так как ты — мальчик острый, с полным разумом и храбрый. Если захочет Аллах, когда я стану начальником у халифа, я сделаю тебя одним из моих молодых. — И мальчик ушел, а что касается Али-Зейбака-каирского, то он подошел к казарме и постучал в ворота, и Ахмед-ад-Данаф сказал: — о надсмотрщик, открой ворота, это — стук Али-Зейбака-каирского. — И надсмотрщик отворил ворота, и Али вошел к Ахмеду-ад-Данафу, и тот приветствовал его и встретил объятиями, и его сорок человек тоже поздоровались с Али, а потом Ахмед-ад-Данаф одел его в одежду и сказал: — когда халиф сделал меня у себя начальником, он одел моих молодых, и я оставил для тебя эту одежду. — И затем они посадили Али на почетное место между собою и принесли еду и поели, и принесли напитки и выпили, и пили до утра, и потом Ахмед-ад-Данаф сказал Али-каирскому: — берегись ходить по Багдаду, а напротив, оставайся сидеть в этой казарме. — Почему? — спросил Али. — Разве я пришел, чтобы запереться? Я пришел только для того, чтобы гулять. — О дитя мое, — сказал Ахмед-ад-Данаф, — не думай, что Багдад подобен Каиру. Это — Багдад, местопребывание халифа, и в нем много ловкачей, и ловкость растет в нем, как овощи растут на земле. — И Али оставался в казарме три дня, и тогда Ахмед-ад-Данаф сказал Али-каирскому: — я хочу приблизить тебя к халифу, чтобы он назначил тебе жалованье. — Когда придет время, — ответил Али, и Ахмед оставил его.

И в один из дней Али сидел в казарме, и сжалось у него сердце, и стеснилась его грудь, и

он сказал себе: — пойди, пройдишь по Багдаду, чтобы твоя грудь расправилась. — И он вышел и стал ходить из переулка в переулок и увидел посреди рынка лавку и вошел туда и пообедал и вышел, чтобы вымыть руки, и вдруг он увидел сорок рабов со стальными мечами и в войлочных куртках, и они ехали по-двое, по-двое, и сзади всех была Далила-хитрица, которая ехала на муле, и у нее на голове был покрытый золотом шлем со стальным шаром и была у нее кольчуга и прочее, что подходит к этому. А Далила ехала из дивана, возвращаясь в хан, и, заметив Али-Зейбака - каирского, она всмотрелась в него и увидела, что он похож на Ахмеда-ад-Данафа длиной и шириной, и на нем плащ и бурнус, и у него стальной меч и прочее в этом роде, и храбрость блещет на нем, свидетельствуя за него, а не против него. И Далила поехала в хан и свиделась со своей дочерью Зейнаб, и принесла доску с песком, и когда она рассыпала песок, ей вышло, что имя этому человеку — Али-каирский и что его счастье превосходит ее счастье и счастье ее дочери Зейнаб. — О матушка, что тебе явилось, когда ты гадала на этой доске? — спросила ее Зейнаб, и Далила сказала: — я видела сегодня юношу, который похож на Ахмеда-ад-Данафа, и боюсь, что он услышит, что ты раздела Ахмеда-ад-Данафа и его молодцов, и придет в хан и сыграет с нами штуку, чтобы отомстить за своего старшего и отомстить за его сорок приближенных. И я думаю, что он живет в казарме Ахмеда-ад-Данафа. — Что это такое? — сказала ее дочь Зейнаб. — Мне кажется, что ты все о нем обдумала. — И затем она надела самое

роскошное из бывших у нее платьев и вышла пройтись по городу, и когда люди ее увидели, они стали в нее влюбляться, а она обещала и клялась и слушала и повергала людей. И она ходила с рынка на рынок, пока не увидела Али-каирского, который подходил к ней, и тогда она толкнула его плечом и обернулась, и она воскликнула: — да продлит Аллах жизнь людей разума! Как прекрасен твой образ! — Чья ты? — спросил Али, и Зейнаб ответила: — такого же щеголя, как ты. — Ты замужняя или незамужняя? — спросил Али. — Замужняя, — ответила Зейнаб, и Али спросил: — у меня или у тебя? — Я — дочь купца, — сказала Зейнаб, и мой муж — тоже купец, и я в жизни не выходила раньше сегодняшнего дня. Дело в том, что я состряпала кушанье и хотела поесть, но не нашла в себе охоты. А когда я тебя увидела, любовь к тебе запала мне в сердце, возможно ли, чтобы ты пожелал залечить мое сердце и съел у меня кусочек? — Кто приглашает, тому должно внять, — ответил Али. И Зейнаб пошла, и он следовал за нею из переулка в переулок, а потом он сказал себе, идя за нею: — что ты делаешь? Ты — чужеземец, а в преданиях дошло: кто совершит блуд на чужбине, того возвратит Аллах обманувшимся. Но отстрани ее от себя мягко. — Возьми этот динар, и пусть это будет в другое время, — сказал он, и Зейнаб воскликнула: — клянусь величайшим именем, невозможно, чтобы ты не пошел со мной сейчас домой, и я тебе удружу! — И Али следовал за нею, пока она не пришла к воротам дома с высокими сводами, и засов на воротах был задвинут. — Открой этот засов, — сказала Зейнаб, и Али спросил: — а где

ключ? — Пропал, — ответила Зейнаб, и Али сказал: — всякий, кто открыл засов без ключа, есть преступник, и судье надлежит проучить его, и я ничего не знаю, чем бы открыть его без ключа. — И Зейнаб приподняла с лица изар, и Али посмотрел на нее взглядом, оставившим в нем тысячу вздохов, а затем она накиннула изар на засов и прочла над ним имена матери Мусы, и открыла его без ключа и пошла, и Али последовал за нею и увидел мечи и оружие из стали. И Зейнаб сняла изар и села с Али, и тот сказал про себя: — возьми сполна то, что определил тебе Аллах! — и затем он склонился к пей, чтобы взять поцелуй с ее щеки, но она приложила к щеке руку и сказала: — нет удовольствия иначе, как ночью! — И она принесла скатерть с кушаньем и вином, и оба поели и выпили, а потом Зейнаб вышла и, наполнив кувшин из колодца, полила Али руки, и тот вымыл их. И когда это было так, Зейнаб вдруг ударила себя по груди и воскликнула: — у моего мужа был перстень с яхонтом, заложенный у него за пятьсот динаров, и я надела его, и он оказался широк, и я сузила его воском, и когда я опустила ведро, перстень упал в колодец. Но обернись к двери, а я разденусь и спущусь в колодец, чтобы достать его. — Стыдно мне, чтобы ты спускалась, когда есть я, — сказал Али. — Никто не спустится, кроме меня. — И он снял с себя одежду и привязался к веревке, и Зейнаб спустила его в колодец! А там было много воды, и Зейнаб сказала ему: — веревки нехватает, но ты отвяжись и спускайся, — и Али отвязался и спустился в воду и погрузился в нее на несколько сажень, но не достал до дна колодца, а что ка-

сается Зейнаб, то она надела изар, взяла одежду Али и пошла к своей матери... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

СЕМЬСОТ ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Али-каирский спустился в колодец, Зейнаб надела изар, взяла его одежду и пошла к своей матери и сказала ей: — я раздела Али-каирского и бросила его в колодец эмира Хасана, хозяина дома, и не бывать, чтобы он освобо-дился.

— Что же касается эмира Хасана, хозяина дома, то он в это время отсутствовал и был в диване, и придя, он увидел, что его дом открыт, и сказал конюху: — почему ты не задвинул засов? — О господин, я задвинул его своей рукой, — ответил конюх, и тогда эмир воскликнул: — клянусь жизнью моей головы, в мой дом вошел вор! — И эмир Хасан вошел и осмотрелся в доме и не увидел никого, и тогда он сказал конюху: — наполни кувшин, я совершу омовение. И конюх взял ведро и опустил его и потянул и почувствовал, что оно тяжелое, и тогда он заглянул в колодец и увидел, что в кадке что-то сидит. И он снова бросил ведро в колодец, говоря: — о господин, ко мне вылез ифрит из колодца! — и эмир Хасан сказал ему: — пойдн, приведи четырех факихов, которые почитают над ним Коран, чтобы он ушел. — И когда конюх привел факихов, эмир Хасан сказал им: — встаньте вокруг этого колодца и почитайте над ифритом. — А потом пришли раб и конюх и опу-

стили ведро, и Али-каирский уцепился за него и спрятался в ведре и, выждав, пока его подтянули к ним близко, он выпрыгнул из ведра и сел между факихами. И те начали бить друг друга по щекам и кричать: — ифрит, ифрит! — но эмир Хасан увидал, что это — юноша из людей, и спросил его: — ты вор? — Нет, — отвечал Али, и эмир спросил: — почему ты спустился в колодез? — Я спал и осквернился, — отвечал Али, — и я вышел, чтобы помыться в реке Тигре, и нырнул, и вода затянула меня под землю, так что я вышел из этого колодца. — Говори правду, — сказал эмир Хасан, и Али рассказал ему обо всем, что случилось, и тогда эмир вывел его из дома в старой одежде. И Али пошел в казарму Ахмед-ад-Данафа и рассказал о том, что ему выпало, и Ахмед сказал: — разве я не говорил тебе, что в Багдаде есть женщины, которые играют штуки с мужчинами. — Ради величайшего имени! — сказал Али Катф-аль-Джамаль, — расскажи мне, как это ты глава молодых в Каире, и тебя раздевает женщина. — И Али стало тяжело, и он начал рассказывать, и Ахмед-ад-Данаф одел его в другую одежду, а потом Хасан-Шуман спросил его: — а ты знаешь эту женщину? — Нет, — отвечал Али, и Хасан сказал: — это Зейнаб, дочь Дамилы-хитрицы, привратницы хана халифа. — Разве ты попался в ее сети, о Али? — Да, — ответил Али, и Хасан сказал: — о Али, она забрала одежду твоего старшего и одежду всех его молодых. — Это позор для вас, — сказал Али, и Хасан спросил: — а что ты хочешь? — Я хочу на ней жениться, — сказал Али. — Не бывать этому! Утешь без нее свою душу! — воскликнул

Хасан, и Али спросил: — а как мне схитрить, чтобы жениться на ней? — Добро тебе пожаловать! Если ты будешь пить из моей руки и пойдешь под моим знаменем, я приведу тебя к тому, чего ты от нее хочешь, — сказал Шуман. — Хорошо, — ответил Али, и Хасан сказал: — о Али, сними с себя одежду! — И Али снял с себя одежду, и Хасан взял котел и вскипятил в нем что-то вроде смолы и намазал ею Али, и тот стал как черный раб. И он намазал ему губы и щеки и насурьмил ему глаза красной сурьмой и одел его в одежду слуг, а потом принес ему скатерть с кебабом и вином и сказал: — в хане есть черный раб, повар, на которого ты стал похож, и ему нужны на рынке только мясо и зелень. Пойди к нему осторожно и заговори с ним словами рабов, и поздоровайся, и скажи: — давно я не встречался с тобой за бузой! — И он скажет тебе: — я занят, и у меня на шее сорок рабов, которым я стряпаю на стол к обеду и на стол к ужину, и я кормлю собак и готовлю скатерть для Далилы и скатерть для ее дочери Зейнаб, — а ты скажи ему: — пойдём, поедем кебаба и выпьем бузы, — и приходи с ним в казарму и напои его. А затем спроси его, что он стряпает, из скольких это блюд, и о еде для собак, и про ключ от кухни и ключ от погреба, и он тебе расскажет — пьяный ведь расскажет обо всем, что он скрывает в трезвом состоянии, — а потом одурмань его банджем, надень его одежду, заткни за пояс ножи, возьми корзину для зелени и пойдешь на рынок и купи мяса и зелени. Потом пойдешь на кухню и в погреб и состряпай варево, а затем разлей его; возьми кушанье и пойдешь с ним к Далиле

в хан и положи в кушанье банджа, чтобы одурманить собак и рабов и Далилу и ее дочь Зейнаб, а после того войди в дом и принеси оттуда все одежды, а если ты хочешь жениться на Зейнаб, принеси с собой сорок птиц, которые носят послания.

И Али вышел и увидел раба-повара и поздоровался с ним и сказал: — давно мы не встречались с тобой за бузой, — и повар ответил: — я занят стряпней для рабов и для собак, — и Али взял его и напоил и спросил про кушанье, из скольких оно блюд, и повар ответил: — каждый день пять блюд на обед и пять блюд на ужин, а вчера они потребовали от меня шестое блюдо — рису с медом, и седьмое блюдо — варево из гранатовых зернышек.

— А что это за трапеза, которую ты готовишь? — спросил Али, и повар сказал: — я ношу трапезу Зейнаб, а потом ношу трапезу Далиле и кормлю ужином рабов, а затем даю вечерний корм собакам, и каждой из них я даю мяса вдоволь, а самое меньшее, сколько им хватает — ритль. — И судьба заставила Али забыть спросить про ключи, и он снял с раба одежду и надел ее сам и, взяв корзину, пошел на рынок и забрал мяса и зелени... и Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

СЕМЬСОТ ТРИНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что Али-Зейбак-каирский, одурманив банджем раба-повара, взял ножи и засунул их за пояс, а потом он захватил корзину для зелени и пошел

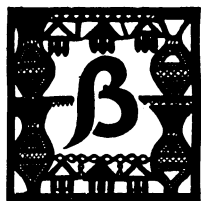
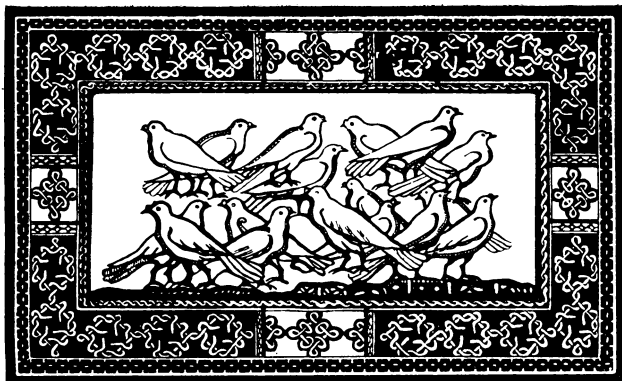
на рынок и купил мяса и зелени. И затем он вернулся и вошел в ворота хана и увидел Далилу, которая сидела, всматриваясь во входящего и в выходящего, и увидел, что сорок рабов вооружены. И Али укрепил свое сердце, и когда Далила увидела его, она его узнала и воскликнула: — ступай обратно, о начальник воров! Или ты будешь устраивать со мной штуки в хане? И Али-каирский, в образе негра, обернулся к Далиле и сказал ей: — что ты говоришь, о привратница? — и Далила воскликнула: — что ты сотворил с рабом-поваром и что ты с ним сделал? Ты его убил или одурманил банджем? — Какой раб-повар? Разве здесь есть раб-повар, кроме меня? — спросил Али. — Ты лжешь, ты — Али-Зейбак-каирский! — воскликнула старуха, и Али сказал ей на языке рабов: — о привратница, каирцы — белые или черные? Я больше не буду служить. — Что с тобой, о сын нашего дяди? — спросили его рабы, и Далила сказала: — это не сын вашего дяди, это — Али-Зейбак-каирский, и похоже, что он одурманил сына вашего дяди и убил его. — Это — сын нашего дяди, Сад-Аллах, повар, — сказали рабы, и Далила воскликнула: — это не сын вашего дяди, это — Али-каирский, и он выкрасил себе кожу! — Кто такой Али? Я — Сад-Аллах, — сказал Али. — У меня есть мазь для испытания! — воскликнула Далила, и она принесла какую-то мазь и намазала ею руку Али и стала ее тереть, но чернота не сошла, и рабы сказали: — позволь ему пойти готовить нам обед! — Если это — сын вашего дяди, он будет знать, чего вы от него требовали вчера вечером и сколько он стряпает блюд каждый день, — сказала

Далила. И его спросили про блюда и про то, чего требовали вчера вечером, и Али сказал: — чечевица, рис, суп, тушеное мясо и питье из розовой воды, и шестое блюдо — рис с медом, и седьмое блюдо — гранатные зернышки, а на ужин — то же самое. — Он сказал правду! — воскликнули рабы, и Далила молвила: — войдите с ним, и если он узнает кухню и погреб, он — сын вашего дяди, а если нет, убейте его. — А повар воспитал кошку, и всякий раз, как он подходил, кошка становилась у дверей кухни, а потом, когда повар входил, вскакивала ему на плечо. И когда Али вошел и кошка увидела его, она вскочила ему на плечо, и Али сбросил ее, и она побежала перед ним к кухне, и Али заметил, что она остановилась перед дверями кухни. И Али взял ключи и увидел один ключ, на котором были остатки перьев, и узнал, что это — ключ от кухни, и тогда он отпер кухню и положил зелень и вышел. И кошка побежала перед ним и направилась к дверям погреба, и Али заметил, что это — погреб, и взял ключи и увидел один ключ, на котором были следы жира, и понял, что это — ключ от погреба, и отпер его. — О Далила, — сказали рабы, — если бы это был чужой, он бы не знал, где кухня и погреб, и не узнал бы ключи от каждого помещения среди других ключей. Это — сын нашего дяди Сад-Аллах. — Он узнал помещения из-за кошки и отличил ключи один от другого по внешности, но это дело со мной не пройдет! — воскликнула Далила, а Али вошел на кухню и состряпал кушанья и отнес трапезу Зейнаб и увидел все одежды у нее в комнате. А потом он поставил трапезу Далиле и дал пообе-

дать рабам и накормил собак и во время ужина он сделал то же. А ворота отпирались и запирались только по солнцу: утром и вечером, и Али вышел и закричал: — о жильцы, рабы не спят и сторожат, и мы спустили собак, и всякий, кто выйдет, пусть бранит одного себя. — А Али задержал вечерний корм собак и положил в него яду, а потом дал его им, и когда собаки съели его, они умерли, и Али одурманил банджем всех рабов и Далилу и ее дочь Зейнаб, а потом он поднялся, забрал одежду и почтовых голубей и отпер хан и вышел и пришел в казарму. И Хасан-Шуман увидел его и спросил: — что ты сделал? — и Али рассказал ему обо всем, что было, и Шуман похвалил его, а потом Али снял с себя одежду, и Шуман вскипятил ему траву и вымыл его ею, и он стал белым, как был. И Али пошел к рабу и одел его в его одежду и разбудил его после банджа, и раб поднялся и пошел к зеленщику и забрал зелень и вернулся в хан.

От что было с Али-Зейбаком-каирским. Что же касается Далилы-хитрицы, то у нее поселился один купец в числе жильцов, и он вышел из своей комнаты, когда заблистала заря, и увидел, что ворота хана открыты, рабы одурманены, а собаки мертвые. И он вошел к Далиле и увидел, что она одурманена, и на шее у нее бумажка, а возле ее головы он нашел губку с противоядием от банджа, и тогда он приложил губку к ноздрям Далилы, и та очнулась и, очнувшись, сказала: — где я? — и купец сказал: — я вышел и увидел, что ворота хана отперты, и увидел, что ты одурманена, и рабы тоже, а что до собак, то я увидел их мертвыми. — И Далила взяла бумажку и увидела на ней: — сделал это дело не кто иной, как Али-каирский, — и дала рабам и Зейнаб, своей дочери, понюхать противоядие от банджа и воскликнула: — не говорила ли я вам, что это — Али-

каирский! — а потом она сказала рабам: — скрывайте это дело! — и сказала своей дочери: — сколько раз я тебе говорила, что Али не оставит мести, и он сделал это дело за то, что ты с ним устроила. Он бы мог сделать с тобой и еще кое-что, кроме этого, но ограничился этим, чтобы сохранить милость и желая любви между нами.

А потом Далила сняла одежду молодых и надела одежду женщин и, повязав платок себе на шею, отправилась в казарму Ахмеда-ад-Данафа. А когда Али пришел в казарму с одеждами и почтовыми голубями, Шуман поднялся и дал надсмотрщику цену сорока голубей, и тот купил их и сварил и разделил между людьми. И вдруг Далила постучала в ворота, и Ахмед-ад-Данаф сказал: — это стук Далилы; открой ей, о надсмотрщик! — и надсмотрщик открыл Далиле, и она вошла... и Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

СЕМЬСОТ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда надсмотрщик открыл Далиле ворота казармы, она вошла, и Шуман спросил ее: — что привело тебя сюда, о злосчастная старуха? Ты заодно с твоим братом, Зурейком-рыбником! — О начальник, — сказала старуха, — право против меня, и вот моя шея перед тобою. Но тот молодец, который устроил со мной эту штуку, кто он из вас? — Это первый из моих молодых, — сказал Ахмед-ад-Данаф, и Далила молвила: — ты ходатай Аллаха перед ним, чтобы

он принес мне голубей для посланий и все другое, и считай это милостью мне. — Аллах да встретит тебя воздаянием, о Али! Зачем ты сварил этих голубей! — воскликнул Шуман, и Али ответил: — я не знал, что это — голуби для посланий. — О надсмотрщик, — сказал Ахмед, — подай их нам! — и надсмотрщик подал голубей, и Далила взяла кусочек голубя и пожевала его и сказала: — это не мясо птиц для посланий. Я кормлю их зернышками мускуса, и их мясо делается как мускус. — Если ты хочешь взять почтовых голубей, исполни нужду Али-каирского, — сказал Шуман. — А какая у него нужда? — спросила Далила, и Шуман сказал: — чтобы ты женила его на твоей дочери Зейнаб. — Я властна над нею только добром, — сказала Далила, и Хасан сказал Али-каирскому: — отдай ей голубей! — и тот отдал их Далиле. И Далила взяла их и обрадовалась, и Шуман сказал ей: — ты непременно должна нам дать ответ удовлетворительный. — Если он хочет на ней жениться, — сказала Далила, — то та штука, которую он устроил, еще не ловкость. Ловкость лишь в том, чтобы он посватался к ней у ее дяди, начальника Зурейка. Это ее опекун, и он кричит: — эй, вот ритль рыбы за пару джедидов! — Он повесил у себя в лавке кошель и положил в него золота на две тысячи. — И когда люди слышали, что она говорит это, они вскочили и сказали: — что это за слова, о распутница! ты просто хочешь лишить нас нашего брата Али-каирского, — и Далила ушла от них в хан и сказала своей дочери Зейнаб: — тебя сватает у меня Али-каирский, — и Зейнаб обрадовалась, так как она полюбила

его за то, что он от нее воздержался, и спросила свою мать, что произошло, и та сказала ей: — я поставила ему условие, чтобы он посватался за тебя у твоего дяди, и ввергла его в погибель.

Что же касается Али-каирского, то он обратился к своим товарищам и спросил: — что это за Зурейк и кто он такой будет? — и ему сказали: — он начальник молодцов земли иракской и может чуть что не просверлить гору, схватить звезду и снять сурьму с глаза, и нет ему в таких делах равного. Но он раскаялся в этом и открыл лавку рыбника и скопил рыбной торговлей две тысячи динаров и положил их в кошель, к которому привязал шелковый шнурок, а на шнурок он навешал мелких колокольчиков и погремушек и привязал шнурок к колышку за дверью лавки, так что соединил его с мешком. И всякий раз, как Зурейк открывает лавку, он вешает кошель и кричит: — эй, где вы, ловкачи Каира, молодцы Ирака и искусники стран персидских! Зурейк-рыбак повесил кошель на своей лавке, и если тот, кто притязает на хитрость, возьмет кошель, он будет его! — И приходят молодцы, люди жадные, и хотят взять кошель, но не могут, так как Зурейк кладет себе под ноги свинцовые лепешки, когда жарит и зажигает огонь, и если приходит жадный, чтобы его отвлечь и взять кошель, он бросает в него свинцовой лепешкой и губит его или убивает. И если ты пойдешь против него, о Али, ты будешь как тот, что бьет себя по щекам на похоронах и не знает, кто умер. Нет у тебя силы бороться с ним, и он тебе страшен. Не нужно тебе жениться на

Зейнаб — кто что-нибудь оставит, и без этого проживет. — Это позор, о люди, — сказал Али, — и мне непременно нужно забрать кошель. Но подайте мне женскую одежду. — И ему принесли женскую одежду, и он надел ее и выкрасил руки хенной и опустил покрывало, а потом он зарезал барашка, собрал кровь, вынул кишки, вычистил их и связал их снизу и наполнил кровью и привязал себе на бедра, а поверх них он надел штаны и башмаки. И он сделал себе груди из птичьих зобов и наполнил их молоком и повязал на живот немного материи, а между животом и материей он положил хлопка и повязал сверху салфетку, всю прокрахмаленную, и всякий, кто видел его, говорил: — как прекрасна эта задница! — И вдруг подошел ослятник, и Али дал ему динар, и ослятник посадил его и поехал с ним в сторону лавки Зурейка-рыбника, и Али увидел, что кошель повешен, и из него виднеется золото. И Зурейк жарил рыбу, и Али сказал: — о ослятник, что это за запах? — Запах рыбы Зурейка, — ответил ослятник, и Али сказал: — я женщина беременная, и этот запах мне вредит. Принеси мне от него кусочек рыбы. — И ослятник сказал Зурейку: — ты уже стал обдавать своим запахом беременных женщин! Со мной жена эмира Хасана Шарр-ат-Тарика, и она почувствовала этот запах, а она беременная; дай ей кусок рыбы — плод пошевелился у нее в животе. О покровитель! боже мой, избавь нас от зла этого дня! — И Зурейк взял кусок рыбы и хотел его изжарить, но огонь потух, и Зурейк вошел, чтобы зажечь огонь. А Али сидел на осле, и он оперся на кишки

и прорвал их, и кровь потекла у него между ногами, и Али закричал: — ах, мой бок, моя спина! — И ослятник обернулся и увидел, что льется кровь, и спросил: — что с тобой, о госпожа? — и Али в облике женщины ответил: — я выкинула плод. — И Зурейк выглянул и увидел кровь и убежал в лавку, испугавшись, и ослятник сказал ему: — Аллах да смутит твою жизнь, о Зурейк! Эта женщина выкинула плод, и ты ничего не можешь против ее мужа. Зачем ты обдал ее твоим запахом? Я говорю тебе: — дай ей кусок рыбы! — а ты не хочешь. — И потом ослятник взял осла и увел своей дорогой, а когда Зурейк убежал в лавку, Али-каирский протянул руку к мешку, но едва он достал до него, золото, бывшее в нем, забренчало, и зазвенели колокольчики и погремушки и кольца, и Зурейк воскликнул: — проявился твой обман, о мерзавец! Ты строишь мне штуки, будучи в образе женщины! Но возьми то, что пришло к тебе! — И он бросил в него свинцовой лепешкой, но удар пропал напрасно и угодил в другого, и люди напали на Зурейка и стали ему говорить: — ты торговец или боец? Если ты торговец, сними мешок и избавь людей от твоего зла. — Во имя Аллаха! На голове! — сказал Зурейк. А что до Али, то он пришел в казарму, и Шуман спросил его: — что же ты сделал? — и Али рассказал ему обо всем, что с ним произошло, а потом он снял женскую одежду и сказал: — о Шуман, принеси мне одежду конюха. — И Шуман принес ему одежду, и Али взял ее и надел, а потом он взял блюдо и пять дирхемов и отправился к Зурейку-рыбнику. — Что ты потребуешь, о господин? —

спросил Зурейк, и Али показал ему дирхемы в руке, и Зурейк хотел дать ему рыбы, которая лежала на стойке, но Али сказал ему: — я возьму только горячей рыбы. — И Зурейк положил рыбу на сковородку и хотел ее изжарить, но огонь потух, и Зурейк пошел, чтобы зажечь его, и тогда Али-каирский протянул руку, желая взять кошель, и коснулся его кончика, и погремушки, кольца и колокольчики забренчали, и Зурейк воскликнул: — твоя штука со мной не удалась, хоть ты и пришел в образе конюха. Я узнал тебя по тому, как ты держал в руке деньги и блюдо... и Шахразиду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

СЕМЬСОТ ПЯТНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Али-каирский протянул руку, чтобы взять кошель, колокольчики и кольца забренчали, и Зурейк сказал ему: — твоя штука со мной не удалась, хоть ты и пришел в образе конюха. Я узнал тебя по тому, как ты держал в руке деньги и блюдо. — И он бросил в него свинцовой лепешкой, но Али-каирец увернулся от нее, и она попала прямо в сковороду, полную горячего мяса. И сковорода разбилась, и сок пролился с нее на плечо кади, когда он проходил мимо, и все попало ему за пазуху и достигло его срамоты. И кади закричал: — о моя срамота! Как это скверно, о несчастный! Кто сделал со мной такое дело? — и люди сказали ему: — о владыка наш, это маленький мальчик бросил камень, и он попал в сковороду, и то,

что отразил Аллах, было ужаснее. — И потом они осмотрелись и увидели, что это — свинцовая лепешка и что бросил ее не кто иной, как Зурейк-рыбник, и напали на него и сказали: — это не дозволено Аллахом, о Зурейк! Сними мешок! Так будет для тебя лучше! — Если захочет Аллах, я сниму его, — сказал Зурейк.

Что же касается Али-каирского, то он пошел в казарму и вошел к людям, и те спросили его: — где мешок? — и Али рассказал им обо всем, что с ним случилось, и они сказали: — ты погубил уже две трети его ловкости. — И Али снял то, что на нем было, и надел одежду купца и вышел и увидел змеелова, у которого был мешок со змеями и сумка, где лежали его принадлежности. — О змеелов, — сказал ему Али, — я хочу, чтобы ты позабавил моих детей и получил награду, — а потом он привел его в казарму и накормил и одурманил банджем и оделся в его одежду и пошел к Зурейку-рыбнику. И он подошел к нему и стал дудеть в дудку, и Зурейк сказал ему: — Аллах тебя наделит! — и вдруг Али вынул змей и бросил их перед ним. А Зурейк боялся змей, и он убежал от них в лавку, и тогда Али взял змей и положил их в мешок и протянул руку к кошелю, но когда он достал до его кончика, кольца, звонки и погремушки забренчали, и Зурейк воскликнул: — ты все еще строишь мне штуки и даже сделался змееловом! — И он бросил в Али свинцовой лепешкой, а тут проходил один военный, за которым шел его конюх, и лепешка попала конюху в голову и повалила его. И военный спросил: — кто повалил его? — и люди сказали: — это камень упал

с крыши, — и военный ушел, а люди осмотрелись и увидели свинцовую лепешку и напали на Зурейка, говоря ему: — сними мешок! — и Зурейк сказал им: — если захочет Аллах, я сниму его сегодня вечером.

И Али до тех пор играл с ним штуки, пока не устроил семи плутней, но так и не взял мешка. И он вернул змеелову его одежду и принадлежности и дал ему награду, а потом возвратился к лавке Зурейка и услышал, как тот говорит: — если я оставлю кошель на ночь в лавке, ловкач просверлит стену и возьмет его. Я лучше заберу кошель с собой домой. — И потом Зурейк поднялся и вышел из лавки и, сняв мешок, положил его за пазуху, и Али следовал за ним, пока не приблизился к его дому. И Зурейк увидел, что у его соседа свадьба, и сказал про себя: — пойду домой, отдам жене кошель и оденусь, а потом вернусь на свадьбу, — и пошел, и Али последовал за ним. А Зурейк был женат на черной рабыне из отпущенниц везира Джафара, и ему достался от нее сын, которого он назвал Абд-Аллах, и он обещал жене, что на деньги из того мешка он справит обрезание мальчика и женит его и истратит их на его свадьбу. И Зурейк вошел к своей жене с нахмуренным лицом, и она спросила его: — в чем причина твоей хмурости? — и Зурейк ответил: — испытал меня владыка наш ловкачом, который устроил со мной семь плутней, чтобы взять кошель, но не смог его взять. — Подай его, я его припрячу для свадьбы мальчика, — сказала жена Зурейку, и тот дал ей кошель, а что касается Али-каирского, то он спрятался в одном месте и мог слышать

и видеть. И Зурейк поднялся и снял то, что на нем было, надел другую одежду и сказал своей жене: — береги кошель, о Умм Абд-Аллах, а я пойду на свадьбу. — Поспи немножко! — сказала ему жена, и Зурейк лег, и тогда Али поднялся и прошел на концах пальцев и взял кошель и отправился к тому дому, где была свадьба, и остановился и стал смотреть. А Зурейк увидел во сне, что кошель схватила птица, и проснулся испуганный и сказал Умм Абд-Аллах: — встань, посмотри, где кошель! — и женщина поднялась посмотреть и не нашла его. И она стала бить себя по лицу и воскликнула: — о, как черно твое счастье, Умм Абд-Аллах! Ловкач взял кошель! — и Зурейк вскричал: — клянусь Аллахом, его взял только ловкач Али, и никто другой не взял мешка! Я непременно его принесу! — Если ты не принесешь мешка, — сказала ему жена, — я запру перед тобой ворота и оставлю тебя почевать на улице! — И Зурейк подошел к дому, где была свадьба, и увидел, что ловкач Али смотрит, и сказал про себя: — вот кто взял кошель! Но он живет в казарме Ахмеда-ад-Данафа. — И Зурейк пришел раньше Али к казарме и поднялся на крышу и спустился вниз и увидел, что люди спят, и вдруг подошел Али и постучал в ворота, и Зурейк спросил: — кто у ворот? — Али-каирский, — ответил Али, и Зурейк спросил: — ты принес кошель? — И Али подумал, что это — Шуман, и сказал: — я его принес, отоприв ворота, — и Зурейк ответил: — мне нельзя тебе отпереть, пока я его не увижу, потому что мы с твоим старшим побились об заклад. — Протяни руку, — сказал Али, и Зурейк

протянул руку через боковое отверстие в воротах, и Али дал ему мешок, и Зурейк взял его и вышел через то место, куда вошел, и отправился на свадьбу. Что же касается Али, то он продолжал стоять у ворот, но никто ему не отпирал. И тогда он стукнул в ворота устрашающим стуком, и люди очнулись и сказали: — это стук Али-каирского! — и надсмотрщик отпер ему ворота и спросил: — ты принес мешок? — и Али воскликнул: — довольно шуток, Шуман! Разве я не подаю тебе мешок через боковое отверстие в воротах, и ты еще мне сказал: — клянусь, что не отопру тебе ворота, пока ты не покажешь мне мешка! — Клянусь Аллахом, я его не брал, и это Зурейк взял его у тебя! — сказал ему Шуман, и Али воскликнул: — я непременно его принесу!

И потом Али-каирский вышел и пошел на свадьбу и услышал, как шут говорит: — подарок, о Абу-Абд-Аллах! Исход будет счастлив для твоего сына! — и тогда Али воскликнул: — я обладатель счастья! — и пошел к дому Зурейка и влез на крышу дома и спустился внутрь и увидел, что невольница спит. И он одурманил ее банджем и оделся в ее одежду и взял ребенка на колени, стал ходить и искать и увидел корзину с печеньем от праздника, которое осталось по скупости Зурейка. А Зурейк подошел к дому и постучал в ворота, и ловкач Али откликнулся, притворяясь невольницей, и спросил: — кто у ворот? — Абу-Абд-Аллах, — ответил Зурейк, и Али сказал: — я поклялась, что не отопру тебе ворот, пока ты не принесешь мешка. — Я принес его, — сказал Зурейк, и Али крикнул: — подай его,

раньше чем я отопру ворота. — Спусти корзину и прими в нее мешок, — сказал Зурейк, и Али спустил корзину, и Зурейк положил в нее мешок, а потом ловчач Али взял его и одурманил ребенка банджем и разбудил невольницу. И он вышел через то же место, куда вошел, и отправился в казарму и, войдя к людям, показал им мешок и ребенка, который был с ним, и люди похвалили его, и отдал им печенье, и они его съели. — О Шуман, — сказал Али, — этот ребенок — сын Зурейка, спрячь его у себя. — И Шуман взял ребенка и спрятал его, а потом он принес барана и зарезал его и отдал его надсмотрщику, а тот изжарил барана целиком и завернул его в саван и придал ему вид мертвеца.

ЧТО же касается Зурейка, то он все стоял у ворот, а потом он стукнул в ворота устрашающим стуком, и невольница спросила его: — принес ты мешок? — А разве ты не взяла его в корзину, которую спустила? — спросил Зурейк, и невольница ответила: — я не спускала корзины, не видала мешка и не брала его! — Клянись Аллахом, ловкач Али опередил меня и взял его! — воскликнул Зурейк, и он посмотрел в доме и увидел, что печенье пропало и ребенок исчез. И Зурейк закричал: — увы, мой ребенок! — а невольница стала бить себя по груди и воскликнула: — я пойду с тобой к везирию! Никто не убил моего ребенка, кроме ловкача, который устраивает с тобой штуки, и это случилось из-за тебя! — Я ручаюсь, что привесу его! — воскликнул Зурейк. И потом Зурейк вышел, обвязав себе шею платком, и пошел в казарму Ахмеда-ад-Данафа и поступал

в ворота, и надсмотрщик отпер ему, и он вошел к людям. — Что привело тебя? — спросил Шуман, и Зурейк сказал: — вы — ходатаи перед Али-каирским, чтобы он отдал мне моего ребенка, и тогда я уступлю ему тот мешок с золотом. — Аллах да встретит тебя, о Али, воздаяньем! — воскликнул Шуман. — Почему ты не сказал мне, что это — его сын. — Что с ним случилось? — спросил Зурейк. — Мы кормили его изюмом, и он подавился и умер. Вот он, — сказал Шуман, — и Зурейк воскликнул: — увы, мой ребенок! Что я скажу его матери. — И он поднялся и развернул саван и увидел, что в нем баранья туша, и воскликнул: — ты взволновал меня, о Али! — И потом ему отдали его сына, и Ахмед-ад-Данаф сказал: — ты повесил мешок, чтобы всякий, кто ловчач, взял его, и если ловчач его возьмет, он станет его собственностью, и вот он стал собственностью Али-каирского. — Я дарю ему мешок, — сказал Зурейк, и Али-Зейбак-каирский сказал ему: — прими его ради твоей племянницы Зейнаб. — Я принял его! — ответил Зурейк, и ему сказали: — мы сватаем ее за Али-каирского. — Я властен над нею только добром, — сказал Зурейк, и потом он взял своего сына и забрал мешок, и Шуман спросил его: — принимаешь ли ты от нас сватовство? — Я приму его от того, кто может добыть ее приданое, — сказал Зурейк. — А каково ее приданое? — спросил Шуман, и Зурейк сказал: — она поклялась, что никто не сядет ей на грудь, кроме того, кто принесет ей одежду Камар, дочери Азры-еврея, и остальные ее вещи... и Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

СЕМЬ СОТ ШЕСТНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: дошло до меня, о счастливый царь, что Зурейк сказал Шуману: — Зейнаб поклялась, что никто не сядет ей на грудь, кроме того, кто принесет ей одежду Камар, дочери Азры-еврея, и венец, и кушак, и золотые башмачки, — и Али-каирский воскликнул: — если я не принесу ей одежду сегодня вечером, нет у меня права на сватовство! — О Али, ты умрешь, если сыграешь с ней штуку, — сказал Шуман, и Али спросил: — а что этому за причина? — и ему сказали: — Азра-еврей — колдун, злокозненный обманщик, который заставляет служить себе джиннов, и у него есть дворец вне города, в стенах которого один кирпич золотой, а другой серебряный, и этот дворец виден людям, пока Азра там сидит, а когда он из него выходит, дворец скрывается. Азре досталась дочь, по имени Камар, и он принес ей эту одежду из сокровищницы, и он кладет одежду на золотое блюдо и открывает окна дворца и кричит: — где ловкачи Египта, молодцы из Ирака и искусники персов? Всякому, кто возьмет эту одежду, она будет принадлежать! — И пытались играть с ним штуки все молодцы, но не могли взять эту одежду, и он заколдовал их и обратил в обезьян и ослов. — Я непременно возьму ее, и Зейнаб, дочь Далилы-хитрицы, будет в ней показываться! — воскликнул Али, и затем он отправился к лавке еврея и увидел, что он сердитый и грубый и что перед ним весы и разновески, и золото, и серебро, и ящички, а подле него он увидел мула. И еврей поднялся и запер

лавку и сложил золото и серебро в два кошелька, и кошельки он положил в мешок, а мешок взвалил на мула и сел и поехал, и ехал до тех пор, пока не выехал за город, и Али-каирский шел сзади него, а он не знал этого. А потом еврей вынул земли из мешка, бывшего у него за пазухой, и поколдовал над нею и развеял ее в воздухе, и ловкач Али увидел дворец, которому нет равного, а затем мул с евреем стал подниматься по лестнице, и вдруг оказалось, что этот мул — дух, которого еврей заставляет себе служить! И он снял с мула мешок, и мул ушел и скрылся, а еврей остался сидеть во дворце, и Али смотрел, что он делает. И еврей принес золотую трость и повесил на нее золотое блюдо на золотых цепочках и положил одежду на блюдо, и Али увидел ее из-за дверей. И еврей закричал: — где ловкачи Египта, молодцы из Ирака и искусники персов? Кто возьмет эту одежду своей ловкостью, тому она будет принадлежать! — а после того он поколдовал, и легла перед ним скатерть с кушаньями. И еврей поел, а потом скатерть исчезла сама собой, и Азра поколдовал еще раз, и легла перед ним скатерть с вином, и он стал пить, и Али сказал себе: — ты сумеешь взять эту одежду только пока он напивается! — И Али подошел к еврею сзади и вытащил свой стальной меч и взял его в руку, и еврей обернулся и поколдовал и сказал руке Али: — остановись с мечом! — и его рука остановилась с мечом в воздухе. И Али протянул левую руку, и она остановилась в воздухе, и его правая нога тоже, и он остался стоять на одной ноге, а потом еврей снял с него чары, и Али-каирский снова стал таким же, как раньше.

И еврей погадал на доске с песком, и вышло, что имя этого человека — Али-Зейбак-каирский, и Азра обратился к нему и сказал: — пойдя сюда! Кто ты и каково твое дело? — Я — Али-каирский, молодец Ахмеда-ад-Данафа, — ответил Али. — Я посватался к Зейнаб, дочери Далилы-хитрицы, и они назначили ей с меня в приданое одежду твоей дочери. Отдай мне ее, если хочешь спастись, и стань мусульманином. — После твоей смерти! — сказал еврей. — Много людей строили со мной штуки, чтобы взять эту одежду, но не смогли ее у меня взять. Если ты примешь добрый совет, спасайся сам. Они потребовали от тебя эту одежду, только чтобы тебя погубить, и если бы я не увидел, что твое счастье превосходит мое счастье, я бы наверное скинул тебе голову. — И Али обрадовался, что еврей увидел, что счастье Али превосходит его счастье, и сказал: — Я непременно должен взять одежду, и ты станешь мусульманином. — Таково твое желание, и это неизбежно? — спросил еврей, и Али ответил: — да! — и тогда еврей взял чашку и наполнил ее водой и поколдовал над нею и сказал: — выйди из облика человеческого и прими облик осла! — И он обрызгал Али этой водой, и Али сделался ослом, с копытами и длинными ушами, и стал реветь, как ослы. И потом еврей провел вокруг Али круг, который стал для него стеною, а сам пил до утра, а утром он сказал Али: — я поеду на тебе и дам мулу отдохнуть. — И еврей положил одежду, блюдо, трость и цепочки в шкафчик и вышел и поколдовал над ослом, и Али последовал за ним, и еврей положил на спину Али мешок и сел на него, а дворец скрылся с глаз. И Али шел, и еврей ехал

на нем, пока не слез около своей лавки, и тогда он опорожнил кошель с золотом и кошель с серебром и высыпал деньги в ящички, которые стояли перед ним, а Али был привязан в образе осла, и он слышал и понимал, но не мог говорить. И вдруг подошел сын одного купца, которого обидело время, и он не нашел для себя ремесла легче ремесла водоноса, и тогда он взял браслеты своей жены и пришел к еврею и сказал ему: — дай мне цену этих браслетов, чтобы я купил на нее осла. — Что ты будешь на нем возить? — спросил еврей, и сын купца сказал: — о мастер, я наполню бурдюк водой из реки и буду кормиться ее ценою. — Возьми у меня этого осла, — сказал еврей, и сын купца продал ему браслеты и взял за часть их цены осла, и еврей дал ему остальное, и сын купца пошел с Али-каирским, который был заколдован в образе осла, к себе домой. И Али сказал про себя: — когда ослитник положит на тебя доску и бурдюк и сделает с тобой десять поездок, он лишит тебя здоровья, и ты умрешь. — И жена водоноса подошла, чтобы положить Али корму, и вдруг он ударил ее головой, так что она опрокинулась на спину, и прыгнул на нее, и ударив ее ртом по голове, опустил то, что оставил ему его отец. И женщина закричала, и прибежали к ней соседи и побили Али и стащили его с ее груди, и вдруг ее муж, который захотел сделаться водоносом, пришел домой, и его жена сказала ему: — либо ты со мной разведешься, либо вернешь осла его владельцу. — Что случилось? — спросил водонос, и жена его сказала: — это сатана в виде осла. Он прыгнул на меня, и если бы соседи не стащили

его с моей груди, он бы наверное сделал со мной дурное. — И ее муж взял Али и пошел к еврею, и когда тот спросил его: — почему ты привел осла обратно? — водонос ответил: — он сделал с моей женой дурное дело. — И еврей отдал водоносу его деньги, и тот ушел, а что касается еврея, то он обратился к Али и сказал ему: — или ты входишь в ворота козней, о злосчастный, так что он даже вернул мне тебя... и Шахразад устало застывало утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

СЕМЬСОТ СЕМНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что еврей, когда водонос вернул ему осла, отдал ему его деньги и, обратившись к Али-каирскому, сказал: — или ты входишь в ворота козней, о злосчастный, так что он даже вернул мне тебя? Но раз тебе угодно быть ослом, я сделаю тебя забавой для больших и малых! — И он взял осла и сел на него и выехал за город и, вынув пепел, поколдовал над ним и развеял его в воздухе, и вдруг дворец появился. И еврей вошел во дворец и, сняв мешок со спины осла, вынул кошелька с деньгами и вынул трость и повесил на нее блюдо с одеждой, а потом закричал, как кричал каждый день: — где молодцы из всех стран? Кто может взять эту одежду? — И он поколдовал, как раньше, и встала перед ним трапеза, и он поел и поколдовал, и появилось перед ним вино, и он напился. И потом он вынул чашку с водой и поколдовал над ней и брызнул ею на осла и сказал ему: — обратись из этого облика в твоей

прежний облик! — и Али снова стал человеком, как прежде. — О Али, — сказал ему еврей, — прими добрый совет и избавься от моего зла! Нет тебе нужды жениться на Зейнаб и брать одежду моей дочери. Она достанется тебе не легко, и оставить жадность для тебя будет лучше. А если нет, я заколдую тебя и превращу в медведя или обезьяну, или отдам тебя во власть духу, который закинет тебя за гору Каф. — О Азра, — сказал Али, — я обязался взять одежду, и взять ее неизбежно, и ты примешь ислам, а не то я тебя убью. — О Али, — сказал еврей, — ты — как орех: если он не разобьется, его не съесть. — И он взял чашку с водой и поколдовал над нею и обрызгал водой Али и сказал: — будь в образе медведя! — и Али тотчас же превратился в медведя. И еврей надел ему на шею ошейник и связал ему рот и вбил для него железный кол и стал есть и бросал ему кое-какие куски и выливал ему остатки из чаши. А когда наступило утро, еврей встал и взял блюдо и одежду и поколдовал над медведем, и тот пошел за ним в лавку, и еврей сел в лавке и высыпал золото и серебро в ящик и привязал в лавке цепь, которая была у медведя на шее, и Али слышал и разумел, но не мог говорить. И вдруг пришел к еврею в лавку один купец и спросил: — о мастер, не продашь ли ты мне этого медведя? У меня есть жена, дочь моего дяди, и ей прописали поесть медвежьего мяса и намазаться его жиром. — И еврей обрадовался и сказал про себя: — продам его, чтобы купец его зарезал, и мы бы от него избавились! — а Али про себя воскликнул: — клянись Аллахом, этот человек хочет меня зарезать,

и освобождение — у Аллаха! — Он будет тебе от меня подарком, — сказал еврей, и купец взял медведя и прошел с ним мимо мясника и сказал ему: — возьми принадлежности и ступай со мной! — и мясник взял ножи и последовал за ним. И потом мясник подошел к Али и привязал его и начал точить ножи и хотел его зарезать, и когда Али-каирский увидел, что мясник к нему направился, он побежал от него и полетел между небом и землей, и летел до тех пор, пока не опустился во дворец, у еврея. А причиною этого было то, что еврей отправился во дворец после того, как отдал купцу медведя, и его дочь стала его спрашивать, и он рассказал ей обо всем, что произошло, и тогда она сказала: — призови духа и спроси его про Али-каирского: он ли это или другой человек устраивает штуки? — И еврей поколдовал и призвал духа и спросил его: — это Али-каирский или другой человек устраивает штуки? — и дух похитил Али и принес его и сказал: — вот Али-каирский, он самый. Мясник связал его и наточил ножи и хотел начать его резать, но я схватил его, когда он был перед ним, и принес. — И еврей взял чашку с водой и поколдовал над нею и обрызгал из чашки Али и сказал: — вернись к твоему человеческому образу! — и Али снова стал таким, как был раньше. И увидела Камар, дочь еврея, что это красивый юноша, и любовь к нему запала ей в сердце, а любовь к ней запала ему в сердце, и Камар спросила его: — о несчастный, зачем ты идешь моей одежды и мой отец делает с тобой такие дела? — Я обязался взять ее для Зейнаб-обманщицы, чтобы на ней жениться, — ответил Али, и Камар сказала:

— другие играли с моим отцом штуки, чтобы захватить мою одежду, но не смогли овладеть ею. Оставь жадность, — сказала она потом, и Али молвил: — мне неизбежно взять одежду, и твой отец примет ислам, а не то я его убью. — Посмотри, дочка, на этого злосчастливого, как он идет своей гибели! — воскликнул отец Камар, и потом он сказал: — я превращу тебя в собаку! — И он взял чашку с надписями, в которой была вода, и заколдовал над нею и обрызгал водой Али и сказал: — будь в образе собаки! — и Али стал собакой, а еврей со своей дочерью пили до утра. А потом он поднялся и, взяв одежду и блюдо, сел на мула и заколдовал над собакой, и та последовала за ним, и другие собаки стали на нее лаять. И еврей прошел мимо лавки старьевщика, и старьевщик вышел и прогнал от Али собак, и Али лег перед ним, а еврей осмотрелся и не нашел его. И старьевщик поднялся и вышел из лавки и пошел домой, и пес последовал за ним, и когда старьевщик вошел в свой дом, дочь старьевщика посмотрела и увидела собаку и закрыла себе лицо, говоря: — о батюшка, ты приводишь чужого мужчину и вводишь его к нам. — О дочка, это собака, — сказал старьевщик, и его дочь молвила: — это Али-каирский, которого заколдовал еврей. — И старьевщик обернулся к Али и спросил его: — ты Али-каирский? — и Али сделал ему знак головой: — да! — и тогда отец девушки спросил ее: — почему еврей заколдовал его? — и она сказала: — из-за одежды его дочери Камар, и я могу его освободить. — Если в этом благо, то теперь время для него! — воскликнул старьевщик, и его дочь сказала: — если он на мне женится, я его осво-

божу. — И Али сказал ей головой: — да, — и тогда она взяла чашку с надписями и поколдовала над нею, и вдруг раздался великий крик, и чашка упала у нее из рук. И девушка обернулась и увидела, что это кричала невольница ее отца, и та сказала ей: — о госпожа моя, разве таков был завет между мною и тобою? Никто не научил тебя этому искусству, кроме меня, и ты со мной сговорила, что ничего не будешь делать, не посоветовавшись со мной, и что тот, кто женится на тебе, женится на мне, и будет ночь мне и ночь тебе. — Да, — сказала девушка, и когда старьевщик услышал от невольницы такие слова, он спросил свою дочь: — а кто научил эту невольницу? — О батюшка, — ответила его дочь, — она научила меня; спроси ее, кто ее научил. — И старьевщик спросил невольницу, и она сказала ему: — знай, о господин мой, что когда я была у еврея Азры, я подслушивала, как он произносил заклинания, а когда он уходил в лавку, я открывала книги и читала их, так что узнала науку о духах. И в один из дней еврей напился и позвал меня на ложе, и я отказалась и сказала: — я не дам тебе этого сделать, пока ты не примешь ислам. — И он отказался, и я сказала ему: — на рынок султана! — и он продал меня тебе, и я пришла к тебе в дом и научила мою госпожу и поставила ей условие, что она не будет ничего такого делать, не посоветовавшись со мной, и что тот, кто женится на ней, женится и на мне, и будет ночь мне и ночь ей. — И невольница взяла чашку с водой и поколдовала над нею и обрызгала из нее пса и сказала ему: — возвратись к твоему человеческому образу! — и Али снова

стал человеком, как был. И старьевщик пожелал ему мира и спросил, почему его заколдовали, и Али рассказал ему обо всем, что ему выпало... и Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

СЕМЬСОТ ВОСЕМНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что старьевщик пожелал Али-каирскому мира и спросил его, почему его заколдовали и что ему выпало, и Али рассказал ему все, что случилось. — Достаточно тебе будет моей дочери и невольницы? — спросил его старьевщик, и Али ответил: — неизбежно взять Зейнаб, — и вдруг кто-то постучал в дверь. — Кто у дверей? — спросила невольница, и Камар, дочь еврея, спросила: — у вас ли Али-каирский? — И дочь старьевщика спросила ее: — о дочь еврея, если Али-каирский у нас, что ты с ним сделаешь? Спустись, о невольница, открой ей ворота. — И невольница открыла ей ворота, и Камар вошла и увидела Али, и когда Али увидал ее, он воскликнул: — что привело тебя, о дочь пса? — и Камар сказала: — я свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед — посол Аллаха, — и она приняла ислам и спросила Али: — мужчины ли, по вере ислама, дают приданое женщинам, или женщины дают приданое мужчинам? — и Али ответил ей: — мужчины дают приданое женщинам, — и тогда она сказала: — а я пришла, чтобы дать тебе за себя в приданое одежду, трость, цепочку и голову моего отца — твоего врага и врага Аллаха. — И она бросила перед ним голову

своего отца и воскликнула: — вот голова моего отца — твоего врага и врага Аллаха! — А причиною убийства ею своего отца было то, что когда еврей превратил Али в пса, она увидела во сне говорящего, который говорил ей: — прими ислам! — и она приняла ислам, а проснувшись, она предложила ислам своему отцу, но тот отказался, и когда он отказался принять ислам, Камар одурманила его банджем и убила.

И Али взял вещи и сказал старьевщику: — завтра мы встретимся у халифа, чтобы я женился на твоей дочери и на невольнице, — и вышел, радуясь, и направился в казарму, неся с собой вещи. И вдруг он увидел продавца сладостей, который бил рукою об руку и восклицал: — нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Труд людей стал беззаконием и идет только на подделку. Прошу тебя, ради Аллаха, попробуй этих сладостей. — И Али взял у него кусочек и съел его, и вдруг оказался в нем бандж, и торговец одурманил Али и взял у него одежду, трость и цепочки и положил их в сундук со сладостями и понес сундук и блюдо со сладостями и пошел. И вдруг один кади закричал ему и сказал: — подойди, эй торговец! — и торговец остановился и поставил подставку, на которой стоял поднос, и спросил: — что ты потребуешь? — Халвы и конфет, — сказал кади, и потом он взял немного этого в руку и сказал: — эта халва и конфеты с примесью. — И кади вынул из-за пазухи кусок халвы и сказал торговцу: — посмотри, как прекрасно она приготовлена! Поешь ее и сделай такую же! — И торговец взял халву и съел ее, и вдруг в ней оказался бандж, и кади

одурманил торговца и взял подставку и сундук и одежду и другое. И он положил торговца внутрь подставки и понес все это и отправился в казарму, где жил Ахмед-ад-Данаф. А этот кади был Хасан-Шуман, и причиной всего этого было вот что. Когда Али обязался взять одежду и вышел ее искать, про него не услышали вестей, и Ахмед-ад-Данаф сказал: — о молодцы, выходите, ищите вашего брата Али-каирского! — И они вышли и стали искать его в городе, и Хасан-Шуман вышел в облике кади и встретил того торговца сладостями и узнал, что это — Ахмед-аль-Лакит. И он одурманил его банджем и взял его вместе с одеждой и пошел с ним в казарму, а что касается тех сорока, то они ходили, ища Али, по улицам города. И Али-Катф-аль-Джамаль отделился от своих товарищей и увидел толпу и направился к столпившимся людям, и увидал среди них Али-каирского, который был одурманен банджем. И Катф-аль-Джамаль разбудил Али после банджа, и Али, очнувшись, увидел, что около него собрались люди. — Приди в себя, — сказал Али Катф-аль-Джамаль, и Али спросил: — где я? — и Али-Катф-аль-Джамаль и его люди ответили: — мы увидели тебя одурманенным, и не знаем, кто тебя одурманил. — Меня одурманил один торговец сладостями и взял от меня вещи. Но куда он ушел? — спросил Али, и ему ответили: — мы никого не видали, но пойдем с нами в казарму. — И они отправились в казарму и вошли и увидели Ахмеда-ад-Данафа, и тот приветствовал их и спросил: — о Али, принес ты одежду? — Я нес и ее, и другое и нес голову еврея, — ответил Али, — но меня встретил торговец сладостями и одурманил

меня и взял у меня это. — И он рассказал Ахмеду обо всем, что случилось, и сказал: — если бы я увидел этого торговца, я бы отплатил ему, — и вдруг Хасан-Шуман вышел из одной комнаты и спросил: — принес ли ты вещи, о Али? — Я нес их и нес голову еврея, но меня встретил торговец сладостями и одурманил меня и взял одежду и другое, и я не знаю, куда он ушел. Если бы я знал, где он, я бы ему насолил. Знаешь ли ты, куда ушел этот торговец? — Я знаю, где он, — ответил Хасан, и затем он поднялся и открыл Али комнату, и тот увидел в ней торговца, одурманенного банджем. И Али разбудил его после банджа, и он открыл глаза и увидел пред собой Али-каирского, Ахмеда-ад-Данафа и сорок его приближенных и обмер и спросил: — где я и кто схватил меня? — Это я тебя схватил, — сказал Шуман, и Али воскликнул: — о злокозненный, ты делаешь такие дела! — и хотел его зарезать. И Хасан-Шуман сказал ему: — подними руку, — он стал твоим собственником, — и Али спросил: — моим собственником, откуда? — и Хасан сказал ему: — это Ахмед-аль-Лакит, сын сестры Зейнаб. — Почему все это, о Лакит? — спросил его Али, и мальчик сказал: — мне так приказала моя бабка Далила-хитрица, и случилось это только потому, что Зурейк-рыбник встретился с моей бабкой, Далилой-хитрицей, и сказал ей: — Али-каирский — ловкач редкой ловкости, и он неизбежно убьет еврея и принесет одежду, — и тогда она позвала меня и спросила: — о Ахмед, знаешь ли ты Али-каирского? — и я ответил: — я его знаю и привел его к казарме Ахмеда-ад-Данафа. — И тогда она сказала мне: — пойди расставь на него твои сети,

и если он принес вещи, сыграй с ним штуку и отбери у него вещи. — И я пошел ходить по улицам города и увидел торговца сладостями и дал ему десять динаров и взял у него его одежду, сладости и принадлежности, и случилось то, что случилось. — И тогда Али-каирский сказал Ахмеду-аль-Лакиту: — походи к твоей бабке и к Зурейку-рыбнику и осведоми их о том, что я принес вещи и голову еврея, и скажи им: — завтра встречайте его в диване халифа и берите у него приданое Зейнаб! — И Ахмед-ад-Данаф обрадовался этому и воскликнул: — не обмануло в тебе воспитание, о Али! — а когда наступило утро, Али-каирский взял одежду, блюдо, трость и золотые цепочки и голову Азры-еврея на дротике и отправился в диван со своим дядей и его молодцами, и они поцеловали землю меж рук халифа... и Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи,

когда же настала

СЕМЬСОТ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ НОЧЬ,

она сказала: — дошло до меня, о счастливый царь, что когда Али-каирский пошел в диван вместе со своим дядей Ахмедом-ад-Данафом и его молодцами, они поцеловали землю меж рук халифа, и халиф посмотрел и увидел красивого юношу, доблестней которого не было среди мужей. И он спросил про его людей, и Ахмед-ад-Данаф сказал ему: — о повелитель правоверных, это Али-Зейбак каирский, глава молодцов Египта, и он первый из моих молодцов. — И когда халиф увидел его, он его полюбил, так как увидел, что между глаз у него блещет доблесть, свидетельствуя за него, а не

против него, и Али поднялся и бросил голову еврея перед халифом и сказал: — твой враг таков, как этот, о повелитель правоверных. — Чья это голова? — спросил халиф, и Али ответил: — голова Азры-еврея, — и халиф спросил: — а кто убил его? — и Али-каирский рассказал ему обо всем, что с ним случилось, от начала до конца, и халиф сказал: — я не думаю, что ты убил его, так как он был колдун. — О повелитель правоверных, дал мне власть мой господь убить его, — сказал Али, и халиф послал вали во дворец еврея, и тот увидел еврея без головы. И его положили в ящик и принесли к халифу, и тот велел его сжечь, и вдруг Камар, дочь еврея, пришла и поцеловала халифу руки и осведомила его, что она — дочь Азры-еврея и стала мусульманкой. И она снова приняла ислам перед халифом и сказала ему: — ты — ходатай перед ловкачом Али-Зейбаком-каирским, чтобы он женился на мне. — И она уполномочила халифа заключить ее брак с Али, и халиф подарил Али-каирскому дворец еврея с тем, что в нем было, и сказал ему: — пожелай от меня. — Я желаю от тебя, — сказал Али, — чтобы я мог стоять на твоём ковре и есть с твоего стола, — и халиф спросил его: — о Али, есть у тебя молодцы? — У меня сорок молодцов, но они в Каире, — ответил Али, и халиф сказал: — пошли за ними, чтобы они пришли из Каира. О Али, — спросил потом халиф, — а есть у тебя казарма? — и Али ответил: — нет, — и тогда Хасан-Шуман сказал: — я дарю ему мою казарму с тем, что в ней есть, о повелитель правоверных. — Твоя казарма будет тебе, о Хасан, — сказал халиф, и он велел казначею дать строителю десять тысяч

динаров, чтобы тот построил для Али казарму с четырьмя портиками и сорока комнатами для его молодых. — О Али, — спросил потом халиф, — осталась ли у тебя какая-нибудь нужда, которую мы прикажем для тебя исполнить? — и Али ответил: — о царь времени, чтобы ты был ходатаем перед Далилой-хитрицей и она бы выдала за меня свою дочь Зейнаб и взяла бы одежду дочери еврея и ее вещи за Зейнаб в приданое. — И Далила приняла ходатайство халифа и взяла блюдо, одежду и трость и золотые цепочки, и написали договор Зейнаб с Али, и написали также договор с ним дочери старьевщика и невольницы и Камар, дочери еврея. И халиф назначил Али жалование и велел давать ему стол к обеду, и стол к ужину, и довольствие, и кормовые, и наградные, и Али-каирский начал приготовления к свадьбе, и прошел срок в тридцать дней. А потом Али-каирский послал своим молодым в Каир письмо, в котором упомянул, какое ему досталось у халифа уважение, и он говорил в письме: — вы неизбежно должны явиться, чтобы застать свадьбу, так как я жепюсь на четырех девушках.

И через небольшое время его сорок молодых явились и застали свадьбу, и Али поселил их в казарме и оказал им величайшее уважение, а затем он представил их халифу, и халиф наградил их. И горничные стали показывать Али-каирскому Зейнаб в той одежде, и он вошел к ней и нашел ее жемчужиной не сверленной и кобылицей другими не объезженной, а после нее он вошел к трем другим девушкам и увидел, что они совершенны по красоте и прелести.

А потом случилось, что Али-каирский бодрствовал у халифа в какую-то ночь, и халиф сказал ему: — я имею желание, о Али, чтобы ты рассказал мне обо всем, что с тобой случилось, с начала до конца. — И Али рассказал ему обо всем, что случилось у него с Далилой-хитрицей, Зейнаб-обманщицей и Зурейком-рыбником, и халиф приказал это записать и положить в казну царства, и записали все, что произошло с Али, и положили запись в числе рассказов о народе лучшего из людей, и затем все они жили в приятнейшей и сладостнейшей жизни, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, а Аллах (велик он и славен!) лучше знает истину.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 44¹. «... дошло до меня, о счастливый царь, что сын царя сказал».

В тексте — описка переписчика. Должно, конечно, стоять сын *купца*.

Стр. 44². «... а потолки украшены мадинской лазурью».

Мадин — название нескольких селений на территории восточного халифата. Близ одного из них, в горах турецкой Армении, находились месторождения лазоревого камня.

Стр. 46¹. «... скажи: не поразит нас ничто, кроме того, что начертал нам Аллах».

Коран, глава IX, стих 51.

Стр. 46². «... оставив после себя страдания Айюба».

Айюб — арабская форма имени библейского Иова. В Коране о нем имеются лишь краткие упоминания. Гораздо подробнее излагают его историю средневековые мусульманские писатели, которые черпали материал из Библии и Талмуда.

Стр. 68. «... он будет им рассказывать о побеждающей и побежденной».

То есть о том, кто выйдет «победителем» в состязании плута и его жертвы.

Стр. 85. «... пойдя сегодня к пруду Каруна».

Карун — имя сказочно богатого сподвижника фараона, о котором упоминает в нескольких местах Коран. Пруд Каруна лежал к югу от средневекового Каира; с этим прудом были издавна связаны всевозможные фантастические легенды, одна из которых использована в сказке о Джударе.

Стр. 92¹. «... маликит по исповеданию».

Маликит — последователь учения мусульманского юриста Малика-ибн-Анаса, умершего в конце VIII века.

Юридическо-богословская система Малика, считающаяся одним из четырех мусульманских правоверных толков, пользовалась большим распространением в Магрибе (северо-западная Африка) и мусульманской Испании.

Стр. 92². «... из-за книги, называемой Сказания древних».

В названии этой книги, вероятно, следует видеть отголосок Корана, где неоднократно говорится, что недоверчивые слушатели пророка Мухаммеда называли так его проповедь.

Стр. 95. «... и пойдешь ли со мной в город Фас и Микнас».

Фас (Фес) и Микнас (Мекинес) — города в Марокко, расположенные недалеко друг от друга и слитые рассказчиком в один город. Вследствие выгодного географического положения и обилия заключающихся в нем религиозных памятников средневековый Фас был любимым местопребыванием правивших в Марокко султанов.

Стр. 97. «... вынул золотое блюдо с кебабом».

Кебаб — кушанье из жареного мяса, приготовляемое как кавказский пашлык.

Стр. 120. «... они продали брата начальнику Суэцкого моря».

Суэцким морем назван здесь Суэцкий залив, отделяющий Синайский полуостров от Египта.

Стр. 127. «... и их услышал один лучник».

Лучник (по-арабски — «каввас») — название стражников, которые должны были охранять иностранных консулов при проезде их по городу. Каввасы обыкновенно набирались из числа янычар, то есть турецких пехотных войск, отряды которых завоевали в 1517 году Египет. Наличие термина «каввас» в сказке о Джударе дает основание думать, что эта сказка приняла свою письменную, дошедшую до нас форму не раньше XVI века нашей эры.

Стр. 131. «... но я утешаюсь, вспоминая о Юсуфе» и т. д.

Как уже приходилось говорить, сказание о Юсуфе (библейский Иосиф) составляет один из любимых сюжетов мусульманской повествовательной литературы. Основой позднейших легенд о Юсуфе явился рассказ, составляющий содержание XII главы Корана.

Стр. 147. «... и явился шейх аль-ислам».

Шейх аль-ислам (наставник в исламе) — почетный титул, дававшийся первоначально всякому выдающемуся «муфти», то есть верховному судье. Начиная с XVI века этот титул стал присваиваться исключительно муфти Константинополя, который являлся высшим религиозным и юридическим авторитетом в подвластных османам землях. Употребление термина «шейх аль-ислам» является одним из доказательств позднего происхождения сказки о Джударе в ее современном виде.

Стр. 148. «... а дом Джудара был в квартале иеменитов».

В средневековых мусульманских городах население группировалось по племенному признаку, причем каждому племени предоставлялся отдельный квартал. Такая обособленность являлась следствием племенной вражды, особенно резко проявившейся в отношениях между «кайситами» и «иеменитами». Именем «кайситов» первоначально обозначались представители северно-арабских племен, наиболее могущественным из которых было племя Кайс. «Иеменитами» называли южно-арабские племена и вообще все те группировки, которые были враждебны «кайситам». Первопричины вражды кайситов и «иеменитов» еще не достаточно изучены. Можно лишь утверждать, что уже в конце VII века, при первых Омейядах, эта вражда развивалась не на этнической, а на социально-политической основе, и представители одной и той же племенной группы нередко сражались под разными знаменами.

Стр. 154. «... и назвал его царь Аджибом». Аджиб означает: дивный, удивительный.

Стр. 157. «... которого назвала Гарибом». Гариб — иноземец, чужак.

Стр. 159. «... и эмир отдал обоих мальчиков Факиху».

Факих — законовед. В средневековом Египте так называли школьных учителей.

Стр. 169. «... дворца Хама, сына Шиса, сына Шеддада, сына Халида».

В дальнейшем тексте говорится, что этот дворец принадлежал Сасу, потомку Шеддада, сына Ада, которому посвящен отдельный рассказ в IV томе нашего издания (стр. 35—49). Можно думать, что упоминание о Хаме есть плод невнимательности переписчика.

Стр. 172¹. «... и жил я при самудянах» и т. д.

О нечестивом племени Самуд и посланном к ним пророке Салихе уже приходилось говорить в предыдущих примечаниях. Ибрахим — библейский Авраам, которому мусульмане, основываясь на одном стихе из IV главы Корана, присвоили прозвище «друга Аллаха». О борьбе Ибрахима с царем Нимрудом (Немвродом), закончившейся полным поражением последнего, подробно рассказывается в мусульманских легендах.

Стр. 172². «... нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим — друг Аллаха».

Изменение второго члена исповедания мусульманской веры объясняется тем, что время действия сказки об Аджибе и Гарибе должно происходить раньше рождения Мухаммеда.

Стр. 172³. «... и Гариб предался Аллаху».

Предание себя — буквальный перевод слова «ислам», которое представляет собой отглагольное имя. Человек, предавший себя Аллаху, называется «муслим». От этого слова с персидским окончанием множественного числа «он» («муслимон») произошло название последователей ислама на многих европейских языках.

Стр. 172⁴. «... и кое-чему из содержания свитков».

О свитках, ниспосланных Аллахом различным пророкам, приходилось уже говорить в примечании к стр. 203. V тома.

Стр. 172⁵. «... и дошел до истории гуля с гор».

Вопреки данным мусульманской демонологии, согласно которым гуль есть существо женского рода, в данной

сказке выступает гуль мужчина, почему и приходится склонять это слово в мужеском роде.

Стр. 189—190. «... и достигнув города Исабанира».

Вместо Исабанир, как стоит в оригинале, несомненно следует читать «Асбанабр». Так называлась южная часть зимней резиденции персидских царей — Ктезифона, города в Вавилонии, который арабы, вместе с лежащей напротив него Селевкией, объединяли названием «аль-Мадаин» — «города». Потому-то и сказано несколькими строками выше, что Гариб направился в «города» Сабура, царя персов, а самый город Исабанир в дальнейшем назван Исабанир-аль-Мадаин. Сабур (Шапур) — имя трех персидских царей из династии Сасанидов, о которой уже неоднократно приходилось упоминать в примечаниях к настоящему переводу. Сабур I (247—272 гг. н. э.) является строителем знаменитого дворца в Ктезифоне.

Стр. 191. «... и умножились толки и разговоры».

Здесь мы имеем характерный пример частого в повествовательной и в особенности эпической литературе арабов принесения смысла в жертву рифме. Согласно принципам, изложенным в предисловии к первому тому настоящего издания, арабский оригинал всегда оставляется нами в неприкосновенности, даже если отдельные фразы русского текста звучат, как в данном случае, более чем неожиданно.

Стр. 195. «... да не благословит вас Аллах!»

Как уже приходилось отмечать, наивный рассказчик не всегда помнит, что действие повести происходит в доисламскую эпоху, а иногда влагает в уста «неверного» упоминание об Аллахе как о божестве. Все эти мелочи интересны как доказательство того, что большинство рассказов, входящих в «1001 ночь», не исключая и значительных по объему, зафиксированы в писанном тексте без особо тщательной сюжетной и стилистической отделки и, вероятно, перешли на бумагу прямо из уст рассказчиков.

Стр. 194. «... которого не постигают взоры, а он постигает взоры».

Часто повторяющаяся в романе о Гарибе и Аджибе цитата из Корана: глава VI, стих 103.

Стр. 194—195. «... Мы поклоняемся Вадду, Суве и Ягусу, владыкам племени Нуха».

Вадд, Сува и Ягус — имена трех идолов, которые упоминаются в LXXI главе Корана, стих 22. По словам комментаторов, эти имена принадлежали праведным мужам, которым их родичи воздвигли памятники, ставшие с течением времени предметом поклонения.

Стр. 195-6. «... в крепость Саса, сына Шиса».

Шис — арабская форма имени Сифа, третьего сына Адама.

Стр. 201. «... царя Дешта и города аль-Ахваза».

Аль-Ахваз — главный город одноименной провинции, входившей в государство Аббасидов. Область аль-Ахваз (древняя Сузиана, теперь — Хузистан) расположена в южной части современной Персии, между Ираком и Фарсом, как называли арабы собственно Персию. Во времена первых Аббасидов эта область пользовалась мировой известностью, благодаря широко развитому там производству тростникового сахара. Дешт (степь) — название степного района, граничащего с аль-Ахвазом.

Стр. 204. «... в Ирак и разрушу город ар-Рустак».

Рустак (персидское слово) в нарицательном смысле означает: округ, область. Город с таким названием находился в области Фарс, т. е. Персии, и упоминается здесь, вероятно, по созвучию с предшествующим Ирак. Следует отметить, что один из округов Ирака в районе столицы Аббасидов, Багдада, назывался ар-Рустакейн — два Рустака.

Стр. 206. «... и он убил Хассана, начальника Бену Набхан».

В арабском тексте явная ошибка рассказчика. Как помнит читатель, «начальника племени Бену Набхан», убитого Гарибом, звали не Хассан, а аль-Хамаль-ибн-Маджид.

Стр. 209. «... а этого царя звали ад-Дамиг»

Ад-Дамиг означает: поражающий в голову.

Стр. 212. «... и потом Гариб поехал и достиг города Бабилья».

Бабиль — небольшой городок в Месопотамии, близ развалин древнего Вавилона, на пути из Багдада в Куфу.

Стр. 215. «... и воины ехали, пока не достигли Мейяфарикина».

Мейяфарикин — город в верхней Месопотамии, лежавший южнее истоков Тигра.

Стр. 216. «... зятя Кисры, царя земли».

Кисра (искаженное «Хосрой») — арабская форма имени двух персидских царей из династии Сасанидов, которая сделалась нарицательной и служила для обозначения всех персидских царей вообще.

Стр. 257. «... их взяла ярость людей неведения».

«Временем неведения» называют арабы период их истории, предшествующий появлению ислама. Люди неведения — доисламские арабы, не мусульмане.

Стр. 259. «... мы направимся к царю Яруб-ибн-Кахтану».

Яруб-ибн-Кахтан — имя сына мифического родоначальника южно-арабских племен, Кахтана. «Сыны Кахтана» — южные арабы — с древнейших времен противопоставляли себя «потомкам Аднана» — северным арабам; борьба этих племенных групп, отражающая вековечную вражду между землепашцами и кочевниками, крайне печально отразилась на всей позднейшей истории арабского народа.

Стр. 261. «... о носящий дрова».

Намек на предпоследний стих СХI суры Корана: «а жена его будет носить дрова». Эта сура была направлена против одного из злейших противников Мухаммеда, его дяди, Абд-аль-Уззы-ибн-Абд-аль-Мутталиба, прозванного Абу-Лахаб (отец пламени). Ненависть Абу-Лахаба к Мухаммеду усердно подогревала его жена, Джумейль-бинт-Харб, за что пророк угрожает ей в названной суре Корана, что ей придется «носить дрова», когда ее муж будет жариться на адском огне.

Стр. 286. «... и показать тебе город Яфиса, сына Нуха».

Яфис — библейский Иафет, сын Ноя. Из дальнейшего текста видно, что город Яфиса носит название Джабарса.

Стр. 287. «... и называется он — аль-Махик». Аль-Махик означает: губящий, уничтожающий.

Стр. 301. «... у Синего царя, владыки Пестрого дворца».

В названии «Пестрый дворец» следует, вероятно, видеть реминисценцию об одноименном замке, который, согласно легенде, принадлежал в доисламские времена еврею асс-Самаулю-ибн-Адийя и отличался своей неприступностью. Упоминания об этом замке встречаются у арабских поэтов и писателей-географов. Последние помещают развалины Пестрого замка близ местности Тайма, в северной Аравии, где, однако, не сохранилось никакого следа этой постройки. Последнее упоминание о его развалинах мы находим в географическом словаре Якута (умер в 1229 году).

Стр. 308. «... и из-за ее красоты и прелести царь назвал ее Каукаб-ас-Сабах».

Каукаб-ас-Сабах значит: утренняя звезда.

Стр. 314. «... и выступил тогда к нему богатырь из Индии, по имени Батташ-аль-Акра».

Батташ-аль-Акра означает: повергающий богатырей.

Стр. 317¹. «... как поживают моя жена Фахр-Тадж и моя жена Махдия».

Вместо Фахр-Тадж, о предполагаемой смерти которой говорится несколько ниже, должно было стоять: «Каукаб-ас-Сабах».

Стр. 317². «... и дали евнуху его подарок».

По арабскому обычаю, всякий, кто принес радостное известие, имеет право на подарок, ценность которого колеблется в зависимости от важности известия и состояния дарителя.

Стр. 320. «... и сделаю тебя шейхом в наших землях».

Шейх — буквально: старец; в данном случае означает: деревенский староста.

Стр. 328. «... и не пришел еще конец ночи, как они уже были в Кашмире».

Кашмир — название области в Индии, лежащей к северо-западу от Гималаев. Здесь рассказчик имеет в виду главный город этой области, более известный под древне-индийским названием Сринагар.

Стр. 336. «... удалитесь с нею и бросьте ее в реку Джейхун».

Джейхун, как уже приходилось указывать, — древнее название реки Аму-Дарьи в Средней Азии.

Стр. 343. «... это царь Хирад-Шах».

В арабском тексте, благодаря рассеянности переписчика, стоит «Вард-Шах».

Стр. 354. «... и направился к пустынной четверти мира».

«Пустынная четверть мира» (ар-Руб-аль-Хали) — одно из названий обширной пустыни, лежащей на юго-востоке Аравийского полуострова.

Стр. 366. «... родила, что ли, одна из невольниц?»

Такое предположение было вызвано возгласами радости, которые обыкновенно раздаются в гареме в случае рождения ребенка.

Стр. 370. «... и они сели на коней, служа ему, а затем поехали в Балх» и т. д.

Маршрут войск Мурад-Шаха представляется довольно своеобразным. Из Балха, на Аму-Дарье, в Хорасане, они отправились в Нурейн — небольшой городок близ озера Урмии, в Азербайджане, затем пошли в Самарканд, в Туркестане, после чего направились в Ахлат, близ Ванского озера, в Армении, чтобы в конце концов оказаться в «Исбанире», расположенном в Вавилонии, на реке Тигре.

Стр. 377. «...Чтобы посетить могилу пророка».

Могила Мухаммеда находится в городе Медине, где он провел последние десять лет своей жизни. «Мимбар», как уже приходилось говорить — кафедра, на которую становится имам (предстоятель на молитве), чтобы произнести проповедь. Между могилой пророка и мим-

баром в мечети пророка в Медине разбит красивый сад, устроенный в память приписываемых Мухаммеду слов: между моей могилой и мимбаром находится райский сад.

Стр. 379. «... казалось, что парча его лица выкрашена варсом».

Варс (*Mesycelon tinctorium*) — растение, сок которого служит для окрашивания в желтый цвет.

Стр. 380¹. «... пока не вернутся собирающие мимозу».

То есть никогда. Поговорка, якобы основанная на воспоминании о двух людях из племени Аназа, которые ушли собирать мимозу и не вернулись.

Стр. 380². «... пойдём в собрание Ансаров». Ансарами (буквально: помощники) называются в истории ислама потомки тех мединцев, которые оказали поддержку пророку Мухаммеду при переселении его из Мекки в Медину.

Стр. 382¹. «... битых в Хаджаре».

Хаджар — название нескольких городов и селений в южной Аравии. Наиболее значительный из них находится в области Бахрейн, на западном берегу Персидского залива.

Стр. 382². «... и пять желудков амбры».

Амбра — легко растворимое вещество с приятным запахом, плавающее на воде тропических морей. Амбра, вероятно, представляет собой болезненное выделение желчного пузыря кашалота, извергаемое последним. Обработанная амбра обычно сохраняется в высушенных бараньих желудках.

Стр. 385. «... от сакифской собаки».

Аль-Хадждадж происходил из племени сакифитов имевшего преобладающее значение в городе Таифе, близ Мекки, где и родился будущий наместник Ирака. Упоминающийся ниже Абд-аль-Мелик-ибн-Мерван — халиф из династии Омейядов (правил с 685 по 705 год).

Стр. 389. «... вместо павшего дирхема динар».

В арабском оригинале слово, переведенное нами, «павший» имеет также значение «низкий» и «недостойный». Этой игрой слов Хинд хочет сказать, что Аллах,

вместо недостойного аль-Хаджжаджа, дает ей в мужья благородного халифа.

Стр. 390. «... во дни повелителя правоверных Сулеймана-ибн-Абд-аль-Мелнка».

Сулейман-ибн-Абд-аль-Мелнк — омейядский халиф, правил с 710 по 715 год.

Стр. 391. «...я — Джабир-Асарат-аль-Кирам».

Это вымышленное имя означает: исправляющий оплошности великодушных.

Стр. 393. «... он привязал Хузейме-ибн-Бишру знамя».

То есть вручил ему военную (а не только гражданскую) власть над порученным ему наместничеством.

Стр. 396. «... который находился в те дни в ар-Рамле».

Ар-Рамла — один из значительнейших городов Палестины, построен при халифе Сулеймане-ибн-Абд-аль-Мелнке, который основал его, будучи наместником Палестины, и часто жил в нем сделавшись халифом.

Стр. 401. «... Как нуждаюсь я в милости Аллаха и в прибавке от него».

Этими словами Юнус хочет вежливо дать понять, что предложенная сумма кажется ему недостаточной.

Стр. 403. «... это аль-Валид-ибн-Сахль».

То есть будущий халиф аль-Валид-ибн-Абд-аль-Мелнк (правил от 705 по 715 год н. э.). Ибн-Сахль (сын щедрости) — одно из прозвищ аль-Валида.

Стр. 419. «... о голуби аль-Лива».

Аль-Лива — название одной долины в северной Аравии.

Стр. 421. «... я — Абу-Мурра».

Абу-Мурра («отец горечи») — дьявол.

Стр. 422. «... и увидел Джамиль-ибн-Мамара-аль-Узри».

Джамиль-ибн-Мамар — знаменитый поэт эпохи Омейядов (умер, вероятно, в 701 году). Упоминание его в качестве собеседника Харуна-ар-Рашида (правил с 786 по 809 год) является обычным в «1001 ночи» анахронизмом.

Стр. 435. «... что повелитель правоверных Муавия».

Муавия-ибн-Абу-Суфьян — основатель династии Омейядов, правил с 660 по 680 год.

Стр. 436¹. «...и если этот араб захочет войти ко мне».

Под «арабами» горожане понимают кочевников, называя самих себя: дети арабов.

Стр. 436². «... от Мервана-ибн-аль-Хакама». Мерван-ибн-аль Хакам — будущий халиф (правил в 684—685 году), был во времена Муавии правителем Медины и аль-Хиджаза.

Стр. 457. «...и ступню и копыто».

То есть и верблюда и коня, иначе говоря — все достояние кочевника.

Стр. 445¹. «...Рассказывают также, о счастливый царь».

Следующий ниже рассказ представляет собою вариант повести о Джубейре-ибн-Умейре и Будур, которую читатель найдет в IV томе настоящего издания (стр. 205—229).

Стр. 445². «...чтобы похвалить Мухаммеда ибн-Сулеймана ар-Раби касыдой».

Касыда — лирическая поэма, отличающаяся рядом формальных признаков, заключительная часть которой содержит похвалу определенному лицу, которому она посвящена.

Стр. 445³. «...и однажды я вышла на Мирбад».

Мирбад — одна из главных площадей Басры, находившаяся в западной части города.

Стр. 448. «...в день Нейруза».

Нейруз или Науруз — персидский праздник нового года, справляется в день весеннего равноденствия, 21 марта.

Стр. 455. «...одному из сыновей аль-Махди».

Аль-Махди — третий халиф из династии Аббасидов, отец Харуна-ар-Рашида. Правил с 775 по 785 год н. э.

Стр. 456. «...и была она как бы вылита в дивной форме».

То есть мокрая одежда обрисовывала форму ее тела.

Стр. 462. «Рассказывают также, что Ибрахим, сын Исхака, говорил».

В оригинале явная описка — должно стоять: Ибрахим, отец Исхака. Имеется в виду Ибрахим Мосульский, известный певец и музыкант (умер, вероятно, в 804 году), отец не менее одаренного в музыкальном отношении Исхака-ибн-Ибрахима (умер в 849 или 850 году).

Стр. 464. «...и шел по дороге к аль-Акику».

Аль-Акик — название долины близ Медины. Эта долина является единственным местом в Хиджазе (северной Аравии), которое в известное время года может быть названо рекой. После обильных зимних дождей дно этой долины превращается в бурный поток, такой же широкий и быстрый, как Ефрат. В весеннее время аль-Акик был любимым местопребыванием аристократической части населения Мекки и Медины.

Стр. 466. «...пока не случилось то, что случилось».

Имеется в виду свержение везирской династии Бармакидов в 803 году н. э., сопровождавшееся убийством везира Джафара и жестокими репрессиями по отношению к другим членам этой семьи. Подробнее об этом событии говорится в примечании к стр. 104 IV тома настоящего издания.

Стр. 457. «...что везирию Абу-Амиру-ибн-Мервану».

Абу-Амир-ибн-Мерван — везир знаменитого противника крестоносцев Салах-ад-Дина (Саладина), прозванного аль-Малик-ан-Насир — царь победоносный (правил с 1175 по 1193 год).

Стр. 468. «...так будь с ними в Каусаре».

Каусар (буквально: обилие, полнота) — по объяснению мусульманских комментаторов Корана, название одного из райских источников, упоминаемого в 108 главе этой книги, которая носит название Каусар (см. т. IV, примечание к стр. 158).

Стр. 469. «...он почувал яд в напитке».

Поговорка, указывающая на любимый способ расправы мусульманских владык со своими врачами.

Стр. 469. «...А Аллах знает лучше».

Подразумевается — истину. Выражение, употребляющееся в тех случаях, когда рассказчик не ручается за достоверность того, что он передает.

Стр. 470. «...Рассказывают также, о счастливый царь».

Дальше следует один из наиболее популярных у любителей «1001 ночи» рассказов о проделках хитрой Далилы и ее лукавой дочери Зейнаб. Этот рассказ через одного из действующих в нем лиц, Ахмеда-ад-Данафа, связан с группой «плутовских» повестей, которые занимают в «1001 ночи» особое место и сложились, несомненно, в Египте в XV—XVI веке. Об Ахмеде-ад-Данафе подробно говорилось в примечании к стр. 555 III тома настоящего перевода, по поводу сказки об Ала-ад-Дине-Абу-ш-Шамате. На органическую связь с этой сказкой повести о проделках Далилы указывает и упоминание в обоих рассказах имени эмира Халида-вали. К рассказу о Далиле непосредственно примыкает повесть об Али-Зейбаке, похождения которого дали материал для отдельной книги.

Стр. 471¹. «...по имени Ахмед-аль-Лакит».

Аль-Лакит означает: подобранный, найденный. Имя этого мальчика неоднократно встретится на дальнейших страницах сказки.

Стр. 471². «...ее отец был у халифа башенником».

То есть заведывал башней, на которой воспитывались почтовые голуби. В дальнейшем тексте, в конце рассказа о Далиле, сказано, что башенником был не отец Далилы, а ее муж.

Стр. 472³. «...надела одежду факиров из суфисов».

Суфни (от слова «суф» — шерсть) — мусульманские мистики, носили, как уже знают читатели, белую шерстяную одежду.

Стр. 473. «...начальника чаушей халифа».

Чауш — стражник, телохранитель. Шарр-ат-Тарик — имя эмира, означает: зло дороги.

Стр. 475. «...чтобы не испортить мне омовения».

Прикосновение к человеку, не находящемуся в состоянии ритуальной чистоты, делает омовение перед молитвой недействительным.

Стр. 476. «...о моем шейхе Абу-ль-Хамалате».

Абу-ль-Хамалат означает: «отец нош», то есть покровитель беременных.

Стр. 480. «...я женюсь не иначе, как увидев глазами».

То есть предварительно посмотрев на свою невесту. У средневековых мусульман жених обычно может увидеть лицо невесты не раньше, чем в день свадьбы. (См. примечание к стр. 207 II тома.)

Стр. 481. «...срезал и мужское и женское».

То есть не гнушался любви и мужчин и женщин. Смысл этой фразы кроется в том, что аронник (*Arum colocassia*) имеет на одном стебле и мужские и женские цветы.

Стр. 486. «...Аллах да обманет далекого!»

Как уже говорилось (т. IV, стр. 622), слово «далекий» часто употребляется арабами метафорически, взамен личного местоимения. В данном случае рассказчик, очевидно, опасался, что, услышав местоимение второго лица, кто-либо из его слушателей может принять высказанное им пожелание на свой счет.

Стр. 504. «...я узнаю ее по голубым глазам».

Голубые глаза считаются среди арабов доказательством наличия в человеке дурных свойств.

Стр. 516. «... халиф привез их от правителя Сулейманийцев».

То есть жителей Сулеймании, города в Курдистане.

Стр. 517. «...что же касается до Али-аз-Зейбака-каирского».

Общие соображения о группе сказок, к числу которых относится настоящий рассказ, изложены выше, в примечании к стр. 470. Али-аз-Зейбак значит: «Али-Ртуть». Салах египетский — очевидно, Салах-ад-дин (Саладин), ставший к эпохе, когда сложилась сказка об Али-Зейбаке, полупоупендарной личностью.

СОДЕРЖАНИЕ

Пятый рассказ невольницы	9
Рассказ шестого везира	17
Шестой рассказ невольницы	32
Рассказ седьмого везира	43
Рассказ о царевиче и семи везирах	63
Рассказ о невольнице и молоке	64
Рассказ о купце и слепом старце	66
Рассказ о ребенке и сторожихе	75
Сказка о Джударе	79
Рассказ об Аджиге и Гарибе	154
Рассказ об Утбе и Рейе	377
Рассказ о Хинд, дочери ан-Нумана	384
Рассказ об Икриме и Хузейме	390
Рассказ об Юнусе и незнакомце	398
Рассказ об ар-Рашиде и девушке	406
Рассказ об аль-Асмаи и трех девушках	410
Рассказ об Ибрахиме мосульском и дьяволе	417
Рассказ о Джамиле и сыне его дяди	422
Рассказ о Муавии и бедуине	435
Рассказ о Дамре и его возлюбленной	445
Рассказ об Исхаке мосульском и слепце	455
Рассказ об Ибрахиме и юноше	462
Рассказ о Далиле-хитриде и Али-Зейбаке	470

**Редактор И. Ю. Крачковский.
Худ. редакция М. П. Сокольников.
Технич. редактор Г. Л. Гилес.**

**Сдана в набор 22.VIII.53. Под-
писана к печати 20.IV.54. Вышла
в свет V.54. Тираж 15.300.
Заказ № 1011. Уполномоченный
Главлита № Б-33788. Индекс А-1.
Издат. № 102. Бумага 72×110
в 1/32. Авт. л. 17,25. + 1 вкладка.
Бум. листов 9,375. По 110 000 зн.**

**Отпечатана 2-й тип. «Печат-
ный двор», треста «Полиграф-
книга» Ленинград, Гатчинская, 26.**

**Цена Р. 17.—
Переплет Р. 3.—**